

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*Издание включено в Перечень ВАК РФ
по группам специальностей:
09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала «Вестник
Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАН, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Миронов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (акад. МАИА, чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАН, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Синаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Когай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАН, чл.-кор. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), *Дьердь Сарвар* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Джорджио Де Маркус* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткин* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15. Тел. +7(342) 2396-823.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://philosoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutschikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Academician of IAIA, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Perm Krai, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Конкретно-всеобщий подход к анализу сущностных сил человека <i>Коромыслов В.В.</i>	5	Concrete-universal approach to the analysis of human essential <i>Vitaliy V. Koromyslov</i>
Философия как методология осмысления кризисного общественного сознания: рамочная концепция <i>Гилев Я.Ю.</i>	15	Philosophy as the methodology of understanding crisis social consciousness: framework conception <i>Yan Yu. Gilev</i>
Сущность и перспективы человека в контексте проблемы социально- биологического кризиса <i>Желнин А.И.</i>	22	Essence and perspectives of human in the context of problem of socio-biological crisis <i>Anton I. Zhelnin</i>
Эволюционная эпистемология об эволюционно-биологических предпосылках познания <i>Данакари Л.Р.</i>	27	Evolutionary epistemology of evolutionary- biological preconditions knowledge <i>Liliya R. Danakari</i>
Феноменология социального образа: понятие, уровни, структура <i>Попов Д.Н.</i>	36	Phenomenology of social image: concept, levels, structure <i>Dmitriy N. Popov</i>
Роль понятий теории действия Х. Арендт в концепции «человека могущего» П. Рикёра <i>Сидорова М.А.</i>	47	The role of the H. Arendt's action theory terms in the «capable man» concept by P. Ricoeur <i>Maria A. Sidorova</i>
Направления лингвофилософской мысли Ренессанса <i>Гончарова А.А.</i>	55	Renaissance linguistic philosophical schools <i>Alina A. Goncharova</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Психология познания индивидуальности человека: тридцать лет спустя <i>Вяткин Б.А., Жданова С.Ю.</i>	62	Psychology cognition of the individual: thirty years later <i>Bronislav A. Vyatkin, Svetlana Yu. Zhdanova</i>
Протекание кризиса трех лет в связи с факторами возраста, пола, структуры семьи и социализации ребенка <i>Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е.</i>	75	Flowing of the «the three year old child's crisis» in relation to the factors of age, gender, family structure and socialization of the child <i>Yuliya Yu. Ulanova, Victoria E. Vasilenko</i>
Опыт исследования представлений вузовской молодежи о безопасности <i>Лызь Н.А., Куповых Ж.Г., Прима А.К.</i>	86	The experience of research of students' ideas about safety <i>Natalia A. Lyz, Zhanna G. Kupovykh, Amina K. Prima</i>

Поиск ощущений, потребление СМИ и отношение к сексуальному содержанию в Интернете (общий и гендерный аспект) <i>Зубакин М.В.</i>	96	Sensation seeking, mass-media usage and evaluations of Internet's sexual content (generals and genders aspect) <i>Maxim V. Zubakin</i>
Психологические факторы суеверности у молодежи <i>Андрюшкова Н.П.</i>	107	Psychological factors of superstitiousness among the youth <i>Nadezhda P. Andryushkova</i>
Совладающее поведение у лиц с ограниченными возможностями здоровья с разными типами отношения к болезни <i>Шиляев В.А.</i>	115	Coping behavior in individuals with disabilities with different types of attitude to the disease <i>Vladislav A. Shilyaev</i>
Особенности самопрезентации мужчин и женщин в сфере деловых отношений <i>Кулагина Н.В.</i>	122	Peculiarities of men's and women's self-presentation in business relationship <i>Natalia V. Kulagina</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Наблюдение в качественной социологии <i>Ненашев М.И.</i>	129	Observation in qualitative sociology <i>Mikhail I. Nenashev</i>
Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии <i>Гордеева С.С.</i>	135	Essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology <i>Svetlana S. Gordeeva</i>
Оценка населением террористической угрозы в регионах Российской Федерации <i>Кирилина Т.Ю., Фомичева Т.В., Юдина Т.Н., Долгорукова И.В., Киреев Е.Ю.</i>	141	The assessment of terrorist threats in the regions of the Russian Federation <i>Tatiana Yu. Kirilina, Tatiana V. Fomicheva, Tatyana N. Yudina, Irina V. Dolgorukova, Egor Yu. Kireev</i>
Организационные факторы профессионального выгорания социальных работников муниципальных учреждений социального обслуживания <i>Киенко Т.С.</i>	153	Organizational factors of professional burnout social workers of municipal social service institutions <i>Tatiana S. Kienko</i>
Отношение пожилых людей к сети Интернет и мобильной телефонной связи <i>Гасумова С.Е.</i>	161	The elderlies attitude to the Internet and mobile telephony <i>Svetlana E. Gasumova</i>
Православные виртуальные ресурсы в борьбе за веру (на материале города Перми) <i>Дюкин С.Г., Самойлова И.В.</i>	172	Virtual resources of Orthodox Church in the process of struggle for belief (on the Perm city materials) <i>Sergey G. Dyukin, Irina V. Samoilova</i>
Социальные установки и наркотизм в молодежной среде (на примере Тюменской области) <i>Нахимова Я.Н., Ромашикина Г.Ф.</i>	180	Social attitudes and narcotizm among young people (on the example of Tyumen region) <i>Yana N. Nakhimova, Gulnara F. Romashkina</i>
Информация для авторов	188	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-5-14

**КОНКРЕТНО-ВСЕОБЩИЙ ПОДХОД
К АНАЛИЗУ СУЩНОСТНЫХ СИЛ ЧЕЛОВЕКА*****Коромыслов Виталий Валерьевич****Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. Д.Н. Прянишникова*

В статье предлагается новый подход к анализу сущностных сил человека, который опирается на конкретно-всеобщую теорию развития и концепцию конкретно-всеобщего. Данный подход позволяет выявить конкретные структуры объективно-всеобщего в человеке и раскрыть механизмы их функционирования, выяснить их роль в формировании сущностных сил человека и представлений о них (смысловой реальности индивида).

Показано, что каждую сущностную силу человека можно представить как специфичное переплетение взаимосвязей между конкретными ключевыми фрагментами социальной действительности. В каждой жизненной ситуации человек вступает в определенное отношение с действительностью, в котором реализуются те или иные взаимосвязи, возможность которых заложена в человеческой природе изначально (что позволяет их прогнозировать и моделировать).

Проводится анализ конкретно-всеобщего в самом механизме труда. Выявлено, что оно тесно переплетено с конкретно-всеобщим содержанием мышления, цели, плана, общения, потребности, способности, родового и индивидуального. При определении конкретной формы взаимосвязи всеобщих моментов в структуре составных частей труда обнаружено, что они тесно взаимосвязаны с конкретно-всеобщим содержанием в сущностных силах более сложной организации: свободе, ответственности, смысле жизни, счастье, любви, добре и зле и т.д. Показано, что конкретно-всеобщее, лежащее в основе фундаментальных уровней сущностных сил человека, по мере развития развертывается относительно своих оснований и, обогащаясь и усложняясь, становится тем механизмом, что конструирует более сложноорганизованные нравственные, художественные, духовные сущностные силы в целом.

Данное исследование позволяет построить целостную развернутую систему сущностных сил человека во всех их взаимосвязях и пересечениях; раскрыть механизм формирования и развития сущностных сил и соответствующих понятий о них; способствует созданию метода, который позволял бы моделировать уникальные жизненные ситуации индивида.

Ключевые слова: сущностные силы человека, сущность человека, конкретно-всеобщее, взаимосвязи в обществе, человек, общество, уникальное в обществе.

**CONCRETE-UNIVERSAL APPROACH
TO THE ANALYSIS OF HUMAN ESSENTIAL FORCES*****Vitaliy V. Koromyslov****Perm State Agricultural Academy named after D.N. Pryanishnikov*

The paper proposes a new approach to the analysis of the human essential forces, which rests on a concrete-universal theory of development and the concept of the concrete-universal. This approach should allow ascertainment of the specific structure of the objective-universal in society and uncover the mechanisms of their functioning, to clarify their role in the formation of the human essential forces and the understanding of them (semantic reality of the individual). Thus, this approach should allow to get as close as possible to the study of the unique content of the human being, on the basis of objective mechanisms, forming certain life situations and semantic reality of the individual.

The author shows that every human essential forces can be represented as a specific interlacement of interconnections between certain key pieces of social reality. In every life situation a person is in a certain attitude to the reality, which implements particular interconnections. The possibility of these interconnections contains in human nature originally. This allows you to predict and simulate real-life situations.

The author studies the concrete-universal in the labour process. The analysis revealed that it is closely intertwined with the concrete-universal in thought, purpose, plan, communication, needs and abilities, generic and individual. In identifying the particular form of interconnection universal elements in structure of the components of the labour process, we found that they are closely linked to the concrete-universal content of the human essential forces more complex organization: freedom, responsibility, meaning of life, happiness, love, good and evil, etc. The author shows that the concrete-universal, the underlying of fundamental level of the human essential forces, during evolution unfolds with respect to its base and enriched and complicated. So this concrete-universal mechanism constructs more complex ethical, artistic, spiritual essential forces in general.

This study allows us to construct a coherent deployed system of human essential forces in all their interconnection and intersections; to reveal the mechanism of formation and development of the essential forces and related concepts about them; to create a method that would allow us to simulate the unique situations of life of the individual.

Keywords: human essential forces, human essence, concrete-universal, interconnections in society, human, society, unique in society.

В силу таких тенденций в современной мировой культуре, как пренебрежение истиной, объективностью, размывание сложившихся смысловых значений, перевертывание ценностных ориентиров, пренебрежение правилами и нормами поведения, в культуре общества расшатывается тот ее стержень, фундамент, в котором аккумулировались наиболее ценные пласты многовекового опыта и знаний человечества. В результате происходит отрыв мировоззрения личности от понимания действительности, существующих в ней взаимосвязей, что в конечном счете приводит к забвению гуманистических идеалов. Многие негативные, кризисные явления в современном обществе — прямое следствие этих тенденций в мировой культуре. Отсюда важной задачей, как представляется, становится беспристрастное исследование всеобщих основ человеческого бытия и объективных механизмов, конструирующих духовную реальность человека, уникальные жизненные смыслы. В этой связи большой интерес представляет структура наиболее фундаментального уровня сущности человека, тот ее стержень, который служит объективной основой для формирования всего особенного содержания в обществе и уникального содержания личности. На наш взгляд, таким фундаментальным механизмом развития человеческой сущности выступает ее конкретно-всеобщее содержание, понимаемое как всеобщее, включающее в себя будущее многообразие особенного и единичного в тенденции, зачатке.

Проблема человека в контексте концепции конкретно-всеобщего разрабатывается в рамках конкретно-всеобщей теории развития [1–4, 7, 18, 20 и др.], ведущим теоретиком которой является В.В. Орлов. Согласно его концепции, объективно-всеобщее содержание мира концентрируется в процессе развития, в результате чего наиболее богатое всеобщее содержание аккумулируется в человеке. Таким образом, человек «собран», «сконструиро-

ван» из всеобщих моментов...», объективных «категорий», они образуют каркас человеческой сущности. При этом «всеобщие сущностные моменты мира выступают как сущностные моменты самого человека» [19]. Поэтому «объективная система всеобщего должна быть своеобразно выражена, переформирована в системе сущностных сил человека — труде, сознании, коллективности и индивидуальности и т.д. Каждое из сущностных свойств человека представляет собой *уникальный синтез всеобщих “категорий”*, выраженных *в особенном и индивидуальном содержании человека как конкретного живого существа*» [18, с. 104].

Разработанная В.В. Орловым концепция требует дальнейшего углубления в направлении исследования конкретных структур всеобщего в человеческой сущности и механизмов их функционирования, взаимодействия с меняющейся действительностью. Это позволит сделать важный шаг в направлении конкретно-всеобщего подхода, даст возможность исследовать структуры социально-всеобщего в их тесной взаимосвязи с конкретным содержанием общественной и индивидуальной жизни людей.

В наших прошлых исследованиях мы показали, как в сущности человека представлены такие стороны и моменты всеобщего, как материя, пространство, время, движение, развитие, необходимость и случайность, возможность и действительность [8, 9, 13, 14, 16]. Однако это был подход к исследованию всеобщего в человеке с позиций абстрактно-всеобщего, он помогает понять специфику объективно-всеобщего содержания в человеке, но не является исчерпывающим в отношении понимания того, как данные абстрактно-всеобщие моменты *переплетены между собой в реальной общественной и индивидуальной жизни*, т.е. какой узор они образуют в конкретных жизненных ситуациях, *какую роль их взаимосвязь между собой играет в этих ситуациях*.

Как представляется, такая конкретная структура объективно-всеобщего в человеке не является рядовой, равнозначной другим структурам человеческой сущности, не существует наряду с ними, а является неким фундаментом, каркасом, на котором выстраивается и при помощи которого формируется все особенное и уникальное ее содержание. Как отмечает В.В. Орлов, всеобщее в человеке вовсе не лежит мертвым грузом и не является пустой абстракцией, оторванной от реальной жизнедеятельности человеческих индивидов. В человеке всеобщее приобретает *деятельностный* характер, «выступает в особой, универсальной, деятельностной форме, в форме творческих процессов труда и мышления, посредством которых человек существует и творится новая реальность в ходе бесконечного социального прогресса. Главной особенностью человеческой деятельностной формы всеобщего является то, что концентрированное в человеке всеобщее, в тесном единстве с особенным и единичным (индивидуальным) в человеке, творит принципиально более сложную реальность, чем всеобщее в его природной форме» [18, с. 103].

Являясь, таким образом, основополагающей и деятельной, такая структура всеобщего в человеке должна заключать в себе некий механизм, порождающий конкретное содержание социальной действительности. Вместе с тем этот механизм не должен пониматься как образованный исключительно всеобщим содержанием. Всеобщее в человеке тесно переплетено с особенным и единичным, наполнено уникальным содержанием, точнее выражено в нем. В этом и заключена основная трудность исследования структуры всеобщего как таковой в человеке. Тем не менее, на уровне абстрактного мышления мы способны выделять данную структуру как нечто самостоятельное. Это становится возможным, если использовать концепцию конкретно-всеобщего [2, 5, 6, 11, 17, 20 и др.]. Всеобщее, только будучи наполненным конкретным особенным и единичным содержанием, будучи конкретно-всеобщим, способно к порождению нового, уникального. Это новое содержание существует в конкретно-всеобщем в качестве «зачатка, тенденции» [18, с. 70]. Концепция конкретно-всеобщего не только позволяет рассматривать объективно-всеобщее в его тесном единстве с конкретным многообразием самой жизни, но и помогает разработать метод моделирования конкретных условий жизни с учетом их восприятия индивидуальным сознанием.

Для того чтобы перейти от абстрактно-всеобщего подхода исследования к конкретно-всеобщему, необходимо максимально, насколько это возможно, приблизиться к исследованию уникального содержания в обществе (к жизни индивида). Но поскольку охват всего уникального в обществе невозможен, то мы можем к нему подойти

лишь с позиций всеобщего, исследуя механизмы формирования индивидуальных жизненных ситуаций, смыслов и переживаний. Так, мы должны найти тот механизм, благодаря которому всеобщее в человеке развивается, разворачивается относительно своих оснований, выражаясь в конкретных проявлениях жизни. На наш взгляд, такой механизм заключается в конкретном узоре взаимодействия абстрактно-всеобщих моментов в социальной действительности, т.е. в наполнении этих всеобщих моментов уникальным содержанием самой жизни. *Взаимосвязи, закономерности и законы жизни, определяющие ее течение, должны совпадать в своей структуре с конкретным переплетением абстрактно-всеобщих моментов* [11]. То, каким конкретным образом в каждом конкретном случае общественной и индивидуальной жизни проявляется диалектика причины и следствия, необходимого и случайного, возможного и действительного, формы и содержания, системы, структуры и элементов и т.д., как в ней наполняются конкретным содержанием такие всеобщие стороны мира, как материя, движение, развитие, пространство, время и т.д. — все это и определяет ход конкретных событий, формирует конкретные взаимосвязи и законы. Поверхностные слои этого конкретно-всеобщего содержания, состоящие из кратковременных взаимосвязей, определяют ближайшую перспективу событий, а глубинные слои, выраженные в наиболее устойчивых, долговременных, как правило, опосредованных взаимосвязях, задают глобальные тенденции, закономерности и законы развития [10, с. 102–105].

Как уже отмечалось, конкретно-всеобщее в человеке организовано в виде «цельных, узловых моментов» социальной действительности — сущностных сил [18, с. 102–104]. Таким образом, каждая сущностная сила может быть представлена как переплетение абстрактно-всеобщих моментов в их конкретной взаимосвязи [10, с. 102, 105–106]. Поэтому *структура сущностных сил человека обусловлена тем, как структурировано конкретно-всеобщее* в социальной реальности. Понятно, что такие фундаментальные сущностные силы, как труд, мысль, общение, способности, потребности, коллективность и индивидуальность, лежат в основе более сложных — нравственных, духовных и художественных — сущностных сил, точно так же, как наиболее общие взаимосвязи, механизмы и принципы социальной действительности лежат в основе более сложных взаимосвязей и механизмов функционирования общества.

Итак, каковы эти механизмы конкретно-всеобщего, что лежат в основе сущностных сил? Как именно абстрактно-всеобщие моменты в них переплетены? Какую роль их взаимосвязь играет в конкретных жизненных ситуациях? Что нового да-

ет исследование этих механизмов для изучения социальной реальности?

В своей жизнедеятельности человек взаимодействует с окружающей средой и другими людьми (сущностная сила «общение»), осознает эти формы взаимодействия («мышление») и стремится их усовершенствовать («труд»). Таким образом, ключевую роль в структуре объективно-всеобщего в этих сущностных силах играют соответственно *взаимодействие, отражение и активность*. Совершенно очевидно, что эти всеобщие моменты не являются самодостаточными, а в реальной действительности они глубоко связаны с материей, пространством, временем, развитием и пронизаны различного рода взаимосвязями. Труд — это не просто активность, а целесообразная, преобразующая деятельность, направленная на удовлетворение конкретных потребностей. А это значит, что в труде задействуется связь, зависимость конкретных мыслей и конкретных действий, действий и их результатов. Труд начинается с осознания *необходимого* в отношении своей родовой или индивидуальной сущности, продолжается формированием целей и планов по их достижению и заканчивается достижением определенных результатов на этом пути. Труд нацелен на создание таких материальных и духовных условий жизни, при которых индивид или общество способны будут максимально свободно реализовывать свой потенциал и удовлетворять свои потребности. Но на этом пути, преобразуя окружающую среду, человек изменяет и самого себя, свои способности и потребности, присоединяет к собственным силам силы природы и общества. Ради улучшения условий жизни человек реализует в своей трудовой деятельности «дремлющие» *возможности* природы, тем самым превращая их в собственные возможности. Опредмечивая таким образом окружающую природную *действительность*, человек превращает ее в часть социальной реальности, в свое «неорганическое тело». Поэтому, совершенствуя природные условия существования, человек развивает себя не только непосредственно, но и опосредованно, через дальнейший процесс взаимодействия с изменившейся реальностью. При этом конкретный характер *взаимосвязей*, реализующихся в результате этого *взаимодействия*, определяет специфику развития человеческой сущности, ее сущностных сил. Таким образом, в структуре конкретно-всеобщего каждой сущностной силы этот момент будет присутствовать как стержневой, лежащий в основе ее механизма развития, ведь труд — это способ углубления в свою социальную сущность, способ раскрытия ее потенциала. В целом, влияние характера труда, средств производства на особенности исторического процесса достаточно хорошо исследованы в литературе, в нашем случае больший интерес представляет конкретная форма взаимосвязи всеобщих моментов, ле-

жащая в основе различных сущностных сил. По нашему мнению, именно такое исследование наиболее перспективно в отношении прорыва к научному изучению уникального содержания в обществе, в том числе экзистенциальных мотивов жизни личности. Эффективность такого подхода подтверждается исследованиями конкретно-всеобщих механизмов, лежащих в основе смысла жизни [12] и ответственности [15].

Как видим, конкретно-всеобщее в самом механизме процесса труда тесно переплетено с конкретно-всеобщим содержанием сущностных сил — мышления, общения, потребности, способности, родового и индивидуального, а также цели и плана. Обозначим ключевую взаимосвязь всеобщих моментов в структуре конкретно-всеобщего данных составных частей труда.

Мышление — процесс осознания, осмысления окружающего мира, своего «я» и соотнесения содержания своей личности с внешней средой, в результате которого формируются цели, установки, ценности, идеалы, убеждения, настроения и т.д. На языке конкретно-всеобщего данный процесс заключается, с одной стороны, в реализации конкретных *взаимосвязей* на уровне *материальной* организации (*форма*) человеческого тела, результатом которых является конкретная мысль. С другой стороны, в *отражении содержания* внешнего и своего внутреннего мира, *содержания* себя как материального существа и в *отражении взаимосвязей* между этими содержаниями. При этом сознание человека улавливает не только уже реализовавшиеся связи, но и *возможные*, благодаря чему способно предвосхищать ход событий и планировать их достижение.

Подходя творчески к этим взаимосвязям действительности, к возможностям, в них заложенным, сознание соотносит их с возможной пользой в отношении к различным потребностям человека (эстетическим, нравственным, экономическим, политическим и т.д.) и стремится найти путь к реализации этой пользы. Таким образом, сознание, улавливая те или иные возможные комбинации взаимосвязей, способные направить события в то или иное русло, и сопоставляя это возможное их состояние с потребным, стремится выстроить схему той их комбинации, которая приведет к реализации потребного. Например, для того чтобы создать быстрое и удобное средство передвижения, человек имеет в своем мышлении модель целостного, отлаженного механизма, каждая деталь которого реализует именно те взаимосвязи, которые необходимы для того, чтобы эта модель стала работающей и как можно более эффективной. Другими словами, для того, чтобы создать гармоничную и величественную мелодию, композитор держит в своем сознании такие сочетания нот, звучаний и ритмов, кото-

рые в своей взаимосвязи вызывают смысловые ассоциации, необходимые для создания соответствующих ощущений слушателей.

Цель — это то, что необходимо достичь. То есть она конструируется *отражением необходимости активности* по направлению к определенному результату (конкретному состоянию объекта, явления или субъекта). В свою очередь, состояние на языке конкретно-всеобщего — это определенная *форма* или определенное *содержание объекта, явления или субъекта*.

Цель во многом определяет способ и характер деятельности. **План** — это предполагаемый способ достижения цели, представление о специфике (*форме*) активности по направлению к определенному результату. Формирование целей и планов обусловлено диалектикой способностей и потребностей. Потребности побуждают к целям, а наличные способности диктуют планы их достижения.

Способности — наиболее реальные *возможности* человека, заложенные в его конкретной материальной и духовной организации (в *действительности*). Способность к материальному и духовному творчеству заложена в самой природе человека, но, обусловленная генетическими предрасположенностями, степенью раскрытия своих задатков, развития навыков и потребностей к определенному виду деятельности, определенным телосложением и особенностями склада ума, такая способность конкретизируется в индивиде в наиболее реальных для него возможностях. Другие возможности человеческой природы в конкретном индивиде могут быть перекрыты различного рода травмами, болезнями и несовершенствами. Препятствием для раскрытия талантов индивида также могут выступать исторические условия. Однако творческая природа человека дает возможность усовершенствовать действительность в той мере, какая необходима для устранения любых препятствий на пути самореализации, раскрытия бесконечного потенциала универсальной человеческой сущности, а значит, и открывает возможности бесконечного прогресса.

Потребности — наиболее *необходимые возможности* в отношении к своей родовой и индивидуальной сущности. Потребности актуализируются из-за *противоречия* между *действительным* и *необходимым* (необходимыми возможностями) [20, с. 228], что побуждает к изменению действительности, обогащению ее новыми возможностями, а себя новыми способностями, но вместе с тем и новыми потребностями. Так, диалектика возможного и действительного при активной роли диалектики необходимого и случайного является ключевой в понимании процесса созидания самого себя, присоединения к собственным силам сил природы и общества.

Однако в труде создается и *случайное* в отношении к своей индивидуальной и родовой сущности

содержание. На пути к созданию необходимого человек может составлять неудачный план или выбрать неудачные, может, даже вредные средства его достижения, а может и вовсе неадекватно осознать свои глубинные потребности и поставить неверные, порой вредоносные по своим последствиям цели. Такое содержание не абсолютно случайно, а является таковым лишь в отношении к более необходимому, глубинным пластам человеческой сущности, но может выступать в качестве необходимого в отношении тех или иных качеств, граней индивидуальной сущности [14]. Поэтому потребности ранжируются по степени значимости для человека, но даже самые малозначимые возможности для общества могут выступать важными потребностями для индивида.

По мере жизни потребности индивидов могут пересекаться, вступать в *противоречие* друг с другом. В разрешении этих противоречий большую роль играет осознание степени их важности для индивидов и общества в целом. Здесь мы затрагиваем узловые моменты конкретно-всеобщего в структуре сущностных сил свободы, ответственности и долга. Если человек свободен, имеет выбор (*по реализации возможностей*), то в своем выборе он ответственен за *последствия* совершаемых действий (или отсутствия таковых). В случае если в этом выборе большое различие в объективной значимости, важности выбираемого, то у человека возникает долг выбрать более *необходимое* перед более *случайным* по отношению к нему [15]. При этом степень необходимости во многом определяется *последствиями* выбранных решений и путей. Наиболее важными, очевидно, являются те последствия, что сказываются на наибольших массах людей в наиболее продолжительное время наиболее значимым образом. Просчет наиболее вероятных последствий при том или ином выборе будет более точен в том случае, если сознание охватывает наиболее широкие и глубокие пласты конкретно-всеобщего, проникает в глубинную *сущность* происходящих событий, т.е. охватывает их взаимосвязь как с поверхностными пластами всеобщего, так и с наиболее фундаментальными *законами* развития общества.

В случае же примерно равной значимости пересекающихся потребностей и интересов большую роль играет уважение к другому, способность идти на компромиссы и их находить, а также взаимопонимание. Здесь мы затрагиваем узловые моменты конкретно-всеобщего в структуре сущностных сил — эгоизма, альтруизма, любви, добра и зла, а также смысла жизни [12]. Индивид, опирающийся лишь на *необходимое* в отношении собственной индивидуальной сущности и пренебрегающий *необходимым* других, обостряет *противоречия различий* индивидуальных граней и качеств человеческой

сущности, игнорируя в ней родовое, *общность* взаимодействующих интересов каждого, и тем самым идет на конфликт (эгоизм, зло). *Осознание* этой *взаимозависимости* (друг от друга) при *общности* человеческой природы, глубокое понимание родства всех индивидов лежит в основе сущностных сил любви, альтруизма, добра и смысла жизни. А глубокое понимание всеми диалектики необходимого для себя и для других открывает путь к созданию условий для счастливого общества. Так, конкретно-всеобщее — это *единая ткань бытия, пронизывающая все события природной и социальной жизни, связывающая все социальные явления, все сущностные силы человека воедино и, по мере ее осознания, конструирующая все смыслы социального* (поскольку они являются результатом осознания реальных взаимосвязей действительности и последствий, из них вытекающих) [10, с. 70–106].

Итак, сложные формы труда, жизнедеятельности затрагивают группы, массы людей, что приводит к их взаимодействию, *общению* между собой (обмен информацией, предметами, состояниями, деятельностью [20, с. 228]). Такое взаимодействие является более богатым по содержанию, чем, например, взаимодействие физического, химического или даже биологического мира. Рост многообразия форм общения обусловлен способностью человеческого мышления творчески использовать *возможности*, заложенные в природных формах *взаимодействий*. Духовная форма общения заключается в передаче смыслов при помощи знаков, символов (*формы*, имеющей *общее* значение для людей). На языке конкретно-всеобщего смысл — это *содержание* внутреннего мира человека, как правило, являющееся *отражением* того или иного *объекта* или явления или их *взаимосвязей* в объективном мире. Смысл выражает некое *объективное содержание* в *субъективной форме*.

Продуктивность общения тем выше, чем больше переданные смыслы, настроения, предметы, деятельности способствуют развитию индивида и общества, чем благоприятней условия для раскрытия *необходимых возможностей* человека они создают.

Как мы уже показали, характер взаимодействия между людьми во многом определяется пониманием ими диалектики *индивидуального* и *родового*. Трудовая деятельность человека тем меньше встречает искусственных барьеров и тем более комфортна и желанна индивидом, чем глубже осмыслена обществом диалектика родового и индивидуального и чем тоньше эта диалектика учтена в общественном устройстве. Здесь мы выходим на фрагмент конкретно-всеобщего, лежащий в основе проблем отчуждения, собственности и свободы.

При взаимодействии индивидуальностей большую роль играет осознание границ своего/чужого (*внутреннего/внешнего*), а также диалектики инди-

видуального и родового (*единичного* и *общего*), что выражается в понятии *собственности*. В трудовой деятельности человек осуществляет *активность* по реализации *необходимых* в отношении своей индивидуальной или родовой сущности *возможностей*. Та необходимость, которая его сподвигла на труд, поставила перед ним цели, а также затраченные ради этой необходимости усилия, время и формируют у него отношение к продуктам своего труда как к своей собственности, отношение их присвоения. В то же время если эта необходимость выходит за рамки результатов труда, выражается в иного рода потребностях, то конечной целью становится эквивалентный обмен этих продуктов труда на необходимое для себя с последующим изменением отношений собственности. Необходимость труда также может быть продиктована не собственными потребностями, а потребностями других, например, в случае с благотворительной деятельностью или искренней помощью близким людям. В этом случае полноценного отношения присвоения результатов труда не формируется. В случае же сложного разделения труда и собственности на средства производства другого возникает представление о справедливой доле вознаграждения за вклад в общий процесс труда. Таким образом, особенности формирования психологического отношения к продуктам труда как к своей собственности зависят во многом от характера и степени необходимости, направляющей труд.

Такая необходимость также может отличаться по соотношению важности *внешних* и *внутренних* факторов, побуждающих к труду, т.е. по степени его вынужденности. Как это было показано К. Марксом, условия труда, жизнедеятельности, не соответствующие необходимости, заложенной в человеческой сущности, приводят к отчуждению от процесса труда, других людей и даже самого себя. В результате индивид чрезмерно сужает границы своего, абстрагируясь от родового, и замыкаясь на своих самых примитивных потребностях. Таким образом, важной целью является создание таких условий жизнедеятельности, при которых бы совокупность внутренних побуждений людей к самореализации совпадала бы со всеми задачами по разностороннему развитию человечества. Отношения собственности в создании таких условий играют важную роль. Характер собственности, тонко учитывающий диалектику родового и индивидуального, т.е. максимально расширяющий чувство одновременно и своего, и родового, дает человеку более глубокое понимание его ответственности перед другими, снимает ощущение чуждости окружающего его мира, вынужденности принятия тех или иных правил и норм общежития, делает человека заинтересованным в результатах своего труда, определяет полноценный интерес к жизни в целом.

В каждой конкретной ситуации трудовая деятельность ограничена обстоятельствами, например, потребный для индивида предмет может быть частной собственностью других. Здесь конкретно-всеобщее содержание труда, развертываясь относительно своих оснований, закономерно обогащается конкретно-всеобщим содержанием сущностной силы *свободы*.

На каком-то этапе развития человек осознает, что некоторые *возможности*, заложенные в его природе, ограничены определенными препятствиями на пути их осуществления (*действительностью*), как следствие, у него возникает естественный протест, требование свободы. Такое осознание происходит закономерно в силу того, что связь между конкретными возможностями человека и условиями их осуществления заложена в человеческой сущности изначально (возможности реализуются лишь при определенных условиях). Реализация этой связи происходит с появлением человека, но с ее осознанием (*отражение*) человек начинает стремиться к освобождению от обусловленности природных явлений, расширению горизонта своих возможностей и тем самым вооружается сущностной силой свободы, превращает свое потенциальное сущностное свойство в актуальную сущностную силу (до осознания этой связи свобода была дана человеку лишь как сущностное свойство, которое он еще не использовал в качестве сущностной силы, не осознавал ее существования как феномена, не стремился расширить ее рамки).

Далее происходит эволюция понимания свободы от способности к беспрепятственному удовлетворению своих потребностей, желаний до осознания ее как познанной необходимости. Человек осознает *причинно-следственную* взаимосвязь событий, что вместе с осознанием необходимых условий для реализации своих возможностей ведет к усовершенствованию методов и средств достижения целей. Это, в свою очередь, ведет к усложнению человеческого бытия в отношении как форм свободного самовыражения, так и форм несвободы (экономической, политической, духовной и т.д.) [21]. Таким образом, в социальной действительности реализуются новые взаимосвязи, а вместе с тем обогащается связями, возможностями и сущностная сила свободы, т.е. конкретно-всеобщий механизм, который лежит в ее основе. Это усложнение социальной реальности в свою очередь ведет к пониманию ограниченности прошлых способов достижения свободного развития личности и общества, а значит, и к углублению понятия свободы, поиску новых средств ее достижения и так до бесконечности (образуется диалектический цикл развития). В этом цикле развития сущностной силы свободы происходит в том числе и осознание ее взаимосвязей с другими сущностными силами: сначала с собственностью, ответственностью, сча-

стьем, смыслом жизни, добром, злом, альтруизмом, эгоизмом, позднее с прекрасным, возвышенным и даже комическим и т.д.

Как мы видим, развитие трудовой деятельности, применение все большего разнообразия качеств и граней человеческой сущности в отношении ко все более многообразным предметным формам, раскрытие ее все большего потенциала, приводит к обогащению социальной реальности, появлению новых нравственных, художественных, духовных сил человека в целом. Но все они являются результатом труда, мысли и общения, затрагивают узловые фрагменты конкретно-всеобщего, лежащего в основе способностей и потребностей, родового и индивидуального.

Таким образом, конкретно-всеобщее, лежащее в основе фундаментальных уровней сущностных сил человека, по мере развития развертывается относительно своих оснований и, обогащаясь и усложняясь, становится тем механизмом, который конструирует сущностные силы более сложной организации: свободу, ответственность, смысл жизни, счастье, любовь, справедливость, добро и зло, возвышенное и низменное, прекрасное и безобразное и т.д. [12, 15].

Итак, в человеческой жизни конкретно-всеобщее проявляет себя в особых организованных целостных моментах, которые мы называем сущностными силами человека. Каждое такое человеческое сущностное свойство можно представить как специфичное переплетение взаимосвязей между конкретными ключевыми фрагментами социальной действительности. В каждой жизненной ситуации человек вступает в определенное отношение с действительностью, в котором реализуются те или иные взаимосвязи, возможность которых заложена в человеческой природе изначально (что позволяет их прогнозировать и моделировать). Определенная совокупность реализующихся взаимосвязей (в наиболее типичных для человека жизненных ситуациях) и выступает как то или иное сущностное свойство человека. Однако эти типичные ситуации всегда выражаются уникальным образом, поскольку возникают в контексте уникального жизненного пути личности и своеобразия исторических обстоятельств. Так, в каждом конкретном случае человек имеет дело с реализацией взаимосвязей между специфичными моментами действительности, каждый раз происходит различное наполнение всеобщего конкретным содержанием. История — это закономерный процесс взаимодействия глубинных, наиболее устойчивых пластов объективно-всеобщего с теми сложившимися в тот или иной момент тенденциями в развитии общества, в которых реализуются сиюминутные взаимосвязи [10, с. 102–106].

Таким образом, конкретно-всеобщее в человеческой сущности образует определенный фундамент, каркас, исследование структуры которого от-

крывает перед нами возможности более глубокого изучения основ человеческого бытия. В частности, такое исследование позволяет построить целостную развернутую систему сущностных свойств человека во всех их взаимосвязях и пересечениях; раскрыть механизм формирования и развития сущностных свойств и соответствующих им понятий; способствует созданию метода, при помощи которого социальная действительность объяснялась бы изнутри, исходя из самих механизмов, ее порождающих, который, учитывая уникальный процесс смыслообразования, был бы способен показать всю закономерность становления тех или иных систем ценностей, норм и приоритетов общества на любом этапе его развития, закономерность процесса осмысления человеческого бытия, усложнения социальной реальности, появления уникальных тенденций в обществе, формирования и развития духовной реальности в целом.

Список литературы

1. *Барг О.А.* Живое в едином мировом процессе / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1993. 227 с.
2. *Барг О.А.* Философские проблемы химии: конкретно-всеобщий подход / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. 165 с.
3. *Васильева Т.С.* Химическая форма материи и закономерный мировой процесс. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1984. 136 с.
4. *Васильева Т.С.* Перспективы человечества: тупики и магистраль развития // Новые идеи в философии. 1998. Вып. 7. С. 185–192.
5. *Вейнгольд Ю.Ю.* Всеобщее как целостность // Проблема всеобщего в марксистской философии / Челябин. гос. пед. ин-т. Челябинск, 1982. С. 58–62.
6. *Ильенков Э.В.* Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
7. *Коблов А.Н.* Диалектико-материалистическая концепция развития и современная физика. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1987. 203 с.
8. *Коромыслов В.В.* Сущность человека и проблема всеобщего // Новые идеи в философии. 2004. Вып. 13, т. 1. С. 214–218.
9. *Коромыслов В.В.* Всеобщее как категориальный каркас сущности человека // Новые идеи в философии. 2006. Вып. 15, т. 1. С. 195–205.
10. *Коромыслов В.В.* Сущность человека и проблема всеобщего: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2007. 197 с.
11. *Коромыслов В.В.* О подлинно-всеобщем // Инновационный потенциал аграрной науки — основа развития АПК: сб. по матер. Всерос. науч.-практ. конф., посв. 90-летию сельскохозяйственного образования на Урале (Пермь, 21 ноября 2008 г.). Пермь: Прокрост, 2008. Ч. 2. С. 183–186.
12. *Коромыслов В.В.* Категориальная структура смысла жизни // Инновационному развитию АПК — научное обеспечение: сб. науч. статей Междунар. науч.-практ. конф., посв. 80-летию ПГСХА им. Д.Н. Прянишникова. (Пермь, 18 ноября 2010). Пермь: Прокрост, 2010. Ч. 5. С. 58–62.
13. *Коромыслов В.В.* Проблема существования социального пространства в контексте концепции сущности человека как результата единого закономерного мирового процесса // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. № 4. С. 38–42.
14. *Коромыслов В.В.* Социальная необходимость и случайность // Инновационные научные решения — основа модернизации аграрной экономики: материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (Пермь, апрель 2011). Пермь: Прокрост, 2011. Ч. 2. С. 62–66.
15. *Коромыслов В.В.* Категориальная структура ответственности // Инновации аграрной науки предприятиям АПК: материалы науч.-практ. конф. (Пермь, 24–25 апреля 2012). Пермь: Прокрост, 2012. Ч. 2. С. 30–33.
16. *Коромыслов В.В.* Проблема существования социального времени в контексте концепции сущности человека как результата единого закономерного мирового процесса // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 174–177.
17. *Кочиев М.Е.* О сущности всеобщего // Проблема всеобщего в марксистской философии / Челяб. гос. пед. ин-т. Челябинск, 1982. С. 47–49.
18. *Орлов В.В.* История человеческого интеллекта / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1999. Ч. 3: Современный интеллект. 184 с.
19. *Орлов В.В.* Научная философия в начале XXI века // Новые идеи в философии. 2000. Вып. 9. С. 3–12.
20. *Орлов В.В.* Проблема системы категорий философии / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2012. 262 с.
21. *Чернова Т.Г.* О соотношении свободы и необходимости // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. Вып. 2(18). С. 20–24.

Получено 29.01.2016

References

1. Barg O.A. *Zhivoe v edinom mirovom protsesse*. [Living in a single global process]. Perm, Perm State University Publ., 1993, 227 p. (In Russian).
2. Barg O.A. *Filosofskie problemy khimii: konkretno-vseobshchiy podkhod*. [Philosophical problems of chemistry: concrete — universal approach]. Perm, Perm State University Publ., 2006, 165 p. (In Russian).
3. Vasil'eva T.S. *Khimicheskaya forma materii i zakonoternyyu mirovoy protsess*. [The chemical form of matter and single consistent global process]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State University Publ., 1984, 136 p. (In Russian).

4. Vasil'eva T.S. [Prospects for humanity: deadlocks and highway development]. *Novye idei v filosofii*. [New ideas in philosophy], 1998, iss. 7, pp. 185–192. (In Russian).
5. Veyngold Yu. Yu. [Universal as integrity]. *Problema vseobschego v marxistskoj filosofii*. [Problem of universal in Marxist philosophy]. Chelyabinsk, ChGPI Publ., 1982, pp. 58–62. (In Russian).
6. Il'enkov E.V. *Dialekticheskaya logika: ocherki istorii i teorii*. [Dialectical logic: essays on the history and theory]. Moscow, Politizdat Publ. 2nd edn., 1984, 320 p. (In Russian).
7. Koblov A.N. *Dialektiko-materialisticheskaya kontseptsiya razvitiya i sovremennaya fizika*. [The dialectical-materialist concept of development and modern physics]. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 1987, 203 p. (In Russian).
8. Koromyslov V.V. [Human Essence and the Problem of Universal]. *Novye idei v filosofii*. [New Ideas in Philosophy], 2004, iss. 13, vol. 1, pp. 214–218. (In Russian).
9. Koromyslov V.V. [Universal as the categorical frame of the human essence]. *Novye idei v filosofii*. [New Ideas in Philosophy], 2006, iss. 15, vol. 1, pp. 195–205. (In Russian).
10. Koromyslov V.V. *Suschnost cheloveka i problema vseobschego: dis. ... kand. fil. nauk*. [Human essence and the problem of universal: Dissertation in Philosophy]. Perm, 2007, 197 p. (In Russian).
11. Koromyslov V.V. [About Genuinely Universal]. *Innovatsionnyy potentsial agrarnoy nauki — osnova razvitiya APK: sb. po mater. Vseros. nauch.-prakt. konf., posv. 90-letiyu selskokhozyajstvennogo obrazovaniya na Urale (Perm, 21 noyabrya 2008 g.)*. [Innovation Potential of Agricultural Science — the Foundation of Development of the AIC: Collected Articles of All-Russian Scientific Conf., Dedicated to the 90th Anniversary of Agricultural Education in the Urals (Perm, Nov. 21, 2008)]. Perm, Prokrost Publ., 2008, vol. 2. pp. 183–186. (In Russian).
12. Koromyslov V.V. [Categorical Structure of the Meaning of Life]. *Innovatsionnomu razvitiyu APK — nauchnoe obespechenie: sb. nauch. statey Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posv. 80-letiyu PGSKhA im. D.N. Pryanishnikova. (Perm, 18 noyabrya 2010 g.)*. [Innovative Development of Agrarian and Industrial Complex — Scientific Support: Collected Articles of the International Scientific-Practical Conference. Conference Dedicated to the 80th Anniversary of PGSKhA named after D.N. Pryanishnikov. (Perm, Nov. 18, 2010)]. Perm, Prokrost Publ., 2010, vol. 5, pp. 58–62. (In Russian).
13. Koromyslov V.V. [The problem of the existence of social space in the context of the concept of the human essence as a result of a single consistent global process]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. [Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov], 2010, no. 4, pp. 38–42. (In Russian).
14. Koromyslov V.V. [Social necessity and accident]. *Innovatsionnye nauchnye resheniya — osnova modernizatsii agrarnoy ekonomiki: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (Perm, april 2011)*. [Innovative research solutions — the basis of the modernization of the agrarian economy: Collected articles All-Russian scient. conf. (Perm, April 2011)]. Perm, Prokrost Publ., 2011, vol. 2. pp. 62–66. (In Russian).
15. Koromyslov V.V. [Categorical structure of responsibility]. *Innovatsii agrarnoy nauki predpriyatiyam APK: materialy nauch.-prakt. konf. (Perm, 24–25 aprelya 2012)*. [Innovation of Agricultural Science Businesses AIC: Collected Articles of Scient. Conf. (Perm, 24–25 April 2012)]. Perm, Prokrost Publ., 2012, part 2. pp. 30–33. (In Russian).
16. Koromyslov V.V. [The problem of the existence of social time in the context of the concept of the human essence as a result of a single consistent global process]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova*. [Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov], 2012, no. 1, pp. 174–177. (In Russian).
17. Kochiev M.E. [On the essence of the universal]. *Problema vseobschego v marxistskoj filosofii*. [Universal in Marxist philosophy]. Chelyabinsk, ChGPI Publ., 1982, pp. 47–49. (In Russian).
18. Orlov V.V. *Istoriya chelovecheskogo intellekta* [The History of human intellect]. Perm, Perm State University Publ., 1999, part 3: Modern Intellect, 184 p. (In Russian).
19. Orlov V.V. [Scientific philosophy at the beginning of the XXI Century]. *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy], 2000, iss. 9, pp. 3–12. (In Russian).
20. Orlov V.V. *Problema sistemy kategoriy filosofii*. [The Problem of the system of categories of philosophy]. Perm, Perm State University Publ., 2012, 262 p. (In Russian).
21. Chernova T.G. [On the relation between freedom and necessity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. (Perm State University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»), 2014, iss. 2(18), pp. 20–23. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 29.01.2016

Об авторе

Коромыслов Виталий Валерьевич

кандидат философских наук, доцент кафедры философии

Пермская государственная сельскохозяйственная академия им. Д.Н. Прянишникова,
614990, Пермь, ул. Петропавловская, 23;
e-mail: vvk79@mail.ru

About the author

Koromyslov Vitaliy Valer'evich

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of Philosophy

Perm State Agricultural Academy
named after D.N. Pryanishnikov,
23, Petropavlovskaya str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: vvk79@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Коромыслов В.В. Конкретно-всеобщий подход к анализу сущностных сил человека // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 5–14. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-5-14

Please cite this article in English as:

Koromyslov V.V. Concrete-universal approach to the analysis of human essential forces // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 5–14. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-5-14

УДК 1:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-15-21

ФИЛОСОФИЯ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ КРИЗИСНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: РАМОЧНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Гилев Ян Юрьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Пункт 2 статьи 13 Конституции РФ гласит: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Данная формулировка отражает позицию многих современных мыслителей, заключающуюся в том, что XXI век — это эпоха плюрализма, который признает идеологическое многообразие. Однако так ли это на самом деле? Современное общественное сознание находится в состоянии кризиса, напрямую связанного с кризисом в общественной жизни. Это выражается в крайней противоречивости современного общественного сознания, для которого становятся характерны сильнейшая радикализация и эклектика. После распада СССР образовался идеологический вакуум, который начал стремительно заполняться причудливыми учениями, которые не могли появиться в старых условиях. Многими из них была провозглашена эпоха деидеологизации, однако справедливо будет утверждать, что начало XXI в. — эпоха предельной идеологизации, обусловленной вышеописанной ситуацией. Появление множества новых идеологий не привело к плюрализму, и сейчас сложилась ситуация, когда голос сторонников одних течений куда более слышим, чем голос приверженцев других. Как видно из вышесказанного, проблема кризиса общественного сознания крайне сложна и для ее осмысления нужна особая методология. Ни в коей мере не претендуя на окончательное решение поставленных в статье вопросов, автор представляет лишь предварительную рамочную концепцию дальнейшего исследования, пытается дать ответ на вопрос, может ли философия в принципе быть методологией осмысления кризиса общественного сознания.

Ключевые слова: философия, методология, плюрализм, эклектика, идеология, общественное сознание, кризис.

PHILOSOPHY AS THE METHODOLOGY OF UNDERSTANDING CRISIS SOCIAL CONSCIOUSNESS: FRAMEWORK CONCEPTION

Yan Yu. Gilev

Perm State University

Point 2 in Article 13 of the Constitution of the Russian Federation says: «There is no ideology that can be considered as state or obligatory». Such definition is the expression of the thought of many contemporary thinkers who consider that the XXIst century is the period of pluralism which accepts ideological diversity. However, is it so in reality? Modern social consciousness is in crisis directly connected with the crisis in social life. It is expressed in the extreme contradiction of the contemporary social consciousness for which the strongest radicalism and eclecticism are characterized. After the USSR collapse there appeared the ideological vacuum which impetuously began to be filled with many whimsical movements which couldn't exist in the previous conditions. The epoch of deideologization was proclaimed by many people, but one can affirm justly that the beginning of the XXIst century is the period of the limited ideology connected with the above described situation. The appearance of many new ideological learnings didn't result in pluralism, and nowadays there is a situation that the influence of supporters of certain movements is much stronger than the influence of the adherents of the other learnings. As it is seen from the above mentioned information, the problem of crisis social consciousness is extremely difficult, and there should be some methodology for its understanding. The author does not try to give the final decision of questions, asked in the article, providing just framework of further investigation. In the article the author offers framework conception of his future research, tries to understand crisis social consciousness and answer the question if philosophy can be the methodology of understanding crisis social consciousness.

Keywords: philosophy, methodology, pluralism, eclecticism, ideology, social consciousness, crisis.

Истинность полученных знаний неразрывно связана с применяемой методологией, следовательно, способность той или иной философии сыграть роль методологии — это крайне важная проблема, которую нельзя оставить без внимания. Философия — это наиболее общее учение о мире и человеке, которое находится в основе мировоззрения. Однако не каждая философия является научной. Чтобы выработать меры по преодолению кризиса, философия должна носить научный характер, чтобы обрести научный характер, проявляющийся в соответствии определенным принципам. Базовым принципом, на котором должна строиться научная мысль, является принцип материализма. Содержание его было раскрыто Фридрихом Энгельсом в труде «Диалектика природы»: «В теоретическом естествознании нельзя конструировать связей и вносить их в факты, а надо извлекать их из последних и, найдя, доказывать их, поскольку это возможно, опытным путем» [5]. Таким образом, принцип материализма заключается в том, что выведение объективной истины о действительности должно осуществляться исходя из самой действительности, без добавления чего-либо постороннего. Принцип объективности, неразрывно связанный с принципом материализма, состоит в том, что объект должен осмысляться независимо от воли и желаний субъекта. Другим важнейшим принципом, вытекающим из принципа материализма, является принцип развития. Поскольку мир и человек никогда не прекращают развиваться, их нельзя осмыслить, игнорируя это. Данные принципы взаимосвязаны, поскольку исключение принципа развития влечет за собой нарушение принципа объективности. По нашему мнению, философия, которая в полной мере соответствует указанным принципам, может называться научной.

Обращаясь к проблеме кризисного общественного сознания, следует уделить особое внимание идеологии. Идеология — это уровень общественного сознания, представляющий собой систему взглядов и идей, отражающих социально-экономический строй общества и выражающих интересы определенных социальных групп.

Впервые термин «идеология» был использован французским философом и экономистом А.Л.К. Дестютом де Траси. Он использовал этот термин для обозначения учения об идеях, которое могло бы стать основой для политики, этики и т.д. В подобном смысле писали об идеологии представители французского материализма и сенсуализма. Во Франции времен Наполеона понятие «идеология» приобрело пренебрежительный оттенок и «идеологами» стали называть людей, которые проповедовали взгляды, оторванные от практики и действительности.

Карл Маркс и Фридрих Энгельс обращаются к проблеме идеологии в своем труде «Немецкая идеология». Они определяют идеологию как форму сознания, которая создается в интересах определенных групп общества: «Чем больше форма общения данного общества, а следовательно и условия господствующего класса, развивают свою противоположность по отношению к ушедшим вперед производительным силам, чем больше вследствие этого раскол в самом господствующем классе, как и раскол между ним и подчиненным классом, — тем неправильней становится, конечно, и сознание, первоначально соответствовавшее этой форме общения, т.е. оно перестает быть сознанием, соответствующим этой последней; тем больше прежние традиционные представления этой формы общения, в которых действительные личные интересы и т.д. формулированы в виде всеобщих интересов, опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия. Но чем больше их лживость разоблачается жизнью, чем больше они теряют свое значение для самого сознания, — тем решительнее они отстаиваются, тем все более лицемерным, моральным и священным становится язык этого образцового общества» [4].

Как видно, идеологию можно назвать иллюзорным сознанием. Такая иллюзорность есть следствие нарушения принципа объективности. Однако не всякая идеология является иллюзорным сознанием, и это будет рассмотрено нами далее.

Изменения, происходящие в идеологии, определяются характером связи общественного сознания и общественного бытия. К этой проблеме Карл Маркс обращается в предисловии к работе «К критике политической экономии»: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [3]. Однако следует помнить, что общественное сознание не абсолютно пассивно. Оно способно оказывать влияние на общественное бытие, но последнее в итоге является определяющим. Об этом читаем в письме Энгельса Боргиусу: «Политическое, правовое, философское, религиозное, литературное, художественное и т.д. развитие основано на экономическом развитии. Но все они также оказывают влияние друг на друга и на экономический базис. Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным, а все остальное — лишь пассивное следствие. Нет, тут взаимодействие на основе экономической необходимости, в конечном счете всегда прокладывающей себе путь. Государство, например, оказывает влияние при помощи покрови-

тельственных пошлин, свободы торговли, хорошей или дурной фискальной политики. Даже смертельная усталость и бессилие немецкого мещанина, обусловленные жалким экономическим положением Германии в период с 1648 по 1830 г. и выразившиеся сначала в пиетизме, затем в сентиментальности и в рабском пресмыкательстве перед князьями и дворянством, не остались без влияния на экономику. Это было одним из величайших препятствий для нового подъема, и препятствие это было поколеблено только благодаря тому, что революционные и наполеоновские войны сделали хроническую нищету острой. Следовательно, экономическое положение не оказывает своего воздействия автоматически, как это для удобства кое-кто себе представляет, а люди сами делают свою историю, однако в данной их обуславливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие — политические и идеологические, — являются в конечном счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию» [6].

Идеология, выступая уровнем общественного сознания, определяется общественным бытием индивидов. Однако она не является исключительно пассивной. В одном случае идеология может носить консервативный характер и ее целью будет сохранение сложившихся порядков. В другом случае идеология будет выражать растущую потребность в преобразовании порядков, вызванную противоречием между существующими производственными отношениями и изменяющимися производительными силами.

Эволюцию представлений об общественной жизни следует осмысливать в связи с процессами, характерными для того или иного исторического периода и этапа развития философии. Возникновение философии приходится на эпоху античности. Это обусловлено ростом производительности труда, значительным увеличением прибавочного продукта, закономерным появлением разделения труда и образованием социальной группы, главным занятием которой является умственный труд. Возникшее в результате этих процессов общество было рабовладельческим. Именно тогда формируются первые философские абстракции — материя и дух, вследствие чего происходит первоначальное разделение на материализм и идеализм. Античное мышление можно охарактеризовать как космоцентрическое. Предметом размышления античных философов являлся макрокосм — мир — и помещенный в этот макрокосм микрокосм — человек. Макрокосм играет определяющую роль, потому микрокосм, по мнению античных философов, живет по закону макро-

косма. В зависимости от понимания макрокосма изменяется и понимание микрокосма. Например, у Платона человек — это душа, помещенная в материальное тело, тогда как у Демокрита душа — это скопление особых атомов. В истории господствующей являлась концепция круга. Так, подобные концепции легли в основу периодизации типов государства Платона и Аристотеля. Главенствующая роль макрокосма по отношению к микрокосму свидетельствует о том, что представления античных мыслителей о обществе носили натуралистический характер, так как понятие материи в их теориях находилось еще в зачаточном состоянии. Его содержание главным образом было сопряжено с природой: человек и общество либо подчинены тем же закономерностям, что и природа, либо в человеке существуют одновременно два начала — духовное и материальное, связь между которыми неясна. Отсюда и концепция круга, которую можно связать с видимыми природными циклами. Разделение труда и рабовладение известным образом сформировали взгляд на то, как должно быть устроено общество. Античную социальную мысль можно назвать аристократической, оправдывающей рабовладение, что было обусловлено полным разделением в эту эпоху умственного и физического труда. Подтверждает эту точку зрения и непонимание философами того периода сущности человека: взгляд на человека как на вещь оказался удобной апологией рабства. Разделение труда, в свою очередь, привело к тому, что античные мыслители утратили глубинную связь с объективной реальностью, что повлекло нарушение принципа материализма.

Эпоху средневековья можно охарактеризовать как феодализм. Для нее свойственно существование двух классов: феодалов — собственников-землевладельцев и крестьян, которые, в отличие от рабов, не являлись собственностью владельца, сами могли обладать ей, но находились в сильной зависимости от своих феодалов. Также средневековью присуще сословное разделение, которое определяло место каждого человека в обществе и способствовало расцвету религиозной мысли. Все природные и социальные процессы в эту эпоху объясняются божественными причинами. Религия оправдывает сословное разделение средневекового общества, и в этой связи в центре религиозной мысли находятся преимущественно господствующие социальные группы, интересы которых представляют государство и церковь. В понимании человека и общества возникает новшество — идея о единстве человечества («нет ни эллина, ни иудея»), противопоставляющаяся античному представлению, согласно которому существует разрозненное множество народов. Из этого исходит и новый взгляд на исторический процесс как на историю человечества (до этого была

история отдельных народов). Кроме того, в работах богословов появляется идея прогресса, который, однако, понимается линейно. Религиозная философия служит идеологическим обоснованием феодального общественного устройства, характерного для этой эпохи. В этой связи главным предметом споров об обществе между религиозными мыслителями являются взаимоотношения государства и церкви. Одним из самых видных философов, занимавшихся этим вопросом, был Отец Церкви Аврелий Августин. Он выделяет два вида любви — любовь к себе и любовь к Богу. С каждым видом любви теолог связывает два Града: с первым — Град Земной, а со вторым — Град Божий. Истинной целью человеческого существования Августин объявляет Град Божий и, следовательно, превозносит религию и церковь над государством. Он не отождествляет оба Града с конкретным государством и церковью, но говорит о том, что достижение Града Божьего возможно под руководством церкви. По его мнению, под началом государства достижение Града Божьего невозможно в силу того, что человеческая природа оказалась разорванной после грехопадения, сделавшего господство, характерное для государства, необходимой составляющей человеческой жизни. В дальнейшем подобную логику использовали авторы, создавшие теорию двух мечей. Два меча — полномочия государства и церкви, и если полномочия государства ограничены, то церковь обладает их полнотой. Данная теория служила идеологическим основанием верховенства Папы Римского над светскими монархами. Как видно из вышесказанного, религиозная мысль средневековья была такой же незавершенной, как и античная.

Со временем феодализм подвергается трансформации, и на его основе вызревает новая общественно-экономическая формация — капитализм. Развитие промышленности, науки и, как следствие, частной собственности и рынка оказывается не совместимым со средневековыми представлениями, согласно которым жизнь каждого человека определяется его социальным положением. Данные процессы оказывают существенное влияние на понимание человеком природы и общества. В это время религиозная мысль утрачивает былой авторитет. В Англии, Франции и других странах возрастает влияние материалистического мировоззрения. Однако во взглядах как английского материалиста Томаса Гоббса, так и плеяды французских материалистов (Гольбах, Ламетри) сохраняется идеалистическое понимание общества. Общественные процессы теперь объясняются не исходя из религиозных догматов, а с опорой на идею человеческого разума. Возникает изрядное количество вариантов теории общественного договора (Локка, Гоббса и др.), согласно которым возникновение государства, гражданского общества

и права — результат договора, основанного на разуме заключающих его людей. Таким образом, социальная мысль эпохи Нового времени, имея в себе прогрессивные черты, также нарушает принцип материализма.

XVII–XIX вв. — это эпоха рождения и развития классических политических учений, таких как либерализм, консерватизм и социализм. Отцом либеральной мысли можно назвать Джона Локка. Во взглядах этого мыслителя отражены интересы новой социальной группы (капиталисты), противостоящей феодальной знати, а политическое устройство, о котором он говорит, — важная составляющая новой капиталистической общественно-экономической формации. Для обоснования своих политических принципов, заключающихся в политическом равенстве индивидов, Локк разрабатывает собственное понимание сущности человека, базирующееся на том, что человек есть рациональный эгоистичный индивид. Подобные идеи послужили основанием для формирования различных либеральных и либертарианских взглядов на общество. Течением, противоположным либеральному, является консерватизм. Консерваторы (Берк, де Местр и др.) ставят во главу угла не разум, но традицию, не индивидуальное, а социальное, выступая радикальными противниками революции. Берк критикует либералов за то, что они называют разум ключевой составляющей человеческой сущности, забывая о других. В основе общественных процессов того времени лежит противоречие между старым и новым общественным устройством, что отражают политические учения, политические идеологии. Консерваторы стремятся сохранить традиционный уклад, однако со временем консервативная мысль переходит с позиций отстаивания феодализма на позиции защиты капитализма, поскольку в «консервации» начинает нуждаться капитализм, укореняющийся в обществе. Например, для консерватора Берка сохранение традиций предполагает право на частную собственность. Одновременно с либеральными и консервативными концепциями развивается и социалистическая мысль. Теоретики социализма (Сен-Симон, Фурье, Оуэн) отводят главную роль общественным преобразованиям, заключающимся в создании крупного производства, основанного на свободном труде и науке. Для них важнейшим является понятие справедливости. Будучи прогрессивным, тем не менее, ранний социализм, так же как либерализм и консерватизм, все еще носит незавершенный характер. Виною тому исторические обстоятельства и несоответствие принципу материализма и принципам, из него следующим.

Принцип объективности и принцип развития в определенной форме отражены в работах немецкого мыслителя Г. Гегеля. Однако они носят у него идеалистический характер. Объективный дух — следующая после субъективного духа ступень развития.

Объективный дух Гегеля охватывает социальную жизнь, возвысившуюся над индивидуальным «я». В понимание общества Гегель, благодаря своей уникальной методологии, привнес элемент объективности, но он был истолкован в идеалистическом ключе. Развитие у немецкого мыслителя также понимается идеалистически — как развитие духа. Идеализм Гегеля, в том числе и его диалектика, подверглись сильной критике. Однако Карл Маркс писал по этому поводу: «Мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение ее всеобщих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно». Тем самым Маркс стремился объединить диалектику Гегеля с материализмом, на котором и основывается принцип объективности [2, с. 22].

Ограниченность старых представлений связана с особенностями развития общества в тот или иной период. Поскольку общественное бытие определяет общественное сознание, формирование научного взгляда на мир становится возможным лишь на конкретном этапе. По-настоящему научной философия становится у Маркса и Энгельса. В эпоху капитализма возникновению марксизма способствовали великие научные открытия (открытие клетки, теория эволюции и другие), промышленный переворот и особенности капиталистического производства сами по себе (концентрация и эксплуатация рабочей силы в промышленном производстве, постепенно ведущие к формированию субъектности у рабочего класса). Одновременно с этим происходит и переосмысление философских концепций прошлого, в которых в том или ином виде принципы, характерные для научной философии, уже были представлены. В основе марксистского учения лежит принцип материализма, на котором строятся принципы объективности, развития, всеобщей связи и другие. На них базируются материалистическое понимание истории и само понятие идеологии.

Научная философия способна быть не только методологией осмысления общественного сознания и его кризиса. Поскольку идеология является видом теоретического сознания, научная философия способна реализовать идеологическую функцию. Идеологию, опирающуюся на материализм, можно назвать научной. Однако ставить знак равенства между философией и идеологией нельзя, поскольку идеологическую функцию выполняют также право, этика и т.д.

Говоря о научной идеологии, нельзя забывать о принципе партийности. Принцип партийности подразумевает следование всякой философии либо системе идеализма, либо материализма. Если пони-

мать принцип партийности поверхностно, то можно прийти к выводу, что философия и идеология не могут быть научными, поскольку отражают лишь определенную точку зрения. Однако это не так. Суть партийности научной философии заключается в приверженности материализму. Как уже говорилось выше, принцип материализма неразрывно связан с принципами объективности и развития. Научная философия не остается нейтральной, а ее партийность вытекает из объективного развития человеческого общества.

Применяя научную философию к современному общественному сознанию, в первую очередь следует отметить, что кризис, в котором оно находится, уникален. Как подчеркивалось выше, кризис общественного сознания связан с кризисом общественного бытия. Современный кризис цивилизации носит глобальный характер и касается самих основ общественного бытия. Человечество столкнулось с собственной неспособностью решать социальные проблемы в интересах всего общества. Мировые державы не могут по отдельности преодолеть кризис экономики, прекратить войны, сгладить социальное неравенство, остановить ухудшение демографической и экологической ситуации и т.д. Развитие науки, подчиненное частным интересам, может привести не к прогрессу, а к регрессу или даже гибели человечества в результате конфликтов с применением оружия массового поражения. Глобальность кризисного состояния, в котором оказался мир, неразрывно связана с размыванием государственных и классовых границ. На международной арене существуют не просто капиталистические страны, но международная капиталистическая система, охватывающая эти страны, объединенные множеством различных связей. Поэтому правомерно говорить о международном разделении труда и международной эксплуатации. Последнее, однако, не значит, что существуют страны, население которых состоит из представителей только эксплуатирующего класса или только угнетенного. Ситуация выглядит так: господствующий класс стран, являющихся мировыми лидерами, эксплуатирует другие страны посредством их господствующего класса. Представители одного класса разных стран являются союзниками, а их цель — сохранение системы международных отношений в том виде, в котором она для них выгодна. Можно сказать иначе: определенная социальная группа стремится сохранить общество разделенным. Несмотря на процесс глобализации, мир не становится на путь международной кооперации для решения общих проблем. Происходят перевороты, не прекращаются войны, в которых гибнут люди, разрушаются страны, и эрозии подвергается само общественное сознание. Процесс, описанный выше, касается не только международных отношений, но и классовых. Четкое разделение классов, существовавшее во вре-

мена Маркса, нивелируется. Страны, являющиеся мировыми лидерами, посредством эксплуатации других регионов оказываются способны поднять свой уровень жизни, что закономерно порождает следующий тезис: бывшие классовые противоречия исчезли. Однако, опираясь на вышесказанное, можно заключить, что этот тезис ложен, поскольку эксплуатация никуда не исчезает, а просто меняет свой характер и тщательно скрывается. Подобная ситуация в общественной жизни непосредственным образом влияет на общественное сознание. Привычное классовое и национальное сознание разрушается, и его место занимают системы взглядов, собранные из составляющих различных идеологий прошлого. Новые идеологии связаны с новыми вызовами, вставшими перед обществом, но большинство из них носит крайне эклектичный, противоречивый характер. Неспособность их найти решение мировых проблем приводит к тому, что общественное сознание погружается в состояние кризиса. Выход из кризиса может быть обеспечен только за счет формирования такого мировоззрения, которое бы опиралось на принципы, описанные в начале статьи, и было бы научным. Применение принципа материализма к современному обществу означает, что нужно учитывать все связи и факты, наблюдаемые в мире. Исследователь, обращающий внимание на явления, происходящие только лишь в определенном регионе, и произвольно распространяющий их действие на весь мир, получит ложную картину, которая не приблизит его к решению существующих проблем. В свою очередь принцип развития велит не игнорировать многообразия путей развития различных регионов. Это означает, что, к примеру, опыт одних стран нельзя механически переносить на другие, которые могли развиваться совершенно иначе. Это же касается не только стран, но и социальных групп.

Претерпевая воздействие общественного бытия, идеология сама оказывает на него влияние, поддерживая те или иные общественные тенденции. В этой связи возникает несколько вопросов. Какой характер носят идеологические течения современности? Какой идеологии должна быть идеология, чтобы быть прогрессивной?

После распада СССР идеология на постсоветском пространстве стала стремительно меняться. В постсоветской России и других странах после отказа от марксистских идей многих философов образовался идеологический вакуум. Приобрела популярность идея об отсутствии идеологии, но сейчас предпринимается множество попыток сформировать идеологию посредством объединения элементов старых идеологий, которые зачастую противоречат друг другу. Сейчас идеология, как ложное сознание, существует в виде множества самых разных течений. Общественные противоречия способствуют появлению всевозможных концепций, пытающихся найти

решение глобальных мировых проблем. Например, существует вариант соединения советской идеологии, от которой берется внешняя атрибутика, с национализмом. Также широко распространено объединение либерализма и национализма. Подобные эклектичные образования появились в связи с тем, что старые идеологии не смогли адекватно ответить на вызовы человечеству. Изменения в идеологии неразрывно связаны с кризисом общественного бытия. Вопреки мнению о том, что XXI век — это век деидеологизации, его можно назвать веком предельной идеологизации. Как и раньше, определенные идеологии служат инструментом консервации существующего общественного устройства. Именно поэтому развитие научной идеологии — дело первоочередной важности [1].

Преобладающая часть идеологий отстаивает интересы меньшинства в ущерб большинству. Научная идеология способна стать действенным инструментом в руках большинства, поскольку интересы большинства связаны с общественным развитием, а общественное развитие — с соответствующим принципом, применяемым в научной идеологии.

Итак, научная философия способна оказывать серьезное влияние на общественное бытие. Как уже отмечалось, бытие воспроизводится индивидом в общественном сознании не в виде статичного слежка с действительности. Отражение носит активный характер, и его суть нельзя понять в отрыве от предметно-практической деятельности человека. Таким образом, научная философия, исполняя идеологическую роль и опираясь на принцип развития, неразрывно связанный с интересами большинства, является по-настоящему прогрессивной.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 13.03.2015).
2. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 1, кн. 1: Процесс производства капитала. 907 с.
3. Маркс К. К критике политической экономии. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1859/criticism_pol_econ/01.htm (дата обращения: 13.03.2015).
4. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. URL: https://www.marxists.org/russkij/marx/1845/german_ideology/index.htm (дата обращения: 13.03.2015).
5. Энгельс Ф. Диалектика природы. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001011/st000.shtml> (дата обращения: 13.03.2015).
6. Энгельс Ф. Письмо В. Боргиусу в Бреславль. URL: <http://www.marxism-leninism.narod.ru/Library/Marx/Engels13.htm> (дата обращения: 13.03.2015).

Получено 11.04.2016

References

1. *Konstitutsiya Rossijskoj Federatsii* [Russian Federation Constitution]. Available at: <http://www.constitution.ru/> (Accessed 13.03.2015). (In Russian).
2. Marx K. *Kapital. Kritika politicheskoj ekonomii* [Capital. Critique of political economy]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1969, vol. 1, 907 p. (In Russian).
3. Marx K. *Kritika politicheskoj ekonomii* [Critique of political economy]. Available at: https://www.marxists.org/russkij/marx/1859/criticism_pol_econ/01.htm (accessed: 13.03.2015). (In Russian).
4. Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German ideology]. Available at: https://www.marxists.org/russkij/marx/1845/german_ideology/index.htm (accessed: 13.03.2015). (In Russian).
5. Engels F. *Dialektika prirody* [Nature dialectics]. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001011/st000.shtml> (accessed: 13.03.2015). (In Russian).
6. Engels F. *Pis'mo v. Borgiusu v Breslavl'* [The letter to Borgius in Breslav]. Available at: <http://www.marxism-leninism.narod.ru/Library/Marx/Engels13.htm> (дата обращения: 13.03.2015). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 11.04.2016

Об авторе

Гилев Ян Юрьевич

аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: magic555111@yandex.ru

About the author

Gilev Yan Yurievich

Ph.D. Student of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: magic555111@yandex.ru

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гилев Я.Ю. Философия как методология осмысления кризисного общественного сознания: рамочная концепция // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 15–21. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-15-21

Please cite this article in English as:

Gilev Ya. Yu. Philosophy as the methodology of understanding crisis social consciousness: framework conception // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 15–21. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-15-21

УДК 1:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-22-26

СУЩНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-БИОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Желнин Антон Игоревич

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Предметом исследования является современный социально-биологический кризис. Рассматривается его сущность и механизмы, связанные с обострением диалектического противоречия между социальным и «включенным» биологическим в сущности человека. Оно возникает ввиду рассогласования их фундаментальных способов существования (производственного и приспособительного соответственно), когда параметры общественного и технологического прогресса оказываются такими, что человек со своей биологической стороны начинает терять способность адекватно к ним адаптироваться. Эта десинхронизация создает опасность утраты человеческой сущностью своей целостности. Специфика современного кризиса заключается в том, что главной мишенью нагрузок оказываются психика и нервная система, что, ввиду их интегрального характера, далее может порождать каскад сбоев в других системах организма. Данный кризис, вызванный рядом дисбалансов и амбивалентностью современного прогресса в целом, во многом указывает на исчерпанность самого способа развития цивилизации. Так как главной причиной этого является стихийный и антагонистический характер последнего, своеобразный общий «дефицит разумности», магистралью преодоления кризиса должно стать широкое внедрение систем прогнозирования и планирования процесса дальнейшего развития человека, определение оптимальных нагрузок на его психику и биологию.

Ключевые слова: человек, социально-биологический кризис, техно-гуманитарный баланс, «дефицит разумности», психика, адаптация, гомеостаз, аутопоэзис, прогнозирование, планирование.

ESSENCE AND PERSPECTIVES OF HUMAN IN THE CONTEXT OF PROBLEM OF SOCIO-BIOLOGICAL CRISIS

Anton I. Zhelnin

Perm State University

The subject of the article is a modern social and biological crisis. We study its general nature and the mechanisms associated with exacerbation of dialectical contradiction between the social and the «included» biological in human essence. It occurs due to mismatch of their fundamental ways of existence (productive and adaptive, respectively), when the parameters of social and technological progress are such that human with his biological side begins to lose the ability to adequately adapt to them. This desynchronization creates the danger of losing integrity by human essence. The specificity of the present crisis consists in that the mind and the nervous system become the main target of loads. Because of its integrated character, it can then generate a cascade of failures in other systems of the organism. This crisis generated by series of imbalances and the ambivalent nature of whole modern progress refers to the exhaustion of the way of civilization's development in many ways. Since the main reason for this is the spontaneous and antagonistic character of it, common «deficit of rationality», the main line to overcome the crisis should be the widespread application of forecasting and planning systems to human development, the establishment of optimal loads on his mind and biology.

Keywords: human, socio-biological crisis, techno-humanitarian balance, «deficit of rationality», mind, adaptation, homeostasis, autopoiesis, forecasting, planning.

В соответствии с нашей гипотезой в настоящее время имеет место социально-биологический кризис, являющийся существенной частью общего антропологического кризиса. Человек представляет из себя принципиально целостное, холистическое существо

[4]. Однако при определенных условиях целостность может нарушаться. Это связано с диалектическим характером сущности человека: *он находится в непрерывном процессе развития, источником которого является ряд фундаментальных противो-*

речий. Одно из них — противоречие между социальным и биологическим. Человек, существуя в подлинном смысле только в обществе, будучи субъектом труда, сознания и культуры, вместе с тем неизменно сохраняет в себе органическую составляющую. Этот факт способствовал в прошлом появлению многочисленных дуалистических и редукционистических концепций человеческой природы. Необходимо признать, что социальное и биологическое связаны в человеке иерархически. *Социальное, являясь интегральным, включает в себя биологическое в качестве своего низшего уровня, фундамента.* Вместе с тем их соотношение не может оставаться статичным и тоже развивается. И.Т. Фролов отмечает, что диалектика социального и биологического «заключается не в раз и навсегда данном соотношении между ними, даже если мы и говорим о примате, доминировании социального над биологическим... Диалектика состоит в опосредовании и преобразовании биологического социальным» [13, с. 35–36].

Адекватная демаркация социального и биологического в человеке, ввиду их предельной структурной слитости, возможна только путем различения их фундаментальных способов существования. *Сутью общественного функционирования является целенаправленная (сознательная) преобразовательная деятельность, биологического — адаптация, приспособление к окружающей среде.* Последняя является по своей сути реакцией, апостериорным ответом на соответствующие вызовы извне. В норме эти два способа гармонически сочетаются, находясь в состоянии коэволюции. Человек, сохраняя свою биологическую составляющую, нуждается в постоянном поддержании гомеостаза (внутреннего равновесия и баланса со средой) и адаптации к среде для выживания и самосохранения. Причем на современном этапе развития он по принципу обратной связи вынужден приспосабливаться уже не к первозданной природе, а к тем изменениям, которые он же в нее и вносит. *Соответственно, исследуемый кризис возникает тогда, когда организм человека по каким-то причинам теряет способность адекватно реагировать на социальные и технологические новшества,* и в итоге противоречие между социальным и биологическим усугубляется.

Современная ситуация характеризуется турбулентным переходом на новую постиндустриальную стадию развития. Порожденные им трансформации масштабны и очень динамичны. Это не может не оказывать влияния на адаптационный аппарат человека. Вместе с тем стоит понимать, что последний представляет собой сложноорганизованную иерархию подсистем и соответствующих гомеостатических контуров. Нагрузка в современной ситуации распределяется крайне неравномерно, что вызывает дисбаланс — сопутствующий феномен кризиса. Пе-

реходу к постиндустриальной стадии свойственны такие тенденции, как автоматизация производства, дигитализация общения, экспансия новых технологий, ускорение темпов жизни, виртуализация и тотальная информатизация. Так, А. Гелен общей чертой этих процессов называет сочетание «интеллектуальной перегрузки» и «физической разгрузки» [3]. *Ввиду этого главным объектом давления оказывается психический аппарат человека.* Последний является, несмотря на свое социальное содержание, одновременно и высшим, собственно человеческим, уровнем адаптации [11]. Он (как и любая адаптация) имеет свой оптимальный диапазон и допустимые границы функционирования. В контексте описанного перехода основным ресурсом и продуктом человеческой деятельности оказывается информация. Возрастание ее объемов и скорости передачи протекает по экспоненциальному сценарию, что увеличивает давление на психический аппарат. Соответственно возникает *информационная перегрузка* [7], наблюдающаяся у все большего количества людей. Для наглядного объяснения этого можно привести мысль М. Маклюэна о том, что «с появлением электрической технологии человек расширил, или вынес за пределы себя, живую модель самой центральной нервной системы» [9, с. 52]. Эти технологии на порядок увеличивают объемы и скорость поступления информации. Вместе с тем известно, что восприятие человека избирательно: внимание и память всегда концентрируются на ограниченном объеме данных. Скорость его психических реакций лимитирована и сугубо хронологически [1]. На физиологическом же уровне нервная система поддерживает свой гомеостаз посредством баланса процессов возбуждения и торможения. Данные механизмы имеют адаптивный смысл, потому что адаптация, как было отмечено ранее, возможна только в пределах определенного оптимального диапазона. *Экспансия же информации держит психику в состоянии постоянного стимулирования и напряжения, характеризующемся нарушением баланса когнитивных и нейродинамических процессов.* Так как информация стала всепроникающим фактором и превращается в автономную область реальности («инфосферу»), можно признать, что она способна продуцировать и самостоятельный вид стресса — так называемый инфостресс [14]. Избыток информации порождает психическую дезориентацию, когда человек «запутывается» в потоке данных и теряет способность адекватно реагировать, избирательно вычлняя в нем необходимое. Тем самым этот новый вид стресса вызывает все большую астенизацию и невротизацию современного общества.

Вместе с тем нарушение психики как высшего адаптационного уровня чревато последствиями для всего организма. Современная наука, как никогда далекая от старого картезианского дуализма души и те-

ла, рассматривает человеческий разум как буквально «во-плотившийся» [17], т.е. сущностно связанный с телесными процессами. *Их посредником выступает головной мозг, высокоразвитая нервная система как своеобразный «медиум» между идеальным и материальным, субъективным и объективным в человеке.* Так, все психические состояния порождаются соответствующими нервными импульсами, обладающими для них статусом динамического кода [6]. *Однако тесная интеракция психического и физиологического предполагает и обратную связь, когда характер психических переживаний оказывает влияние на протекание нейронных процессов, т.е. на свой фундамент.* Тем самым психологический стресс способен нарушать физиологический баланс центральной нервной системы. Последняя же, как показано в теории функциональных систем [2], является сердцевинной гомеостаза, на которой основано функционирование прочих систем органов, направленное в том числе и на достижение приспособительного результата. Поэтому нарушение ее баланса, в свою очередь, способно инициировать каскад сбоев в прочих сигнальных и регулирующих системах организма (например, гуморальной), опосредованно приводя к разнообразным заболеваниям, уже соматическим. *Информационный же стресс, по нашему мнению, носит более тяжелый характер по сравнению с классическим психологическим, так как он может синергетически нарушать баланс сразу на нескольких гомеостатических уровнях организма и поэтому влечет более многообразные последствия.*

Налицо амбивалентность последствий постиндустриального перехода и глобальной информатизации. Для объяснения общего механизма этого стоит прибегнуть к известной концепции А.П. Назаретяна о «техно-гуманитарном балансе» как одном из общих инвариантных механизмов развития человека [10]. Суть его заключается в том, что бурное развитие технологий должно сдерживаться культурным прогрессом, совершенствованием регуляторов их применения. Согласимся с этим, но отметим, что *данный концепт можно расширить, понимая под гуманностью (humanitas) всю человеческую природу полностью (как ее собственно духовное измерение, так и измерение биологическое).* Следовательно, для современного кризиса характерно нарушение данного баланса: экспоненциальный технологический рост социального существования приводит к тому, что психические и биологические механизмы не успевают адекватно адаптироваться к изменениям. *В результате между фундаментальными способами существования социального и биологического в человеке (преобразовательным и приспособительным соответственно) возникает асимметрия, и они рассогласовываются.* В конечном итоге обостряется постоянно присутствующее имманентное противоречие между ними и

человеческая сущность подвергается опасности дестабилизации, риску утраты своей целостности.

Экспоненциальный рост темпов развития технологий и объема информационного потока имеет негативные последствия не только на уровне психики и организма индивида, но и на уровне общественной жизни и общественного сознания. Возникает общий феномен «дефицита разумности», когда коллективный разум не успевает осознать и выбрать наиболее приемлемые варианты применения технологических новшеств. Как показал С. Лем, несмотря на все отличия биологического и социально-технологического типов функционирования, они основаны на аналогичном принципе, заключающемся в стремлении к «возрастанию эффективности гомеостаза», обеспечивающего состояние стабильности и равновесия [8, с. 46]. Коллективный разум является важным механизмом гомеостаза общественной жизни, сбой которого также приводит к общей дезориентации жизнедеятельности. По сути, данная ситуация очень похожа на психологический парадокс Даннинга–Крюгера [15], состоящий в том, что некомпетентный человек не может осознавать собственную некомпетентность. *Так и современная цивилизация в условиях экспансии технологии и информации запутывается во множестве возможных траекторий их использования.* Для преодоления социально-биологического кризиса и восстановления техно-гуманитарного баланса необходимо восполнить данный дефицит. *Это возможно отнюдь не путем консервации технологического прогресса, а посредством форсированного развития особых технологий, выполняющих функции прогнозирования и планирования.* Массовое внедрение таких технологий, предполагая общий рост сознательности, позволит человеку эффективно регулировать свою жизнь и фиксировать нарождающиеся тенденции и проблемы в ней, что многократно увеличит отражательные способности психического аппарата, дает возможность перевести его в каком-то смысле из апостериорного в априорный режим функционирования. Разумное планирование будет являться закономерным развитием общеэволюционной тенденции, которую П.К. Анохин обозначил как «опережающее отражение» [2, с. 345]. Отражение траектории будущего развития поможет сгладить амбивалентный характер современного прогресса. Вместе с тем, говоря о росте сознательности, нельзя не согласиться с А.Г. Спиркиным в том, что «социальное прогнозирование и планирование дают реальную возможность учитывать не только непосредственные, но и более отдаленные результаты деятельности. Но и сколь угодно развитое общество не преодолевает стихийности в своем развитии: жизнь слишком сложна, чтобы ее можно было всю без остатка уложить в формулы и цифры даже самых хороших планов» [12, с. 511–512]. Человечество ни-

когда не сможет полностью избавиться от элементов стихийности в своей жизнедеятельности и имманентных противоречий, лежащих в основе его развития, а значит, и от периодического возникновения кризисов. Другое дело, что последние могут быть сведены к минимуму через изменение самого формата цивилизационного развития, *которое посредством внедрения прогнозирования и планирования приобретет саморегулирующийся и самоподдерживающийся характер*, превратится, используя термин У. Матураны и Ф. Варелы, в *автопоэзис* [16]. *Автопоэзис как способность конструирования траектории собственного будущего развития станет для человечества высшей формой гомеостаза.*

Для разрешения кризиса человек должен научиться управлять и биологическими сторонами своей природы. *Одной из основных целей применения систем прогнозирования должен стать поиск оптимальных параметров нагрузок на психику и организм, а также их последующее внедрение* посредством создания определенных «фильтров» (например, информационных). Для этого человек должен наиболее полно познать законы и механизмы, лежащие в основе своей психической и органической жизни. Однако, как справедливо отмечает Д.И. Дубровский, сохраняется «*фундаментальная асимметрия в познающей и преобразовательной деятельности человека*», когда, «будучи социальным существом, человек продолжает действовать как животное, направляя свою колоссальную активность во внешнюю среду» [5]. Следовательно, можно сделать итоговый вывод: для успешного преодоления кризиса необходимо переориентирование самого вектора движения цивилизации. *Человечество должно отойти от стратегии, построенной на одном бездумном покорении внешней природы, и уделять больше внимания самопознанию, пониманию своей собственной сущности как природы внутренней. Только через последнее внешняя деятельность человека также может приобрести подлинно сознательный характер. Таким образом будет достигнута более или менее гармоническая коэволюция как внутри самого человека (между различными измерениями его сущности), так и вне — между цивилизацией и ее естественным (биосфера) и искусственным (техносфера, инфосфера) окружением.*

Список литературы

1. Алюшин А.Л., Князева Е.Н. Темпомир: Скорость восприятия и шкалы времени. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
2. Анохин П.К. Избранные труды. Кибернетика функциональных систем. М.: Медицина, 1998. 400 с.
3. Гелен А. Образ человека в свете современной философии // Личность. Культура. Общество. 2007. Т. 9, № 3. С. 37–51.

4. Гуревич П.С. Проблема целостности человека. М.: ИФ РАН, 2004. 178 с.
5. Дубровский Д.И. Биологические корни антропологического кризиса. Что дальше? // Человек. 2012. № 6. С. 51–54.
6. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. М.: Высш. шк., 1980. 285 с.
7. Еляков А.Д. Информационная перегрузка людей // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 114–121.
8. Лем С. Сумма технологии. М.: АСТ, 2002. 668 с.
9. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Жуковский, 2003. 464 с.
10. Назаретян А.П. Синергетика, когнитивная психология и гипотеза техно-гуманитарного баланса // Общественные науки и современность. 1999. № 4. С. 135–145.
11. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М.: Эксмо, 2010. 368 с.
12. Спиркин А.Г. Философия: учебник. 2-е изд. М.: Гардарики, 2004. 736 с.
13. Фролов И.Т. Перспективы человека. Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1983. 349 с.
14. Klingberg T. The Overflowing Brain: Information Overload and the Limits of Working Memory: Information Overload and the Limits of Working Memory. Oxford University Press, 2008. 224 p.
15. Kruger J., Dunning D. Unskilled and unaware of it: how difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments // Journal of personality and social psychology. 1999. Vol. 77, no. 6. P. 1121–1134. DOI: 10.1037/0022-3514.77.6.1121
16. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and cognition: The realization of the living. Springer Netherlands, 2012. 146 p.
17. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. MIT Press, 1993. 308 p.

Получено 30.03.2016

References

1. Alyushin A.L., Knyazeva Ye.N. *Tempomiry: Skorost vospriyatiya i shkaly vremeni* [Tempo-worlds: speed of perception and timelines]. Moscow, LKI Publ., 2008, 240 p. (In Russian).
2. Anohin P.K. *Izbrannyye trudy. Kibernetika funktsionalnykh sistem* [Selected works. Cybernetics of functional systems]. Moscow, Medicine Publ., 1998, 400 p. (In Russian).
3. Gelen A. [Image of man in the light of modern anthropology]. *Lichnost'. Kul'tura. Obschestvo* [Person. Culture. Society], 2007, vol. 9, no. 3, pp. 37–51. (In Russian).
4. Gurevich P.S. *Problema tselostnosti cheloveka* [Problem of human integrity]. Moscow., IF RAN Publ., 2004, 178 p. (In Russian).

5. Dubrovskiy D.I. [Biological roots of anthropological crisis. What is next?]. *Chelovek* [Human]. 2012, no. 6, pp. 51–54. (In Russian).
6. Dubrovskiy D.I. *Informatsiya, soznaniye, mozg* [Information, consciousness, brain]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1980, 285 p. (In Russian).
7. Yelyakov A.D. [Informational overload of humans]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2005, no. 5, pp. 114–121. (In Russian).
8. Lem S. *Summa tekhnologii* [Sum of technology]. Moscow, AST Publ., 2002, 668 p. (In Russian).
9. Maklyuen G.M. *Ponimaniye media: Vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding of media. Extensions of man]. Moscow, Zhukovskiy Publ., 2003. 464 p. (In Russian).
10. Nazaretyan A.P. [Synergetics, cognitive psychology and the hypothesis of techno-humanitarian balance]. *Sotsial'nye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1999, no. 4, pp. 135–145. (In Russian).
11. Nalchadzhyan A.A. *Psikhologicheskaya adaptatsiya: mekhanizmy i strategii* [Psychological adaptation: mechanisms and strategies]. Moscow, Eksmo Publ., 2010, 368 p. (In Russian).
12. Spirkin A.G. *Filosofiya: Uchebnik* [Philosophy: Textbook]. Moscow, Gardariki Publ., 2004, 736 p. (In Russian).
13. Frolov I.T. *Perspektivy cheloveka. Opyt kompleksnoy postanovki problemy, diskussii, obobshcheniya* [Perspectives of man. Experience of complex setting of problem, discussions, generalizations]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, 349 p. (In Russian).
14. Klingberg T. *The Overflowing Brain: Information Overload and the Limits of Working Memory: Information Overload and the Limits of Working Memory*. Oxford University Press, USA, 2008. 224 p. (In English).
15. Kruger J., Dunning D. Unskilled and unaware of it: how difficulties in recognizing one's own incompetence lead to inflated self-assessments. *Journal of personality and social psychology*. 1999, vol. 77, no. 6, p. 1121–1134. DOI: 10.1037/0022-3514.77.6.1121 (In English).
16. Maturana H.R., Varela F.J. *Autopoiesis and cognition: The realization of the living*. Springer Netherlands. 2012, 146 p. (In English).
17. Varela F.J., Thompson E., Rosch E. *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. MIT Press, 1993, 308 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 30.03.2016

Об авторе

Желнин Антон Игоревич

старший преподаватель кафедры философии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: zhelnin90@yandex.ru

About the author

Zhelnin Anton Igorevich

Senior Lecturer of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: zhelnin90@yandex.ru

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Желнин А.И. Сущность и перспективы человека в контексте проблемы социально-биологического кризиса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 22–26. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-22-26

Please cite this article in English as:

Zhelnin A.I. Essence and perspectives of human in the context of problem of socio-biological crisis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 22–26. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-22-26

УДК 165

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-27-35

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ОБ ЭВОЛЮЦИОННО-БИОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПОЗНАНИЯ

Данакари Лилия Ричарди

Международный славянский институт (Волгоградский филиал)

Статья посвящена влиянию биологической теории эволюции на современную эпистемологию и обратному процессу — влиянию естествознания, в частности биологических явлений, на когнитивные процессы, что открывает реальные возможности для объяснения многих познавательных явлений. По мнению автора, эволюционная эпистемология, опираясь на новые результаты теории эволюции, открывает новые перспективы исследования когнитивного аппарата человека. В современных условиях познавательные способности человека следует рассматривать не только как однозначный, линейный процесс развития рациональных и культурных способностей человека, но и как результат продолжающейся природной и биологической эволюции индивида, что позволяет сделать новые познавательные и теоретические выводы и вывести отдельные следствия. Основываясь на достижениях естествознания, эволюционная эпистемология использует идеи и механизмы биологической эволюции для раскрытия и рациональных, и актуальных на сегодня иррациональных способностей человека.

Не секрет, что эволюционная теория познания, наряду со своими дескриптивными и объяснительными элементами, содержит определенные экспликативные и нормативные элементы, которые выделяют ее как некую метанаучную дисциплину. В результате эволюционная эпистемология становится и «биологией познания», и «биологией когнитивных процессов». Несмотря на наличие многообразных факторов эволюции, влияющих на развитие познавательного процесса, в том числе и разных его видов, автор предостерегает от преувеличения роли и места биологической теории эволюции на когнитивные способности человека.

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, биология познания, эволюционно-биологические теории, естественный отбор, истина, познавательный аппарат.

EVOLUTIONARY EPISTEMOLOGY OF EVOLUTIONARY-BIOLOGICAL PRECONDITIONS KNOWLEDGE

Liliya R. Danakari

International Slavonic Institute (Volgograd branch)

The article is devoted to the biological theory of evolution influence on modern epistemology and to the reverse process of the natural science influence biological phenomena in particular on the cognitive processes. It opens up real possibilities to explain many cognitive phenomena. According to the author evolutionary epistemology based on the new results in the theory of evolution opens up new prospects to study human cognitive apparatus. In modern conditions human cognitive abilities should be considered not only as a simple, linear process of rational and cultural human abilities development but also as a result of the ongoing natural and biological evolution of the individual which allows to make new cognitive and theoretical conclusions and individual investigations. Basing on the natural science achievements evolutionary epistemology uses ideas and mechanisms of biological evolution to disclose both rational and relevant irrational abilities.

It is not a secret that the cognitive evolutionary theory, together with its descriptive and explanatory elements contains certain explicative and normative elements that distinguish it as a kind of metascientific discipline. As a result the evolutionary epistemology becomes both a «biology of cognition» and «biology of cognitive processes». Despite the existence of multiple evolutionary factors which affect the development of the cognitive process, including its various kinds, the author warns against exaggerating of the role and place of the biological evolution on human cognitive abilities.

Keywords: evolutionary epistemology, biology of cognition, evolutionary-biological theory, natural selection, the truth, the cognitive apparatus.

Эволюционная теория познания — это молодая дисциплина, которая связывает друг с другом философские и специальные научные элементы. Проблемы эволюционной теории познания начали обсуждаться лишь в настоящее время. Эволюционная эпистемология исходит из тезиса, что познание является функцией мозга и как таковое одновременно является биологической эволюцией. Она опирается при этом на данные психологии восприятия, психологии развития и обучения, нейрофизиологии, сравнительного исследования поведения, генетики, но прежде всего теории эволюции в ее современной признанной форме.

Эволюционная эпистемология проводит сравнение эволюции науки и культуры с эволюцией биологических видов. «Можно ли сравнивать эволюцию науки с биологической эволюцией? Существуют ли, например, “мутации” и “отбор” при разработке научных гипотез и теорий? Каким образом ложные гипотезы заменяются другими гипотезами? Эти вопросы пока остаются открытыми» [5]. Немецкий философ Г. Фоллмер показывает, что эволюционная эпистемология выходит за пределы эволюционно-биологической теории, биологии познания.

Один из наиболее важных мыслителей по философии эволюционизма Д. Кэмпбелл предлагает модель «слепые вариации — селективное удержание», которая была развита им по аналогии с дарвиновской моделью эволюции. В основе последней лежит некий случайностный механизм роста разнообразия на уровне особей в популяции, а на базисе этой «работы случайностей» действует механизм естественного отбора, обеспечивающий прогресс в эволюции живых организмов. Этот механизм работает, по мнению Кэмпбелла, и в мире живой природы, и в мире человеческой культуры, и в мире социальных организаций.

Австрийский биолог и видный представитель эволюционной эпистемологии Р. Ридль говорит, что существует изоморфизм между возникновением и пониманием процесса возникновения вещи и аппарата ее познания [4]. Через эволюционную эпистемологию, как и через синергетику, преодолевается раскол мира на природный и духовный, а также прокладываются мосты между естественными и гуманитарными сферами знания. По словам Ридля, может быть положен конец распаду культуры, науки, мышления на восточные и западные, расщеплению картины мира на материалистическую и идеалистическую, на рационализм и эмпиризм, противопоставлению тела и души, каузальности и финальности. С одной стороны, и в естественных науках, а не только в истории, появляются нарративность, описательность, рассказ

как методы исследования (например, вследствие детерминированного хаоса, странных аттракторов). А с другой — и в гуманитарных науках, в культуре, в социуме обнаруживаются процессы самоорганизации, паттерны которых универсальны, определяются природой сложного вообще.

Ученый-естествоиспытатель Ламарк утверждает, что все виды изменяются и что существует неизбежный прогресс при переходе от низших форм к более высоко организованным [2]. Далее эти взгляды с более глубоким видением механизмов биологической эволюции развивает Ч. Дарвин. Наблюдения показывают, что существует разнообразие видов и уникальность отдельной особи. Наблюдения показывают также, что существует тенденция живых организмов к их геометрической репродукции, т.е. к производству большего количества отпрысков, чем в действительности выживают. Отсюда делаются следующие заключения. Возникает борьба за существование, в результате которой выживают наиболее приспособленные, другие организмы элиминируются естественным отбором. Естественный отбор обуславливает трансформацию видов. Он является движущей силой, мотором органической эволюции.

В дарвиновской теории отсутствует популяционно-генетическое основание, которое служит пониманию эволюционной динамики. Американский биолог Э. Майр был главным защитником синтетической теории эволюции. Он рассматривал организацию индивидуальных живых существ (особей) в популяции и изучал основные закономерности эволюции на уровне популяций. Популяции или виды как целое сами являются своего рода «индивидуумами», отдельными целостностями, претерпевающими эволюцию. Э. Майр и другие защитники синтетической эволюции рассматривают мутации, генетическую рекомбинацию и отбор как существенные факторы эволюционного изменения.

Эволюционная эпистемология — это не закрытая теория, а скорее исследовательская программа, она больше направлена в будущее, чем констатирует свои достижения. В теоретико-познавательном плане она способна к развитию как теория, в которой может быть построена полная система категорий человеческого опыта, подкрепленных посредством фактов и эмпирически проверяемых гипотез об эволюции когнитивных способностей человека.

Наряду с теоретико-познавательными следствиями положения эволюционной эпистемологии применимы в эволюционной психологии, в эволюционной этике, в эволюционной эстетике, в эволюционной педагогике и дидактике. Подобно тому как эволюционная эпистемология философски развивает «биологию познания» в виде некой натуралистически фундиро-

ванной теории познания, эволюционной этике предстоит развить социобиологию (биологию социального поведения животных и человека) в виде некоторой философской дисциплины и определить, насколько этика может обрести натуралистические основания. Тогда как предмет эволюционной эпистемологии — наши когнитивные способности, то, «что мы можем знать», предмет эволюционной этики — наше социальное поведение, то, «что мы должны делать». Речь идет о морально-философских следствиях эволюционного процесса происхождения образцов нашего социального поведения. Возможно построение и эволюционной эстетики. Ее основа — это некая «биология искусства», поскольку то, что имеет значение для когнитивных структур и социального поведения, справедливо и для эволюции эстетических суждений. Мыслимо построение и эволюционной педагогики, которая бы обучала ребенка не как *tabula rasa*, а способствовала бы его естественному развитию и обучению, учитывала бы врожденные когнитивные структуры, возможности их корректировки в процессе обучения и дополнения другими структурами. Эволюционная дидактика может быть связана с целенаправленным устранением мезокосмических предрасудков человека.

Все эти установки находят подтверждение и развитие в современных исследованиях. Последние направлены на то, чтобы показать, что человек во всем — и в возможностях своего познания, и в своих этических суждениях и эстетических предпочтениях — теряет свою исключительность. Натуралистическая волна, подпитываемая современными предпочтениями к проведению трансдисциплинарных и кросс-дисциплинарных исследований, накрывает современную эпистемологию. Дихотомии природы и культуры, тела и ума, человека и познаваемой им среды разрушаются. В этом плане хотелось бы обратить внимание на недавнее исследование французского философа Ж.-М. Шеффера, который отмечает, что «то, что человек — существо социальное, не только не противоречит его биологической специфике, но и, напротив, является ее выражением» [6, с. 13].

Когнитивная биология олицетворяет сближение когнитивных наук и наук о жизни. Теоретическая биология в ее современном научном контексте представляет собой всеобъемлющую, кросс-дисциплинарную интеграцию понятий. Она включает в себя исследование генетических компонентов изменений, эволюции и развития, т. е. исследование взаимосвязи между эволюцией и развитием, между филогенезом и онтогенезом. Теоретическая биология включает в себя все современные теоретические подходы — вычислительную (компьютеристическую) биологию, биосемиотику, когнитивные ис-

следования, натуралистические сдвиги в философии науки и эпистемологии.

Новые теоретические вопросы в науках о жизни включают в себя изучение происхождения и организации форм биологических организмов, исследование взаимосвязи между эволюцией и развитием, филогенезом, а также анализ биологических основ познания и функционирования мозга. И в то же время когнитивная наука претерпевает ныне третью волну в своем развитии. Третья волна, набравшая силу в первое десятилетие XXI в., нацелена на соединение эволюционных аспектов и аспектов развития, ключевым словом в ней становится «изменение».

Когнитивная биология, воплощая соединение перспектив теоретической биологии и когнитивных наук, опирается на философию, психологию и физиологию в их историческом развитии начиная с Декарта и прослеживается в учениях Дарвина, У. Джеймса и Н. Хомского. Теоретико-биологический подход применяется для понимания эволюции когнитивных способностей. Познание рассматривается не просто как построение репрезентаций внешнего мира, а исследуется, насколько работает вычислительная, компьютерная аналогия и как возможно определение эмерджентных свойств мозга–тела–сознания в его физическом и биосоциальном встраивании в окружающую среду. Важным продвижением стало развитие когнитивной нейронауки — области, в которой изучается биологическая основа познания, прежде всего нейронный субстрат ментальных процессов. Сейчас говорят о «нейроэтике», «нейроэстетике», «нейрополитике», «нейротеологии» и «нейрофилософии». С точки зрения эволюционных и нейронных основ исследуется понимание места, чисел, цвета, идентичности индивидов, их коммуникации с другими индивидами или особями, причинных событий в когнитивной жизни биологических организмов. Важнейшим открытием стало соединение ментальных феноменов и образов в виде умственных образов или визуального мышления. То, что было предвосхищено философом Беркли и Юмом, психологами В. Вундтом и У. Джеймсом, сегодня активно изучается как важные функции мышления и памяти.

Когнитивная биология, таким образом, делает новые существенные шаги в исследовании динамического измерения эволюции и целостного рассмотрения сознания, мозга, тела и поведения в их структурной и синергической связке с окружающей средой.

Эволюционная теория познания не является какой-то всеобъемлющей теорией познания. Прежде чем она может быть сформулирована, должны быть прояснены некоторые предварительные вопросы. Нам требуются, во-первых, экспликации понятий «познание», «истина», «объективность» (познание

объясняется как адекватная реконструкция и идентификация внешних объектов; истина, следовательно, в смысле теории соответствия); во-вторых, теория о том, как возникает познание; в-третьих, теория об отношении реального мира и познающего субъекта; в-четвертых, предположения об отношении сознания и мозга; в-пятых, фактические знания о существовании, сфере действия, согласованности когнитивных систем и субъективных познавательных структур (изучаемых психологией, физиологией, нейробиологией, теорией эволюции, исследованиями поведения, лингвистикой и другими эмпирическими научными дисциплинами).

К предпосылкам эволюционной теории познания относится в особенности гипотетический реализм (который не отличается существенно от критического или научного реализма). Его основные предположения таковы: гипотетический характер всего познания действительности, существование независимого от сознания закономерно структурированного и взаимосвязанного мира, частичная познаваемость и объясняемость этого мира посредством восприятия, мышления и интерсубъективной науки.

В рамках намеченной в общих чертах проективной модели не только можно различать ряд ступеней познания, в ее рамках можно также разъяснить специальную задачу эволюционной теории познания. Прежде всего, она тематизирует познавательный аппарат, на который осуществляется проецирование и который пытается реконструировать реальные структуры, исходя из их проекций. Она объясняет свои успехи и свои неудачи (ошибочные результаты), широту сферы своего действия и свои ограниченности. При этом эволюционная теория познания ссылается в первую очередь на восприятие и опыт и только ограниченно на научное познание.

Поскольку познание понимается как функция мозга, эволюционная теория познания с самого начала ставит проблему тела и души с позиции теории тождества и защищает тем самым последовательный натуралистический подход. Правда, с некоторой дуалистической точки зрения можно также говорить и об «эволюции» явлений сознания. Но связь с биологической эволюцией была бы тогда, во всяком случае, связью некоторой случайной аналогии (отбор может воздействовать только на материальные системы); проблематичное приспособление (подгонка) посредством этого, пожалуй, не могло бы быть объяснено.

Естественно, можно дополнительно подключить к эволюционной теории познания весь подготавливающий контекст (реализм, модель, проекцию, теорию тождества) и назвать эту всеобъемлющую концепцию «эволюционной теорией познания». Однако этим ничего не достигается. Это могло бы, скорее

всего, ввести в заблуждение, ибо эволюция значима отнюдь не для всех фрагментов этих расширенных рамок.

Теория эволюции является неременной предпосылкой эволюционной теории познания, она даже дала ей название. Существование эволюционной эпистемологии зависит от общности происхождения большинства организмов на Земле, от филогенетической родственности человека с животными предками, прежде всего с приматами, от инвариантной репродукции организмических систем, от наследственности анатомических, физиологических, поведенческих и когнитивных признаков, от многообразия типов организмов благодаря мутациям, дифференцированной репродукции на основе различной пригодности, как правило, носящая обозначение «естественный отбор», от эволюции как процесса развертывания и приспособления. То, что помимо этого существуют еще и иные факторы эволюции, например, изоляция, занятие ниши, геновая рекомбинация, является для эволюционной теории познания хотя и значимым, но не решающим. Эволюционная теория познания была бы все же непрочна, если бы был ложен один из названных эволюционно-теоретических принципов.

Несмотря на эту сильную зависимость, было бы ошибочным рассматривать эволюционную теорию познания в качестве части эволюционной биологии. В то время как теория эволюции является чисто биологической и, таким образом, естественно-научной теорией, эволюционная теория познания наряду со своими дескриптивными и объяснительными элементами содержит также экспликативные и нормативные элементы, которые выделяют ее как некую метанаучную дисциплину. Стало быть, она явно выходит за пределы и «биологии познания» или «биологии когнитивных процессов».

С самого начала термин «эволюционная эпистемология» обозначает две различные исследовательские программы, мнения о связях и различиях между которыми различаются. С одной стороны, этот термин означает биологическую теорию, которая рассматривает когнитивные способности человека как продукт генетической органической эволюции. В качестве таковой эта теория является «сателлитом» биологической эволюционной теории, полностью зависимой от признания и достоверности последней. И все же она может рассматриваться как собственно эпистемология, поскольку не только проявляет интерес к генетическим характеристикам субъекта, но и подробно объясняет априорные условия знания, взятые как филогенетические *aposteriori*. Как показал Кэмпбелл, эту точку зрения разделяли многие философы и биологи, ее придерживался, конечно, и сам Дарвин. Ибо он предполагал, что все

животные обладают знанием без опыта и, возможно, также человек. Вот почему он убежден, что тот, кто понимает обезьян, сделал больше для философии, чем Локк. Именно исследование Лоренца по этологии дало систематичное основание этой точке зрения. С другой стороны, выражение «эволюционная эпистемология» означает всякие попытки описать и объяснить развитие науки, включая ее динамику, а в более узком смысле динамику развития теорий по структурной аналогии с биологической эволюцией. Основными приверженцами такой эволюционной эпистемологии, которую лучше следовало бы называть эволюционной теорией науки, являются С. Тулмин и К. Поппер.

Хотя эти две формы эволюционной эпистемологии возникли независимо друг от друга, они с самого момента своего появления имеют непосредственные связи друг с другом.

Таким образом, Поппер опирается на Лоренца, вводя метод «проб и устранения ошибок» в теорию науки. Он называет этот метод «биологией познания», проводя знаменитое сравнение между амебой и Эйнштейном: они оба подчиняются механизму, который предполагает программирование, базирующееся на филогенетически приобретенной информации. Это равнозначно признанию базисного соответствия когнитивного оснащения всех живых существ, от самых простейших до самых высокоорганизованных, в отношении их когнитивных способностей, причем эта позиция выходит далеко за пределы простой аналогии. Тулмин делает свое предположение независимо от Поппера и создает чисто метафорическую теорию эволюции науки, близкую к модели гомологического механизма жизни и познания. Он предполагает, что мы не должны перенимать базисный механизм мутации и отбора в неизменном виде и рассматривать его в качестве основного механизма познания, и подчеркивает существенное различие между этими двумя механизмами. Это различие заключается в том, что мутация и отбор обычно являются независимыми в генетической органической эволюции, тогда как в процессе эволюции научного знания они срастаются и оказываются все более и более связанными друг с другом.

Например, Э.М. Энгельс и Г. Фоллмер проводили различие между этими исследовательскими программами и даже резко разделяли их, так что предполагалось, что понятие «эволюционная эпистемология» должно использоваться исключительно для обозначения биологической эпистемологии, а более широкое поле исследований надо называть «эволюционной теорией науки». Точка зрения Эзера всегда заключалась в том, что название научного анализа человеческой когнитивной способности «эволюционной эпистемологией» уместно только в том слу-

чае, если результат может быть использован для самообоснования научной методологии. Эта позиция приводит к созданию двухъярусного понятия, в котором, по мнению Эзера, эволюционная эпистемология изучает филогенетические предпосылки человеческого познания, тогда как эволюционная эпистемология как метатеория оглядывается назад — на исторические и культурные результаты человеческих научных достижений, используя регрессивную структуру аргументации. Для обеих областей мы постулируем единый механизм (не просто аналогичный, а гомологичный), укорененный в одном общем источнике. Таково было и основное намерение и самого Лоренца, как мы видим сейчас, изучая его.

Мы можем это назвать «эпистемологической полнотой науки» по аналогии с «эпистемологической полнотой математики» в формализме Гильберта. Наука, таким образом, может развивать свои эпистемологические основания внутри себя, не принимая никаких внешних принципов из других областей. Если такая форма натурализованной эпистемологии, дедуцирующая априорные условия для возможного опыта из истории субъекта как биологического вида, все еще является философией, она является такой, которая может быть развита только в рамках естествознания. Для нее требуется один единственный «онтологический» догмат, настолько простой, что его едва ли можно отрицать. По словам Лоренца, философия должна рассматривать как реально существующее то, что пытается разглядеть наука. Вообще говоря, это означает признание эмпирически познаваемого реального мира как такового и то, что субъект — это не просто трансцендентальный конструкт (Кант) или граница мира (Витгенштейн), а конкретное физическое существо, которое является частью этого мира и которое само, стало быть, может быть исследовано с помощью научных процедур.

Здесь отрицается вовсе не то, что мы можем иметь философскую или чистую эпистемологию такого рода, какую стремился создать Кант, но только эпистемологический пуризм, который доходит до «отказа от знания», а именно от биологических результатов, которые не только релевантны для философской эпистемологии, но и работают в качестве критерия для принятия решений в беспорядочной массе философских, эпистемологических систем. Почему? Не потому, что настаивают на том, чтобы поставить научные прозрения и догадки до и сверх философии, а потому, что существует классический философский тезис, отрицающий двойную истину. Даже если мы предположим, что научное знание всегда является гипотетическим и подвержено пересмотру, оно выполняет свою роль как проверяющее

и поддерживающее различные и иногда взаимно противоречащие философские ориентации. То, что должно считаться «истинным» для науки, должно быть «истинным» также и для философии. Во всяком случае, это так для эпистемологии, которая дает основу для научной процедуры. Эта эпистемология должна — самореферентным образом — содержать результаты естествознания.

Мы должны признать, что эволюция есть эмпирический факт. Только если сам человек как представитель вида *Homo sapiens* со всеми его когнитивными способностями является результатом естественного процесса развития, мы можем обосновать «естественную науку человека», выходящую далеко за пределы простого осмотра телесной структуры и функции. Это влечет за собой понимание, что мы не можем одновременно признавать биологическую эволюцию и отвергать эволюционную эпистемологию в принципе. И наоборот, если бы была установлена ложность теории биологической эволюции, то эволюционная эпистемология тоже была бы фальсифицирована. Прежде чем мы сможем обосновать это пересечение областей науки, присущее всякой биологической теории познания, мы должны уяснить себе статус биологической теории эволюции внутри теории науки.

Теория эволюции представляет собой объяснение эмпирического факта. То, что живые существа эволюционировали и продолжают эволюционировать, — не предположение, а твердый и неопровержимый факт, продемонстрированный бесчисленными находками окаменелостей и многочисленными наблюдениями изменений существующих в настоящее время видов, и в случаях, поколения недолговечны, даже за пределами специфических границ. Вся практика разведения растений и животных, которая со времен неолита является материальным базисом цивилизации, просто является осуществляемой человеком внутривидовой и внутривидовой «микро-эволюцией». Подобным образом «макро-эволюция», изменения фауны и флоры на протяжении истории Земли привела к всеобъемлющим изменениям в филумах, классах и отрядах и является настолько бесспорной для палеонтологов, как и стадии развития индивидуальных организмов для эмбриологов. То, что животные связаны друг с другом, в большей или меньшей степени похожи друг на друга и что существуют исторические последовательности окаменелостей, — это уже не предположения, как во времена Дарвина, а — в свете современных достижений морфологии и палеонтологии — эмпирические факты, больше не подвергаемые сомнению ни одним серьезным экспертом.

Когда мы доходим до объяснительных утверждений эволюционной теории, дело усложняется.

Для этого требуется очень сложная теория, состоящая из нескольких частей, разработанных в значительной степени во взаимной изоляции (теория общих предков, теория изменений видов, теория причин изменений) и покрывающих в настоящее время несколько типов объяснений на различных уровнях анализа (от морфологии/анатомии до популяционной генетики и молекулярной биологии). Такая широко ранжированная теория, естественно, до сих пор скрывает внутри себя несовпадения и разногласия, касающиеся, например, единицы отбора (ген или индивидуальная особь) и путей протекания эволюции (непрерывно или пошагово). Ни одно из этих разногласий не считается препятствием для признания биологической эволюции вообще, так как для этой теории не существует научно обоснованной альтернативы. Провал попыток достижения недостижимых идеалов абсолютной определенности заставляет нас признать, что вопрос о научном статусе биологической эволюции решен: существуют бесчисленные отдельные открытия во всем пространстве биологического знания, и ни одно из этих открытий не противоречит факту биологической эволюции.

Чтобы добраться до эволюционной эпистемологии, мы должны, следовательно, продолжить свое движение через эволюционную этологию, сравнительное изучение поведения, которое предполагает, что поведение живых существ, в особенности их когнитивное поведение или механизмы, являются специфическими для вида знаками, подобие которых основывается на их родстве. Лоренц, основатель этой биологической дисциплины, настаивал на том, что сравнительная этология является не только психологией животных, хотя она имеет дело преимущественно с животными, но в принципе имеет человека в качестве предмета своего исследования. Без знания существ, живших на Земле до появления человека и продолжающих на ней свое существование, невозможно понять человека. Путь к его пониманию проходит через понимание животных, так же как и его восхождение, несомненно, происходило через них. Рассуждая логически, эволюционная эпистемология затем постулирует, что когнитивные способности животных могут быть поняты посредством анализа филогенетических связей с точки зрения сходства и несходства между существующими в настоящее время животными. Наше отличие от животных по когнитивным способностям объясняет и обосновывает нашу особую позицию, как подчеркивал Лоренц, хотя он был неправильно понят. Уникальная позиция человека с точки зрения его когнитивных способностей есть факт, базирующийся на палеонтологических находках через этологию, указывающий на изменение направления эволюции:

ибо не оптимизация сенсорной перцептивной системы обработки информации обусловила эволюцию гоминид, а возникновение лучшей центральной системы обработки информации.

Второе колесо эволюционной эпистемологии определяется специфической позицией Homo sapiens и поэтому позволяет научному методу себя обосновать. Ибо научное знание основывается на предположении о существовании самой определенной связи между внешним миром и тем способом, каким он является познающему субъекту, без чего всякое исследование было бы просто бессмысленно. Вот почему филогенетическая эпистемология вскоре была одобрена самыми различными учеными, такими как Планк и Гейзенберг, Райн и др.

Для этой видоспецифической и уникальной для человека способности преодоления врожденных когнитивных механизмов существуют научные нейробиологические основания, которые коренятся в онтогенетическом развитии человеческого мозга. Дело в том, что уникальным свойством человека является то, что для него онтогенез является причиной гораздо большего, чем филогенез. Врожденные когнитивные механизмы человека являются необходимыми для выживания, но недостаточными для научного познания. Их позднее невозможно найти в генетически обусловленных структурах и функциях человеческого мозга, во «врожденном основании» (Кант), но только в эпигенетических и самоорганизующихся процессах, базирующихся на внутренних принципах функционирования сложной центральной нервной системы человека, которая через свои периферические органы чувств вступает в контакт с внешним миром и посредством этого претерпевает индивидуальные изменения.

Связь познания и эволюции имеет много аспектов. Становится очевидным, что если принять эволюцию всерьез, то когнитивные феномены в животном и человеке должны рассматриваться как биофункции, которые были сформированы как и другие биофункции, например, такие как дыхание или пищеварение, в ходе эволюции посредством естественного отбора. Однако остаются пока непроясненными следующие вопросы: как работает естественный отбор, должны ли мы рассматривать механизмы, отличные от естественного отбора, происходит ли эволюция шаг за шагом, постепенно и должны ли мы объяснять структуры и функции живых систем просто как результаты их адаптации к среде. Таким образом, возникли — и продолжают существовать по сей день — различные теории эволюции живой природы. Неудивительно, следовательно, что мы имеем также различные теории эволюции познания, по крайней мере, различные взгляды на эволюцию познания. Лоренц утверждал, что

«эволюция есть процесс познания, потому что любое “приспособление” к определенным условиям внешнего мира означает, что органическая система получает некоторое количество “информации” об этих условиях» [3, с. 248].

Поэтому связи между эволюцией и познанием понимаются по-разному, в зависимости от тех парадигм, на которых основываются эволюционные исследования познания. Более того, различия могут быть найдены в том, в каких пределах допускаются эволюционные подходы к когнитивным явлениям. В то время как некоторые авторы сконцентрировали внимание на изучении эволюции восприятия, обучения и иных когнитивных способностей, равно присущих и животным и людям — и, стало быть, ограничили свои исследования биологией в узком смысле этого слова, — другие создали эволюционные модели систем человеческого знания и осмелились объяснить развитие науки в терминах эволюции, в частности, применяя парадигму естественного отбора. Здесь возникает вопрос, можно ли, вообще говоря, разделять эти исследовательские программы, ибо, если люди являются организмами, их способности познания — даже в их наиболее сложной форме (научного познания) — обусловлены органической эволюцией. Итак, проведение всего лишь аналогий между эволюцией научных идей и эволюцией живой природы недостаточно. Кто-то склонен считать, что инициатива рассматривать познание с эволюционной точки зрения «может продвигаться, только если принять биологическую эволюцию всерьез и признать человека в буквальном смысле слова животным... и как такового подверженным биологической эволюции в буквальном смысле слова» [8]. Это утверждение может вызвать критику как вульгарный редуционизм и потребует некоторых объяснений.

Познание может быть определено как итоговый результат процессов, посредством которых живые системы приобретают информацию. Эти процессы включают в себя восприятие, представление, память, воображением, мышление, язык и т.д., и обычно рассматриваются как процессы, делающие возможным решение проблем. Познание, стало быть, в той или иной мере является свойством всех животных. Конечно, не каждый вид животных демонстрирует наличие всех когнитивных способностей, начиная с одноклеточных организмов и кончая *homo sapiens*, или картину, нарисованную Поппером, «от амебы до Эйнштейна». Эйнштейн осознанно отдает отчет о своих ошибках, в то время как амеба не осознает свои ошибки, но она способна использовать метод проб и ошибок и собирать некоторую информацию о мире, который ее окружает. Несомненно, познание есть биологический феномен. По-

знание зависит от органов чувств — и на него накладывают ограничения органы чувств — (или, в случае одноклеточных организмов, от органелл), от нервных систем мозгов. То же самое справедливо и для человеческого познания (знания), на которое — даже в наиболее развитых, сложных его формах (сознание, язык, наука) — накладывают ограничения биологические факторы. Это ни в коей мере не означает, что мы должны отрицать или пренебрегать значением социальных и культурных факторов в развитии человеческого познания. Тем не менее, в первую очередь должны рассматриваться биологические основания (человеческого) познания. Это без труда выводит нас на эволюционные размышления.

Подводя итог, приходим к заключению, что познание может быть объяснено в эволюционных терминах. И человеческое знание не является при этом исключением.

Эпистемологи часто ссылаются на Канта и на его монументальный труд «Критику чистого разума», в котором категории знания, кажется, являются абсолютными и «человеческий интеллект... обладает определенными знаниями *arriori*» [1, с. 2]. С биологической и эволюционной точки зрения, однако, эти «знания *arriori*» не являются неизменными, а, как заявил Берталанфи, «изменяются с продвижением научного познания» и зависят «прежде всего, от биологических факторов» [7, р. 73].

В последние десятилетия эволюционная эпистемология сближается с компьютерной эпистемологией и когнитивной психологией. Она превращается в область междисциплинарных исследований, где все большее применение находят не только новейшие представления о биологической эволюции, нейроэволюции как эволюции нейронных систем мозга, но и модели переработки информации, доказавшие свою эффективность в когнитивной науке, в новых дисциплинах, возникших на стыке биологии и когнитивной науки, например, в компьютерной нейробиологии и вычислительной молекулярной биологии, в эволюционной кибернетике, нейроинформатике.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. Минск: Литература, 1998. 959 с.
2. Ламарк Ж.Б. Философия зоологии. М.: Наука, 1911. 313 с.
3. Лоренц К. Обратная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. 393 с.
4. Ридль Р. Расщепление картины мира. Биологические основы объяснения и понимания // Современные теории познания / под ред. Л.А. Бобровой, Л.Т. Мордвинцевой, А.И. Панченко. М.: ИНИОН, 1992. С. 130–141.
5. Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте био-

логии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М., 1998. 255 с.

6. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности. М.: Новое литературное обозрение. 2010. 392 с.
7. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. N.Y.: Braziller, 1968. 296 p.
8. Skagestad P. Taking Evolution Seriously: Critical Comments on D.T. Campbells Evolutionary Epistemology // The Monist. 1978. Vol. 61, № 4. P. 611–621.

Получено 28.01.2016

References

1. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Minsk, Literatura Publ., 1998, 959 p. (In Russian).
2. Lamark Zh.B. *Filosofiya zoologii* [Zoology Philosophy]. Moscow, Nauka Publ., 1911, 313 p. (In Russian).
3. Lorents K. *Oborotnaya storona zerkala* [The reverse side of the mirror]. Moscow, Respublika Publ., 1998, 393 p. (In Russian).
4. Ridl R. [Splitting worldview. Biological basis of explanation and understanding]. *Sovremennye teorii poznaniya* [Modern Theory of Knowledge]. Moscow, INION Publ., 1992, pp. 130–141. (In Russian).
5. Follmer G. *Evoljucionnaya teoriya poznaniya. Vrozhdennye struktury poznaniya v kontekste biologii, psikhologii, lingvistiki, filosofii i teorii nauki* [Evolutionary theory of knowledge. Congenital structure of knowledge in the context of biology, psychology, linguistics, philosophy and theory of science]. Moscow, 1998, 255 p. (In Russian).
6. Sheffer Zh.-M. *Konets chelovecheskoj isklyuchitelnosti* [Ending of human uniqueness]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010, 392 p. (In Russian).
7. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. N.Y.: Braziller, 1968, 296 p. (In English).
8. Skagestad P. Taking Evolution Seriously: Critical Comments on D.T. Campbells Evolutionary Epistemology. *The Monist*. 1978, vol. 61, no. 4, p. 611–621. (In English).

The date of the manuscript receipt 28.01.2016

Об авторе

Данакари Лилия Ричарди

кандидат философских наук, доцент кафедры
общих гуманитарных и математических дисциплин

Международный славянский институт
(Волгоградский филиал),
400001, Россия, Волгоград, ул. Академическая, 22;
e-mail: liliya.danakari@ya.ru

About the author

Danakari Liliya Richardi

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
of the Department of General Humanitarian
and Mathematical Disciplines

International Slavonic Institute (Volgograd branch),
22, Academicheskaya str., Volgograd, 400001, Russia;
e-mail: liliya.danakari@ya.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Данакари Л.Р. Эволюционная эпистемология об эволюционно-биологических предпосылках познания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 27–35. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-27-35

Please cite this article in English as:

Danakari L.R. Evolutionary epistemology of evolutionary-biological preconditions knowledge // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 27–35. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-27-35

УДК 130.1:316.32

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-36-46

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБРАЗА: ПОНЯТИЕ, УРОВНИ, СТРУКТУРА

Попов Дмитрий Николаевич

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Цель данной статьи — раскрытие содержания понятия «социальный образ» в контексте последних исследований социально-конструктивистских и феноменологических направлений. Автор оценивает характер влияния социальных образов на общество. Исследования «расстраивания интенций» социального образа показывают, что феномен «мифа» является частным случаем искажения социального образа. Выявляется радикальное отличие мифогенеза и смыслогенеза социального образа, в основании которого находится уровень «чистого сознания» Э. Гуссерля. С помощью оценки уровня очевидности становится возможным развенчания мифа, несмотря на общую онтологическую структуру дискурса социального образа и восстановление глубинного интенционального уровня образа («чистое сознание»). На основе этого дается авторское определение социального образа как образа, передаваемого в intersубъективном взаимодействии разного уровня сознания и имеющего императивный и мотивирующий характер за счет онтологической структуры и способности передавать ощущение очевидности. В соответствии с уровнями восприятия и феноменологической редукции выделяется структура социального образа и оценивается характер влияния на общество каждого из них. Результаты данного исследования применимы в области социального конструирования, в частности, в оценке социальных проблем и образовательных систем. Автор приходит к необходимости реализации концепции «жизненного мира» Э. Гуссерля как общества, в intersубъективных структурах которого находится уровень «одиноким душевной жизни». Эта необходимость обосновывается негативными последствиями мифологизации общества и неизбежными социальными проблемами как следствия понижения уровня intersубъективных структур. Возможность реализации «жизненного мира» автор видит в преобразовании образовательной системы.

Ключевые слова: образ, социальный образ, феноменология, уровни феноменологической редукции, intersубъективные структуры, жизненный мир.

PHENOMENOLOGY OF SOCIAL IMAGE: CONCEPT, LEVELS, STRUCTURE

Dmitriy N. Popov

P.G. Demidov Yaroslavl State University

The purpose of this article is devoted to the concept of «social image» in the context of the latest research of socio-constructivist and phenomenological directions. The author assesses the influence nature of the social images on the society. The research of the «upsetting intentions» of social image show, that the phenomenon of «myth» is a special case of social image distortion. The author found out a radical difference between the myths genesis and the genesis of the meanings of social image, which has a level of E. Husserl's «pure consciousness» in his foundation. With the help of estimation of evidence level it becomes possible to dispel the myth in spite of general ontological structure of discourse of social image and restoration of deep intentional level of the image (pure consciousness). On the basis of this the author gives his own definition of a social image as an image which is conveyed in intersubjective interaction of different consciousness levels and which has imperative and motivating character for account of ontological structure and the ability to convey a feeling of evidence. In accordance with the levels of perception and phenomenological reduction the author singles out a structure of social image and estimates how these levels of perception influence a society. The results of this research can be used in the sphere of social construction, in particular they can enable to estimate social problems and educational systems. In the end the author comes to the conclusion that it is necessary to realize the conceptions of «life-world» of Husserl as a society in which the intersubjective structures have a level of «a lonely spiritual life». The author considers that it is necessary to do this cause of nega-

tive aftermath of mythologization of society and unavoidable social problems which are the result of reduction of the level of intersubjective structures. The author believes that it is possible to realize «life-world» through the reform of educational system.

Keywords: image, social image, phenomenology, phenomenological reduction levels, intersubjective structure, life-world.

Понятие и уровни социального образа

Понятие «социальный образ» все чаще используется в социально-философском анализе. В связи с ростом влияния позиций социального конструктивизма понимание онтологии социума становится более глубоким, подчеркивается роль субъективных и интерсубъективных феноменов, для социально-философского анализа которых и применяется концепция «социального образа».

Знание в форме образа естественно усваивается, легко для понимания и отражает глубинное мировоззрение человека, систему его ценностей, потребностей, его окружение, психофизическую природу, профессиональную, коммуникативную, духовную квалификацию и внутренний опыт человека. Образы или образ общества формируются в результате наблюдений за социальной действительностью, чаще всего через общение и следование за примером, а также за счет «стихийного» психологического опыта и, кроме того, на основании философских, идеологических, религиозных, научных и иных концепций.

Социальный образ воспроизводит цели и функции общества. Это хорошо проиллюстрировано исследователем социального образа С.И. Сильновой: «Образ общества может выступать в функции перспективы, горизонта, фокуса: фокуса — в смысле высвечивания несовершенств общества, горизонта — как обозначения возможностей социальной прогрессии, перспективы — как направления желаемого и реально осуществляемого движения по совершенствованию или преодолению социальных недостатков и аллюзий» [13]. Поэтому анализ образов социальной реальности способен выявить социальные проблемы общества, динамику его развития, ориентиры и цели деятельности его членов и реальные процессы, происходящие в нем.

Социальный образ, по сути, является образом взаимосвязей между разными категориями общественной жизни. Исследования интерсубъективных структур, выступающих как независимые от сознания и воли субъектов, стимулирующие и сдерживающие их действия, начались относительно недавно. В подтверждение этому П. Бурдьё пишет, что в наше время одним из важнейших аспектом социологии должна стать социология восприятия социального мира для объяснения процессов конструирования реальности через социальное конструирование [20, p. 132].

Трансцендентально-феноменологический подход Э. Гуссерля рассматривает понятие «интерсубъек-

тивность» как «вчувствование в опыт Чужого» и как смыслогенез общезначимого мира. Это понимание является ключевым для раскрытия социального значения образа как инструмента конструирования социальной реальности.

Социально-конструкционистский подход хорошо показывает онтологические основания и общественную значимость социального образа. Социальный образ является ядром конструирования социальной реальности. За счет объективированных образов в процессе социализации он формируется, изменяется, становится субъективной реальностью индивида, в ходе общения и освоения индивида в обществе он становится интерсубъективным, затем этот образ формирует цели, ориентиры деятельности человека и через его деятельность экстернализируется и объективируется в обществе. Таким образом, социальный образ способствует качественному изменению общества. Искажение образа приводит к формированию социальных, мировоззренческих, психологических, идеологических и духовных проблем.

В рамках социально-конструкционистского подхода П. Бергер и Т. Лукман вводят понятие «знание» через концепцию реальности: «Для наших целей достаточно определить “реальность” как качество, присущее феноменам, иметь бытие, независимое от нашей воли и желания (мы не можем “от них отделаться”), а “знание” можно определить как уверенность в том, что феномены являются реальными и обладают специфическими характеристиками» [2, с. 9]. Отличительная черта феноменологического подхода к социальной реальности состоит в том, что в этом случае не обращается внимание на действительность бытия фактов, а рассматриваются лишь представления индивидов о реальности, исходя из которых индивиды действуют. Данные представления могут находиться на разных уровнях феноменологической дескрипции. По сути понятие «знание» отсылает нас к понятию веры. Вера или очевидность как атрибут дескрипции также может соответствовать разным уровням сознания. Так, очевидность на низком уровне сознания может стать наивной установкой «само-собой-разумеющегося» знания онтологического дискурса: «“ассерторическая (неадекватная, нечистая) очевидность” “слепа”: значения слов совершаются на основе темной, “путано сознаваемой подосновы акта, которой не достает разумного усмотрения”» [14, с. 349]. Поэтому только на уровне «чистого сознания» она является аподиктической истиной. Так, в философии Владимира Соловьева вера является главным источником знания и

дает живое смысловое содержание абстрактным образам. Именно это ощущение ясности и очевидности становится движущей силой деятельности человека. Данное ощущение очевидности обретается главным образом в интересубъективном контакте при получении подтверждения. Поэтому, как показал В.Б. Сокол в исследовании проблемы «непонятого Гуссерля», образ и язык в широком смысле слова «в принципе не способен осуществляться в одинокой субъект-центрированной монаде: нозматические смыслы, закладываемые в знаки сверху–вниз, нуждаются в подтверждении совместным сопереживанием...» [14, с. 391]. Социальный образ возможен только в интересубъективном контакте. Подлинный интересубъективный контакт возможен только вне концептуального каркаса, в «чистом сознании», феноменологической установке всех участвующих субъектов. Данные условия выполняются очень редко, поэтому чаще в постструктуралистском подходе идет речь о более низких уровнях сознания, находящихся под влиянием концептуального каркаса, во власти дискурса, на что обращает наше внимание исследователь постмодернизма И.П. Ильин: «Этот подход в большей степени направлен на изучение бессознательных интеракций, а не рациональной основы деятельности. В постструктуралистском подходе вводится концепция “смерти субъекта”» [7, с. 83]. В методологии Э. Гуссерля за счет активного смыслогенеза, заключающегося в преодолении субъект–объектного противопоставления, установленного Декартом, происходит непосредственное созерцание эйдосов, интенциональных образов вещей. Однако, как показал современный отечественный феноменолог В.Б. Сокол, «пока мы находимся в пределах естественной установки, пусть даже априорной, разрыв между истинной сферой смыслогенеза “одинокой душевной жизни” и внешнего поля коммуникационных знаковых систем (прежде всего языковых) с неизбежностью будет порождать смысловые “эквивокации” (сомнительное знание). Утрата феноменологической установки в лучшем случае приводит к честному агностицизму трансцендентального субъекта Канта» [14, с. 180]. В связи с этим важно проанализировать социальный образ как смысловую «эквивокацию» или миф сквозь призму уровней дескрипции естественной установки.

Ю.С. Осаченко провела исследования мифа в феноменологическом подходе. «Мы отталкиваемся, — пишет она, — от понимания мифа как самоценной формы опыта сознания, экзистирования и фундаментальной интерпретативной “настроенности”, истолкования мира. Прояснение условий возможности адекватной интерпретации мифа предполагает рассмотрение мифа как формы мышления и опыта, обладающей истинностным и личностным (экзистенциальным) измерением, как конституирования специфической предметности» [9, с. 200]. Та-

кое понимание хорошо коррелируется с феноменологическим исследованием социального образа.

Таким образом, миф является интерпретационной основой дискурса: «Миф определенной традиции как парадигма предельно-несомненного онтологического полагания некоторой идентичной тождественности является структурой сознания» [9, с. 201]. В нашем исследовании под структурой сознания имеются в виду уровни естественной установки: психофизический, лингвистический и трансцендентальный (в терминологии Канта). В философии Э. Гуссерля дается следующее понимание мифа: «Акт познания — это акт совпадения подразумеваемого (Мыслимого) и созерцаемого в интуиции (Сознании), приводящее к очевидности. Так как не всегда интендируемая предметность получает соответствующее созерцательное наполнение, то и не всякий интенциональный акт является актом познания: если нет совпадения подразумеваемого и созерцаемого, то нет очевидности, значит — нет познания (Гуссерль называет такой случай “расстраивание интенции”» [14, с. 118]. Из этого утверждения следует, что миф с точки зрения феноменологии — это расстраивание интенции, то есть мышление без внутреннего осознания как активного смыслогенеза, где смысл аподиктически «усматривается» в переживании мира.

В этой связи можно вспомнить о концепции идеологии и мифа Р. Барта. В ней идеология является искусственным порождением идеологического общественного сознания, сформированного и поддерживаемого за счет мифов. Идеология с точки зрения феноменологии будет порождением дискурса, основанного на онтологических клаузах. В ней не используются клаузы гносеологического дискурса. Текст будет утверждать определенную концепцию и указывать на конкретную деятельность без объяснений и проверки истинности выдвигаемых утверждений.

Р. Барт далее уточняет: «...миф — это коммуникативная система, сообщение, следовательно, миф не может быть вещью, конвентом или идеей, он представляет собой один из способов значивания, миф — это форма» [1, с. 72]. В связи с этим можно сказать об особенностях мифогенеза и смыслогенеза Э. Гуссерля. В мифогенезе «сознание выступает как самофиксирующая себя целостность человеческого бытия, где на равных соприсутствуют созерцание (чувственный образ), переживание (эмоционально-аффективная экзистенциальная составляющая), мышление (умозрительный образ и понятие) и праксис (действие)» [9, с. 201]. Э. Гуссерль называл такое состояние сознания хаbitуальным: оно «на основе онтологически-дискурсивных клауз <...> описывает “Я” естественной установки как “обнаруживающее” себя в некотором “окружении”. Это “окружение” составляют исключительно ему при-

сущие, отличающие его от других и неизменно присутствующие хабитуальные (в терминологии Гуссерля) характеристики...». «Получается, под категорией “хабитуального Я” у Гуссерля подразумеваются все 4 возможных статуса субъекта — психофизический, лингвистический, трансцендентальный и интенциональный» [14 с. 299–300, 244–245]. Отсюда следует, что миф — это форма образов хабитуального субъекта.

Ю.С. Осаченко описывает процесс мифогенеза следующим образом: «Для сознания одинаково существует все, что дано в опыте той или иной ипостаси. Но мы не можем вечно вращаться в круге равнозначных возможностей, на какой-то группе предпосылок нужно остановиться, <...> сами они <...> будут принадлежать к априорным условиям и предпосылкам, которые вообще делают возможным истолкование фактов <...> Предпочтение, которое отдает конкретный человек, базируется не на мысли. В этом — залог непреходящей плюральности жизненного мира, а также имманентности мифогенеза» [9, с. 202]. Однако с точки зрения феноменологии «чистого сознания» описываемый мифогенез относится к естественной установке сознания: «Хабитуальное “Я”, можно сказать, “занято” в естественной установке только тем, что осваивает постоянно изменяющийся поток актов своего “обладания”, в котором оно наивно чувствует себя “законным” господином. В то время как, по сути, происходит постоянное смешение онтологически-дискурсивных “регионов” психофизического, лингвистического, трансцендентального и интенционального опыта (знания), то есть смешение актов Сознания с разными функциональными модусами Мышления» [14, с. 245–246]. Отличительным признаком мифа является фантомность — обозначение предпочтенного социального образа как «само собой разумеющегося» и принципиальная непонятность и необъяснимость других типов социальных образов. Предпочтения выбираемым образам отдаются в зависимости от уровня редукции естественной установки. В «чистом сознании» данное предпочтение является аподиктической истиной, и смыслогенез направлен «сверху–вниз», т.е. от смыслов, заложенных в объектах, к интенциональному языку «чистого сознания».

Структура мифа имеет три составляющих: знак, означаемое и означающее. Знак является результатом ассоциации означаемого и означающего. Миф — это знак второго порядка. Несколько знаков образуют смысл (в терминологии Р. Барта), этот смысл деформируется, уходит на второй план, оставляя пустую форму — означаемое. Эту форму общественное сознание заполняет новым концептом — означающим. В ассоциативной взаимосвязи формы и концепты мы получаем миф — знак второго порядка. Суть мифа в том, чтобы сделать эту взаимосвязь формы и концепта естествен-

ной, а не скрывать ее. Задача мифолога и феноменолога — раскрывать искусственность этой взаимосвязи. Однако с позиции феноменолога эта искусственность включает в себя более глубокий характер и выходит за рамки историчности смысла.

Здесь также важно отметить, что чем больше уровень дескрипции в естественной установке, тем сложнее обнаружить данную искусственность. Например, на уровне лингвистической дескрипции заложен принципиальный антисубъектный поворот: смысл есть функция не психики, но структур. Смысл создается уже не личностью, а контекстом, но еще не черпается «чистым сознанием» из объекта. А личность есть не более чем инструмент, связывающий контекст и происходящее [17, с. 146]. Н. Луман постулировал инструментальную природу смысла: «Смысл существует исключительно как смысл использующих его операций, а значит, лишь в тот момент, когда он этими операциями определяется — не раньше и не позже. Поэтому смысл — это продукт операций, использующих смысл, а не какое-то свойство мира...» [8, с. 47]. Данный поворот является эйдетической редукцией, которая выносит за скобку психофизический образ, поэтому данный подход выглядит более убедительным, «очаровывающим». Однако сохраняется онтологическая клауза тождественности сознания со структурами языка или актов генерации смыслов и дискурсивной практики. На данном примере также можно увидеть, как работает «эффект очевидности»: чем больше онтологические клаузы образа или мифа основаны на интенциональной дескрипции и, соответственно, чем в меньшей степени в структуре образа преобладает естественная установка, тем убедительней образ. Но здесь есть и обратная сторона, когда внутренний смысл мифа является относительной истиной, основанной на интенциональной дескрипции, но ему придается форма в естественной установке как абсолютная истина. Данное сочетание имеет наиболее разрушительный эффект. Как порождение идеологии миф всегда корыстен, имеет неявный императивный и мотивирующий характер. Однако сама идеология осуществляет производство этих мифов совершенно искренне.

В противоположность мифогенезу опишем процесс формирования социального образа на основе «чистого сознания» или то, как возможна реализация в языке «антидискурса». В.Б. Сокол так описывает проблему дискурса: «“Осквернение” смысла при коммуникативном контакте с тем или иным знаком неизбежно, ибо ограничивает всю полноту данного смысла, диверсифицируя его в бесконечных конфликтующих интерпретациях (П. Рикер), навязываемых семиотическими условиями того или иного коммуникативного договора (дискурса)» [14, с. 155–156]. Данная проблема является очевидной и многократно поднималась современными филосо-

фами, в том числе с позиции релятивизма, как это сделал К.Р. Поппер. Семиогенетическое формирование «чистого» социального образа начинается с «рождения смысла в одинокой душевной жизни (einsames Seelenleben), где слова еще не служат знаком» [6, с. 46]. Далее интенциональный субъект («чистое сознание») «вкладывает в привычные слова смыслы интерсубъективной феноменологической коммуникации, которые, в соответствии с “Картезианскими размышлениями”, свободны от социально-культурной ангажированности, от власти дискурсивных эпистем Фуко» [14, с. 193]. Получаемый социальный образ — «это результат интенционального смыслогенеза, в данном случае бытийных смыслов. В противном случае мы теряем “надежные опоры” достоверного знания» [14, с. 199]. В этом случае социальный образ может носить форму онтологического дискурса, но не содержать онтологических суждений: «“истинно быть” суть результат “завершенного переживания сознания или его ноэматический коррелят”» [14, с. 352]. Так, «феноменолог может себе позволить вернуться уже в так называемую естественную установку без риска возвращения в наивное восприятие мира как “действительности, обретаемую как сущую так, как она мне себя дает”» [14, с. 400–401]. Таким образом, феноменологический подход является интегративным, так как включает в себя анализ обоих типов интенциональных структур — как сознания (феноменологическая установка), так и мышления (естественная установка), во взаимосвязи средства и цели: «дискурсивный язык служит инструментом реализации интенционального языка» [14, с. 386].

Миф является разновидностью социального образа и поэтому имеет схожую структуру. Предлагаемый инструментарий феноменологической редукции способен более глубоко проанализировать сущность мифа и, разоблачив, лишить его деструктивного влияния на общество и его членов. Разные концепции мифа, образа и других интерсубъективных структур можно также интерпретировать как мифы или дискурсы разного уровня сознания.

Исходя из выбранных акцентов можно сформулировать следующее определение «социального образа» в интегративном феноменологическом подходе. Социальный образ — это образ, передаваемый в интерсубъективном взаимодействии разного уровня сознания и имеющий императивный и мотивирующий характер за счет онтологической структуры и способности передавать ощущение очевидности. Данное определение дополняет понятие «социального образа» аспектом очевидности. Его анализ может показать уровень социального образа, несмотря на одинаковый характер онтологических клауз. А исходя из уровня можно определить направленность и предсказать последствия императивной составляющей.

Структура социального образа

Необходимо иметь в виду, что чаще социальные образы имеют хабитуальный характер, т.е. сочетают внутри себя разные уровни предметности и, соответственно, дескрипции, они даны в смешении разных уровней дескрипции восприятия хабитуального «я». Поэтому важно обозначить критерии различения этих уровней, применимых к социальному образу, и обозначить его структуру.

В процессе создания алгоритма обработки информационного сигнала нами были выделены уровни восприятия человеком различных социальных ситуаций [12, с. 68]. Люди действуют не только на основе информации, получаемой от органов чувств, но и на основе своего представления об этой информации, образов, которые вызываются этой информацией. Большинство этих образов заложены культурой. Человек может действовать согласно этим образам, не обращая внимания на то, насколько они соответствуют действительности. Их изменение является трудной, а порой и невыполнимой задачей.

Основой социальной перцепции является образное восприятие человеком своих взаимоотношений с окружающим миром. В соответствии с уровнями дескрипций можно выделить следующие основные уровни социального восприятия:

1. Уровень «Я». «Я» — это наблюдатель, воспринимающий информацию, субъект восприятия. Его функции: желать, делать выбор основной ориентации сознания.

Только на этом глубинном уровне «Я» можно говорить об автономии человека от различных детерминаций. Это уровень интенциональной дескрипции аподиктических истин, свободных от естественной установки. И только вне естественной установки возможно становление социальности, что подтверждают феноменологические исследования: «только исходя из моего собственного оригинального опыта властвования над своим телом, я могу по аналогии (аналогизирующая аппрезентация) понимать другое “живое тело”, в котором властвует другое трансцендентальное “Я” (интенциональный субъект), другая “душа”, другое Сознание» [14, с. 261]. Истоки социальности в душевной жизни видит и Э. Гуссерль: «Невозможно помыслить, что я был бы человеком в мире, не будучи при этом одним человеком среди многих [ein Mensch] <...> самосознание и сознание чужого неразрывны» [5, с. 333].

Инструментом сопряжения Сознания (переживания) с предметом или инструментом познания этого уровня является интерсубъективный феноменологически-коммуникативный интенциональный разум. Именно он распознает образы этого уровня, предме-

том которых является поток переживаний — интенции, подтвержденных в интересующей коммуникативной феноменологической установке. Также он совершает переход от адекватной очевидности к аподиктической с помощью интенционально-феноменологической редукции.

2. Уровень «Эго». Уровень хабикулярного «Я». Он отвечает за операцию галлюцинирования и достраивает воспринимаемую «реальность» до эталона с помощью выборки ипостаси, как это показывает Ю. Осаченко: «В мифическом опыте и мифологическом знаке осуществляется усилие по “достраиванию до целостности образа Бытия” <...> Он в рамках “методологии естественного реализма” выделяет в качестве ипостасей бытия сознания: разум или мышление, созерцание (чувственный опыт, в котором нечто дано как не-Я), переживание (экзистенциальный опыт, в котором дан неотчуждаемый Я-полюс) и праксис, действие, в котором интегрируются, “сплавляются” и преобразуются элементы опыта <...> “Они самоценны и самозначимы. Одинаково реально существует (для “естественного человека” как субъекта, не рефлексирующего перманентно. — Ю.О.) все, что дано в одной из ипостасей”» [10, с. 43].

Это переходный уровень восприятия от дескрипции феноменологической установки к дескрипции естественной установки. С точки зрения феноменологии он не находится на более высоком уровне, чем последующие за ним. Однако он соответствует этому уровню с позиции последовательности в процессе перцепции. Он объединяет все предметности образов последующих уровней естественной установки, отождествляемых с реальностью. Введение этого уровня также обусловлено спецификой четного, полярного социального рассмотрения.

Преодоление этого уровня происходит с помощью трансцендентально-феноменологической редукции, «которая позволяет феноменологу оказаться по ту сторону наполнения или ненаполнения интенции (чем обусловлена адекватная очевидность), так как ее принципом выступает “созерцание в рефлексии” — “чистое созерцание”, а не наполнение интендируемой предметности созерцанием (восприятие, воспоминание, фантазии и другие модусы Мышления), как в случае с адекватной очевидностью» [14, с. 120]. Феноменологическая установка позволяет созерцать одновременно предметности, ипостаси всех уровней, не отождествляя их с абсолютной реальностью.

Также важной функцией этого уровня является регуляция влияния отдельного нижестоящего уровня на весь процесс восприятия в целом, т.е. насколько отдельный уровень восприятия искажает полученную информацию. Таким образом, Эго определяет, каким будет действие: аффективным, традици-

онным (основанном на здравом смысле), то есть преимущественное влияние уровня ума, или рациональным, то есть преимущественное влияние уровня разума [18, с. 29].

3. Уровень «Разума». Отвечает за управление памятью и сознательное ассоциативное мышление, производит референцию. В отличие от уровня хабикулярного Я, разум может выносить за скобки ум, т.е. производить лингвистически-психологическую редукцию. Это осуществляется с помощью перехода от онтологического к гносеологическому дискурсу. Предметной областью образов этого уровня является ноуменальная реальность: принципы идей души и мировой души, этики и ноуменальной теологии (вера по Канту).

Вооружившись инструментарием гносеологического дискурса, разум отвечает за выбор мировоззренческих аксиом, принимаемых субъектом. От этого выбора будут зависеть образы поведения (этика, культура — уровень ума) и получаемый опыт, который будет впоследствии формировать желания. Следовательно, истинный трансцендентализм не может быть основан на мировоззренческих «само собой разумеющихся» установках.

Очевидны минусы такого положения разума как судьи, выбирающего истину: «может ли разум определять сущее? <...> Не является ли судья истинным судьей ровно настолько, насколько он служит закону, но никак не изобретает его? <...> Однако что способен познать такой судья со своим собственным законом? Только собственные субъективные “доксы”, ни о каком знании как “эпистеме”, знании истинного закона, то есть аподиктических истин, достоверных через самих себя, речи быть, разумеется, не может» [14, с. 105]. Поэтому этот уровень, со свойственной ему субъект-центристской позицией, необходимо преодолеть с помощью феноменологически-коммуникативного интенционального разума, концепция которого была глубже разработана В.Б. Соколом: «Коммуникативный разум выдвигается в качестве альтернативы “мифологизированному” и “субстанциализированному” инструментальному разуму, переведенному идеалистическими концепциями гегелевского типа на уровень философии сознания, который объявляется субъект-центрированным» [14, с. 369]. Ю. Хабермас, как первый противник инструментального разума, пишет о его недостатках: «Субъект-центрированный разум есть продукт распада и узурпации, то есть присвоения общественного процесса, в котором второстепенные факторы занимают место целого, не обладая при этом силой для ассимиляции всех его структур» [15, с. 328]. Таким образом, феноменология выявляет недостатки обычно превозносимого разума.

4. Уровень «Ума», лингвистический субъект: формирование умонастроения, желаний, эмоций. Умонастроение формируется за счет обработки информации согласно прошлым эмоциональным оценкам. Также здесь формируется вкус и производится логический анализ информации, поступившей от чувств, на основе здравого смысла, традиции, культуры, идеологии. Главной функцией ума является психофизическая редукция эмпирически воспринимаемого мира. «Язык действительно всегда впереди психологической рефлексии, ибо является “оперативной памятью” психологической жизни» [14, с. 201].

Примером, демонстрирующим влияние этого уровня образа, может служить Стенфордский эксперимент и эксперимент Милгрэма, которые показывают, как человек, попавший в ситуацию с заложенными в нее культурными установками, кардинально изменяет свое поведение. Исследования воздействия идеологии поведения Ханной Арендт также охватывают образы этого уровня.

Предметностью образов этого уровня являются лингвистические (традиционные, культурные, идеологические, «здравые») смыслы, логики. Они были подробно рассмотрены рациональной психологией И. Канта. В дескрипции данных образов преобладают онтологические клаузы, «само-собой-разумеющиеся» догматические аксиомы, присущие когнитивной наивности рассудка человека и замыкающие смыслогенез на ассоциативно-пассивной связи знака и объекта. Отсюда вытекает обуславливающее воздействие образов этого уровня, выделенное В.Б. Соколом: «в этом случае “лингвистический аппарат” человека является не более чем совершенным механизмом контроля социальной коммуникации (“власти дискурса”), а человеческий индивид получает роль “единицы интеллекта”, выдающей запрограммированный ответ на программируемый вопрос, буквально так же, как это воссоздается в операционной системе искусственно-интеллектуального алгоритма» [14, с. 292].

Данный уровень заключения в «концептуальный каркас», как уже было сказано, преодолевается с помощью гносеологической ориентации дискурса уровня разума или лингвистически-психологической редукции. Она выносит за скобки дискурсивно-лингвистический субъект и его предметность.

5. Уровень «Чувств». Это непосредственно перцептивный аппарат, доставляющий информацию об окружающем мире в ум. В данном ракурсе можно рассмотреть этот уровень с позиции деятельных чувств. Под влиянием энергии творчества действуют пять чувств органов тела у человека или под влиянием бессознательных рефлексов, инстинктов — у животных.

Предметностью образов этого уровня является эмпирически воспринимаемый мир: пространствен-

но-временной континуум, мое тело и другие как тела, эмпирический опыт, «физические феномены» психики человека. Генезис психофизического уровня образа можно соотнести со становлением психофизического субъекта: «интенциональный субъект Сознания, переживая акт привязанности к телу (а значит, и к жестко связанному с органами чувств тела рассудку, то есть к собственной психической конституции Мышления), становится по этой причине психофизическим субъектом» [14, с. 251]. Для этого уровня свойственно сведение всех аспектов культурной и духовной жизни к телесной реальности посредством цинизма.

Наше существо на этом уровне определяют половая, возрастная, расовая, профессиональная, семейная принадлежность. Реальность соотносится с пространственно-временной протяженностью с телом как с точкой отсчета координат нашего существования.

Этот уровень преодолевается с помощью гносеологически-дискурсивной перестройки психофизического дискурса — эйдетической или психофизической редукции. Она включает в скобки предметную область психофизического субъекта, переходя к лингвистическому субъекту.

Социальные образы экстернализируются разными формами общественного сознания и, в свою очередь, образуют многочисленные конечные области значений [2, с. 47]. Стандартно в структуре общественного сознания сначала выделяются два уровня по глубине осознанности: обыденно-практический и научно-теоретический. Они, в свою очередь, порождают два уровня знания [3, с. 445–455]. Само знание состоит из различных типизаций, универсальных положений и с их помощью сформированных повторяющихся моделей взаимодействия (этика и этикет). Знание также должно содержать в себе информацию о взаимосвязи различных феноменов. Оно подобно очкам, через призму которых человек смотрит на мир. Эти уровни знания хорошо сочетаются с уровнями социального образа:

1. «Повседневное знание — это знание, которое я разделяю с другими людьми в привычной самоочевидной обыденности повседневной жизни» [2, с. 44]. Это знание преимущественно находится на уровне ума и чувств или лингвистического и психофизического субъекта. Поэтому оно бессознательно, т.е. принято без осознанного выбора. Оно преимущественно социально детерминировано и иррационально, но «здравомысленно». Образы этого знания порождают повседневный или обыденный мир.

2. Теоретическое знание — знание, которое порождено научным, философским или религиозным сознанием. Оно находится преимущественно на уровне разума или трансцендентального субъекта. Это знание принимается на основе сознательного

выбора, из того, что предлагает социум, в котором находится человек. Образы этого знания порождают разные рациональные картины мира.

Охарактеризованные нами уровни восприятия и дескрипций позволяют «преодолеть возникающие теоретические подмены (эквивокации) и практические процессуальные смещения в отношении разного рода “индивидуальных и всеобщих предметностей”» [14, с. 326–327]. Тем самым мы можем говорить о третьем уровне знания, имеющем интенциональную предметность и рациональность. Оно является основой активного смыслагенеза «жизненного мира» Э. Гуссерля: «Самая интригующая загадка Сознания как раз в том и состоит, что осваиваемое им сущностное постижение окружающей действительности, которое позволяет личности успешно ощущать себя в “Жизненном мире” (LebensWelt), осуществляется не в механически-воображаемых дискурсивным Мышлением метафорах “копирования” или “отражения”, но исключительно в специфической “собственно Сознанию”, “внутренне-структурной” интенциональной предметности» [14, с. 324]. В формировании же жизненного мира главную роль как раз играет интенциональный разум.

А. Шюц как один из немногих верных последователей Э. Гуссерля также разделял «подлинный жизненный мир» и «обыденный жизненный мир» и стирание границ между ними называл серьезной ошибкой современных социальных наук. Он показал, что именно субъект-центристская концепция двух предыдущих типов знания приводит к обусловленности: «мир, выстроенный вокруг моего собственного Я, предлагает себя для истолкования мне именно потому, что я наивно в нем живу» [19, с. 193].

Исследуем, какой из этих уровней вносит наибольший вклад в деятельность человека и формирование здорового социума.

П. Бергер и Т. Лукман считают, что именно повседневное знание занимает главное место в социальном образе, так как «это именно то “знание”, представляющее собой фабрику значений, без которого не может существовать ни одно общество» [2, с. 31]. Также его преимущество состоит в том, что «обычный язык, объективирующий мой опыт, укоренен в повседневной жизни и сохраняет с ней связь, даже если я пользуюсь языком для интерпретации опыта в конечных областях значений» [2, с. 38]. Таким образом, именно повседневное знание составляет те социальные образы, на которых в основном сосредоточено сознание индивида.

К их мнению присоединяется и М. Хайдеггер: «по иронии судьбы, он бросает упрек тому же Гуссерлю в том, что истоки смысла нужно искать не в сфере очевидности, но “в смутной и усредненной повседневности” <...> Получилось, что сфера беспредпосылочности также переместилась в “бытие

повседневности”, раскрывающее себя до всякого мировоззрения» [14, с. 166].

К.С. Пигров в аппликативной теории цивилизации также пользуется концепцией интересубъективного социального образа — цивилизующего слова, но приходит к противоречивым выводам: «Суть цивилизующего слова в том, что оно рационализирующее, что оно, если использовать термин М. Вебера, целерационализирующее <...> Социальная теория — ядро цивилизующего слова» [11]. И с другой стороны: «В цивилизующее слово <...> входят еще и невербальные моменты, которые становятся зачастую самыми существенными, ибо они плохо рефлексивны, “прозрачны” для рационализации <...> То, что плохо рационализуется, ускользает от разрушения оружием рациональной критики» [11].

Из данных положений можно вывести, что важнейшей функцией социального образа является его целеполагание, оно дисциплинирует и направляет человека, и происходит это не на основе бессознательных желаний, а на основе осознанного выбора. С другой стороны, залогом стабильности является глубина невербальных составляющих социального образа. Получается, что активная составляющая социального образа должна базироваться на уровне разума, а пассивная — на уровне ума. Однако «жизненный мир», находясь в феноменологической установке, включает в себя все уровни предметностей — вербальные и невербальные: «удвоение обыденности и интенционального разума (выше теоретического). Следовательно, “парадокс удвоения”, поясняет далее Гуссерль, при правильно осуществленном переходе должен замениться “параллельностью” осознания феноменологического интенционального поля и психологической редукции как метода доступа к нему» [14, с. 256]. Разделенное параллельное созерцание разных уровней воспринимаемых образов позволяет интенциональному субъекту правильно наделять смыслом «свое тело», «свой ум, культуру», «свой разум, философию», а потом и «чужое тело», «чужой ум, культуру», «чужой разум, философию» и так далее.

Необходимо учесть возникновение социальных проблем вследствие главенства обыденного сознания, о котором говорит М. Шелер: «Человек может заполнить эту сферу абсолютно сущего и высшего добра, сам того не замечая, конечными вещами и благами, с которыми он обходится в своей жизни так, “как если бы” они были абсолютными: так могут обходиться с деньгами, нацией, с любимым человеком. Это — фетишизм и идолопоклонничество» [16, с. 4].

Здесь актуально подчеркнуть, что знание на уровне разума имеет важную характеристику, такую как осознанность — это знание о том, что я

знаю, это знание побуждает задавать вопросы: правильно ли мое знание? знаю ли я то, что я знаю? Или есть знание, которое лучше того, что знаю? Г. Гарфинкель подробно исследует отличие рациональности теоретического знания от здравого смысла повседневного знания. В результате получаем, что любой фактор, который мы считаем обуславливающим любое из свойств деятельности, является фактором, обуславливающим рациональности. Автор заключает, что любые попытки соблюдения установок разума в обыденной деятельности лишь увеличат бессмысленность поведенческой среды человека [4, с. 296–308]. В данной точке нашего исследования мы сталкиваемся с тем, что теоретический и повседневный уровни знания вступают в непримиримое противоречие и что необходима объединяющая альтернатива, которую дает феноменология.

Учитывая это, можно сделать вывод, что повседневное и теоретическое знания должны быть подчинены феноменологической установке сознания, иначе оно послужит причиной будущих социальных проблем. В связи с этим Э. Гуссерль говорит о новой философии и рационализме: «Философия — не что иное, как абсолютный рационализм, но этот рационализм различается в самом себе на различных ступенях движения интенции и ее наполнения, это *ratio* в постоянном движении прояснения самого себя» [5, с. 355]. А В.Б. Сокол говорит о новой науке и обществе: «необходима, в соответствии с предупреждением Гуссерля, готовность научного мира к существенным трансформациям в Сознании личности самого ученого, в науке в целом, да и в самой жизни общества» [14, с. 242].

Однако, несмотря на столь сильные заявления, опытные феноменологии могут сказать нам о сложности реализации процедуры феноменологической редукции, а приверженцы аналитической философии скажут о невозможности проникновения в мир Другого. В ответ Альфред Шюц «гарантирует не только принципиальную возможность “интерсубъективного мира, переживаемого после совершения редукции внешнего мира [мира моего Я и мира Другого] к чистой жизни моего Сознания [и чистого Сознания другого Я]”, но и его “доступность каждому”. Шюц настаивает на том, что для феноменологии проблема переживания других — это уже “не темный угол”, который может “внушать страх лишь детям в философии”» [14, с. 372].

Хотя позиция социального конструктивизма больше склоняется к приоритету обыденного знания, были найдены аргументы в пользу смены естественной установки повседневного мира на феноменологическую установку «жизненного мира». Результаты исследования показывают, что подход к определению структуры социального образа через

концепцию уровней восприятия и дескрипции можно использовать для изучения феномена общественного сознания, его устойчивости и конкретизации оснований социальной деятельности человека. Особенно важным является выделение интенционального уровня «чистого сознания» — сути феноменологии Э. Гуссерля. На его основе возможно построение «живого» жизненного мира, устранение мифологических искажений интерсубъективных структур. Выявление их становится возможным за счет анализа уровней очевидностей.

Список литературы

1. *Барт Р.* Миф сегодня // Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М.: Прогресс: Универс, 1994. С. 72–130.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. *Введение в философию: учеб. пособие для вузов / И.Т. Фролов и др.* 3-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2003. 623 с.
4. *Гарфинкель Г.* Исследование по этнометодологии. СПб., 2007. 335 с.
5. *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: СПбУ МВД России, 2004. 368 с.
6. *Гуссерль Э.* Логические исследования. М.: Гнозис: Дом интеллектуальной книги, 2001. Т. II. 400 с.
7. *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: Эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.
8. *Луман Н.* Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.
9. *Осаченко Ю.С.* Сущность мифа как философская проблема. 2. Миф как конфигурация опыта сознания — возможности экзистенциально-феноменологической тематизации // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308, № 4. С. 200–204.
10. *Осаченко Ю.С.* Структура мифического: констелляция как конфигурация опыта сознания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 2(26). С. 41–48
11. *Пигров К.С.* Созидающее слово, или Цивилизация как констелляция смыслов // Цивилизация: вызовы современности. СПб., 2009. С. 244–259. URL: <http://philosophy.spbu.ru/library/7682/7704> (дата обращения: 10.12.2014).
12. *Попов Д.Н.* Разработка модели обработки сигнала на основе теории восприятия человека // Путь в науку: сб. тезисов Междунар. студ. науч. конф. Ярославль: ЯрГУ, 2012. С. 68–69.
13. *Сильнова Е.И.* Социальный образ России в исторической динамике: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2013. 44 с. URL: <http://www.philhist.spbu.ru/index.php/dissertatsii/224-silnova-elena-ivanovna-sotsialnyj-obraz-rossii-v>

istoricheskoy-dinamike (дата обращения: 15.11.2014).

14. Сокол В.Б. Сознание против мышления: феноменологическое исследование. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2013. 440 с.
 15. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2003. 416 с.
 16. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.
 17. Шмерлина И.А. Социальность и проблема смысла: к выработке междисциплинарного понятия // Эпистемология и философия науки. 2009. № 3. С. 137–151.
 18. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М., 2004. 1056 с.
 19. Шюц А., Левит С.Я. Мир светящийся со смыслом. М.: Росспен, 2004. 263 с.
 20. Boudieu P. Social apace and symbelic power // P. Bourdieu in other words: Essays towards a Reflexive sociology. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1990. P. 123–139.
- Получено 15.01.2016
- References**
1. Bart R. [Myth Today] *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: semiotics. poetics]. Moscow, Progress, Univ. Publ., 1994, pp. 72–130. (In Russian).
 2. Berger P.L., Luckmann T. *Sotsialnoe konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya*. [The social construction of reality. A treatise on sociology of knowledge]. Moscow, Medium Publ., 1995, 323 p. (In Russian).
 3. Frolov I.T. *Vvedenie v filosofiyu: Ucheb. posobie dlya vuzov* [Introduction to philosophy: textbook. Manual for university]. Moscow, Respublika Publ., 2003, 623 p. (In Russian).
 4. Garfinkel H. *Issledovanie po etnometodologii* [Studies in ethnomethodology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2007, 335 p. (In Russian).
 5. Husserl E. *Krizis evropeyskikh nauk i transtsendentalnaya fenomenologiya* [Crisis of European sciences and transcendental phenomenology]. St. Petersburg, SPbU MVD Rossii Publ., 2004, 368 p. (In Russian).
 6. Husserl E. *Logicheskie issledovaniya*. [Logical investigations]. Moscow: Gnozis Publ., 2001, vol. 2, 400 p. (In Russian).
 7. Il'in I.P. *Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: Evolyutsiya nauchnogo mifa* [Postmodernism from its origins to the end of the century: the evolution of a scientific myth]. Moscow: Intrada Publ., 1998, 255 p. (In Russian).
 8. Luman N. *Obschestvo kak sotsialnaya sistema* [Society as a social system]. Moscow, Logos Publ., 2004, 232 p. (In Russian).
 9. Osachenko Yu.S. [The essence of the myth as a philosophical problem. 2. The myth of the configuration of the consciousness experience — the possibility of existential-phenomenological theming]. *Izvestiya Tomskogo politehnicheskogo universiteta* [Tomsk Polytechnic University Tidings], 2005, vol. 308, no. 4, pp. 200–204. (In Russian).
 10. Osachenko Yu.S. [The structure of the mythical: the configuration of a constellation of conscious experience]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philosophy: Sociology. Political Science], 2014, no. 2, vol. 26, pp. 41–48. (In Russian).
 11. Pigrov K.S. [The Creative Word, or Civilization as a Constellation of Meanings]. *Tsivilizatsiya: vyzovy sovremennosti* [Civilization: the challenges of our time]. St. Petersburg, 2009, pp. 244–259. Available at: <http://philosophy.spbu.ru/library/7682/7704> (accessed 10.12.2014). (In Russian).
 12. Popov D.N. [Developing a model signal processing based on the theory of the human perception]. *Put v nauku: Sbornik tezisev mezhdunarodnoy studentcheskoy nauchnoy konferentsii* [The path to science: Abstracts of the International student conference]. Yaroslavl, Yaroslavl State University Publ., 2012, pp. 68–69. (In Russian).
 13. Sil'nova E. I. *Sotsialnyy obraz Rossii v istoricheskoy dinamike: avtoref. dis. ... dok. filos. nauk* [Social image of Russia in the historical dynamics. Abstract... doc. of philos.]. Saratov, 2013, 44 p. Available at: <http://www.philhist.spbu.ru/index.php/dissertatsii/224-silnova-elena-ivanovna-sotsialnyj-obraz-rossii-v-istoricheskoy-dinamike> (accessed 15.11.2014). (In Russian).
 14. Sokol V.B. *Soznanie protiv myshleniya: fenomenologicheskoe issledovanie* [Consciousness Versus thinking: a phenomenological study]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2013, 440 p. (In Russian).
 15. Habermas J. *Filosofskiy diskurs o moderne* [Philosophical discourse of modernity]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2003, 416 p. (In Russian).
 16. Scheler M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Gnozis Publ., 1994, 490 p. (In Russian).
 17. Shmerlina I.A. [Social and problem of meaning: to develop of interdisciplinary concept]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. 2009, № 3, pp. 137–151. (In Russian).
 18. Schutz A. *Izbrannoe: Mir, svetyaschiysya smyslom* [Selected: world, glowing sense]. Moscow, 2004, 1056 p. (In Russian).
 19. Schutz A., Levit S.Ya. *Mir svetyaschiysya so smyslom* [World, glowing sense]. Moscow, Rosspen Publ., 2004, 263 p. (In Russian).
 20. Boudieu P. Social apace and symbelic power. *P. Bourdieu in other words: Essays towards a Reflexive sociology*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1990, pp. 123–139. (In English).
- The date of the manuscript receipt 15.01.2016

Об авторе

Попов Дмитрий Николаевич

аспирант кафедры философии

Ярославский государственный университет

им. П.Г. Демидова,

150000, Ярославль, ул. Советская, 14;

e-mail: dpd108@mail.ru

About the author

Popov Dmitriy Nikolaevich

Ph.D. Student of the Department of Philosophy

P.G. Demidov Yaroslavl State University,

14, Sovetskaya str., Yaroslavl, 150000, Russia;

e-mail: dpd108@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Попов Д.Н. Феноменология социального образа: понятие, уровни, структура // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 36–46.

doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-36-46

Please cite this article in English as:

Popov D.N. Phenomenology of social image: concept, levels, structure // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 36–46. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-36-46

УДК 130.2:32

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-47-54

РОЛЬ ПОНЯТИЙ ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ Х. АРЕНДТ В КОНЦЕПЦИИ «ЧЕЛОВЕКА МОГУЩЕГО» П. РИКЁРА

Сидорова Мария Алексеевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Статья посвящена анализу применения понятий теории действия Х. Арендт в герменевтической феноменологии П. Рикёра. В работе рассматривается влияние, оказанное на рикёровскую концепцию «человека могущего», таких категорий философии Арендт, как «плюральность» и «совместное бытие друг-с-другом». Раскрывается преемственность идей политической философии Арендт в этике П. Рикёра. Предлагается историко-философская реконструкция значений одностороннего диалога Рикёра с теорией действия Арендт.

Статья состоит из трех смысловых частей. Она начинается с характеристики основных аспектов концепции «человека могущего» как одной из основных теорий герменевтической феноменологии Рикёра. Затем дается анализ ключевых понятий, с помощью которых Арендт описывает существенные характеристики действия; предлагается нарративный подход к ее теории. В третьей части статьи раскрывается значение категорий политической философии Арендт в рикёровской концепции этико-морального субъекта, реализующего образ «человека могущего».

В работе показано, что Рикёр применяет арендтовские термины плюральности и совместности для описания этики общественных отношений. Задавая вопрос о «субъекте вменения», французский философ спрашивает не только об этико-моральной жизни индивида, но и ставит проблему определения человека как политического существа.

На каком основании Рикёр превращает феномен института в предмет этики и какова роль понятий теории действия Арендт в этом превращении, каким образом Рикёр осуществляет переход от этики к политике и какова функция политической философии Арендт в этом переходе — вот одни из основных вопросов, ответы на которые раскрыты в данной статье.

Ключевые слова: Х. Арендт, П. Рикёр, плюральность, совместное бытие друг-с-другом, этика, политика, действие, «человек могущий».

THE ROLE OF THE H. ARENDT'S ACTION THEORY TERMS IN THE «CAPABLE MAN» CONCEPT BY P. RICOEUR

Maria A. Sidorova

National Research University «Higher school of Economics»

The paper analyzes the application of the concepts of H. Arendt's theory of action in the hermeneutic phenomenology of P. Ricoeur. The study examines the influence exerted on Ricoeur's concept of «capable man» such categories of Arendt's philosophy as «plurality» and «common being with each-other». This article considers the continuity of Arendt's ideas of political philosophy in Ricoeur's ethics. It proposes the historical and philosophical reconstruction of values of Ricoeur's unilateral dialogue with the Arendt's theory of action.

The article consists of three meaning parts. It begins with a description of the main aspects of the concept of «capable man» as one of the main theories of Ricoeur's hermeneutic phenomenology. Then, analysis of the key concepts, which describe the essential characteristics of the action in Arendt's philosophy is given; the narrative approach to her theory is proposed. The third step of article becomes disclosure meaning of the categories of Arendt's political philosophy in Ricoeur's concept of ethical-moral person, who implements the image of the «capable man».

The study shows that Ricoeur applies Arendt's terms of plurality and compatibility to describe the ethics of public relations. By asking the question of «person of responsibility», the French philosopher asks not only about the ethical and moral individual life but also— about the problem of the definition of man as a political being.

What basis does Ricoeur take to turn the phenomenon of institute to the subject of ethics and what roles do play the concepts of Arendt's theory of action in this transformation? How does Ricoeur make a transition from ethics to

politics and what is the function of Arendt's political philosophy in this transition? These are some of the fundamental questions, the answers to which are stated in this article.

Keywords: H. Arendt, P. Ricoeur, plurality, «common being with each other», ethics, politics, action, «capable man».

* * *

Поль Рикёр и Ханна Арентд принадлежат к разным направлениям философской мысли XX столетия. Имя Рикёра является знаковым для герменевтики и феноменологии, имя Арентд — для политической философии. Однако теория действия Х. Арентд заинтересовывает П. Рикёра. Философ становится одним из тех, кто знакомит широкий круг французских читателей с основными аспектами концепции действия Арентд. Первое издание ее работы «Ситуация человека» («Human condition») на французском языке начинается с предисловия, написанного именно Рикёром. В нем философ предлагает нарративный подход к теории действия Арентд.

Дальнейшее изучение таких понятий политической философии Арентд, как власть, насилие, Рикёр осуществляет в эссе «Власть и насилие». В этой работе он восхищается ее бесстрашием идти вразрез с традицией политической теории в вопросе о власти. Рикёр становится одним из известнейших исследователей философии Арентд, однако не останавливается только на комментаторской деятельности в отношении к ее теории. Он применяет концепты Арентд в собственной философии. Понятия ее теории действия оказываются для Рикёра вспомогательными терминами при формулировании концепции «человека могущего».

В большинстве отечественных и зарубежных исследований, посвященных философии Рикёра, вопрос о влиянии Арентд на его идеи не получил всестороннего исследования, что делает актуальным данное исследование.

Основные идеи концепции «человека могущего» П. Рикёра

Поль Рикёр принадлежит к числу классиков современной герменевтики и феноменологии. В его работах осуществлен синтез герменевтических и феноменологических методов осмысления действия, текста, нарратива, памяти, истории. Рикёр характеризует собственную философию тремя чертами: «она продолжает линию рефлексивной философии, остается в зависимости от гуссерлевской феноменологии и разрабатывает герменевтический вариант этой феноменологии» [11, с. 37].

Французский философ проявляет себя как наследник герменевтической традиции, идущей от работ Дильтея. По Дильтею, герменевтика интерпретирует выражения жизни, зафиксированные в письме [7, с. 462–463]. Подобную логику отношения письма, слова к смыслу события Рикёр ставит в

центр герменевтической проблематики собственных произведений. В них мыслитель дополняет герменевтическое исследование феноменологическими аспектами, выделяет нарратив в качестве вида понимания [6, с. 68–72].

Рикёр превращает понимание «в категорию, связанную с исследованием мира человека» [12, с. 247]. «Если герменевтика — это этап в работе по присвоению смысла, этап между абстрактной и конкретной рефлексией, если герменевтика — это выявление с помощью мышления смысла, скрытого в символе, то она должна видеть в работе антропологии исключительно поддержку, а не помеху», — заявляет французский философ [7, с. 61–62].

Главным персонажем феноменологической герменевтики Рикёра становится «человек могущий». Его образ разрабатывается французским философом с учетом представлений о субъекте в экзистенциализме, персонализме, структурализме, а также в аналитической философии.

Концепция «человека могущего» выстраивается Рикёром на основе герменевтики «я есть», она подразумевает синтез картезианского «я мыслю» и вопроса «кто я такой?» [7, с. 252]. Одной из ее задач является определение «личной идентичности».

Рикёр выделяет два вида идентичности: *idem* и *ipse*. Под *idem* он понимает одинаковость «Я», а под *ipse* — изменчивую самость «Я». С точки зрения французского философа, конструированию личности свойственна диалектика самоидентичности (*idem*) и инаковости (*ipse*). Именно она лежит в основе формирования «Я» «человека могущего». Его образ описывается Рикёром в четырех вопросах о «кто»: «кто говорит? кто действует? кто рассказывает о себе? кто является моральным субъектом вменяемости?» [8, с. 33]. Поиск ответов на них составляет основное содержание работы «Я сам как другой».

Отвечая на первый и второй вопросы, Рикёр обращается к аналитической философии языка и действия. С его точки зрения, именно это новое философское течение раскрывает содержание «кто» как говорящего и действующего.

Диалог Рикёра с англосаксонской теорией предшествует самому построению концепции «человека могущего». Он начинается с вопроса о тождестве текста и действия, развивается в работе «Модель текста: осмысленное действие как текст». В ней Рикёр проводит аналогию между текстом и действием, опираясь на теорию речевых актов Дж. Остина [9, с. 27]. Французский философ сопоставляет действие с текстом по следующим пунктам: 1. Действие, как

и текст, обретает «автономию» от собственного автора. 2. Действие, как и текст, открыто миру, т.е. преодолевает ситуацию, в которой оно было создано. 3. Действие, как и текст, адресовано к бесконечному количеству читателей, т.е. обретает полный смысл лишь в акте «прочтения» (практической интерпретации).

Тождество структур действия и текста французский философ учитывает и при определении «кто» как говорящего, действующего субъекта. Обращение к англосаксонской традиции становится для Рикёра «окольным путем» [8, с. 33] в достижении основной цели его феноменологической герменевтики — раскрытие самости «человека могущего». Выведение герменевтического и феноменологического содержания проблемы субъекта с помощью принципов философии, противоречащей континентальной традиции, является уникальной находкой Рикёра, отличительной чертой его теории.

«Окольный путь» осмысления самости через аналитическую философию приводит Рикёра к проблеме идентичности. Вопрос об идентичности постулируется Рикёром при определении «человека могущего» как субъекта, способного рассказывать о себе. Тема повествования (нарратива) является одним из знаковых сюжетов его философии¹, она развивается в работе «Время и рассказ». В ней Рикёр выделяет нарративную организацию поступка, сопоставляя рассказ и действие с помощью аристотелевской категории «mimesis» (подражание). Согласно Рикёру, повествование подражает действию в акте его репрезентации, а восприятие слушателями рассказа подразумевает создание дополнительной мимитической реальности действия [5, с. 208–209].

Рикёр предлагает применять категорию нарратива не только при описании природы действия, но и при определении идентичности субъекта поступка. Данная тема развивается им в процессе построения модели «человека могущего». Идентичность самости Рикёр рассматривает в первую очередь как нарративную идентичность. «Рассказывать означает говорить, кто сделал что, почему и как» [8, с. 179], — определяет философ функцию нарратива в вопросе о конструировании «Я». Под идентичной личностью он понимает идентичность рассказанной истории, о которой повествует не столько сам субъект, сколько другие. «Личность, понимаемая как персонаж повествования, не является отчетливо выделяемой реальностью собственного опыта» [8, с. 180], — заяв-

ляет Рикёр, ставя знак равенства между идентичностью субъекта и рассказанной о нем историей.

Для составления исчерпывающего портрета «человека могущего» он переходит от проблемы нарративной идентичности к вопросу об этических и моральных аспектах жизни личности. Сфера этики рассматривается философом также через призму нарратива. «Как субъект действия мог бы дать собственной жизни, взятой в целом, этическую оценку, если бы эта жизнь не была сосредоточена в единство, и как это может произойти, если не в форме рассказа?» [8, с. 192], — обращается Рикёр к читателям и подразумевает невозможность вменяемости субъекта вне его речевых способностей.

Ставя вопрос об этико-моральной ответственности «кто», Рикёр не забывает и о способности «человека могущего» действовать. В его концепции «вменяемой самости» тема действия получает новый ракурс рассмотрения — теперь уже не как предмет аналитической философии, а как классический объект исследования континентальной этики.

Вопрос о действии предопределяет предмет этики на заре ее возникновения, актуализируясь в работах Аристотеля. Аристотелевские понятия «*praxis*» и «*phronesis*» становятся значимыми для Рикёра в разговоре об этико-моральной самости. Переосмысливая этику Аристотеля, понятие благой жизни, Рикёр выделяет два вида этических отношений «самости»: этику взаимности (отношения «Я» – «Другой») и этику совместной жизни (отношения «Я» – «Другие»). Для раскрытия содержания этоса социальной жизни Рикёр и обращается к категориям теории действия Х. Арндт.

Нарративные аспекты теории действия Х. Арндт

Имя Ханны Арндт получило большую известность в России в последнее десятилетие. Арндт известна как критик тоталитаризма, нацизма, как исследователь еврейского геноцида. Ее термин «банальность зла» стал уже классическим понятием в современном словаре политических категорий. Ее анализ судебного процесса над нацистом Эйхманом является для западной политической теории одним из ключевых источников по вопросам об ответственности за военные преступления. Теория действия Арндт привлекает пристальное внимание отечественных исследователей западной политической философии двадцатого столетия (А.Ф. Филиппов, А.В. Магун).

В основе политической теории действия Арндт лежит разделение деятельной жизни на три вида: «Термином *vita activa* я предполагаю обозначать три основных вида человеческой деятельности: труд, изготовление и действие» [13, р. 7], — начинает

¹ Благодаря разработки концепции нарратива Рикёр получает мировую известность не только как философ, но и как основатель нарративного метода современной социологии.

Арендт книгу «Ситуация человека» (Human condition)². Действие определяется Арендт в качестве той деятельности, которая организует пространство политического бытия.

Однако арендтовское определение действия предполагает не только политическое содержание, но и содержит антропологический, феноменологический, гносеологический контексты. Понятие действия оказывается «зерном» философской мысли Арендт. На наш взгляд, благодаря специфике его «вращения» Арендт из политического теоретика становится философом³. Арендт рассматривает действие в качестве той способности, которая реализует уникальность самого человека, а именно его способность жить в «совместном бытии друг-с-другом», реализовывать свойство множественности (plurality).

Плюральность понимается Арендт не просто как множество людей, а как множество уникальных личностей. «Плюральность не тождественна многочисленности. Каждый живой вид множится в многообразии индивидуальных организмов, но люди имеют потенциал для принятия на себя самого факта их индивидуализировавшей непохожести и отличительных особенностей. Другими словами, они не только различны, но они могут различать» [19, р. 210].

Заложенная в понятии плюральности уникальность личностного основывает саму возможность действия в теории Арендт. Действие всегда индивидуально, но при этом, что первостепенно для Арендт, оно возможно только среди многих. Кто эти «многие»? Для Арендт они и есть множественность людей или совместное бытие. По Арендт, плюральность, совместность человеческой жизни является пространством свершения действий и сферой формирования их смыслов.

Действие в трехчастной структуре «Vita activa» становится единственной деятельностью, которая в полной мере реализует условие человеческой множественности, тем самым сохраняет общий челове-

ческий мир [19, р. 210]. Этот мир, который создается и поддерживается действием, не совпадает с биологической природой, не является и миром вещей. Он представляет собой пространство, в котором действие раскрывает индивидуальность человека в отношениях с другими личностями.

Всегда говоря о действии, Арендт рассуждает о нем как о политической категории. При этом политическое оказывается у нее не вторичным пространством жизни людей, а той сферой, в которой выражается собственно природа человека как действующего существа. Тем самым понятие плюральности становится для нее одним из основных критериев определения политической жизни. Антропологический и политический аспекты взаимодополняют друг друга в подходе Арендт к понятию действия.

Для обозначения личностного аспекта действия Арендт вводит образ «кто» («who») совершающего поступки. Данное понятие дополняет концепцию действия Арендт новыми феноменологическими смыслами, открывая целый ряд вопросов о влиянии действия на самопонимание актора. Некоторые исследователи рассматривают раскрытие «кто действия» в качестве основной задачи теории Арендт. К их числу принадлежит и П. Рикёр, он считает: «Его (действия) основной критерий — раскрытие кто. Действие, связанное с речью, раскрывает человека как агента, то есть как того, кто начинает и управляет, кто инициирует изменения в мире» [17, р. 65].

Сама же Арендт пишет: «Действуя и говоря, люди всякий раз обнаруживают, кто они есть, активно показывают личную неповторимость своего существа, как бы выступают на сцене мира <...>» [13, р. 234]. Аллегорией «выступления на сцене» она именует явление «кто» действующего другим людям, организующим с ним «совместное бытие».

Арендт рассматривает пространство совместности в качестве той сферы, где субъект действия только и может обнаружить себя как действующую личность. Авторство поступка устанавливается в публичности совместного бытия. По Арендт, не сам актер, а те другие, которые говорят о его действии и определяют его как автора поступка. Другие, будучи «зрителями» и «рассказчиками», поступка становятся создателями его смысла и тем самым определяют «кто» актора.

Многие исследователи философии Арендт именуют такой ее подход к действию нарративным методом (Ю. Кристева, Р. Пирро, Х. Питкин, С. Бенхабиб, а также и П. Рикёр). Совместность, будучи условием действия, оказывается в ее теории нарративно конституированным пространством, сферой, в которой осуществляются рассказы о действиях. Так, например, Сейла Бенхабиб непосредственно выделяет нарративную модель действия в философии Арендт, указывая, что «действие в повествовательной модели устанавливается в процессе

² После издания данной работы она создаёт её вариант на немецком языке и включает в название непосредственно термин «Vita activa». Так, появляется вторая книга с таким же содержанием, но с иным названием – «Vita activa, или О деятельной жизни». Именно она и получает русский перевод в 2000 г. (См. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. В.В. Библихина. М., 2000).

³ Сама Арендт в известном интервью с Гюнтером Гаусом заявила, что не считает себя философом, а может назвать себя только политическим теоретиком (См.: Разговор с Гюнтером Гаусом: телевизионное интервью Ханны Арендт (октябрь 1964 г.). URL: <http://gefter.ru/archive/9844>). Однако подход Арендт к исследованию тех или иных проблем оказывается философским. Несмотря на отрицание себя как философа, Арендт так или иначе им остаётся, о чём свидетельствуют и её тексты.

“рассказа истории” и в “плетении паутины нарративов” [14, р. 141].

Однако и сама речь, сам рассказ рассматривается Арендт в качестве разновидности действия. «Действие как нарратив, а нарратив как действие», — фиксирует логику ее философии Ю. Кристева. По ее словам, всю философию Арендт стоит рассматривать как «реабилитирование практики нарратива» [16, р. 8].

Речь понимается Арендт по аналогии с действием и как разновидность действия: «именно отыскание нужного слова в нужный момент, совершенно независимо от его информирующего и коммуникативного содержания для других людей, есть уже действие» [13, р. 36]. Арендт выделяет у речи те же свойства, что и у действия. Речь, как и действие, реализуется, с ее точки зрения, в условии множественности людей: «Действие и речь движутся в области между людьми» [13, р. 37]. Совместное бытие становится в ее теории не только пространством для действий, но и сферой нарратива.

Обращение П. Рикёра к Х. Арендт: этика и политика

В работе «Я сам как другой» Рикёр делает Арендт соратницей своих мыслей по вопросу об этических установках личности в общественном бытии. «Стремиться к благой жизни с другими и для других в справедливых институтах» [8, с. 216], — определяет Рикёр цель жизни «человека могущего», отсылая к арендтовской модели «жизни-друг-с-другом». Он объясняет феномен института не с точки зрения социологической теории, а с позиции философии действия Арендт. «Под институтом мы будем понимать здесь структуру совместной жизни исторического общества...» [8, с. 232], — определяет Рикёр институт с помощью арендтовского понятия совместности. Институт рассматривается им в этическом контексте проблемы взаимодействия личности с другими людьми.

Совместное бытие понимается Арендт как общественное пространство, образуемое равными друг другу личностями: «выступить как Некто в явленность среди других людей, может пойти только тот, кто готов и впредь существовать в этой совместности, т.е. готов в бытии-друг-с-другом двигаться среди равных себе...» [1, с. 235]. Именно «бытие-друг-с-другом» рассматривается ею в качестве основного условия действия.

Рикёр применяет указанную идею Арендт при создании собственной этики общественных отношений. Политический аспект совместности, плюральности, сформулированный Арендт, используется им при установлении этической роли института в общественной жизни [15, р. 70].

Такие категории теории действия Арендт, как плюральность, совместность, становятся знаковыми

понятиями в концепции Рикёра о «человеке могущем». Они оказываются терминами, дополняющими и уточняющими образ «этико-морального кто».

Рикёр становится сторонником и продолжателем модели совместной жизни, разработанной Арендт. Для него арендтовские понятия совместности, плюральности делают современным аристотелевский концепт «благой жизни». С помощью них французский философ формулирует принципы этики «благой жизни»: выбор между различными образами жизни; повествовательное единство жизни от третьих лиц.

Рикёр соглашается с Арендт в том, что смыслы общественной жизни определяются самим общественным сознанием, однако не делает плюральность последней инстанцией в собственном проекте этики. По Рикёру, одним из этапов формирования самости является ее способность соотносить себя с Другим и «другими». Но фигура «других» не становится последней инстанцией для французского философа в вопросе о личной идентичности. Так, отвечая на вопросы о «кто», философ анализирует самопонимание и способность самости рассказывать о себе в качестве основного критерия ее идентичности. Вводя понятие осмысленного действия, Рикёр рассматривает в первую очередь самого актора в качестве носителя смысла поступков. Для Арендт же источником смысла действия является не сам автор поступка, а «другие», рассказывающие о его деяниях и тем самым образующие его «кто».

Несмотря на подобные разногласия в оценках роли «других», арендтовские понятия совместности и плюральности остаются актуальными для теории Рикёра. Обращение французского философа к представлению Арендт о совместности подразумевает и обращение к ее понятию действия. Непосредственно Рикёр подходит к его определению посредством анализа арендтовской концепции различения власти и насилия.

«Власть соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно», — заявляет Арендт [2, с. 52]. Она рассматривает власть как разновидность политического действия, которое исключает феномен насилия. По Арендт, власть и насилие не совместимы в политике.

Рикёр считает, что решение различать феномены власти и насилия принимается Арендт с целью разрушения установившейся в обществе смешения их понимания. С его точки зрения, она на протяжении всей работы «О насилии» «старается распутать клубок смешанных понятий, из-за которого можно было принять насилие за первоначальное дело власти» [18, р. 22].

Рикёр анализирует смысловую взаимосвязь понятий власти и действия в философии Арендт, выявляя содержание термина «плюральность». Он показывает, что плюральность человеческого бытия понимает-

ся Арндт как множественность незаменимых, но равных личностей, каждая из которых уникальна в своей единичности. «Это условие множественности сразу же характеризуется как множество равных, что очень точно соответствует устранению политических отношений господства в определении власти», — пишет Рикёр, ссылаясь на рассмотрение плюральности в «Ситуации человека» [18, р. 27]. Он приходит к идее, что применение Арндт условия множественности к власти превращает данный феномен в защитный щит от механизмов господства.

Сопоставляя данные Арндт определения действия и власти, Рикёр применяет результаты анализа ее теории в собственном проекте феноменологии этического субъекта. В рикёровском понимании института отражается идея Арндт о политическом согласованном бытии как жизни вне феноменов политического насилия. Рикёр указывает, что Арндт наделяет понятие действия политическим значением, не сводимым к инструментам господства, насилия, а основанным на идее плюральности и согласованности [8, с. 233]. На наш взгляд, определив основные аспекты концепции Арндт о разделении власти и насилия, о сопоставлении власти с политическим действием, Рикёр применяет ее идеи для подчеркивания примата этики совместной жизни над нормой, принуждением в социальной и политической действительности.

Ведь одной из уникальных особенностей герменевтической феноменологии личности Рикёра является идея разделения сфер этики и морали. Выстраиваемая им дихотомия этики и морали отражает противостояние между двумя теоретическими позициями в современной западной этической науке — между этикой жизни и нормативной этикой, основанной на переосмыслении философии морали Канта. Вслед за представителями этики жизни Рикёр понимает этику как пространство благой жизни, вторя же сторонникам нормативного осмысления кантовской традиции, он определяет мораль как сферу закона и запрета. Однако особенностью подхода Рикёра является задача диалектического примирения этических целей и моральной норм: «1. Примат этики над моралью. 2. Необходимость просеять этическое видение сквозь сито нормы. 3. Легитимность обращения от нормы к цели, когда норма приводит к практическим тупикам» [8, с. 205].

Рикёр указывает, что идея благой жизни не реализуема без нормативного контроля, а мораль нуждается в этичности. При этом изначальная установка Рикёра при разрешении вопроса этики и морали — это позиция этического субъекта. К вопросу о морали и этики он подходит с позиции этики. Рикёр обосновывает смысл различения этики и морали от имени «благой жизни». В этом ему и помогают понятия Арндт.

Вслед за Арндт Рикёр признает «невидимость» в современной политике роли таких аспектов власти, как совместность, плюральность, соглашается с ней в том, что в современной политике господствует отождествление власти с насилием. «Необходимо вместе с самой Х. Арндт признать, что этот слой власти, характеризующийся множественностью и согласованностью, как правило, невидим ... Может быть, разумно наделить эту общую инициативу, это желание жить вместе статусом забытого», — пишет Рикёр [8, с. 235]. Он рассматривает эту «невидимость» как «забытость» общества о возможностях политической сущности человека: способности жить совместно, согласованно. С точки зрения Рикёра, в современном обществе забыт смысл инициативы «жить вместе» не только как источника политического, но и социального благополучия.

Если в философии Арндт принцип совместности рассматривается в качестве критерия политической жизни, то Рикёр предлагает применять концепт «со-бытия друг-с-другом» в качестве основы этики социума в целом.

Политика не анализируется Рикёром непосредственно в качестве одной из сфер проявления диалектики самости и инаковости. Однако опосредованно философ обращается и к пространству политики при разговоре об этике. В его философии интригой поиска этико-морального «кто» становится обнаружение политического субъекта. Самой скрытой целью определения «человека могущего» в «Я сам как другой» оказывается утверждение субъекта политики. О ней явно и открыто Рикёр заявляет уже в небольшой работе «Мораль. Этика. Политика»: «...размышление над проблемой человека могущего, составляет, как мне кажется, то антропологическое введение, в котором нуждается политическая философия» [10, с. 76].

Политическое оказывается у Рикёра своеобразной диалектикой этики и морали. Если рассматривать его представление о политическом как «между» этикой и моралью, то оно будет в каком-то смысле и «между» концепциями политики Арндт и Вебера. Необходимым условием поиска этического субъекта становится для Рикёра обращение к принципам политического действия Арндт. С ее именем он связывает сферу политики и этики, а с именем Вебера — сферу политики и морали принуждения [4, с. 145]. Принципы этики оказываются первичными в его герменевтической феноменологии, тем самым Рикёр склоняется больше к арндтовскому представлению о политике, чем к вебберовскому. Концепция политического Арндт становится ориентиром для представлений Рикёра о политике. Как указывает И.С. Вдовина, Рикёр разделяет идею Арндт о значимости плюральности в сфере политики: «Рикёр убежден, что человек рождается политическим существом, он несет в себе инстинктивное стремле-

ние к совместной с другими жизни. Стремление к благой жизни завершает свой путь в со-бытии (Х. Арендт)» [3, с. 269].

* * *

Таким образом, конструируя модель этической и политической самости, Рикёр переосмысливает арендтовскую модель «со-бытия друг-с-другом». Если Арендт рассматривает категории совместности и плюральности как политические характеристики жизни человека, то Рикёр применяет данные термины для описания этики общественных отношений. Однако и Рикёр не обходит вниманием вопросы о политических аспектах жизни личности в совместном бытии с другими. Применяя понятия политической философии Арендт в значении категорий этики, Рикёр не может не выйти на обсуждение политики как одной из сфер проявления сущности «человека могущего». Вопрос о «субъекте вменения» подразумевает не только вопрошание об этикоморальной жизни индивида, но и включает в себе проблему определения человека как политического существа.

Список литературы

1. Арендт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. Арендт Х. *О насилии*. М.: Новое издательство, 2014. 147 с.
3. Вдовина И.С. Поль Рикёр: практическая мудрость философии // *Поль Рикёр в Москве*. М.: Канон+, 2013. С. 267–276.
4. Кастийо М. Понятие этики и морали в учении Поля Рикёра // *Поль Рикёр в Москве*. М.: Канон+, 2013. С. 139–151.
5. Петровская Е.В. Великая нарратология // *Поль Рикёр в Москве*. М.: Канон+, 2013. С. 207–225.
6. Рикёр П. *Время и рассказ*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. Т. 1. 313 с.
7. Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2002. 624 с.
8. Рикёр П. *Я сам как другой*. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
9. Рикёр П. *Модель текста: осмысленное действие как текст // Социологическое обозрение*. 2008. Т. 7, № 1. С. 25–44.
10. Рикёр П. *Мораль. Этика. Политика // Поль Рикёр в Москве*. М.: Канон+, 2013. С. 75–90.
11. Рикёр П. *Что меня занимает последние 30 лет // Поль Рикёр в Москве*. М.: Канон+, 2013. С. 23–48.
12. Шульга Е.Н. Герменевтика Поля Рикёра и современные проблемы эпистемологии // *Поль Рикёр в Москве*. М.: Канон+, 2013. С. 237–255.
13. Arendt H. *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 349 p.
14. Benhabib S. Hannah Arendt and the Redemptive Power of Narrative // *Social Research*. 1990. Vol. 57, no. 1: Philosophy and Politics II. P. 167–196.
15. Comparan C.A.G. Arendt and Ricoeur on Ideology and Authority // *Ricoeur Studies*. 2014. Vol. 5, no. 2. P. 64–80.
16. Kristeva J. *Hannah Arendt: Life is a Narrative*. Toronto: University of Toronto Press, 2001. 100 p.
17. Ricoeur P. *Action, Story and History: On Re-reading The Human Condition // Salmagundi*. 1983. No. 60. P. 60–72.
18. Ricoeur P. *Pouvoir et violence // Ricoeur P. Lectures 1. Autour du politique*. Paris: Editions du Seuil, 1991. P. 20–42.
19. Taminaux J. *Phenomenology and the problem of action // Philosophy Social Criticism*. 1986. Vol. 11. P. 207–219.

Получено 02.04.2016

References

1. Arendt H. *Vita activa. Ili o deyatelnosti zhizni* [Vita activa or on action]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2000, 437 p. (In Russian).
2. Arendt H. *O nasilii* [On violence]. Moscow, Novoe izdatelstvo Publ., 2014, 147 p. (In Russian).
3. Vdovina I. [Paul Ricoeur: practical wisdom of philosophy]. *Paul Ricoeur v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow Kanon+ Publ., 2013, pp. 267–276. (In Russian).
4. Castillo M. [Concept of ethics and morality in Paul Ricoeur's theory]. *Paul Ricoeur v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow, Kanon+ Publ., 2013, pp. 139–151. (In Russian).
5. Petrovskaya E.V. [Great narrothology] *Paul Ricoeur v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow, Kanon+ Publ., 2013, pp. 207–225. (In Russian).
6. Ricoeur P. *Vremya i rasskaz* [Time and narration]. Moscow, Saint Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 2000, vol. 1, 313 p. (In Russian).
7. Ricoeur P. *Konflikt interpretasii. Ocherki gemenevtiki* [Conflict of interpretation. Sketches on hermeneutics]. Moscow, CANON-C Press Publ., 2002, 624 p. (In Russian).
8. Ricoeur P. *Ya sam kak drugoi* [I myself as another]. Moscow, Izdatelstvo gumanitarnoi literatury Publ., 2008, 416 p. (In Russian).
9. Ricoeur P. [Text model. Meaning action as text]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2008, vol. 7, no. 1, pp. 25–44. (In Russian).
10. Ricoeur P. [Morality, ethics, politics]. *Paul Ricoeur v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow, Kanon+ Publ., 2013, pp. 75–90. (In Russian).
11. Ricoeur P. [What occupies me during last 30 years]. *Paul Ricoeur v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow, Kanon+ Publ., 2013, pp. 23–48. (In Russian).
12. Shulga E.N. [Paul Ricoeur's hermeneutics and modern problems of epistemology]. *Paul Ricoeur v Moskve* [Paul Ricoeur in Moscow]. Moscow, Kanon+ Publ., 2013, pp. 237–255. (In Russian).
13. Arendt H. *The Human Condition*. Chicago: University of Chicago Press, 1998. 349 p. (In English).

14. Benhabib S. Hannah Arendt and the Redemptive Power of Narrative. *Social Research*. 1990, vol. 57, no. 1: Philosophy and Politics II, pp. 167–196. (In English).
15. Comparan C.A.G. Arendt and Ricoeur on Ideology and Authority. *Ricoeur Studies*. 2014, vol. 5, no. 2, pp. 64–80. (In English).
16. Kristeva J. Hannah Arendt: Life is a Narrative. Toronto: University of Toronto Press, 2001, 100 p. (In English).
17. Ricoeur P. Action, Story and History: On Re-reading The Human Condition. *Salmagundi*. 1983, no. 60, pp. 60–72. (In English).
18. Ricoeur P. Pouvoir et violence. *Ricoeur P. Lectures I. Autour du politique*. Paris: Editions du Seuil, 1991, pp. 20–42. (In English).
19. Taminiaux J. Phenomenology and the problem of action. *Philosophy Social Criticism*. 1986, vol. 11, pp. 207–219. (In English).

The date of the manuscript receipt 02.04.2016

Об авторе

Сидорова Мария Алексеевна

аспирант школы философии, факультет гуманитарных наук

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
105066, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4;
e-mail: msi.8883@gmail.com

About the author

Sidorova Maria Alekseevna

Ph.D. Student of the School of Philosophy,
Faculty of Humanities

National Research University «Higher School of Economics»,
21/4, Staraya Basmannaya str., Moscow, 105066,
Russia;
e-mail: msi.8883@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сидорова М.А. Роль понятий теории действия Х. Арндт в концепции «человека могущего» П. Рикёра // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 47–54.
doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-47-54

Please cite this article in English as:

Sidorova M.A. The role of the H. Arendt's action theory terms in the «capable man» concept by P. Ricoeur // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 47–54.
doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-47-54

УДК 81:1“14”

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-55-61

НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВОФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ РЕНЕССАНСА

Гончарова Алина Алексеевна

Сергиево-Посадский гуманитарный институт

Долгое время лингвофилософские концепции эпохи Ренессанса было принято относить к донаучному знанию, однако сейчас наблюдается тенденция к пересмотру их положения. Сегодня можно предположить, что лингвофилософия Возрождения — это фундамент ряда современных концепций. На фоне развития новых форм философии, в рамках которых язык рассматривается как инструмент передачи социальной информации, приобретают особую актуальность исследования языка и мышления. Цель статьи — классифицировать направления лингвистической философии Возрождения и выявить их специфические особенности.

Объектами исследования стали воззрения Лоренцо Валлы, Коллюччо Салютати, Пьетро Бембо и Бальдассаре Кастильоне. В качестве базы для исследования автор использовал как оригинальные источники, так и данные современных отечественных и зарубежных исследований. В статье использованы методы диалектического и сравнительного анализа.

По итогам исследования в лингвофилософии Возрождения были выявлены два направления. Автор назвал их политическим и культурологическим. Представителями первого являются Коллюччо Салютати и Лоренцо Валла, сторонниками второго выступают Пьетро Бембо и Бальдассаре Кастильоне. Целью деятельности политического направления было раскрытие истины, которую скрывало от народных масс духовенство. Его последователи использовали для этого метод текстологической критики. Культурологическое направление выявляло связи между эволюционными процессами в языке и развитием цивилизаций. Его сторонники постулировали корреляцию между этапами становления языка и историческими периодами. Идеи данного направления активно разрабатываются и по сей день. Главным различием между политическим и культурологическим направлениями автор называет активную и пассивную роли языка по отношению к мышлению. В первом случае язык выступает инструментом влияния, во втором — непосредственно влияет на человеческое мышление.

Научная новизна исследования состоит в представлении автором не использованной ранее классификации лингвофилософских идей итальянского Возрождения. Она задает векторы для более глубокого исследования каждого направления.

Ключевые слова: лингвофилософия, эпоха Возрождения, Коллюччо Салютати, Лоренцо Валла, Пьетро Бембо, Бальдассаре Кастильоне, эволюция языка, развитие цивилизаций.

RENAISSANCE LINGUISTIC PHILOSOPHICAL SCHOOLS

Alina A. Goncharova

Sergiev-Possad Humanitarian Institute

Renaissance linguistic philosophy's status has been inclined to review recently. Previously this philosophy was considered as pre-scientific knowledge. Nowadays it might be supposed that Renaissance linguistic philosophy is the basis of a number of modern concepts.

The purpose of this article is categorizing of Renaissance linguistic philosophical schools and discovering their specific features.

The subjects of inquiry are Coluccio Salutati, Lorenzo Valla, Pietro Bembo and Baldassare Castiglione's views. The original sources, as well as the modern Russian and foreign research's findings are the base of inquiry. The methods of the dialectical analysis and the comparative one are used in this article.

Two directions were discovered in Renaissance linguistic philosophy. The author named them the political one and the cultural one. The representatives of the political direction are Coluccio Salutati and Lorenzo Valla, the followers of the cultural direction are Pietro Bembo and Baldassare Castiglione. The purpose of political one is disclosure of the truth hiding from the mass by the clergy. Its followers applied the method of textual criticism. The cultur-

al direction revealed an interaction between linguistic evolutionary processes and development of civilizations. Its representatives postulated the correlation between the stages of language formation and historical periods. These ideas have been developed until now. In author's opinion, the main difference between the political direction and the cultural one is the role — active or passive — of language with respect to thinking. In the first case, the language is a tool of influence in the second case, it affects the human thinking directly.

Scientific novelty lies in the classification of Italian linguistic philosophical ideas, which hasn't been used before. This classification sets the lines of detailed investigation for each idea.

Keywords: linguistic philosophy, Renaissance, Coluccio Salutati, Lorenzo Valla, Pietro Bembo, Baldassare Castiglione, language evolution, civilizations development.

Введение

На протяжении долгого времени лингвофилософские концепции Ренессанса было принято относить к донаучному знанию, однако в последние десятилетия наблюдается тенденция к пересмотру этого положения. Именно в это время начинает формироваться фундамент науки о языке, а сам язык приобретает статус социального явления. Правомерно предположить, что именно Ренессанс является исходной точкой становления ряда современных лингвофилософских теорий. Проблемы диалектики языка и мышления никогда не утрачивали своей актуальности, но в последние годы, когда наблюдается тенденция перехода к новой универсальной философии, трактующей язык как средство объективации социальной информации, подобные исследования особенно необходимы. Обозначенная нами проблемная область требует более глубоких исследований и внутренней классификации, поэтому в качестве цели данной статьи выступает выделение направлений лингвофилософской мысли Ренессанса.

Результаты исследования и их обсуждение

Коллюччо Салютати (1331–1406) наряду с ведущими деятелями Проторенессанса — Данте Алигьери, Франческо Петраркой и Джованни Боккаччо — принято относить к основателям гуманизма в Италии. Однако нельзя не принять во внимание, что деятельность Салютати относится к более позднему периоду, чем Проторенессанс, следовательно, его философия уже отделяется от искусства и приобретает более конкретные черты, характерные для своего времени. Иными словами, главные постулаты Возрождения — провозглашение ценности человека, его самодостаточности и приоритета земной жизни перед загробной — преподносятся, начиная с Салютати, не в абстрактно-образной форме, а в определенной и содержательной.

Мыслитель уже не пытается представлять свои воззрения в виде художественных зарисовок, а открыто формулирует свою точку зрения, и это предстает перенять и его последователям. В процессе обоснования им важности *studia humanitatis* (гуманитарных дисциплин) сформировалась одна из ведущих концепций итальянского гуманизма эпохи

Ренессанса, заключающая в себе зарождение идеи самостоятельности личности и освобождение ее мышления от влияния церкви.

Во времена Салютати гуманистические учения подвергались нападкам со стороны Церкви как несущие в себе атеистический подтекст. Однако философ утверждал, что именно атеистическая литература помогает более полно понять Библию и труды «Отцов Церкви». По его мнению, гуманитарные и богословские дисциплины настолько взаимосвязаны, что полноценное познание одних невозможно без изучения других. Как писал философ в своем трактате «Эпистолярный», прежде чем подойти к учению Христову, необходимо познать грамматику, ведь постичь Священное Писание, будучи незнакомым с письмом как таковым, невозможно. Игнорирование важности грамматики привело к тому, что люди не понимают, что читают, соответственно, не могут искренне воспринять постулаты Священного Писания [11].

Ключевым связующим звеном здесь Салютати провозглашал язык. Развивая идеи Цицерона, который называл язык главной чертой, отличающей людей от животных, мыслитель пришел к выводу, что язык представляет собой фундамент для воспитания и образования. Однако дальнейшие его искания привели к тому, что язык и лингвистическая наука стали средством выявления определенных закономерностей в искажениях религиозных текстов [9]. Таким образом, начав пропаганду образования, которое неизбежно начало бы развивать в людях культуру критического мышления, К. Салютати проложил путь к освобождению умов.

В дальнейшем философы Возрождения, разрабатывавшие в той или иной степени проблемы языка, приходили к выводу, что лингвистические средства способны изменить образ мышления масс, будь то путем искажения истины, прикрытого неточностями перевода, или путем развития познавательных способностей отдельных личностей или целых народов. Работы последователей Салютати являются подтверждением того, что именно эпоха Ренессанса стала отправной для формирования и развития науки о языке, рассматривающей данное явление в тесной взаимосвязи с человеческим мышлением, причем как индивидуальным, так и коллективным.

Одним из ведущих лингвофилософов Раннего Возрождения является Лоренцо Валла (1407–1457). При анализе его воззрений до недавнего времени было принято основной акцент делать на трактате «О наслаждении», развивающем учение эпикурейцев. Однако Валла довольно подробно рассматривал тему языка в его взаимосвязи с мышлением. А.Ф. Лосев в книге «Эстетика Возрождения» отмечает, что он тонко чувствовал границу между формальной логикой и языковым мышлением, отдавая предпочтение последнему. Л. Валла считал язык более конкретным и более жизненным явлением, фиксирующим реальность таковую, какая она есть. Иными словами, бытие, выраженное в языке, не выступает неким абстрактным обобщением. Связь между вещами в языковом мышлении детерминруется законами действительности, а не абстрактно-логическими механизмами.

Валла противопоставляет риторику диалектике и метафизике. По его мнению, она должна стать инструментом обновления богословия, придания теологии статуса науки, а также базисом гуманистического образования. Особой критике он подверг схематизм схоластического богословия, игнорировавшего риторическое и грамматическое искусство. Мыслитель считал, что формальный логицизм схоластического языка провоцирует нежелательные отступления от традиций классического языка.

Л. Валла пришел к выводу, что истинным универсальным существительным является только *res* («вещь»), а все прочие трансценденции являются лишь обозначением качеств и состояний. Схоластический же язык осуществляет недопустимую лингвистическую субстантивацию (придание другим частям речи статуса существительного): такие абстрактные термины, как *veritas* («истина») или *unum* («единое»), представлялись как вещи-в-себе, хотя таковыми не являются. Таким образом, отклонение от традиций языка влекло за собой не только эстетические последствия, но и перестройку всех основ философии. Поэтому Лоренцо Валла предпочитал каждый объект философского исследования трактовать как объект риторики [5].

Стоит отметить, что Л. Валла был крупнейшим латинистом своей эпохи. Его произведение «О красотах латинского языка» считается воистину революционным, ведь автор предпринял попытку филологической критики Библии. С одной стороны, это открыло новый — исторический — подход к Священному Писанию, с другой — сделало трактат Валлы одним из самых читаемых произведений. Неудивительно, что этот труд попал в список запрещенной инквизицией литературы. Сам философ писал, что заслуги его трактата «О красотах латинского языка» перевешивают вклад в языкознание всего, что написано за предыдущие шесть веков [6].

Действительно, в этом произведении Валла не просто суммирует знания или дает характеристику тем или иным положениям. Его труд — это именно комментарии, где он критикует, исправляет и подробно рассматривает слова, грамматику, синтаксис и морфологию, оставленные в наследие такими поздними классическими грамматистами, как Присциан, Донат и Сервий. Валла отбирал примеры из классической литературы и демонстрировал правильное употребление слов, выражений или конструкций. При этом «правильным употреблением» Валла признавал грамматически корректную и риторически эффективную постановку семантических единиц.

Он также соглашался с античными филологами Квинтилианом и Цицероном в том, что в первую очередь язык как таковой должен служить для коммуникации и убеждения, а у философов, логиков, теологов, толкователей должен быть свой определенный пласт языка. Представления о традициях и обычаях с подачи Валлы легли в основу так называемой теории культуры. Постижимость разумом общественных различий — это то, без чего невозможно развитие культуры. Пока нация использует свой уникальный язык, наука и искусство не получают практически ничего. Однако когда распространилось влияние Римской империи, больше людей стало использовать латинский язык в общении друг с другом. Отделив язык от политических примесей, среди которых он зародился и развивался, Валла пришел к выводу, что именно латынь стала проводником культурного роста, двигателем прогресса в искусстве, науке, юриспруденции, просвещенности в целом [10].

Еще одна важная идея Л. Валлы в области философии языка заключается в том, что если в тексте отсутствует точка зрения автора, то текстом в полном значении этого слова его назвать нельзя. Ключевым свойством языка Валла считал наличие в нем точки зрения говорящего (или пишущего) на нем человека. На основе этого он подверг критике «Дарственную грамоту Константина».

Этот документ, подписанный императором Константином, долгое время считался юридическим подтверждением притязаний папства на светскую власть. Около пяти веков подлинность грамоты не подвергалась сомнению, пока Валла не провел тщательный лингвистический анализ текста. Он заключил, что используемые в нем «варварские обороты речи» не существовали в IV в., когда грамота якобы была составлена. Император Константин не мог подражать языку Священного Писания, поскольку никогда его не читал, а подлинный автор документа неграмотно оперирует терминами, не будучи осведомленным, как в то время составлялись в Риме постановления.

Анализ используемой лексики, проведенный Валлой, доказал, что многие слова вошли в латинский язык намного позже IV в., и истинный носитель классической латыни не мог их употреблять. Философ установил, что текст писался человеком, не имевшем представления о том, о чем идет речь, следовательно, подлинным этот текст не является и юридической силы иметь не может. Так философия языка Л. Валлы стала «историей, вооруженной научным методом» [7]. При этом философ уточнял, что не ставит перед собой цели писать обвинительные речи в адрес тех или иных исторических персон.

Он стремился «удалить из умов людских тяжкие заблуждения». Мыслитель был уверен, что глупостью является «большее осуждение наглости обманщика, чем безумия тех, которые поверили ему». Он напомнил людям о том, что, если бы предложенный текст был написан евреями, греками или варварами, то носители латинского языка потребовали бы ссылку на первоисточник и обратились бы к компетентному переводчику с целью надежного истолкования его смысла. Валла призывал людей не быть легковверными, особенно когда речь заходит об их собственном языке, отметив, что истине принадлежит самая большая сила [1].

Проанализировав вышесказанное, мы можем дать философии языка Лоренцо Валлы следующую характеристику. Она кардинально отличается от воззрений предшественников Валлы — представителей Проторенессанса. В трудах гуманистов Раннего Возрождения прослеживались идеи, которые могли бы пошатнуть авторитет Церкви, но все же основная их направленность — место языка в культуре, а не в политике, и соответствующая взаимосвязь его с народным мышлением.

Л. Валла же отталкивался от недостатков языка, используемого богословами, и впоследствии его искания обрели форму филологической критики Священного Писания и других религиозных текстов. На примере «Дарственной грамоты Константина» гуманист доказал, что с помощью языковых средств представители власти (в данном случае — Церкви) способны определенным образом влиять на народное мышление.

С точки зрения представителя народной массы то, что преподносилось как исторический факт, не могло быть подтверждено или опровергнуто, поскольку не оставалось живых свидетелей, которые могли бы выступить с доказательными аргументами. Однако, с точки зрения философа, этим самым свидетелем выступает язык, который способен искусно скрыть, а потом наглядно представить искомые свидетельства правды. Не ставя перед собой конкретной цели по разоблачению обмана, Валла

установил, что филологическая критика ведет к раскрытию правды.

Таким образом, мы можем заключить, что язык в доктрине Л. Валлы — это путь к постижению истины, но в то же время он может стать инструментом для ее сокрытия. Данное положение можно представить как продолжение идеи Ф. Петрарки «дурные языки низвергают государства». В данном случае мы можем трактовать это как возможность языка задавать определенную ориентацию мышлению народа путем коррекции или подмены истины в выгодном для представителей власти направлении.

Теперь рассмотрим другое направление философии итальянского Ренессанса, связывавшее язык и мышление. В период Высокого Возрождения вопросами языка занимался главным образом Пьетро Бембо (1470–1547). Его больше интересовал тот аспект философии языка, который в Проторенессансе разрабатывали Данте Алигери и Франческо Петрарка: первый превозносил народный язык (*volgare*), а второй — научный (латынь). Бембо был сторонником итальянского языка, который, по его мнению, был способен стать достойной альтернативой латинскому. В своем трактате «Рассуждения в прозе о народном языке» он писал, что самими великими словами являются те, что могут осветить человеческие души и сделать их свободными. Людям, в свою очередь, удобнее выражать свои искренние чувства, будь то похвала или недовольство, на народном языке. Латынь люди используют, но только по необходимости, поскольку для них этот язык неестественен [8].

Бембо старался аргументированно доказать необходимость обращения итальянской национальной культуры к исконному языку. В качестве главного аргумента в пользу итальянского языка он взывал к его естественности. Признавая билингвизм языковой ситуацией своей эпохи, гуманист старался разрешить ее, нанося точные логические удары по «пролатинским» настроениям.

П. Бембо утверждал, что приоритет должен отдаваться родному языку, даже если он не столь совершенен, как иностранный. Согласно его убеждениям, высокая итальянская литература должна быть написана на итальянском языке. Он не разделял точки зрения своего предшественника Ф. Петрарки, который провозглашал латынь настоящим языком древних итальянцев, которые в свое время создали едва ли не идеальное государство. Современные же итальянцы, пользующиеся итальянским языком, по мнению Петрарки, растеряли все былое величие своей страны и ее великой культуры.

Бембо, напротив, заявил, что латынь как элемент античной культуры перестала быть «венцом учености», хотя по-прежнему хранит интеллектуальную престижность. Итальянский же в своем произведе-

нии «Рассуждение о прозе на национальном языке» мыслитель кладет в основу идеи языкового прогресса. В построении доказательства Бембо использует метод от противного. Предположим, что писать все же следует на более «достойном», а не на родном языке. Тогда римляне предпочли бы греческий язык, а греки — финикийский, и подобная тенденция привела бы к свертыванию лингвистического разнообразия. Вместе с этим, как считал Бембо, будет запущен процесс регресса цивилизации в целом. Иными словами, эволюция языка является отражением эволюции человечества [3].

Исследовал проблемы языка и итальянский писатель Бальдассаре Кастильоне (1478–1529). В своем трактате «О придворном» он пишет, что его не раз укоряли в том, что он при написании своих работ не подражал языку Боккаччо. Однако сам писатель полагал, что «истинная норма хорошей речи вырабатывается при употреблении», поэтому, с одной стороны, использование слов, вышедших из обихода, не вполне корректно, а с другой — нет смысла отвергать слова, встречающиеся в речи жителей других регионов страны [4].

Кастильоне пришел к выводу, что язык является некой производной культуры, а литературный язык (коим должен быть итальянский) можно трактовать как производную от «придворной» итальянской культуры, принадлежащей кругу образованных людей, соперничающих судьбе Италии. Однако, развивая данную лингвофилософскую проблему, Кастильоне вскрыл другую — касающуюся доминирующего среди итальянских диалектов. Один из них — «классический» итальянский или тосканский — должен был быть положен в основу формирующегося национального языкового стандарта.

С одной стороны, итальянский можно было позиционировать как общегосударственный язык, а тосканский — как региональный. Например, тосканский считался одним из наиболее авторитетных *volgare*-языков в стране, на нем писали Данте, Петрарка и Боккаччо. Наконец, его грамматика претерпела наименьшее количество изменений в сравнении с латинским языком. С другой стороны, жителям других регионов было трудно воспринимать произведения великих писателей, поскольку тосканский диалект сильно отличался от привычного для них языка. Так встала проблема необходимости унификации народного языка.

Таким образом, уже в XV в. была предпринята первая попытка создания универсального языка, хотя и в пределах одного государства. Тогда эта идея выглядела абсолютно утопической, и только с XVII в. за пределами Италии начнутся фундаментальные исследования в области поиска универсального — но уже искусственного — языка [2].

Заключение

Обобщая результаты проведенного нами анализа, хотелось бы подчеркнуть следующее. П. Бембо, опираясь на ключевые идеи Данте и Петрарки, разработал фундаментальную концепцию языкового прогресса, которая тесно увязывает язык и культуру цивилизаций. Глубокие исследования в области развития языка принято соотносить с гумбольдтианством, однако мы можем заключить, что первые и довольно важные шаги в этой области сделал именно Пьетро Бембо. Проблема свертывания лингвистического разнообразия является перспективным направлением для разработки и в настоящее время. В современных условиях лингвистической глобализации группа широко распространенных языков продолжает укреплять свое лидирующее положение, а языки малочисленных этносов постепенно исчезают. При этом на XI конференции Фонда исчезающих языков (Foundation for endangered languages) было отмечено, что так называемому лингвистическому угасанию оказывает содействие английский язык [12].

Данную проблему можно соотнести и с идеей, высказанной Б. Кастильоне о том, что в обществе возникла необходимость унификации языка. Но если в рассматриваемый нами временной период эта необходимость существовала в рамках одного государства и затрагивала несколько диалектов одного и того же языка, то сегодня аналогичный процесс протекает на международном уровне.

Как мы отметили, английский язык способствует свертыванию языкового многообразия. Причиной тому становится приобретение им статуса всеобщего универсального второго языка. В связи с этим появилась необходимость очистить его от культурных факторов и выработать некую нейтрально-международную норму, т.е. создать его международный вариант для общения всех народов вне зависимости от их национальности, культуры, религии и местоположения.

Однако отделение языка от культуры, как мы полагаем, неправомерно, поскольку в языке заключен фундаментальный базис мышления народа, который, в свою очередь, выступает носителем определенной культуры. Поэтому мы согласимся с представителями итальянского Высокого Возрождения, постулирующими взаимосвязь эволюционных процессов языка и культуры, а вместе с ней и национального мышления.

Таким образом, резюмируя рассмотренные нами идеи философов итальянского Возрождения, разработывавших проблему взаимосвязи языка и мышления, мы можем выделить два крупных направления в этой области. Первое назовем политическим: его основной целью было раскрытие истины, которую

скрывало от народных масс духовенство, с помощью метода текстологической критики. Уточнение переводов Священного Писания и комментарии к резонансным формулировкам стали средством обличения навязывания Церковью выгодных ей постулатов малообразованным людям. Именно это направление из области лингвофилософии сместилось в область идеологии, таким путем подготовив почву для реформационного движения. Таким образом, в эпоху Ренессанса языку был придан статус политического и идеологического фактора.

Второе течение назовем культурологическим. В широком смысле оно увязывает эволюционные процессы в языке с развитием целых цивилизаций, а в более узком рассматривает язык в его взаимосвязи с национальной культурой. Поскольку язык — явление динамическое, подверженное влиянию социокультурных обстоятельств, то этапы его становления действительно будут совпадать с определенными историческими периодами, характеризующимися теми или иными тенденциями. В то же время язык накладывает уникальный отпечаток на культуру определенной нации и на коллективное мышление ее представителей. Данные концепции активно разрабатываются и в современной науке.

Но, несмотря на смысловые различия этих двух направлений, правомерно констатировать единство взглядов философов итальянского Возрождения на силу влияния языка на мышление людей. Он может выступать средством его контроля, фактором развития, индикатором эволюции или выражением менталитета. Различие состоит лишь в том, что активное или пассивное начало имеет язык в конкретной ситуации: используют ли его люди как инструмент влияния, или же язык сам влияет на человеческое мышление, независимо от воли субъекта.

Список литературы

1. *Валла Л.* Рассуждение о подложности так называемой «Дарственной грамоты Константина» // Итальянские гуманисты XV века о церкви и религии / пер с лат. М.А. Гуковского. М.: АН СССР, 1963. С. 139–216.
2. *Жолудева Л.И.* Спор о названии языка в лингвистических трудах Чинквеченто как отражение проблем формирования итальянской идентичности // Древняя и Новая Романия. 2013. № 2(12). С. 36–48.
3. *Карданова Н.Б.* Пьетро Бембо и литературно-эстетический идеал Высокого Возрождения. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2001. 152 с.
4. *Кастильоне Б.* Придворный // Сочинения великих итальянцев XVI века / пер. О.Ф. Кудрявцева СПб., 2002. С. 181–247.
5. *Лосев А.Ф.* Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 624 с.
6. *Ревякина Н.В.* Творческий путь Лоренцо Валлы и его философское наследие // Лоренцо Валла. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / пер. Н.В. Ревякиной. М.: Наука, 1989. 476 с.
7. *Степанова Л.Г.* Тонкословие латинского языка Лоренцо Валлы. СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 23 с.
8. *Bembo P.* Prose della volgar lingua. Edizione di riferimento: Prose e rime di Pietro Bembo, a cura di C. Dionisotti. Torino: UTET, 1966 / La biblioteca digitale della letteratura italiana. URL http://www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_4/t79.pdf (accessed: 13.01.2016).
9. *Bod R.* A New History of the Humanities: The Search for Principles and Patterns from Antiquity to the Present. Oxford: Oxford University Press, 2014. 400 p.
10. *Nauta L.W.* Lorenzo Valla and the rise of humanist dialectic // The Cambridge Companion to Renaissance Philosophy / ed. by J. Hankins. Cambridge, 2007. P. 193–210.
11. *Salutati L.C.* Epistolarium di Coluccio Salutati (Fonti per la storia d'Italia, 15–18 bis) / ed. Francesco Novati. Roma, 1891–1911 / University of Applied Sciences. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost14/Salutati/sal_ep14.html (accessed: 13.01.2016).
12. *Working Together for Endangered Languages: Research Challenges and Social Impacts* / eds. by M.K. David, N. Ostler, C. Dealwis / Foundation for Endangered Languages. Kuala Lumpur: Malaya University, 2007. 26–28 October. 178 p.

Получено 23.01.2016

References

1. Valla L. [The discourse on the forgery of the alleged donation of constantine]. *Ital'janskije gumanisty XV veka o tserkvi i religii* [Italian humanists of the XV century the church and religion]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, p. 139–216. (In Russian).
2. Zholudeva L.I. [The problem of name to be applied to standard Italian language as a reflection of the Italian identity crisis]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya* [Ancient and modern Romanija]. 2013, no. 2(12), pp. 36–48. (In Russian).
3. Kardanova N.B. *P'etro Bembo i literaturno-esteticheskiy ideal Vysokogo Vozrozhdeniya* [Pietro Bembo and literary-aesthetic ideal of the High Renaissance]. Moscow, IMLI RAN Publ., Nasledie, 2001, 152 p. (In Russian).
4. Castiglione B. [The Book of the Courtier]. *Sochinenija velikih ital'jancev XVI veka* [Great XVI century Italians' works]. St. Petersburg, 2002, p. 181–247. (In Russian).
5. Losev A.F. *Estetika Vozrozhdeniya* [Renaissance aesthetics]. Moscow, Mysl'Publ., 1978, 624 p. (In Russian).
6. Revyakina N.V. [Lorenzo Valla's development and his philosophical heritage]. *Lorentso Valla. Ob istinnom i lozhnom blage. O svobode voli* [On Pleasure or the true and false good]. Moscow, Nauka, 1989,

- 476 p. (In Russian).
7. Stepanova L.G. *Tonkoslovie latinskogo yazyka Loren-tso Vally* [Lorenzo Valla's latin elegance]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2000, 23 p. (In Russian).
 8. Bembo P. *Prose della volgar lingua*. Edizione di riferimento: *Prose e rime di Pietro Bembo*, a cura di C. Dionisotti. Torino: UTET, 1966 / *La biblioteca digitale della letteratura italiana*. URL http://www.letteraturaitaliana.net/pdf/Volume_4/t79.pdf (accessed 13.01.2016). (In Italian).
 9. Bod R. *A New History of the Humanities: The Search for Principles and Patterns from Antiquity to the Present*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 400 p. (In English).
 10. Nauta L.W. Lorenzo Valla and the rise of humanist dialectic. *The Cambridge Companion to Renaissance Philosophy* / ed. by J. Hankins. Cambridge, 2007, pp. 193–210. (In English).
 11. Salutati L.C. *Epistolarium di Coluccio Salutati* (Fonti per la storia d'Italia, 15–18 bis) / ed. Francesco Novati. Roma, 1891–1911 / University of Applied Sciences. URL: https://www.hs-augsburg.de/~harsch/Chronologia/Lspost14/Salutati/sal_ep14.html (accessed 13.01.2016). (In Italian).
 12. *Working Together for Endangered Languages: Research Challenges and Social Impacts* / eds. by M.K. David, N. Ostler, C. Dealwis / Foundation for Endangered Languages. Kuala Lumpur: Malaya University, 2007. 26–28 October. 178 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 23.01.2016

Об авторе

Гончарова Алина Алексеевна

аспирант кафедры гуманитарных дисциплин

Сергиево-Посадский гуманитарный институт,
141315, Московская область, Сергиев Посад, Мос-
ковское шоссе, 12а;
e-mail: lynn-goncharova@mail.ru

About the author

Goncharova Alina Alekseevna

Ph.D. Student of the Humanitarian Department

Sergiev-Possad Humanitarian Institute,
12a, Moscovskoye av., Sergiev Possad, Moscow
region, 141315, Russia;
e-mail: lynn-goncharova@mail.ru

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гончарова А.А. Направления лингвофилософской мысли Ренессанса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 55–61. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-55-61

Please cite this article in English as:

Goncharova A.A. Renaissance linguistic philosophical schools // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 55–61. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-55-61

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-62-74

**ПСИХОЛОГИЯ ПОЗНАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА:
ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ******Вяткин Бронислав Александрович****Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет****Жданова Светлана Юрьевна****Пермский государственный национальный исследовательский университет*

В статье представлен обзор основных исследований, проводимых в русле подхода к изучению индивидуальности человека с точки зрения субъекта ее познающего. Представлены результаты исследования особенностей познания индивидуальности у лиц студенческого возраста. Показано, что познание индивидуальности зависит от времени знакомства. Познание индивидуальности малознакомого человека отличается от познания индивидуальности хорошо знакомого человека и познания собственной индивидуальности. Данные различия проявляются в том, что в процессе познания индивидуальности малознакомого человека респонденты в большей мере уделяют внимание особенностям внешности, свойствам личности, значимым для общения. В ходе познания себя и индивидуальности близких людей респонденты в большей мере уделяют внимание свойствам вышележащих уровней индивидуальности, интеллектуальным особенностям. Показано, что выявленные закономерности познания индивидуальности, полученные на выборке лиц студенческого возраста, подтверждаются данными, полученными на выборке лиц социономических и несоциономических профессий. Также в статье раскрывается специфика познания индивидуальности значимым другим на примере исследования познания матерью индивидуальности детей. Анализируются результаты исследования познания индивидуальности человека в условиях виртуальной реальности. Представлены данные, касающиеся изучения образа политиков в связи с полом. Рассматриваются результаты изучения взаимосвязи вербальных и невербальных характеристик индивидуальности на примере изучения устного нарратива о счастье у представителей различных культур.

Ключевые слова: познание индивидуальности, индивидуальность как объект и субъект познания.

**PSYCHOLOGY COGNITION OF THE INDIVIDUAL:
THIRTY YEARS LATER*****Bronislav A. Vyatkin****Perm State Humanitarian-Pedagogical University****Svetlana Yu. Zhdanova****Perm State University*

The article presents an overview of the main studies carried out in the direction of approach of studying human individuality, from the point of view of the knowing subject. The results of empirical studies of individualities' cognition among college students are given in the article.

It is shown that cognition of individuality depends on the time of acquaintance. Cognition of individuality of lightly known man differs from cognition of individuality of the well known man and from self cognition. The differences are that during condition of individuality of a lightly known man respondents pay much attention to out-

* Статья посвящена 30-летию выхода в свет труда В.С. Мерлина «Очерк интегрального исследования индивидуальности» (М.: Педагогика, 1986).

look, and features of personality important for communication. During self cognition and cognition of individuality of nearest people respondents pay attention to features of higher levels of individuality and intellectual peculiarities. It reviews the features of individualities' cognition among people of socioeconomic and non-socioeconomic professions. The individualities' cognition of Significant Other on the example of the way mothers perceive their children's' individuality are presented. The article analyzes the results of study of individualities' cognition in terms of virtual reality. It presents data concerning the study of image of politicians in connection with sex. The results of a study of the relationship between verbal and nonverbal characteristics of individuality on the example of studying oral narrative about happiness among representatives of different cultures are discussed.

Keywords: cognition of individuality, individuality as an object and subject of cognition.

В контексте тенденции целостного познания человека особую актуальность приобретает изучение индивидуальности не только как объекта, но и как субъекта познания. В современных исследованиях внимание в основном уделяется изучению индивидуальности как объекта познания. В связи с этим анализу подвергаются структура индивидуальности, особенности взаимосвязей между разными уровнями индивидуальности, исследуются опосредующие звенья, — различные стили деятельности, общения, активности и т.д. [2, 3, 13,14, 16].

Актуальным представляется и вопрос о том, как субъект, не обладающий профессиональными психологическими знаниями, познает и осмысляет собственную психическую реальность, что отображается в сознании субъекта в процессе познания собственной индивидуальности и индивидуальности других людей, какие качества выбирает субъект из комплекса индивидуальных свойств человека, какие уровни индивидуальности человека, согласно подходу В.С. Мерлина (1986), вовлеченные в процесс познания индивидуальности, являются для человека значимыми и включены в структуры его внутреннего мира, а что остается за пределами познания индивидуальности.

Впервые о необходимости изучения индивидуальности человека как субъекта познания говорится в известной монографии В.С. Мерлина (1986) [13]. Позже данная тема получила развитие в докторской диссертации С.Ю. Ждановой (2005). Ею были изучены закономерности, структура и особенности познания индивидуальности в студенческом возрасте [3, 4], а также исследованы процессуальная и результативная стороны познания индивидуальности. Было показано, что процессуальная сторона характеризует приемы, способы познания индивидуальности, она зависит от опыта профессиональной деятельности познающего субъекта, его индивидуальных особенностей. Результативная сторона познания описана посредством уровней познания индивидуальности — восприятия, социальных представлений, понимания, понимания–узнавания и понимания–объединения [4].

С.Ю. Жданова (2005) доказала, что познание индивидуальности зависит от степени знакомства, что познание человека, знакомого менее года, осу-

ществляется быстро, оно характеризуется избирательностью, фрагментарностью, наличием стереотипных ответов, оценочных суждений и ориентировано на индивидуальные характеристики человека: пол, возраст, особенности внешности (рост, цвет волос). Такое познание происходит на уровне восприятия, соответствует стадии понимания–узнавания.

Познание индивидуальности человека, знакомого более 6 лет, является подробным, дифференцированным, целостным, направлено на познание свойств индивидуального, личностного, социально-психологического уровней индивидуальности; оно в большей степени схоже с познанием человеком собственной индивидуальности, соответствует более глубокому уровню познания, осуществляется на стадии понимания–объединения.

Познание собственной индивидуальности является развернутым, глубоким, дифференцированным, оно направлено на анализ характеристик психологической сферы, в большей мере схоже с познанием хорошо знакомого человека и соответствует стадии понимания–объединения [4].

С.Ю. Ждановой было показано, что дальнейшее развитие эксплицитного знания об индивидуальности связано с более широким пониманием структуры индивидуальных свойств человека, а также обоснована необходимость включения в структуру интегральной индивидуальности, предложенную В.С. Мерлиным (1986), наряду с ранее изученными разноуровневыми индивидуальными свойствами таких характеристик индивидуального уровня индивидуальности, как пол и возраст; особенности интеллектуальной сферы; компоненты опыта [3, 4].

Так, было обнаружено, что девушки в процессе познания индивидуальности в большей мере уделяют внимание особенностям общения, деятельности, они отличаются позитивным принятием себя и индивидуальности других людей. Познание индивидуальности в группе девушек является развернутым, детализированным и в большей мере направлено на характеристику свойств индивидуального, личностного уровней индивидуальности, анализ взаимоотношений с другими людьми.

Анализ процессуальной стороны свидетельствует о том, что познание индивидуальности в группе юношей является свернутым, кратким и направлено

на анализ психологической сферы [3, 4]. В качестве наиболее значимых характеристик познания у юношей выступают: особенности интеллектуальной, мотивационной, волевой сфер, характеристики самосознания, интересы, ценности. Анализ результативной стороны познания позволяет говорить о более высоком уровне рефлексии юношей, значимости характеристик внутреннего мира, их ориентации на анализ чувств, мыслей, переживаний. Юноши отличаются большей критичностью в отношении себя и индивидуальности близких людей, чаще склонны к использованию автокоррекции и по сравнению с девушками меньше склонны к осознанию социальных ролей [4].

Результаты исследования позволяют говорить об особенностях познания в зависимости от возраста и от курса обучения студентов. Так, было обнаружено, что на ранних этапах познание индивидуальности является развернутым, фрагментарным, направлено на анализ индивидуальных характеристик, особенностей взаимоотношений человека с другими людьми. На старших курсах познание индивидуальности отличается большей целостностью, упорядоченностью, более глубоким анализом психологической сферы, осознанием психологических качеств, ценностей, мотивов поведения и отношений [3, 4].

Познание индивидуальности зависит от индивидуальных особенностей познающего субъекта. В ходе исследования было установлено, что в качестве значимых факторов, определяющих познание индивидуальности, выступают характеристики интеллектуальной сферы, свойства личностного, социально-психологического уровней индивидуальности. Среди характеристик интеллектуальной сферы наибольшую роль в познании индивидуальности играют умение предвидеть последствия поведения, способность к логическому обобщению, выделению существенных признаков в невербальном поведении человека, а также способность понимать вербальные реакции человека в зависимости от контекста и логику развития ситуации взаимодействия [3, 4].

Познание индивидуальности связано и со спецификой обучения, опытом профессиональной деятельности познающего субъекта. Сравнительный анализ особенностей познания индивидуальности студентов-психологов и лиц, не обладающих профессиональным психологическим знанием, свидетельствует о том, что познание индивидуальности у студентов-психологов более развернуто, целостно, дифференцировано. Студенты-психологи более чувствительны к анализу индивидуальных свойств индивидуальности человека, уделяют внимание внешним поведенческим реакциям человека, ориентированы на объективность, отличаются осторожностью в формулировке суждений и интерпретаций, отсутствием оценочного подхода, а также бережным от-

ношением к внутреннему миру человека. Стиль познания индивидуальности у студентов-психологов в большей мере соответствует научному познанию индивидуальности, что можно объяснить развитием профессиональных навыков студентов [3, 4].

Изучение познания индивидуальности человека было продолжено в ряде исследовательских работ, выполненных под руководством С.Ю. Ждановой. Так, в кандидатской диссертации Л.З. Зариповой (2013) были выявлены особенности познания индивидуальности человека в зависимости от специфики профессиональной деятельности [11, 12], а также тенденции и специфические особенности в познании индивидуальности у лиц социономических и несоциономических профессий [12].

Полученные данные подтверждают результаты исследования С.Ю. Ждановой, обнаруженные на выборке лиц студенческого возраста [4]. Так, Л.З. Зариповой было выявлено, что обе группы респондентов при познании индивидуальности *незнакомому человеку* (мужчины и женщины) по фотографии ориентированы на познание характеристик индивидуального уровня индивидуальности, свойства личности, значимые для установления контакта, общения и совместной деятельности. Показательно то, что при определении индивидуальности по фотографии незнакомой женщины респонденты в большей мере ориентированы на внешний облик индивидуальности человека (47 % ссылок), в то время как по фотографии незнакомому мужчине в большей мере внимание уделяют мотивационной сфере (35,5 %), интеллекту, социальным ролям (28 % ссылок).

Л.З. Зариповой было также показано, что познание индивидуальности незнакомому человеку по фотографии свернуто, фрагментарно, осуществляется на уровне восприятия и включает в себя такие механизмы, как категоричная оценка, стереотипные суждения [12]. Было установлено, что в познании индивидуальности человека, который знаком *менее 1 года*, для обеих групп респондентов — представителей социономических и несоциономических профессий значимыми являются физические качества (58 % ссылок), а также свойства личности, значимые для общения, эффективного взаимодействия (82 % ссылок). В меньшей степени внимание было направлено на познание психических процессов, интеллекта, социальных ролей. Механизмы познания, проявляющиеся на данном уровне, включают оценку, стереотипы, эмоциональное одобрение (28,5 % ссылок) [12].

В познание индивидуальности хорошо знакомого человека (более 6 лет) включаются свойства разных уровней индивидуальности, прежде всего личностного (свойства, характеризующие особенности деятельности и общения, мотивация, интересы, ценности), и свойства социально-психологического (роли,

статус) уровня индивидуальности, а также особенности интеллектуальной сферы. Знание о человеке, знакомом субъектам познания более 6 лет, достаточно развернутое, респонденты стремятся к выявлению всех сторон индивидуальности, раскрывают как положительные, так и отрицательные его черты.

В хорошо знакомом человеке участники исследования выделяют качества автономности, активности, закрытости, надежности. Механизмами познания выступают интерпретация, рефлексия, идентификация, эталоны, эмпатия (37 % ссылок). Познание индивидуальности человека, знакомого более 6 лет, является глубоким, целостным; соответствует уровню понимания, этапу понимания–объединения и включает механизмы интерпретации, эмпатии, эталонов, идентификации, рефлексии [11, 12].

Познание своей индивидуальности в большей мере схоже с познанием хорошо знакомого человека. В отличие от знания индивидуальности незнакомого и малознакомого человека, оно характеризуется подробностью, отсутствием оценок, стереотипных высказываний, наличием интерпретационных и рефлексивных суждений, обращения к опыту. Внимание респондентов направлено на все стороны индивидуальности, его можно обозначить как глубокое, сложное, стремящееся к полному раскрытию своей индивидуальности. Важными механизмами познания на этом уровне выступают рефлексия, интерпретация, эмпатия, опыт (34,5 % ссылок) [12].

Специфические различия в познании индивидуальности в связи со спецификой профессиональной деятельности проявились в том, что *лица социологических профессий в процессе* познания себя и индивидуальности другого человека в большей мере ориентированы на коммуникативные качества, принадлежность к группе, взаимодействие с социальной средой (46 % и 31 % соответственно). Они активно делают ссылку на других людей (близких, знакомых, коллег, значимых Других) (29 % и 18 % соответственно), склонны к оценке объекта познания как с положительной, так и с отрицательной стороны, что может быть связано с особенностями и предметом социологического труда, в котором присутствуют задачи профессионального объективного (экспертного) оценивания объекта или ситуации (пациента, ученика, правового события и т.д.). В целом для них характерно принятие другого [12].

Для лиц социологических профессий, по сравнению с лицами несоциологических профессий, характерна вербальная сдержанность при описании как собственной индивидуальности, так и индивидуальности другого.

В описании себя, индивидуальности незнакомого человека, малознакомого и хорошо знакомого человека у лиц профессий типа «человек–человек» количество слов достоверно меньше, чем у представите-

лей несоциологического труда. Такие данные можно объяснить высокой письменной и устной вербальной активностью в профессиональной деятельности и в этой связи уходом от подробного и излишнего повествования вне нее, стремлением к краткому и емкому изложению [12].

У лиц несоциологических профессий приоритет отдан мотивационной сфере (38 % ссылок), социальным ролям и статусу объекта познания (10 % ссылок), отмечается тенденция к детальному описанию внешних данных, физических качеств в индивидуальности малознакомого человека. В познании себя и других людей они отличаются высоким уровнем эгоизма (26 %), ориентированы на познание характеристик мотивационной сферы, потребностей, мотивов, интересов, ценностей, раскрывают цели и способы их достижения, описывают социальные роли, статус, характеризуют собственную морально-нравственную сферу. Процессуальная сторона познания представителей несоциологических профессий раскрывается посредством использования метафорических приемов (33 % ссылок) [12].

В контексте психологии познания индивидуальности человека особенно интересен вопрос о том, как осуществляется познание индивидуальности Значимого Другого. В этой связи интерес представляет диссертационное исследование Е.Л. Аликиной, посвященное изучению особенностей познания матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды [1, 5, 6]. Автор изучала познание матерью индивидуальности ребенка, какие характеристики индивидуальности ребенка являются для матери значимыми, оказываются вовлеченными в процесс познания, как зависит познание матерью индивидуальности ребенка от количества детей в семье, порядковой позиции ребенка, уровня образования и возраста матери, состава семьи [1].

В ходе исследования обнаружены тенденции в познании индивидуальности ребенка, характерные для всех групп матерей: наибольший удельный вес в структуре познания индивидуальности ребенка приходится на характеристики, отражающие психологические особенности — характер, интересы ребенка. Менее значимыми для матерей всех групп являются характеристики, отражающие особенности учебной деятельности и характеристики индивидуального уровня индивидуальности их детей (внешность и здоровье ребенка). Общим в познании матерью индивидуальности ребенка является эмоциональная насыщенность процесса познания [1, 5, 6].

Было установлено, что ключевая роль в познании матерью индивидуальности ребенка принадлежит факторам индивидуальной среды матери (количество детей в семье, порядковая позиция ребенка в семье). С увеличением количества детей в семье в

процессе познания матерью индивидуальности ребенка целостность, реалистичность, осознанность индивидуальных особенностей ребенка возрастают, сильнее проявляются механизмы социального сравнения и рефлексии; изменяется структура познания матерью индивидуальности ребенка. Выявленные изменения проявляются в том, что удельный вес характеристик вышележащих уровней индивидуальности ребенка (особенности темперамента, мотивационной сферы, общения, социальные роли) возрастает, а удельный вес характеристик нижележащего уровня индивидуальности (индивидуальные особенности, пол, возраст) снижается [1, 6].

Обнаружено, что на познание матерью индивидуальности ребенка существенное влияние оказывает фактор индивидуальной среды матери — порядковая позиция ребенка в семье (единственный, старший, средний, младший). Порядковая позиция ребенка в семье влияет на вовлеченность в процесс познания характеристик индивидуальности ребенка. С увеличением порядковой позиции ребенка в семье удельный вес характеристик вышележащих уровней индивидуальности (личностного и социально-психологического) в структуре познания матерью индивидуальности ребенка увеличивается [1]. Так, познание матерью индивидуальности единственного ребенка в большей мере направлено на индивидуальные характеристики (пол, возраст, внешность), познание индивидуальности старшего ребенка — на характеристики социально-психологического уровня, которые отражают статус помощника. Познание матерью индивидуальности среднего ребенка в меньшей мере направлено на индивидуальные характеристики и в большей степени на свойства психологического уровня индивидуальности (темперамент, характер, мотивационная сфера). Познание матерью индивидуальности младшего ребенка в многодетной семье является наиболее целостным и структурированным [1, 5, 6].

В процессе познания матерью индивидуальности единственного и младшего ребенка отчетливо проявляется действие механизмов эмоциональной индикации (эмоциональная окраска процесса познания) и трансформации психического образа (искажение образа ребенка, связанное с увеличением или уменьшением его возраста); в процессе познания матерью индивидуальности старшего и среднего ребенка — действуют механизмы социального сравнения и рефлексии.

Е.Л. Аликиной было обнаружено также влияние факторов общесемейной среды матери (образование матери, возраст матери, состав семьи) на познание матерью индивидуальности ребенка. Наибольшее влияние на познание матерью индивидуальности ребенка оказывает уровень образования матери [1, 6]. Матери с высшим образованием в большей мере уделяют внимание характеристикам вышележащих

уровней индивидуальности: свойствам личностного (темперамент, интересы ребенка) и социально-психологического уровней индивидуальности ребенка (упоминание отца ребенка) [1, 6].

С увеличением возраста матери в процессе познания индивидуальности ребенка в меньшей степени уделяют внимание характеристикам индивидуального уровня (пол ребенка), больше ориентированы на познание характеристик социально-психологического уровня индивидуальности (мотивационная сфера) [1, 5, 6].

Состав семьи также влияет на процесс познания. При наличии отца в однодетных семьях матери больше уделяют внимание характеристикам индивидуального (пол ребенка) и социально-психологического (упоминание отца ребенка) уровня индивидуальности. При отсутствии родного отца в многодетных семьях матери в большей степени уделяют внимание характеристикам социально-психологического уровня индивидуальности (упоминание родственников и социальные роли ребенка) [1, 6].

Установлено, что познание матерью индивидуальности ребенка в условиях внесемейной среды является фрагментарным, неполным, направлено на особенности взаимодействия ребенка со сверстниками. Общее познание особенностей поведения ребенка в группе проявляется в том, что для всех матерей значимыми являются лидерские качества ребенка, причем наибольшие трудности матери испытывают при познании коммуникативных навыков ребенка в группе сверстников [1, 5].

Специфические различия в познании матерью индивидуальности ребенка в условиях внесемейной среды обусловлены факторами ее индивидуальной среды (количество детей в семье, порядковая позиция ребенка в семье), которые влияют на тип познания матерью особенностей поведения ребенка в группе. В процессе познания в условиях внесемейной среды матери единственного и среднего ребенка отмечают агрессивный тип поведения, матери старшего и младшего — бесконфликтный тип поведения ребенка в группе сверстников [1, 5, 6].

В контексте проблемы познания индивидуальности особый интерес представляет вопрос о восприятии индивидуальности политического лидера. В этой связи А.А. Строканов и С.Ю. Жданова (2014) изучали особенности восприятия образа будущего президента в связи с этнической принадлежностью [21]. Исследование проходило на выборке студентов историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (25 чел.) и студентов разных факультетов государственного колледжа Линдон, изучающих историю (США, штат Вермонт) (28 чел.). Всего 53 человека. Из них 24 девушки и 29 юношей. Возраст респондентов от 19 до 23 лет, средний воз-

раст — 21 год. Было установлено, что российские респонденты в большей мере уделяют внимание деловым качествам будущего президента, демонстрируют оптимизм и считают, что выборы способны повлиять на изменения в стране, но в меньшей степени склонны думать, что выборы могут оказать влияние на изменения в их личной жизни [21].

Американские студенты проявляют меньше интереса к политическим событиям, наряду с профессиональными качествами лидера они уделяют внимание также его внешности, считая, что внешность кандидата в президенты может оказать существенное влияние на результаты голосования. Они также полагают, что выборы могут повлиять на личную жизнь людей, но в меньшей степени могут оказать влияние на жизнь страны в целом [21].

Изучению половых особенностей в восприятии образа политика посвящено исследование Л.О. Пузыревой [9, 15, 18]. В нем впервые проведен мультимодальный анализ познания индивидуальности [19]. Впервые изучено влияние вербальных и невербальных компонентов выступлений на восприятие образа политика в связи с полом, половые особенности восприятия образа политика-мужчины и политика-женщины у реципиентов мужчин и женщин.

Объектом исследования стала не личность политика, а его образ, формирующийся в процессе получения информации определенной модальности, в зависимости от канала восприятия (аудио, визуального и аудиовизуального).

Для изучения различий в восприятии Л.О. Пузырева провела квазиэксперимент: демонстрация стимульного материала в группах испытуемых и сбор эмпирического материала происходил с учетом нескольких факторов — канал восприятия, специфика политической деятельности, пол политика, пол реципиента [15, 18].

В стимульный материал вошли записи выступлений политических и общественных деятелей (мужчин и женщин). Общественные деятели были заявлены как политические лидеры для выявления специфики восприятия политика и влияния установок на принадлежность человека к данной сфере деятельности на его восприятие. Чтобы минимизировать влияние побочных переменных, в качестве стимульного материала были взяты записи выступления политиков на региональном уровне (Ростовская, Московская, Саратовская, Тюменская области).

Выборка состояла из 6 групп испытуемых, внутри каждой был представлен стимульный материал двух видов, в зависимости от пола политика и не политика, демонстрировали видеозаписи со звуком, аудиозаписи выступлений и видеозаписи без звука. Каждой группе реципиентов материал предъявлялся только один раз и только одного вида в зависимости от канала представления и восприятия информации

для исключения влияния фактора привыкания и повторного восприятия выступления.

Л.О. Пузырева получила следующие результаты: было установлено, что женщины в своем описании мужчины-политика чаще и подробнее описывают его внешность как целостный образ, например: стильно одет, элегантен, в строгом деловом костюме, красный галстук, брюнет, в очках [8, 14]. И в то же время обращают внимание на незначительные детали внешности и одежды, на аксессуары (например, в своих текстовых описаниях отмечают, что «к пиджаку прикреплен значок», «кольцо на правой руке», «дорогие часы», «начинает лысеть»). В группе респондентов-женщин нередко встречаются суждения, что мужчины-политики больше вызывают доверие у женской аудитории. Женщины чаще прибегают к описанию жестов, например, «активно жестикулирует», «показывает что-то правой рукой», «речь сопровождается жестами», «жесты важны в разговоре»; мимики, например, «эмоции строгости на лице», «очень эмоционален», «по мимике видно, что заинтересован в проблеме»; интонации голоса («мужской голос», «приятно слушать», «уверенный голос»). Схожие тенденции обнаружены в описании женщинами политика-женщины. Преобладают описания внешности («светлые волосы», «острый нос», «хороший внешний вид», «желтый жакет», «красная помада», «подходящий макияж», «яркий внешний вид»); мелких деталей одежды («кольцо», «красивые сережки», «часы на левой руке»); невербальных компонентов выступления («крутит в руке ручку», «жесты использует подходящие», «жестикулирует одной рукой», «частые покачивания головой», «пыталась установить зрительный контакт с аудиторией», «напряженный взгляд», «меняет интонацию»). Высказываются утверждения, что женщины более эмоциональны.

Мужчины в своих описаниях больше обращают внимание на тему выступления («рассказывала о проблеме детей», «рассказывал о политических проблемах России», «тема не заинтересовала меня», «затрагивает актуальные темы»). Их описания в большей степени содержат критические суждения («четкая, выверенная речь», «много раз повторила одну мысль», «отклонялась от темы», «конструктивно выражает мысли», «могу согласиться с ее словами», «много воды в речи»), наличие стилистических ошибок («допускал ошибки», «не там ударение», «были запинки»). Они чаще высказывают оценочные отношения: «хороший политик», «вызывает доверие», «этому политику можно доверить управление страной», «вызывает симпатию», «более близка и понятна народу», «это ужасный депутат», «внешне не отличается от других политиков», «может привлечь внимание электората» и др.

При описании общественных деятелей, которые были обозначены как политики, тексты респондентов-мужчин также имели тенденции к описанию речи и содержания выступления («красноречива», «дает внятные ответы», «не боится своих слов», «точку зрения объясняет понятно», «говорит не “я”, а “мы” — думает не только о себе», «громко говорит», «в доказательство приводит много примеров», «активно доказывает точку зрения»).

Женщины-респонденты описывали внешность, манеру поведения перед камерой («приятная наружность», «использует вспомогательные материалы», «волнуется перед камерой», «постоянно мотает головой», «жестикулирует», «внешний вид непривлекательный», «солидный», «подобающе одет», «постоянно двигает левой рукой», «опрятно одет»). Они чаще высказывали сомнения в отношении сферы деятельности человека, увиденного на видеозаписи, делая предположения относительно возможных профессий («не политик», «не выглядит как депутат», «возможно бизнесмен», «представитель банковского дела», «возможно, работает в сфере образования»).

В целом полученные Л.О. Пузыревой данные позволяют говорить о тенденциях в познании образа политика в связи с полом [15, 18]. Они проявляются в том, что женщины чаще описывают внешний вид, обращая внимание на мелкие детали, в большей мере воспринимают интонацию, жесты, мимику. Мужчины выделяют тему выступления, затронутые вопросы и проблемы, более критичны в восприятии речи, высказывают оценочные суждения.

Одна из тенденций современности — активная включенность человека во взаимодействие посредством Интернета. Особый интерес представляет вопрос о том, как осуществляется процесс познания индивидуальности человека в условиях виртуальной реальности. В этом плане актуальным представляется исследование А.А. Баталина, посвященное восприятию индивидуальности другого человека в условиях виртуальной реальности в зависимости от способа взаимодействия в виртуальной реальности (посредством онлайн-игр и социальных сетей) [7].

Исследование проходило на выборке пользователей исключительно социальных сетей и лиц, являющихся активными игроками в онлайн-игры. Общий объем выборки составил 314 человек. В результате исследования были выявлены специфические особенности восприятия человеком индивидуальности в условиях социальных сетей и онлайн-игр.

Познание индивидуальности человека, знакомого только в условиях онлайн-игры, ориентировано преимущественно на «положительные» качества (78,4 % ссылок в среднем). Индивидуальность партнера в таких случаях описывалась как «добрая»,

«надежная», «яркая». По отношению к игроку в онлайн-игры используются такие характеристики, как «яркий», «готовый помочь», «деятельный». Отрицательные качества по отношению к знакомому в условиях онлайн-игры используются намного реже. К ним относятся такие характеристики, как «несдержанный», «слишком импульсивный», «замкнутый», «ограниченный», «невежливый», «грубый», «злой».

Наиболее часто при описании человека, знакомого только в условиях онлайн-игр, встречались характеристики, соответствующие сфере психологических особенностей (64,2 % ссылок в среднем). Среди характеристик, которыми описывалась индивидуальность знакомого в онлайн-игре, были: «жизнерадостный», «спокойный», «умный», «внимательный», «неискренний».

Распространенными оказались также ссылки на особенности поведения (24,3 % ссылок в среднем). Описывая индивидуальность человека, знакомого в условиях онлайн-игры, респонденты склонны использовать такие определения, как «вежливый», «культурный», «разговорчивый», «воспитанный».

В описаниях индивидуальности человека, знакомого только в условиях онлайн-игры, меньше всего ссылок на индивидуальные характеристики (2,6 % ссылок в среднем), что объясняется невозможностью выявления многих из данных характеристик в условиях онлайн-игр. Взаимодействие посредством созданных персонажей подразумевает, что настоящая внешность другого игрока неизвестна. При описании знакомого в условиях онлайн-игр ссылки на индивидуальные характеристики ограничиваются ссылками на пол партнера и, в отдельных случаях, возраст. В таких случаях респонденты используют такие определения, как «молодой», «старше меня». Также в данных условиях не используются ссылки на социальные характеристики, что может быть также обусловлено особенностями взаимодействия при общении в условиях онлайн-игры. Данные особенности восприятия индивидуальности можно объяснить тем, что восприятие другого происходит исключительно посредством его сообщений, через внутриигровое взаимодействие.

Познание индивидуальности человека, знакомого исключительно в условиях социальных сетей, является более развернутым и детализированным, чем познание индивидуальности человека, знакомого только в условиях онлайн-игр, включает в себя больше характеристик познания. В данных описаниях чаще, чем при описании индивидуальности знакомого в условиях онлайн-игр, использовались «отрицательные» качества (28,3 % ссылок в среднем). По отношению к партнеру в таких случаях применяются характеристики «расчетливый», «жесткий», «хладнокровный». Индивидуальность может оцениваться как «неполноценная», «лживая».

В случае описания индивидуальности человека, знакомого только в условиях социальных сетей, обнаруживается большее, чем при описании индивидуальности человека, знакомого в условиях онлайн-игр, количество ссылок на индивидуальные характеристики, что обусловлено возможностью видеть изображение человека (фотографии, видеозаписи, опубликованные самим пользователем социальной сети). Индивидуальные характеристики составляют значимую часть описаний индивидуальности человека, знакомого в условиях социальной сети (41,2 % ссылок в среднем). Общение посредством социальных сетей позволяет видеть лицо партнера на фотографиях и видеозаписях, что позволяет делать выводы об особенностях внешности [7]. При описании человека, знакомого исключительно в условиях социальных сетей, респонденты использовали такие характеристики, как «красивый», «светлые волосы», «маленький нос», «светлая кожа», «зеленые глаза». Респонденты отмечали конкретный возраст людей, знакомых только в условиях социальной сети.

Ссылки на психологические характеристики встречаются в случае социальных сетей не так часто, как при описании индивидуальности знакомого в условиях онлайн-игры, но составляют значительную часть описания индивидуальности (29,8 % ссылок в среднем). Для описания индивидуальности респонденты использовали такие характеристики, как «начитанный», «спокойный», «сдержанный», «рассудительный», «общительный».

Значительно чаще, чем при описании знакомого, в условиях онлайн-игр использовались характеристики деятельности (12,1 % ссылок в среднем). Респонденты отмечали, что партнер «учится на маркетолога», «занимается продажей часов», «работает в кафе», «занимается искусством». Данные характеристики можно узнать из информации, которая опубликована на странице в социальной сети либо непосредственно в процессе общения.

Также в описаниях встречаются ссылки на социальные характеристики знакомого в условиях социальной сети (10,6 % ссылок в среднем). Среди социальных характеристик были «женат», «замужем», «имеет много друзей», «социально благополучен». Такие характеристики, как и характеристики деятельности, могут быть даны благодаря информации, опубликованной на странице пользователя, либо непосредственно в процессе общения.

Наиболее развернутые и многословные описания респонденты предоставляли об индивидуальности человека, знакомого в условиях реального общения.

«Отрицательные» характеристики при описании индивидуальности знакомого в реальной жизни встречаются реже, чем при описании индивидуальности знакомого в условиях социальной сети (24,7 % ссылок в среднем). В этих случаях обнару-

живается большое количество ссылок на психологические характеристики (36,1 % ссылок в среднем). Индивидуальность человека, знакомого в реальной жизни, может восприниматься респондентами как «рациональная», «порядочная», «достаточно мотивированная». Особенности поведения в данном случае составляют значительную часть описаний воспринимаемой индивидуальности (22,3 % ссылок в среднем). По отношению к человеку, знакомому в условиях реального общения, применяются такие определения: «вежливый», «обходительный», «откликающийся», «всегда готовый помочь». Также респонденты отмечают особенности деятельности человека, знакомого в условиях реального общения (15,8 % ссылок в среднем). Респонденты отмечали, что человек, индивидуальность которого они описывают, «работает в веломаркете», «учится в университете», «занимается бизнесом», «преподает в школе». В познании индивидуальности человека, знакомого в условиях реального общения, респонденты в большей мере ориентированы на восприятие индивидуальных характеристик (11,2 % ссылок в среднем).

В целом полученные А.А. Баталиным данные позволяют заключить, что имеются общие тенденции в восприятии индивидуальности человека в условиях виртуальной реальности при взаимодействии посредством социальных сетей и посредством онлайн-игр: вне зависимости от способа взаимодействия в виртуальной реальности респонденты уделяют внимание психологическому уровню индивидуальности, особенностям поведения человека. Специфика восприятия индивидуальности в условиях социальных сетей и онлайн-игр состоит в том, что в условиях общения посредством онлайн-игры респонденты не уделяют внимание индивидуальным характеристикам индивидуальности, но придают им особое значение в условиях реального взаимодействия и общения.

В контексте проблемы целостного познания индивидуальности человека особый интерес представляет познание индивидуальности на основе невербальных средств коммуникации. Этот аспект сегодня особенно актуален. Это связано с тем, что дистантное межличностное познание человека имеет большое значение для профессиональной сферы деятельности человека, сферы безопасности. В связи с этим возникает вопрос о том, какова специфика восприятия человека на основе видеозаписи, существуют ли различия в восприятии индивидуальности человека в зависимости от времени ее предъявления. В проведенном нами исследовании (Э.Е. Нахтарова, С.Ю. Жданова, В.Б. Поляков, 2012) были обнаружены общие тенденции в восприятии человека на видеозаписи вне зависимости от времени ее предъявления [8]. Так, было обнаружено, что

респонденты после просмотра видеозаписи продолжительностью 5 секунд и 5 минут одинаково воспринимали такую характеристику человека на видеозаписи, как национальность. В ходе исследования были выявлены и различия в особенностях восприятия человека на видеозаписи продолжительностью 5 секунд и 5 минут: восприятие человека на видеозаписи продолжительностью 5 секунд больше направлено на внешние особенности, на индивидуальные характеристики (цвет волос, рост, пол, возраст). Свойства личности выделяются в меньшей мере, причем в описаниях респондентов в основном присутствуют положительные и нейтральные свойства личности. Кратковременное предъявление видеозаписи (5 секунд) не позволяет выделить оригинальные и своеобразные черты индивидуальности. Так, респонденты говорили о том, что наблюдаемый ими человек «ничем особо не примечателен», «не отличается от других» [8].

В то же время после просмотра видеозаписи продолжительностью 5 минут респонденты были ориентированы на описание психологических характеристик, в том числе свойств личности, значимых для общения и деятельности. Восприятие респондентами человека на видеозаписи продолжительностью 5 минут является более дифференцированным и оценочным. Это проявилось в том, что респонденты называли не только положительные, но и отрицательные качества, были более критичны в своих суждениях в отношении индивидуальности воспринимаемого им человека [8].

В дальнейшем изучение невербальных компонентов поведения индивидуальности человека в контексте проблемы изучения характеристик индивидуального уровня индивидуальности было продолжено, в частности, было проведено исследование взаимосвязи вербальных и невербальных характеристик в устном нарративе на примере изучения представлений о счастье у представителей различных культур [10, 17, 19, 20]. Было установлено, что в процесс переживания счастья вовлечены разные уровни индивидуальности человека (индивидуальный, личностный, социально-психологический) [10, 17, 19, 20].

Анализ вербальных репрезентаций феномена счастья, проведенный на выборке российских и американских студентов свидетельствует о том, что у *российских студентов* состояние счастья связано с характеристиками личностного и социально-психологического уровней индивидуальности (с семейным благополучием, семейными ценностями). *Американские студенты* связывают счастье с проявлениями индивидуального уровня индивидуальности: для них значимым является физическое ощущение тепла. В качестве психологических и социально-психологических характеристик индивидуальности,

выступающих в качестве источника счастья, для американских студентов выступают: самореализация, преодоление трудностей, отношения с противоположным полом. Для студентов обеих выборок счастье связано с включенностью в деятельность, с достижением поставленных целей. При этом российские студенты больше ориентированы на результативную сторону феномена счастья, американские студенты в большей мере сосредоточены на процессе, связанном с переживанием состояния счастья [10, 17, 19, 20].

В ходе исследования невербальной репрезентации состояния счастья у российских и американских студентов были обнаружены общие тенденции: обе группы студентов в жестовом описании обращают ладонь тыльной стороной кверху, располагая ее в диагональной плоскости, характер движения является круговым или дугообразным, пик жестового движения располагается в центре относительно говорящего.

Выявленные различия в невербальных характеристиках свидетельствуют о том, что американские студенты чаще используют жесты, направленные от тела, жест, в которых ладонь обращена вниз. У российских студентов рука более напряженная, жест направлен к телу. Это может говорить о том, что для русских студентов более характерно стремление к удержанию переживания данного эмоционального состояния, концентрации его на себе.

В ходе исследования были изучены особенности вербальных и невербальных характеристик в устном нарративе о счастье в связи со свойствами личности. Было обнаружено, что состояние счастья коррелирует с показателями экстраверсии. Наиболее сильные корреляционные взаимосвязи наблюдаются между показателями экстраверсии и такими вербальными характеристиками, присутствующими в устном нарративе о счастье у студентов, как встреча с родными, достижения в деятельности, учебе, отношения с противоположным полом, погода. Показатели экстраверсии также значимо коррелируют с такими характеристиками, как «сдача экзамена», «праздник». Полученные результаты позволяют предположить, что экстраверты испытывают состояние счастья от событий, предполагающих общение, эмоциональный контакт, социальную поддержку, связанных с приятными переживаниями.

В ходе исследования были выявлены особенности вербальных и невербальных характеристик в устном нарративе о счастье в связи с возрастом. Полученные данные позволяют проследить возрастную динамику особенностей представлений о счастье и сделать вывод о том, что ощущение счастья в процессе онтогенетического развития изменяется с возрастом. Полученные данные свидетельствуют о том, что студенты младших курсов видят свое счастье в

отношениях с противоположным полом, со значимыми событиями в личной жизни, ценностями семьи. Студенты старших курсов в большей мере ориентированы на «достижения в деятельности», учебе, что можно связывать с ориентацией студентов старшего курса на окончание учебы, дальнейшую профессиональную деятельность. С возрастом наблюдается переход от ощущения счастья во внутреннем плане к внешнему.

В ходе исследования были выявлены особенности представлений о счастье в связи с профессиональной принадлежностью. Было обнаружено, что студенты экономического факультета в большей степени видят свое счастье в успешной карьере, создании семьи, причем ориентированы на построение своей карьеры в России. Студенты факультета современных иностранных языков и литератур в большей мере ориентированы на путешествия, связывают счастье с семьей, рождением ребенка, не исключают переезд в другую страну с целью реализации трудовой карьеры за рубежом.

В ходе исследования были выделены специфические особенности в использовании невербальных характеристик у студентов в связи со спецификой факультета. Было обнаружено, что студенты экономического факультета располагали свои жесты чаще, чем испытуемые факультета современных иностранных языков и литератур, в центре, реже на периферии. Совсем не встречалось у студентов-экономистов использование жестов в верхнем правом и нижнем левом углах.

Студенты факультета СИЯЛ использовали чаще круговые, зигзагообразные, S-образные движения. В сравнении со студентами-экономистами они реже использовали прямое и дугообразное движение. Чаще, чем студенты-экономисты, они использовали движения запястья, такие как наклон вниз, подъем, наклон к первому пальцу и вращение. Полученный материал позволяет говорить о том, что студенты факультета современных иностранных языков и литератур в целом более активно используют жестикуляцию при передаче состояния счастья.

В ходе исследования были выявлены значительные связи невербальных характеристик с полом. Было обнаружено, что женщины намного чаще при описании состояния счастья используют вертикальные и диагональные движения ладони. Женщины при описании состояния счастья чаще используют жестикуляцию (движения ладони, вращение запястья), при этом по сравнению с респондентами-мужчинами их движения более плавные [10, 17].

В ходе исследования были выявлены взаимосвязи между вербальными и невербальными характеристиками в устном нарративе о счастье. Обнаружено, что наиболее активная жестикуляция наблюдается в отношении категорий, связанных с переживанием

состояния счастья: «Праздник», «Свадьба», «Достижения в учебе», «Достижения в деятельности». Описывая данные события, респонденты используют круговые, дугообразные движения, кисти рук при этом располагаются в центре относительно говорящего, развернуты кверху.

В целом полученные результаты свидетельствуют о взаимосвязи вербальных и невербальных компонентов в устном нарративе о счастье, о специфике их проявления в связи с индивидуальными характеристиками (полом, возрастом), свойствами личности (экстраверсия–интроверсия), спецификой обучения, а также особенностями культуры [10, 17, 19, 20].

Выводы

Представленный материал, позволяет говорить о дальнейшем развитии теории интегральной индивидуальности В.С. Мерлина. Полученные результаты вносят вклад в современное человекознание, целостное изучение индивидуальности человека, расширяют представление о структуре индивидуальных свойств человека, закономерностях познания индивидуальности субъектом, не обладающим профессиональным психологическим знанием, свидетельствуют об интеграции подходов к изучению индивидуальности человека, позволяют обозначить новые перспективные направления исследования индивидуальности. В то же время проведенный анализ позволяет утверждать, что благодаря исследованиям, выполненным в русле Пермской психологической школы, изучение проблемы индивидуальности из плоскости сугубо теоретической переведено в настоящее время в область решения практических задач, практическое использование знаний об индивидуальности в повседневной жизни человека.

Список литературы

1. Аликina Е.Л. Познание матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2015. 27 с.
2. Вяткин Б.А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. Пермь, 2000. 179 с.
3. Вяткин Б.А., Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: МОДЭК, 2007. 319 с. (Серия «Библиотека психолога»).
4. Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека / Перм. гос. ун-т; Перм. гос. пед. ун-т; Ин-т психологии. Пермь, 2005. 190 с.
5. Жданова С.Ю., Аликina Е.Л. Познание индивидуальности ребенка как отражение жизненного смысла матери // Личность и ее жизненный мир: матер. Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. 3–4 октября 2013 г. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2013. С. 127–132.

6. Жданова С.Ю., Аликина Е.Л. Познание матерью индивидуальности ребенка в зависимости от характеристик семейной среды // Психологические проблемы современной семьи: сборник тезисов / под ред. О.А. Карабановой, Е.И. Захаровой, С.М. Чурбановой, Н.Н. Васягина. Москва – Звенигород, 30 сентября – 4 октября 2015 г. М., 2015. С. 603–625.
7. Жданова С.Ю., Баталин А.А. Познание индивидуальности в условиях виртуальной реальности в связи с особенностями социального интеллекта // Вестник психофизиологии. 2015. № 2. С. 9–13.
8. Жданова С.Ю., Поляков В.Б., Нахтарова Э.Е. Особенности восприятия человека на видеозаписи в связи с продолжительностью ее предъявления // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 2(9). С. 115–117.
9. Жданова С.Ю., Пузырева Л.О., Печеркина А.В. Медиатекста как объект изучения (на примере анализа песен и фильмов о войне) // В мире научных открытий. 2015. № 11.6. С. 2274–2287.
10. Жданова С.Ю., Шавкунова А.В. Исследование невербальной репрезентации состояния счастья у представителей различных культур (на примере российских и американских студентов) // В мире научных открытий. 2015. № 5.3(65). С. 1109–1118.
11. Зарипова Л.З., Жданова С.Ю. Познание индивидуальности малознакомого человека у лиц социномических и несоциномических профессий // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. 2011. Т.17, № 2. С. 138–142.
12. Зарипова Л.З. Особенности познания индивидуальности у лиц социномических профессий: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2013. 27 с.
13. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.
14. Психология интегральной индивидуальности: пермская школа / сост. Б.А. Вяткин, Л.Я. Дорфман, М.Р. Щукин. М.: Смысл, 2011. 636 с.
15. Пузырева Л.О. Методологические трудности изучения политической реальности // Инновационная наука. 2015. С. 269–271.
16. Толочек В.А. Стили деятельности: ресурсный подход. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 366 с.
17. Шавкунова А.В. Особенности невербальной репрезентации состояния счастья у представителей различных культур (на материале российских и американских студентов) // Матер. Междунар. молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2015» / отв. ред. А.И. Андреев, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М.: МАКС Пресс, 2015. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/6935/uid54728_report.pdf (дата обращения: 12.02.2016).
18. Zhdanova S., Polyakova S., Puzyreva L. Perception of the image of politician in connection with sex // 4 International Sciences Congress «Science and Education in the Modern World» (New Zealand, Auckland, 5–7 January 2015). 2015. P. 198–204.
19. Zhdanova S., Puzyreva L., Shavkunova A. Methodological problems in studying nonverbal behavior // Proceedings of the 4th International Academic Congress «Science and Education in the Modern World». (New Zealand, Auckland, 5–7 January 2015). Auckland University Press, 2015. Vol. II. P. 216–221.
20. Zhdanova S., Shavkunova A., Mishlanova S., Zhdanova D., Polyakova S. Verbal and Nonverbal Characteristics in the Students' Oral Narrative about Happiness // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. June 5. Vol. 6, no. 3, Supplement. P. 233–239. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s5p233
21. Strokanov A.A., Zhdanova S.U. Russian and American students' images of their future presidents // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Vol. 7(4). P. 43–50. URL: http://psychologyinrussia.com/volumes/pdf/2014_4/2014_4_43-50.pdf (accessed: 08.02.2016).

Получено 09.05.2016

References

1. Alikina E.L. *Poznanie mater'yu individual'nosti rebenka v zavislosti ot kharakteristik semejnoy sredy: aftoref. dis. ...kand. psihol. nauk* [Cognition of individuality of a child by mother depending from family environment characteristics: author's abstract on procuring the degree of candiddate of psychological studies]. Ekaterinburg, 2015, 27 p. (In Russian).
2. Vyatkin B.A. *Lektsii po psihologii integral'noj individual'nosti cheloveka* [Lectons on psychology of integral individuality of a man]. Perm, 2000, 179 p. (In Russian).
3. Vyatkin B.A., Zhdanova S.Yu. *Psihologiya poznaniya individual'nosti: uchebnoe posobie* [Psychology of cognition of individuality]. Moscow, Moscow Psychology and Social Institute Publ., Voronezh, MODEK Publ., 2007, 319 p. (In Russian).
4. Zhdanova S.Yu. *Psihologiya poznaniya individual'nosti cheloveka* [Psychology of cognition of a man's individuality]. Perm, Perm State University Publ., Perm State Pedagogical University Publ., Institute of Psychology Publ., 2005, 190 p. (In Russian).
5. Zhdanova S.Yu., Alikina E.L. [Cognition of a child's individuality as reflexion of a life sense of a mother]. *Lichnost' i ee zhiznennyj mir: mater. Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, 3–4 oktyabrya 2013* [Personality and its life world: proceedings of All-Russian scientific and research conference with international participation, 3–4 Oct. 2013]. Omsk, Omsk State University Publ., 2013, pp. 127–132. (In Russian).
6. Zhdanova S.Yu., Alikina E.L. [Cognition of individuality of a child by mother depending from family envi-

- ronment characteristics]. *Psihologicheskie problemy sovremennoj sem'i: sbornik tezisev* [Psychological problems of modern family: collection of theses]. Moscow-Zvenigorod, 30 September – 4 October 2015, pp. 603–625. (In Russian).
7. Zhdanova S.Yu., Batalin A.A. [Cognition of individuality in terms of virtual reality in connection with social intellect peculiarities]. *Vestnik psihofiziologii* [Bulletin of psychophysiology]. 2015, no. 2, pp. 9–13. (In Russian).
 8. Zhdanova S.Yu., Polyakov V.B., Nahtarova E.E. [Peculiarities of a human perception from video in connection with the length of its show]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psihologiya* [Tolyatti State University science vector. Series: Pedagogics, psychology]. 2012, no. 2(9), pp. 115–117. (In Russian).
 9. Zhdanova S.Yu., Puzyreva L.O., Pecherkin A.V. [Mediatext as object of study (by example of war songs and films)]. *V mire nauchnyh otkrytij* [In the world of scientific discoveries]. 2015, no. 11.6, pp. 2274–2287. (In Russian).
 10. Zhdanova S.Yu., Shavkunova A.V. [Study of nonverbal representation of happiness of different cultures representatives (by example of Russian and American students)]. *V mire nauchnyh otkrytij* [In the world of scientific discoveries]. 2015, no. 5.3(65), pp. 1109–1118. (In Russian).
 11. Zariptova L.Z., Zhdanova S.Yu. [Cognition of individuality of lightly known person of socio-economic and non-socio-economic professions' representatives]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sotsial'naya rabota* [Bulletin of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series: Pedagogics. Psychology. Social work]. 2011, vol. 17, no. 2, pp. 138–142. (In Russian).
 12. Zariptova L.Z. *Osobennosti poznaniya individual'nosti u lits sotsionicheskikh professij: aftoref. dis. ... kand. psihol. nauk* [Peculiarities of cognition of individuality of representatives of socio-economic professions: author's abstract on procuring the degree of candidate of psychological studies]. Ekaterinburg, 2013, 27 p. (In Russian).
 13. Merlin V.S. *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Sketch of integral study of individuality]. Moscow, Pedagogics, 1986, 256 p. (In Russian).
 14. *Psihologiya integral'noj individual'nosti: permskaya shkola* [Psychology of integral individuality: Perm school]. Moscow, Smysl Publ., 2011, 636 p. (In Russian).
 15. Puzyreva L.O. [Methodological difficulties of political reality study]. *Innovatsionnaya nauka* [Innovative science]. 2015, pp. 269–271. (In Russian).
 16. Tolochev V.A. *Stili deyatel'nosti: resursnyj podhod* [Activity styles: resource approach]. Moscow, Institute of Psychology RAN Publ., 2015, 366 p. (In Russian).
 17. Shavkunova A.V. [Peculiarities of nonverbal representation of happiness of different cultures representatives (by example of Russian and American students)]. *Materialy mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV–2015»* [Proceedings of international youth scientific forum «LOMONOSOV–2015»]. Moscow, MAKS Press Publ., 2015. Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2015/data/6935/uid54728_report.pdf (accessed 12.02.2016). (In Russian).
 18. Zhdanova S.Yu., Polyakova S.V., Puzyreva L.O. Perception of the image of politician in connection with sex. *4 International Sciences Congress «Science and Education in the Modern World» (New Zealand, Auckland, 5–7 January 2015)*. 2015, pp. 198–204. (In English).
 19. Zhdanova S., Puzyreva L., Shavkunova A. Methodological problems in studying nonverbal behavior. *Proceedings of the 4th International Academic Congress «Science and Education in the Modern World» (New Zealand, Auckland, 5–7 January 2015)*. Auckland University Press, 2015, vol. II, pp. 216–221. (In English).
 20. Zhdanova S., Shavkunova A., Mishlanova S., Zhdanova D., Polyakova S. Verbal and Nonverbal Characteristics in the Students' Oral Narrative about Happiness. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015, June 5, vol. 6, no. 3, Supplement, pp. 233–239. DOI: 10.5901/mjss.2015.v6n3s5p233 (In English).
 21. Strokanov A.A., Zhdanova S.U. Russian and American students' images of their future presidents. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2014, vol. 7(4), pp. 43–50. URL: http://psychologyinrussia.com/volumes/pdf/2014_4/2014_4_43-50.pdf (accessed 08.02.2016). (In English).

The date of the manuscript receipt 09.05.2016

Об авторах

Вяткин Бронислав Александрович

доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры теоретической и прикладной
психологии, директор Института психологии

Пермский государственный гуманитарно-
педагогический университет,
614990, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: bronislav.vyatkin@gmail.com

Жданова Светлана Юрьевна

доктор психологических наук, доцент,
заведующая кафедрой психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: svetlanaur@gmail.com

About the authors

Vyatkin Bronislav Alexandrovich

Doctor of Psychology, Professor, Professor
of the Department of Theoretical and Applied Psy-
chology, Director of Institute of Psychology

Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
24, Sibirskaia str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: bronislav.vyatkin@gmail.com

Zhdanova Svetlana Yurievna

Doctor of Psychology, Docent, Head
of the Department of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svetlanaur@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Вяткин Б.А., Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека: тридцать лет спустя // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 62–74.
doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-62-74

Please cite this article in English as:

Vyatkin B.A., Zhdanova S.Yu. Psychology cognition of the individual: thirty years later // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 62–74. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-62-74

УДК 159.922.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-75-85

**ПРОТЕКАНИЕ КРИЗИСА ТРЕХ ЛЕТ
В СВЯЗИ С ФАКТОРАМИ ВОЗРАСТА, ПОЛА,
СТРУКТУРЫ СЕМЬИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕБЕНКА**

Уланова Юлия Юрьевна,

Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи (Всеволожск)

Василенко Виктория Евгеньевна

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье анализируются проявления кризиса 3 лет в связи с факторами возраста, пола, структуры семьи и социализации ребенка. В исследовании приняли участие 117 матерей детей (65 мальчиков и 52 девочек) в возрасте от 2 лет 1 мес. до 3 лет 11 мес. из Всеволожского района Ленинградской области. Средний возраст детей — 3 года. Применялись психодиагностические методы. Выявлено, что кризис 3 лет более выражен после 2 лет 10 мес., период от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес. характеризуется признаками предкритической фазы. Большинство половых различий обнаружено при вхождении в критическую фазу. Механизм кризиса — появление в речи слов «Я», «Я сам/сама», «хочу/не хочу», «буду/не буду». Более быстрый темп развития речи у девочек приводит к более раннему формированию у них конструктивной составляющей кризиса. Что касается факторов структуры семьи, то конструктивная составляющая кризиса лучше сформирована у единственных детей и в семьях, где матери активно включены в процесс воспитания. На негативистские проявления влияют факторы полноты семьи и количества детей в семье — в полных семьях, а также в семьях с тремя детьми (по сравнению с двумя) родителям легче справиться с протестным поведением. У детей, имеющих сиблингов, чаще проявляются ревность и соматические реакции на кризис. Посещение дошкольных образовательных учреждений после периода адаптации способствует формированию конструктивной составляющей кризиса.

Ключевые слова: возрастной кризис, проявления кризиса 3 лет, «гордость за достижения», негативистские симптомы кризиса, невротические реакции, структура семьи, полная/неполная семья, сиблинги, социализация.

**FLOWING OF THE «THE THREE YEAR OLD CHILD'S CRISIS»
IN RELATION TO THE FACTORS OF AGE, GENDER,
FAMILY STRUCRURE AND SOCIALIZATION OF THE CHILD**

Yuliya Yu. Ulanova

Center of psychological, educational, medical and social care (Vsevolozhsk)

Victoria E. Vasilenko

Saint Petersburg State University

This article is devoted to analysis of manifestations of the «3 year old child's crisis» in relation to the factors of age, gender, family structure (complete/one-parent family, the presence of sibling, amount of children) and socialization of the child. The study involved 117 mothers of the children (65 boys and 52 girls) from Vsevolozhsk district of the Leningrad region. The age of children — from 2 years 1 month to 3 years 11 month, $M_{age} = 3$ years. Psychodiagnostic ethods were applied. The study revealed that the constructive component of the crisis «pride of achievement» was more pronounced, neurotic reactions were less pronounced that indicates on favorable picture of crisis manifestations. «3 year old child's crisis» is more pronounced after 2 years 10 months, the period from 2 years 1 month to 2 years 9 months is characterized by signs of subcritical phase. Most of the gender differences were found in acute phase of the crisis. The emergence of the words «I», «Me myself», «I want/ I don't want», «I will/ I will not» is the mechanism of the crisis. A faster temp of language development in girls leads to the earlier formation of the constructive component of the crisis. With regard to the factors of family structure, the constructive component of the crisis is better formed in children with-

out siblings and in families where mothers are actively involved in the upbringing process. The factors «complete/one-parent family» and «amount of children» influence on the negativistic manifestations of the crisis — in complete families and families with three children (compared with two) parents better cope with child's protest behavior. Children with siblings often manifest jealousy and somatic reactions to the crisis. Going to kindergarten after a period of adaptation promotes the formation of constructive component of the crisis.

Keywords: age crisis, manifestations of the «3 year old children's crisis», «pride of achievement», negativistic symptoms, neurotic reactions, family structure, complete/one-parent families, siblings, socialization.

Введение

Понятие и содержание возрастных кризисов наиболее активно разрабатываются в отечественной психологической науке, прежде всего в русле культурно-исторической теории Л.С. Выготского. Возрастной кризис рассматривается как условное название переходных этапов возрастного развития, разделяющих стабильные (литические) периоды. Результатом кризиса является целостное изменение личности ребенка. Такое понимание кризиса и его неизбежность признавались П.П. Блонским, Л.С. Выготским, Л.И. Божович [1]. В качестве основного механизма кризиса Л.С. Выготский рассматривал смену социальной ситуации развития. Также он подчеркивал, что новообразования критических периодов носят преходящий характер и называл их «летучими новообразованиями» [5]. Т.В. Гуськова предложила разделять «объективный» кризис — появление качественного нового в психике ребенка и «субъективный кризис» — общую картину симптомов, его сопровождающих [8].

В настоящее время наиболее полная концепция возрастных кризисов предложена К.Н. Поливановой. Согласно этой концепции кризис — специфическое психологическое пространство, в котором совершается акт развития, так как субъект приобретает новое видение ситуации. Его основным психологическим содержанием является субъективация способностей, которые сформировались в предшествующий стабильный период. Возрастной кризис — это единство деструктивных и конструктивных компонентов. Механизмом кризиса выступает проба, именно в этом ключе имеет смысл рассматривать новые формы поведения, которые принято называть симптомами кризиса [13].

В европейской и американской психологии, несмотря на описание кризисной симптоматики у детей еще в работах Э. Келлер и Ш. Бюллер, понятие возрастного кризиса не приобрело популярности. Термин «кризис развития» или «конфликт развития» иногда используют применительно к эпигенетической концепции Э. Эриксона [19]. Однако если обратиться к содержанию периодов, описанных Э. Эриксоном, увидим, что это в основном стабильные периоды, сензитивные к определенного рода воздействиям. Из рассматриваемых Эриксоном 8 возрастов человека кризисным в полной мере можно

назвать только второй период, близкий к «кризису 3 лет» и частично пятый период, включающий в себя «подростковый кризис».

Как показал анализ зарубежных работ, проведенный Т.М. Марютиной [11] и Т.В. Гуськовой [8], понятия «critical periods» и «critical points», используемые такими авторами, как Г. Бронсон, А. Кларк, Дж. Скотт, близки к понятиям «сензитивный», «ранимый», «пластичный». При этом некоторые авторы отмечают проявления у детей в определенные периоды онтогенеза упрямства, негативизма и непослушания, объясняя их внешними причинами [22]. Также встречаются идеи, что в онтогенезе можно выделить периоды, когда ребенок наиболее чувствителен к неблагоприятным внешним воздействиям [21]. Но эти периоды имеют иные возрастные границы, чем в отечественных периодизациях. По мнению Б.Л. Уайта [15] и С. Вольф [23], они приходятся на возраст 2 и 5 лет.

В дальнейшем в европейской и американской психологии все большую популярность приобретает модель перехода с условностью хронологических границ, а используемый иногда термин «кризис» по значению близок к понятиям «конфликт развития», «сензитивный период» или «криз» [10]. В русле «модели перехода» активно разрабатываются такие направления, как «жизненные задачи» [24] и «задачи развития» [16], но эти исследования касаются периодов начиная с подросткового возраста.

Что касается кризиса 3 лет, то Д.Б. Эльконин относит его к «большим кризисам», кризисам эмансипации [18]. Изначально в симптоматике кризиса 3 лет были подробно изучены негативистские поведенческие реакции. Так, Э. Келлер, Ш. Бюллер, а затем Л.С. Выготский описывают «семизвездье» негативистских симптомов кризиса: негативизм, упрямство, строптивость, своеволие и своенравие, протест-бунт, обесценивание, стремление к деспотизму/ревность. Л.С. Выготский добавил к ним также второй пояс симптомов — невротические реакции [5]. Затем акцент сместился на поиск конструктивной составляющей кризиса. В этом ключе рассматриваются новое системное образование, связанное с возникновением в речи слова «Я», как старт развития самосознания [1], личное действие и сознание «Я сам» [19], «гордость за достижения» [8], «Я-действующий» [13]. Наиболее комплексным новообразованием из перечисленных можно считать

«гордость за достижение», т.к. это новообразование включает в себя 3 линии изменения отношений: к предметному миру (дети стремятся к достижению результата своей деятельности, появляется мотивация достижения), к взрослому (для них важно продемонстрировать свои успехи взрослому), к себе (у детей появляется чувство собственного достоинства, что проявляется в повышенной обидчивости и ранимости). Таким образом, возникающий при переходе от раннего возраста к дошкольному кризис 3 лет предполагает кардинальную перестройку личности ребенка.

Актуальным и недостаточно изученным в настоящее время является вопрос о факторах, влияющих на специфику протекания кризиса 3 лет у детей. Если говорить о факторе возраста, то Т.В. Гуськовой по результатам эксперимента было выявлено, что в группе детей от 2 лет 10 мес. до 3 лет 2 мес. показатели конструктивного новообразования кризиса «гордость за достижения» значимо выше, чем в группе детей от 2 лет 6 мес. до 2 лет 10 мес. Эти различия были получены по всем 3 линиям изменения отношений ребенка: к предметному миру, к взрослому и к себе. В следующий возрастной период (от 3 лет 2 мес. до 3 лет 6 мес.) продолжается прирост показателей в области оценки своего результата и оценки взрослого [8]. Изучение кризисной симптоматики в целом (и негативистского компонента, и конструктивного, и невротических реакций) с помощью лонгитюда выявило, что наиболее остро кризис переживается в период от 2 лет 8 месяцев до 3 лет 2 месяцев [3]. Что касается половых различий, то наши предварительные данные показали, что половая специфика более выражена в критическую фазу: кризис более выражен у девочек [9]. Однако эти данные нуждаются в подтверждении на более представительных выборках. Особую актуальность и практическую значимость имеет вопрос о влиянии на протекание кризиса факторов семьи. Роль семьи как фактора развития признается в большинстве зарубежных и отечественных теорий развития. В настоящее время возрастает поток эмпирических исследований, посвященных семье и ее влиянию на психическое развитие детей [7, 12, 14, 17, 20]. В кризисные периоды, когда психика ребенка наиболее уязвима и чувствительна к внешним воздействиям, роль семьи особенно значима. Так, показана взаимосвязь симптомов кризиса 3 лет с особенностями материнского отношения к ребенку и с характеристиками детско-родительских отношений [2, 6]. Наши предварительные данные также выявили взаимосвязь проявлений кризиса 3 лет со структурными характеристиками семьи [9]. Что касается влияния факторов социализации и активности матери в воспитании ребенка на протекание у

него кризиса 3 лет, то эти факторы практически не изучены.

Организация и методы эмпирического исследования

Целью исследования было выявление особенностей проявлений кризиса 3 лет у детей в связи с факторами возраста, пола, структуры семьи (полная/неполная семья, наличие сиблингов, количество детей в семье), социализации ребенка, а также активности матери в воспитании.

Гипотезы исследования

1. Проявления кризиса 3 лет наиболее выражены в период от 2 лет 10 мес. до 3 лет 6 месяцев.

2. На протекание кризиса 3 лет влияют факторы пола, структуры семьи и социализации ребенка.

Исследование проводилось в 2014 г. на базе МОУ «ЦППМ и СП» Всеволожского района Ленинградской области. В нем приняли участие 117 матерей детей (65 мальчиков и 52 девочки) в возрасте от 2 лет 1 мес. до 3 лет 11 мес. По фактору возраста выборка была разбита на 3 микровозрастные группы: 1) 2 г. 1 мес. — 2 г. 9 мес. (45 детей); 2) 2 г. 10 мес. — 3 г. 6 мес. (44 ребенка); 3) 3 г. 7 мес. — 3 г. 11 мес. (28 детей). При делении на группы мы опирались на упомянутые выше эмпирические данные [3, 8], но учитывая высокую индивидуальную вариативность кризисных проявлений и некоторую ретроспективность при ответах в опроснике кризисных симптомов, мы расширили нижнюю и верхнюю границу нашей выборки при изучении предкритической и посткритической фаз. Средний возраст детей — 3 года. 67 из них имеют сиблингов, 50 — единственные; 100 семей полные и 17 — неполные; 98 матерей активно включены в процесс воспитания и 19 матерей в силу своей занятости делегируют свои воспитательные функции другим близким взрослым. 74 ребенка посещают детский сад более месяца, 26 детей — на стадии адаптации, т.е. посещают ДОО не более месяца. 17 детей не посещают детский сад.

Методы исследования: опросник выраженности симптомов кризиса 3 лет В.Е. Василенко [4], анкета проявлений кризиса 3 лет у детей Т.В. Гуськовой [8] в модификации В.Е. Василенко и анкета с вопросами о составе семьи, о наличии родственников, участвующих в воспитании, и об особенностях социализации ребенка.

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 20: описательная статистика, дисперсионный анализ по факторам возраст, пол, полная/неполная семья, наличие сиблингов, посещение ДОО, активность матери в воспитании.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенное нами исследование выявило, что кризис 3 лет у детей данной выборки в целом выражен умеренно. Протекание кризиса у детей можно охарактеризовать как благополучное: во всех микровозрастных группах наиболее выражена категория конструктивных симптомов, затем следует категория негативистских симптомов, на третьем месте по выраженности — категория невротических реакций.

Проявления кризиса трех лет у детей разных микровозрастных групп

Рассмотрим выраженность симптомов кризиса 3 лет у детей в трех микровозрастных группах по опроснику В.Е. Василенко (табл. 1). В таблице мы представили данные только по тем симптомам, средние значения которых больше 2 баллов, т.к. показатель от 0 до 2 баллов означает, что симптом не выражен.

Таблица 1. Показатели симптомов кризиса 3 лет в трех микровозрастных группах (по опроснику В.Е. Василенко)

Симптомы кризиса	Общие показатели (n = 117)		Первая возрастная группа (n = 45)		Вторая возрастная группа (n = 44)		Третья возрастная группа (n = 28)	
	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ
Отношение к предметному миру	4,72	1,35	4,51	1,55	4,93	1,17	4,71	1,24
Отношение к взрослым	4,26	1,26	3,76	1,35	4,43	1,17	4,82	0,91
Отношение к себе	2,43	1,68	1,96	1,55	2,59	1,66	2,93	1,76
Негативизм	2,32	1,56	2,36	1,77	2,18	1,26	2,50	1,67
Упрямство	3,69	1,39	3,67	1,49	3,66	1,48	3,79	1,07
Строптивость	3,52	1,79	3,51	1,77	3,48	1,81	3,61	1,87
Своеволие	3,50	1,55	3,64	1,46	3,27	1,66	3,61	1,52
Деспотизм–ревность	3,14	1,85	2,98	1,84	3,07	1,93	3,50	1,73
Эмоциональная возбудимость	2,18	1,75	2,04	1,82	2,20	1,42	2,36	2,09
Негативистские симптомы	45,94	18,95	44,25	19,16	44,81	17,85	50,43	20,22
«Гордость за достижения»	63,01	16,70	55,79	18,91	66,41	13,01	69,25	14,14
Невротические реакции	16,57	12,01	15,06	12,23	17,61	11,52	17,36	12,60
Общий показатель кризиса	38,24	1,77	35,76	1,90	38,66	11,16	41,56	2,03

По данным опросника В.Е. Василенко во всех группах наиболее выражена категория конструктивных симптомов: изменение отношения к предметному миру и к значимому взрослому. На втором месте находятся негативистские симптомы: упрямство, строптивость, своеволие и деспотизм–ревность. Наименее выражена категория невротических реакций. Это позволяет в целом охарактеризовать картину протекания кризиса у детей данной выборки как благополучную.

Значимые различия между микровозрастными группами выявлены по конструктивной категории симптомов «гордость за достижение»: во второй группе кризис более выражен, чем в первой ($p < 0,01$), а в третьей более выражен, чем в первой ($p < 0,01$). По отдельным симптомам кризиса значи-

мые различия выявлены только по двум конструктивным симптомам и одному негативистскому. Так, «изменение отношения ребенка к взрослым» более выражено в третьей возрастной группе по сравнению с первой ($p < 0,001$) и во второй группе по сравнению с первой ($p < 0,05$). На уровне статистической тенденции «изменение отношения ребенка к себе» в третьей группе более выражено, чем в первой — старшие дети более чувствительны к оценке своих достижений. Симптом обесценивания (склонность менять свое эмоциональное отношение к близким взрослым и любимым предметам) в третьей группе более выражен, чем в первой ($p < 0,05$).

Рассмотрим проявления кризиса 3 лет у детей в трех микровозрастных группах по анкете Т.В. Гуськовой (табл. 2).

Таблица 2. Показатели проявлений кризиса 3 лет в трех микровозрастных группах (по анкете Т.В. Гуськовой)

Проявления кризиса	Общие показатели (n = 117)		Первая возрастная группа (n = 45)		Вторая возрастная группа (n = 44)		Третья возрастная группа (n = 28)	
	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ
Трудности во взаимодействии	1,65	0,72	1,47	0,73	1,64	0,72	1,96	0,64
Неспособность контролировать поведение ребенка	1,59	0,72	1,36	0,53	1,64	0,72	1,89	0,88
Интенсивность эмоциональных реакций ребенка	1,55	0,66	1,40	0,58	1,61	0,66	1,68	0,77
Частота эмоциональных проявлений	1,97	0,69	1,93	0,72	1,93	0,66	2,11	0,69
Новые формы поведения	2,12	0,79	2,09	0,79	2,05	0,81	2,29	0,760
Стремление к самостоятельности	2,62	0,52	2,47	0,59	2,68	0,47	2,75	0,44
Появление новых друзей	1,92	0,59	1,82	0,61	1,93	0,59	2,07	0,54
Появление новых слов	2,54	0,69	2,27	0,78	2,70	0,59	2,71	0,54
Фантазирование и новые роли	1,99	0,78	1,64	0,74	2,09	0,74	2,39	0,69
Потребность в оценке взрослого	1,87	0,74	1,76	0,71	1,91	0,709	2,00	0,82
Общий показатель негативных проявлений	8,88	2,46	8,24	2,18	8,86	2,43	9,93	2,68
Общий показатель конструктивных проявлений	10,94	2,00	9,96	2,10	11,32	1,65	11,93	1,68
Общий показатель кризиса	19,82	3,42	18,20	3,29	20,18	3,19	21,86	2,73

Аналогично с опросником В.Е. Василенко по результатам анкеты Т.В. Гуськовой показатель конструктивных проявлений кризиса у детей выше, чем негативистских во всех микровозрастных группах, а также на выборке в целом. Что касается отдельных проявлений кризиса, то после выраженных конструктивных показателей «стремление к самостоятельности» и «появление новых слов» третье место занимает негативистский показатель «появление новых форм поведения». Далее матери отмечают появление у детей фантазирования и новых ролей, увеличение частоты эмоциональных проявлений, появление новых друзей, потребность в оценке взрослого. В меньшей степени выражены трудности во взаимодействии матерей с детьми, неспособность контролировать поведение ребенка и высокая интенсивность эмоциональных реакций ребенка.

По общему показателю кризиса обнаружены значимые различия между всеми микровозрастными группами. Общий показатель кризиса более выражен в третьей группе по сравнению с первой ($p < 0,000$) и во второй группе по сравнению с первой ($p < 0,05$). На уровне статистической тенденции общий показатель кризиса в третьей группе выше, чем во второй.

Аналогично результатам опросника выраженность конструктивных симптомов в целом увеличивается во второй группе по сравнению с первой ($p < 0,01$) и в третьей по сравнению с первой ($p < 0,000$). Между второй и третьей микровозрастными группами по общему показателю конструктивных проявлений кризиса значимых различий не было выявлено.

Что касается отдельных показателей конструктивных проявлений, то родители второй и третьей микровозрастных групп по сравнению с родителями первой группы отмечают в анкете значительное увеличение словарного запаса ребенка, появление в речи новых слов и фраз «хочу/не хочу», «буду/не буду» ($p < 0,01$ и $p < 0,05$ соответственно). Фантазирование и появление новых ролей родители третьей группы отмечают чаще, чем первой ($p < 0,000$) и второй чаще, чем первой группы ($p < 0,05$). На уровне статистической тенденции стремление к самостоятельности выше в третьей группе по сравнению с первой.

Общий показатель негативистских проявлений кризиса значимо различается по анкете только между первой и третьей микровозрастными группами: он выше в старшей группе ($p < 0,05$). Из отдельных показателей у родителей детей третьей микровозрастной группы выше показатели «неспособность контролировать поведение ребенка» ($p < 0,01$) и «трудности при взаимодействии» ($p < 0,05$).

Таким образом, основные значимые различия по отдельным исследуемым шкалам опросника и анкеты выявлены между первой и второй группами и между первой и третьей группами. Можно предположить, что дети первой микровозрастной группы находятся еще в предкритической фазе. О начале кризиса в этой группе нам может сказать только приближающийся к своему среднему значению показатель частоты эмоциональных реакций у детей (по анкете Т.В. Гуськовой). Дети второй группы вступают в критическую фазу — появляются признаки как объективного, так и субъективного кризиса. Эти данные согласуются с данными упомянутого нами выше лонгитюдного исследования [3], а также с данными Т.В. Гуськовой [8].

Между второй и третьей группами значимых различий не выявлено за исключением того, что по анкете общий показатель кризиса на уровне статистической тенденции выше в третьей группе. Это оказалось для нас неожиданным, т.к. мы предполагали увидеть в старшей группе признаки посткритической фазы. Эти данные можно объяснить как индивидуальными различиями в протекании кризиса у детей, так и некоторой ретроспективностью ответов родителей третьей группы — в инструкции опросника есть просьба оценить изменения в ребенке за последние 3 месяца. В то же время в плане конструктивной составляющей кризиса они частично согласуются с данными Т.В. Гуськовой, показавшей, что в старшей группе детей продолжают изменения в отношении к себе и к взрослым, связанные с оценкой результата деятельности [8].

Эти результаты указывают на необходимость изучения посткритической фазы в лонгитюдном исследовании.

Проявления кризиса трех лет в связи с фактором пола

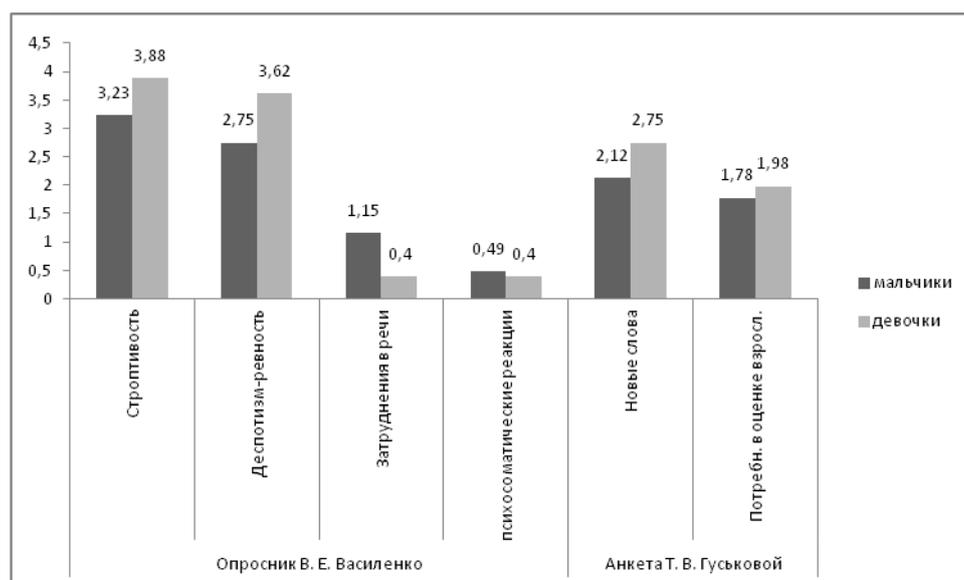
В процессе исследования были обнаружены некоторые различия в протекании кризиса 3 лет у мальчиков и девочек. Рассмотрим различия по полу на всей выборке.

По опроснику В.Е. Василенко, несмотря на сходство в общей структуре выраженности симптомов и преобладание у детей обоих полов конструктивной симптоматики кризиса, у мальчиков наиболее выражено «изменение отношения к предметному миру», а у девочек — «изменение отношения к взрослым». Из негативистских симптомов у детей обоих полов преобладает упрямство, затем у мальчиков идет своеволие, а у девочек — строптивость. Невротические реакции более выражены у мальчиков, из них преобладают «эмоциональная возбудимость» и «затруднения в речи». У девочек наиболее выражены «эмоциональная возбудимость» и «признаки психического напряжения».

По анкете Т.В. Гуськовой также обнаруживается сходство в общей структуре кризисных проявлений у мальчиков и девочек, но у мальчиков преобладающим является стремление к самостоятельности, а у девочек — появление новых слов. «Появление новых протестных форм поведения» у мальчиков на втором месте, у девочек — на третьем, после показателя «стремление к самостоятельности». У девочек конструктивный показатель фантазирования и новых ролей преобладает над негативистским показателем частоты эмоциональных проявлений, у мальчиков они имеют равные значения. Что касается негативистских проявлений, то родители мальчиков чаще говорят о неспособности контролировать их поведение, чем о выраженности эмоциональных реакций, родители девочек — наоборот.

По опроснику В.Е. Василенко значимых половых различий в общих показателях кризиса не выявлено. Что касается отдельных симптомов, то у девочек более выражены два негативистских симптома: строптивость ($p < 0,05$) и на уровне статистической тенденции деспотизм–ревность. У мальчиков более выражены две невротические реакции: затруднения в речи ($p < 0,001$) и на уровне статистической тенденции — психосоматические реакции.

По анкете Т.В. Гуськовой выявлены значимые различия в общем показателе кризиса ($p < 0,05$) и в конструктивной составляющей кризиса ($p < 0,01$) — у девочек они выше. Из отдельных проявлений кризиса у девочек более выражены показатели конструктивной составляющей: появление новых слов ($p < 0,01$) и на уровне статистической тенденции «потребность в оценке взрослого».

*Значимые различия в кризисных проявлениях в связи с полом ребенка
(по опроснику В.Е. Василенко и анкете Т.В. Гуськовой)*

Что касается микровозрастного анализа по полу, то в первой микровозрастной группе выявлены следующие различия. У девочек выше общий показатель конструктивных проявлений кризиса ($p < 0,01$) и на уровне статистической тенденции — общий показатель кризиса (по анкете). Из отдельных показателей кризиса (по обоим методикам) у девочек выше «появление новых слов», «потребность в оценке взрослого», меньше затруднений в речи ($p < 0,05$), на уровне статистической тенденции у девочек чаще встречаются фантазирование, появление новых ролей и строптивость.

Во второй микровозрастной группе так же, как и в первой, кризис более выражен у девочек. У них выше общий показатель кризиса, общий показатель категории негативистских симптомов кризиса по опроснику ($p < 0,05$) и на уровне статистической тенденции — общий показатель кризиса и общий показатель конструктивных проявлений кризиса по анкете. Из отдельных проявлений кризиса (по обоим методикам) у девочек более выражены деспотизм/ревность ($p \leq 0,01$), появление новых слов, изменение отношения к себе, признаки психического напряжения ($p < 0,05$). На уровне статистической тенденции у мальчиков чаще встречаются затруднения в речи.

В третьей микровозрастной группе выявлено всего 3 различия на уровне статистической тенденции. У мальчиков более выражены затруднения в речи и психосоматические реакции, а у девочек — соматические реакции.

Таким образом, половые различия более всего проявились во второй, критической фазе. Также можно сделать вывод, что кризис 3 лет в целом

раньше начинается и более выражен у девочек по сравнению с мальчиками. Эти данные согласуются с данными нашего предварительного исследования [9]. Полученные результаты можно объяснить исходя из концепции К.Н. Поливановой [13]. Она полагает, что источником кризиса является появление у детей в речи новых символов «Я», «хочу/не хочу», «буду/не буду» и экспериментирования в действиях с потребностью выяснить, что они обозначают. Наши данные еще раз подтверждают известный факт более быстрого темпа речевого развития у девочек, и в этом плане становится ясно, почему механизм кризиса 3 лет запускается у девочек раньше.

Проявления кризиса трех лет у детей в связи с факторами структуры семьи

В этом параграфе представим результаты изучения влияния факторов структуры семьи (полная/неполная семья, наличие сиблингов и количество детей в семье). Также рассмотрим влияние такого фактора, как «активность матери в воспитании».

По фактору полноты семьи выявлено только одно различие на уровне статистической тенденции — в неполных семьях матери отмечают больше проблем с контролем поведения ребенка (по анкете Т.В. Гуськовой).

В связи с фактором наличия сиблингов по результатам опросника В.Е. Василенко выявлены значимые различия только по двум отдельным симптомам: дети, имеющие сиблингов, более склонны к соматическим реакциям на кризис ($p < 0,05$), и на уровне статистической тенденции у них больше проявляется деспотизм/ревность. По анкете Т.В. Гуськовой на уровне статистической тенденции единственные дети

имеют более высокие показатели конструктивной категории кризиса в целом, а также высокие показатели «появления новых характерных слов».

Рассмотрим значимые различия в связи с фактором количества детей в семье. По опроснику у единственных детей меньше проявляются соматические реакции по сравнению с теми, у кого уже есть брат или сестра ($p < 0,05$). По анкете Т.В. Гуськовой родители трех детей в период кризиса отмечают гораздо меньше демонстративных протестных форм поведения у ребенка, затрудняющих взаимодействие, чем родители, имеющие одного или двух детей ($p < 0,05$). А между семьями с одним и двумя детьми различий не выявлено.

Что касается фактора «активность матери в воспитании», то выявлено, что дети активно участвующих в воспитательном процессе матерей по сравнению с детьми матерей, делегирующих свои функции няням, бабушкам и мужьям, имеют по опроснику более высокий показатель конструктивной категории симптомов «гордость за достижение» ($p < 0,05$).

Полученные данные не выявили большого количества значимых различий в симптоматике кризиса у детей в связи с факторами структуры семьи, но внесли некоторые уточнения по сравнению с нашими предварительными данными [9]. Они показали, что в неполных семьях матерям сложнее контролировать поведение детей в период кризиса. У единственных детей, а также в семьях, где мать активно включена в процесс воспитания, более выражена конструктивная составляющая кризиса «гордость за достижения», в то время как у детей, имеющих сиблинга, в период кризиса могут обостряться ревность и соматические реакции. В то же время в семьях с тремя детьми родители отмечают меньше проблем в плане протестного поведения ребенка в кризисный период.

Проявления кризиса трех лет в связи с факторами социализации ребенка

Что касается влияния факторов социализации детей на протекание кризиса 3 лет, то по данным опросника В.Е. Василенко существенные различия были выявлены только между группой детей, давно посещающих ДООУ, и только поступивших в ДООУ и адаптирующихся в течение месяца. У первой группы детей выше конструктивный показатель «изменение отношения к себе» ($p < 0,001$) и общий показатель всех конструктивных симптомов (на уровне статистической тенденции).

По анкете Т.В. Гуськовой у адаптирующихся детей менее выражен общий показатель кризиса ($p < 0,05$) и на уровне статистической тенденции его конструктивная составляющая и негативные симптомы в целом. Родители адаптирующихся к ДООУ детей испытывают меньше трудностей при взаимо-

действии с ребенком, чем родители уже адаптированных к ДООУ детей. Этот факт можно объяснить возрастными различиями в этих группах. Адаптирующиеся к ДООУ дети младше и в основном находятся в докритической фазе кризиса. Родители тех, кто давно посещает ДООУ, чаще отмечают появление новых друзей ($p < 0,001$).

Выводы

Проведенное исследование в целом подтвердило выдвинутые гипотезы и позволило сформулировать следующие выводы. Протекание кризиса 3 лет у детей данной выборки можно охарактеризовать как благополучное — преобладают конструктивные симптомы, невротические реакции выражены слабо.

Период от 2 лет 1 мес. до 2 лет 9 мес. в целом можно рассматривать как предкритическую фазу. После 2 лет 10 мес. большинство детей вступают в критическую фазу: появляются признаки как объективного, так и субъективного кризиса. Индивидуальные различия в протекании кризиса не позволили выявить посткритическую фазу методом поперечных срезов, для уточнения ее границ необходимо лонгитюдное исследование.

Кризис 3 лет более выражен у девочек по сравнению с мальчиками, при этом большинство половых различий обнаружено во второй микровозрастной группе, т.е. при вхождении детей в критическую фазу. Эти различия связаны прежде всего с конструктивной составляющей, т.е. с признаками «объективного кризиса», что позволяет сделать вывод о более раннем начале этого нормативного возрастного периода у девочек. Механизмом, запускающим кризис 3 лет, можно считать более раннее появление в речи девочек таких слов, как «Я», «Я сама», «хочу/не хочу», «буду/не буду».

Структурные характеристики семьи также оказывают влияние на специфику кризисных проявлений. Для конструктивной составляющей кризиса «гордость за достижения» наиболее важным фактором является включенность взрослых, прежде всего матери, в процесс воспитания. Такой вывод можно сделать исходя из того, что этот компонент кризиса лучше сформирован у единственных детей и в семьях, где матери активно занимаются детьми, не делегируя свои функции другим взрослым.

Для негативистских симптомов кризиса важными факторами оказались полнота семьи и количество детей в семье — в полных семьях, а также в семьях с тремя детьми (по сравнению с двумя) родителям легче справиться с новыми протестными формами поведения. В то же время дети, имеющие как одного, так и двух сиблингов, более склонны к усилению ревности и соматических реакций на кризис.

Посещение ДООУ после периода адаптации способствует изменению отношения ребенка к себе и

появлению конструктивной составляющей «гордости за достижение».

Практическая значимость исследования заключается в возможности психологического консультирования родителей на основе полученных данных с целью гармонизации детско-родительского взаимодействия в период кризиса трех лет.

В дальнейшем мы планируем исследовать взаимосвязи проявлений кризиса 3 лет у детей с особенностями детско-родительских отношений: стилями семейного воспитания, особенностями эмоционального взаимодействия, а также с характеристиками семейной адаптации и сплоченности, включая наблюдение за взаимодействием родителей и детей в ситуации развивающих занятий.

Список литературы

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. СПб.: Питер, 2009. 400 с.
2. *Василенко В.Е.* Проявления кризиса трех лет в связи с особенностями родительского отношения к ребенку (кросскультурный аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2013. № 3. С. 42–51.
3. *Василенко В.Е., Воробьева А.В.* Динамика протекания кризиса трех лет и характеристики материнского отношения к ребенку // Сб. статей Всерос. конф. «Семья, брак и родительство в современной России» (Москва, 24–25 октября 2014). М., 2014. С. 46–51.
4. *Василенко В.Е., Манукян В.Р.* Возрастные кризисы жизненного цикла: Практикум. СПб.: СПбГУ, 2011. 96 с.
5. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
6. *Головей Л.А., Савенышева С.С., Василенко В.Е.* Детско-родительские отношения в стабильные и кризисные периоды детства // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 2. С. 32–43.
7. *Головей Л.А., Савенышева С.С., Василенко В.Е., Энгельгардт Е.Е.* К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений «родитель – ребенок»: теоретический и эмпирический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 2. С. 84–95.
8. *Гуськова Т.В.* Психологический анализ кризиса трех лет: дис. ... канд. психол. наук. М.: Ин-т общей педагогической психологии АПН СССР, 1988. 167 с.
9. *Иванова Ю.Ю., Василенко В.Е.* Проявления кризиса 3 лет в связи с факторами возраста, пола и структуры семьи // «От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете»: сб. материалов юбилейной конференции: в 5 т. / отв. ред. Д.Б. Богоявленская М.: Когито-Центр, 2015. Т. 3. С. 99–102.
10. *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. СПб.: Питер, 2012. 940 с.
11. *Марютина Т.М.* Об использовании понятий «критический» и «сензитивный» период индивидуального развития // Психологический журнал. 1981. Т. 2, № 1. С. 145–153.
12. *Никитин А.А., Макарова М.В.* Сравнительный анализ интеллектуальной готовности дошкольников к школьному обучению в полных и неполных семьях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 1(13). С. 84–88.
13. *Поливанова К.Н.* Психология возрастных кризисов. М.: Академия, 2000. 184 с.
14. *Смирнова Е.О., Савина Е.А.* Родители и дети: психология взаимоотношений. М.: Когито-Центр, 2006. 230 с.
15. *Уайт Б.* Первые три года жизни. М.: Педагогика, 1982. 176 с.
16. *Хейманс П.Г.* Концептуализация и операционализация задач развития // Процессы психического развития: в поисках новых подходов / под ред. А.И. Подольского, Я. Тер Лаака, П.Г. Хейманса. М.: Наука, 1995. С. 8–18.
17. *Шавырина А.А.* Влияние детско-родительских отношений на проявление негативизма и упрямства у детей старшего дошкольного возраста: дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 150 с.
18. *Эльконин Д.Б.* Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.
19. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: Летний сад, 2000. 416 с.
20. *Belsky J.* Social-Contextual Determinants of Parenting. University of California, Davis, USA, 2014. URL: <http://www.child-encyclopedia.com/parenting-skills/according-experts/social-contextual-determinants-parenting> (accessed: 14.03.2016).
21. *Hersov L.A., Berger M.* Aggression & anti-social behavior in childhood & adolescence. Oxford: Pergamon Press, 1978. 171 p.
22. *Meier H.W.* Three theories of child development. N.Y.: Harper & Row, 1965. 314 p.
23. *Wolff S.* Children under stress. Harmondsworth: Penguin Books, 1973. 284 p.
24. *Zirckel S., Cantor N.* Personal construal of life tasks: those who struggle for independence // Journal of personality and social psychology. 1990. Vol. 58. P. 172–185. DOI: 10.1037/0022-3514.58.1.172

Получено 15.03.2016

References

1. *Bozhovitch L.I.* *Lichnost i ee formirovanie v detskom vozraste* [Personality and its formation in childhood]. Saint-Petersburg, Piter Publ., 2009, 400 p. (In Russian).
2. *Vasilenko V.E.* [Manifestations of the «three year old child's crisis» and parental relationship to a child

- (cross-cultural aspect)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogics]. 2013, no. 3, pp. 42–51. (In Russian).
3. Vasilenko V.E. Vorob'eva A.V. [Dynamics of «three year old child's crisis» and characteristics of maternal attitude to a child]. *Sbornik statey Vserossiyskoy konferentsii «Semya, brak i roditelstvo v sovremennoy Rossii» Moskva, 24–25 oktyabrya 2014* [Collected articles of the All-Russian conference «Family, marriage and parenthood in modern Russia», Moscow, Oct. 24–25, 2014]. Moscow, 2014, pp. 46–51. (In Russian).
 4. Vasilenko V.E. Manukyan V.R. *Vozrastnye krizisy zhiznennogo tsikla. Praktikum* [Age crises of life cycle. Practicum]. St. Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2011, 96 p. (In Russian).
 5. Vygotskiy L.S. *Sobranie sochineniy: v 6 t. T. 4. Detskaya psikhologiya* [Collected Works: in 6 vol. Vol. 4: Child psychology]. Moscow, Pedagogika Publ., 1984, 432 p. (In Russian).
 6. Golovey L.A. Savenysheva S.S. Vasilenko V.E. [Parent-child relationships in stable and critical periods of the childhood]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Journal of psychology], 2015, vol. 36, no. 2, pp. 32–43. (In Russian).
 7. Golovey L.A., Savenysheva S.S., Vasilenko V.E., Engelgardt E.E. [On basic concept differentiation in the «parent-child» system of relations: theoretical and empirical aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogics]. 2014, no. 2, pp. 84–95. (In Russian).
 8. Gus'kova T.V. *Psikhologicheskiy analiz krizisa trekh let.: diss. ... kand. psikholog. nauk* [Psychological analysis of the «three year old child's crisis». PhD (Psychology) diss.]. Moscow, Institute of General Pedagogical Psychology APN USSR Publ., 1988, 167 p. (In Russian).
 9. Ivanova Y.Y., Vasilenko V.E. [Manifestations of the «three year old child's crisis» due to the factors of age, gender and family structure]. *Ot istokov k sovremennosti, 130 let organizatsii psikhologicheskogo obshchestva pri Moskovskom universitete, Sbornik materialov yubileynoy konferentsii: v 5 t.* [From origins to modern time, 130 years of organization of Psychological Society in Moscow University, collected materials of anniversary conference: in 5 vol.]. Moscow, Cogito-Center Publ., 2015, vol. 3, pp. 99–102. (In Russian).
 10. Craig G., Baukum D. *Psikhologiya razvitiya* [Human Development]. Saint-Petersburg, Moscow, Khar'kov, Piter Publ., 2012. 940 p. (In Russian).
 11. Maryutina T.M. [on the use of the concepts «critical» and «sensitive» period of individual development]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Journal of psychology], 1981, vol. 2, no. 1, pp. 145–153. (In Russian).
 12. Nikitin A.A., Makarova M.V. [Comparative analysis of intellectual readiness of preschoolers to school in complete and one-parent families]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology, Sociology»], 2013, iss. 1(13), pp. 84–88. (In Russian).
 13. Polivanova K.N. *Psikhologiya vozrastnykh krizisov* [Psychology of age crises]. Moscow, Academy Publ., 2000, 184 p. (In Russian).
 14. Smirnova E.O. Savina E.A. *Roditeli i deti: psikhologiya vzaimootnosheniy* [Parents and children: psychology of relationships]. Moscow, Cogito-Centre Publ., 2006, 230 p. (In Russian).
 15. White B. *Pervye tri goda zhizni* [The first three years of life]. Moscow, Pedagogics Publ. 1982, 176 p. (In Russian).
 16. Heymans P.G. [Conceptualization and operationalization of developmental tasks]. *Protsessy psikhicheskogo razvitiya: v poiskakh novykh podkhodov*. [Processes of psychological development: in search of new approaches]. Moscow, Science Publ., 1995, pp. 8–18. (In Russian).
 17. Shavirina A.A. *Vliyanie detsko-roditelskikh otnosheniy na proyavlenie negativizma i upryamstva u detey starshego doshkolnogo vozrasta: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Influence of parent-child relationships to manifestation of negativism and stubbornness among children of the senior preschool age. PhD (Psychology) diss.]. Moscow, 2012, 150 p. (In Russian).
 18. El'konin D.B. *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works], Moscow, Pedagogika Publ., 1989, 560 p. (In Russian).
 19. Erikson E. *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and society]. Saint Petersburg, Letniy sad Publ, 2000. 416 p. (In Russian).
 20. Belsky J. *Social-Contextual Determinants of Parenting*. University of California, Davis, USA, 2014. Available at: <http://www.child-encyclopedia.com/parenting-skills/according-experts/social-contextual-determinants-parenting> (accessed 14.03.2016). (In English).
 21. Hersov L.A., Berger M. *Aggression & anti-social behavior in childhood & adolescence*. Oxford: Pergamon Press, 1978, 171 p. (In English).
 22. Meier H.W. *Three theories of child development*. N.Y.: Harper & Row, 1965, 314 p. (In English).
 23. Wolff S. *Children under stress*. Harmondsworth: Penguin Books, 1973, 284 p. (In English).
 24. Zirckel S., Cantor N. Personal construal of life tasks: those who struggle for independence. *Journal of personality and social psychology*. 1990, vol. 58, pp. 172–185. DOI: 10.1037/0022-3514.58.1.172. (In English).

The date of the manuscript receipt 15.03.2016

Об авторах

Уланова Юлия Юрьевна

педагог-психолог высшей категории

Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи,
188643, Ленинградская область, Всеволожск,
ул. Александровская, 86;
e-mail: yuliya_ulanova@list.ru

Василенко Виктория Евгеньевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии развития
и дифференциальной психологии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб.,
7/9;
e-mail: vasilenko_v@list.ru

About the authors

Ulanova Yuliya Yurievna

Educational Psychologist of the Highest Category

Center of psychological, educational, medical and social care,
86, Aleksandrovskaya str., Vsevolozhsk, Leningrad
region, 188643, Russia;
e-mail: yuliya_ulanova@list.ru

Vasilenko Victoria Evgenievna

Ph.D. in Psychology, Docent, Associate Professor
of the Department of Developmental and Differential
Psychology

Saint Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034,
Russia;
e-mail: vasilenko_v@list.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Уланова Ю.Ю., Василенко В.Е. Протекание кризиса трех лет в связи с факторами возраста, пола, структуры семьи и социализации ребенка // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 75–85. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-75-85

Please cite this article in English as:

Ulanova Yu.Yu., Vasilenko V.E. Flowing of the «the three year old child's crisis» in relation to the factors of age, gender, family structure and socialization of the child // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 75–85. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-75-85

УДК 316.344.4:378.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-86-95

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ О БЕЗОПАСНОСТИ

Лызь Наталья Александровна, Куповых Жанна Геннадиевна,

Прима Амина Константиновна

Южный федеральный университет

В статье отражены результаты исследования, направленного на выявление представлений студентов об общих условиях безопасности, необходимых для жизни людей в современном мире, об индивидуально значимых условиях безопасности и их обеспеченности в настоящее время. Для достижения поставленных целей использовался авторский опросник представлений о безопасности. По результатам исследования было показано, что в представлениях студентов безопасность абстрактного человека определяется в первую очередь сохранностью жизни и физического здоровья, а своя безопасность связана еще и с защищенностью внутреннего мира, образованностью, наличием смысла жизни. Обнаружено противоречие между представлениями, которые отвечают целям глобального выживания человечества, и своей личной безопасности. Наиболее обеспеченными в настоящее время студенты считают условия, связанные с наличием близких отношений, свободы, возможностями самореализации, осмысленностью своей жизни. Условия социальной и природной среды, связанные с сохранностью жизни и здоровья, хотя и высоко значимы, но недостаточно обеспечены.

Ключевые слова: безопасность, обыденные представления, студенты, мировоззрение.

THE EXPERIENCE OF RESEARCH OF STUDENTS' IDEAS ABOUT SAFETY

Natalia A. Lyz, Zhanna G. Kupovykh, Amina K. Prima

Southern Federal University

The study aims to identify the students' ideas about the general conditions of safety concerning the necessary everyone's vital conditions, individually (personally) meaningful conditions and the level on which both of those terms are provided in everyday life. The study had been conducted using the personal safety representations' questionnaire (author's version). The results showed that in general the student's ideas about any person's safety are mainly determined by safety of life and physical health. At the same time the personal safety correlates with educational richness, individual's inner world protection and life meaningfulness. The dichotomy between the safety conditions, which meet global goals of society survival and personal psychological safety, has been found as the result to analyze. Psychological conditions of safety, correlating with acceptance, freedom and self-realization, life meaningfulness, are considered as the most provided at the moment. The conditions of social and natural environment, associated with the physically safety of the human, were found highly significant, but not enough provided.

Keywords: safety, mundane ideas, students, outlook.

Безопасность в современном мире соотносится не только с защитой людей от распространенных угроз, с сохранностью жизни и удовлетворением биологических потребностей, но и с реализацией прав и свобод, с качеством жизни, чувством защищенности, гуманными межличностными отношениями, возможностями развития и самореализации [14]. В социальных и гуманитарных науках феномен безопасности становится объектом междисциплинарного осмысления и предметом исследования. Как указывает Ю.П. Зинченко, феномен безопасности необходимо рассматривать как «деятельность кон-

кретных социальных субъектов, сферу отношений, возникающих между этими субъектами, сферу, в которой функционирует и развивается общественное, групповое и индивидуальное сознание, а также как предмет научного познания, позволяющий исследовать его сущность, закономерности развития и особенности функционирования» [6, с. 12].

Определяя место указанной проблемы в исследованиях безопасности, мы исходим из того, что в системе «человек – среда» безопасность человека может быть рассмотрена, во-первых, с точки зрения объективного состояния бытия (среды), внешних

для человека факторов, угроз, рисков, как наличие экстремальных или безопасных условий жизнедеятельности; во-вторых, с точки зрения внутренних факторов — психологических свойств и состояний, способствующих или препятствующих безопасной жизнедеятельности, личностных детерминант защищенности человека, наличия у него способности и готовности к распознаванию, предвидению, уклонению и преодолению опасностей [20]. Среди внутренних факторов безопасности можно условно выделить объективные (установки, личностные качества, способности, готовность и др.) и субъективные (восприятие собственной безопасности, чувство безопасности и др.). Мы полагаем, что представления о безопасности, являясь одним из таких внутренних факторов, вызывают особый исследовательский интерес в контексте рассмотрения человека как субъекта собственной безопасности, а также с позиции ценности человека и его субъективного благополучия.

Изучение представлений о безопасности: актуальность и разработанность проблемы

Субъективные индивидуальные и социальные представления являются достаточно разработанным предметом в психологии. Социальные представления обеспечивают описание, классификацию и объяснение социальной реальности, которая воспринимается человеком сквозь призму собственных желаний и интересов [5]. Важной функцией представлений является опосредование отношений и регуляция поведения. Социальные представления всегда имеют свой объект, который должен быть «выпуклым» в культуре, значимым, абстрактным, и должен быть представлен в коммуникациях.

На основании анализа новостной информации можно предположить, что феномен безопасности в российском обществе приобретает качества такого объекта. Исследования показывают, что проблема обеспечения безопасности является актуальной для студентов [13], а сама безопасность является ценностью современной молодежи [3]. Вероятно, это говорит о том, что безопасность — значимый и релевантный предмет для данной социальной группы, обуславливающий формирование представлений о нем. Сформированные субъективные представления, категоризирующие мир при помощи оппозиции «опасный–безопасный», выполняют важную функцию — обеспечивают человека личностно значимой картиной мира, особенностью которой является ее единичность и уникальность [7]. Таким образом, наряду с изучением представлений о безопасности как элементов общественного сознания возможно их изучение с позиции обыденных представлений как элементов индивидуального мировоззрения.

В современных исследованиях представления о безопасности рассматриваются в качестве ментально выстроенных образов, посредством которых осуществляется субъективная репрезентация и категоризация условий в качестве безопасных (опасных) для конкретного человека или социальной группы [9]. Несмотря на субъективный характер, представления являются важным фактором безопасности, поскольку определяют оценки, эмоциональное состояние и поведение людей [7], влияют на организацию жизнедеятельности человека [4] и выбор стратегий обеспечения безопасности [17].

Следует отметить, что психологическая безопасность есть необходимое условие для личностного развития, позволяющее человеку обеспечивать направленность не столько на выживание, отработку, адаптацию, сколько на самореализацию и саморазвитие [19]. Чувство безопасности играет важную роль в сохранении психического здоровья, а потребность в безопасности является личностным фактором, способствующим самоорганизации жизни человека на основе определенности и предсказуемости собственного будущего [2]. В то же время, по мнению О.Ю. Зотовой, установление личностью своей безопасности определяется в большей мере субъективными психологическими критериями, представлениями, чем объективным, реальным положением [7]. Аналогичное мнение высказывает О.В. Кружкова, отмечая, что степень стрессогенности и тяжесть вреда, наносимого тем или иным стресс-фактором отдельному человеку, зависит как от его уязвимости к данному воздействию, так и от собственной субъективной оценки значимости для него воздействия указанного стресс-фактора [10].

Таким образом, субъективные представления о безопасности как формы и элементы психической реальности, репрезентирующие безопасный мир и опасные условия в субъективном пространстве личности, могут влиять на формирование отношений, регуляцию поведения, планирование и реализацию деятельности. Эти представления играют важную роль в процессах практического обеспечения безопасности, а значит, могут рассматриваться в качестве одной из составляющих субъекта безопасности. Кроме того, субъективная оценка безопасности взаимосвязана с чувством безопасности и психологическим благополучием личности, которые являются необходимыми условиями личностного развития и самореализации.

Объектом эмпирических исследований представлений о безопасности, как правило, выступают старшеклассники и студенческая молодежь. Это обусловлено, во-первых, достаточной сформированностью и устойчивостью представлений в этом возрасте, во-вторых, существенным ресурсным потенциалом и активностью молодых людей, в-третьих,

необходимостью решения задачи развития и/или коррекции представлений в образовательном процессе. Как правило, исследователей интересует содержание представлений о безопасности (объекты, условия безопасности, факторы опасности и пр.) и их структура. В исследованиях такого рода преимущественно используются методы свободных ассоциаций, опроса (интервью, анкетирование), семантического дифференциала и методика неоконченных предложений [15]. Можно обнаружить две тенденции в исследовании представлений о безопасности: во-первых, рассмотрение их как многокомпонентной системы, во-вторых, изучение представлений как составляющей более широких структур сознания и/или личности. Так, представления о безопасности изучаются: как элементы семантической структуры сознания, категоризирующие мир по признаку безопасности [7]; как отражение ценностно-целевых ориентаций [1, 7]; как часть более широких конструктов — субъективных сценариев и стратегий обеспечения безопасности [8], во взаимосвязи с личностными качествами (осмысленностью жизни, локусом контроля, адаптивностью, жизнестойкостью, самооценкой и пр.) [18]. К ограничениям накопленного опыта в изучении представлений можно отнести: акцентирование внимания на психологических факторах опасности или безопасности; обособленное изучение различных аспектов: общего поля представлений о феномене безопасности, смысловых связей в структуре сознания, «субъективной окраски» безопасности; недостаточность исследований, позволяющих соотносить выявленные субъективные представления о безопасности с представлениями, существующими в общественном сознании, науке и социальной практике.

Целью настоящего исследования является выявление представлений вузовской молодежи об общих условиях безопасности, необходимых для жизни людей в современном мире, об индивидуально значимых условиях безопасности и их обеспеченности в настоящее время. Мы предполагаем, что в силу проекции собственных смыслов на картину мира в субъективных представлениях, условия безопасности, необходимые для всех людей, взаимосвязаны с условиями, значимыми для себя лично. Также полагаем, что представления о безопасности имеют связную структуру, в них проявляются мировоззренческие установки субъекта, в частности, его понимание наиболее значимых аспектов жизнедеятельности человека. Исследование носит поисковый характер, отвечает выделенным выше тенденциям в изучении представлений о безопасности, дополняет результаты, полученные в ранее проведенных исследованиях.

Организация и методы эмпирического исследования

В исследовании использовался авторский опросник представлений о безопасности, позволяющий достаточно формализованно диагностировать субъективные представления о безопасности [16]. Разработка основных пунктов опросника основывалась на теоретическом анализе проблемы безопасности и контент-анализе субъективных представлений о безопасности, сообщенных в свободных формах (эссе и интервью). Исследование показало достаточную внутреннюю согласованность, ретестовую надежность, конструктивную валидность опросника [16]. Опросник дает возможность изучать эксплицитные представления об общих условиях безопасности, необходимых для жизни людей в современном мире, об условиях безопасности, значимых в жизни конкретного человека, и их обеспеченности в настоящее время, а также косвенно определять степень удовлетворения потребности в безопасности путем соотнесения значимости и обеспеченности условий. Опросник имеет двумерную структуру: первое измерение представлено четырнадцатью условиями безопасности, второе — тремя критериями оценки каждого условия (необходимость, значимость, обеспеченность). Респонденту предлагается ознакомиться с перечнем условий безопасности человека, представленном в строках таблицы, и сравнить их между собой по трем критериям поочередно по трехбалльной шкале. При этом максимум по 3 балла выставляется трем условиям безопасности из общего списка, которые, по мнению респондента, являются наиболее необходимыми, минимум 1 балл — трем условиям безопасности, которые являются наименее необходимыми. Ячейки по оставшимся условиям заполняет исследователь, проставляя 2 балла. Аналогично оценивается значимость и обеспеченность.

В исследовании приняли участие 213 студентов Южного федерального университета, из них 85 девушек и 128 юношей в возрасте от 17 до 21 года (средний возраст $18,6 \pm 1,1$ года). Для выявления внутренних связей в структуре представлений о безопасности использовался корреляционный (коэффициент корреляции Пирсона) и факторный анализ. Для определения числа факторов был использован критерий Кайзера, для вычисления факторных нагрузок использовался метод главных компонент (Principal Component Analysis) с последующим варимакс-вращением (Varimax method). Обработка данных проводилась с использованием пакета статистической программы IBM SPSS Statistics 20.

Результаты и их обсуждение

С целью выявления наиболее общих представлений респондентов об условиях безопасности был прове-

ден частотный анализ данных (подсчитано относительное количество максимальных оценок по каждому условию). Результаты показали, что в качестве наиболее необходимых для жизни человека в современном мире респонденты выделяют следующие условия безопасности: «мирная обстановка в стране, отсутствие терактов, военных действий» (52 %), «здоровая окружающая среда, экологически чистая вода и пища» (29 %). Наиболее значимыми для своей жизни условиями безопасности респонденты считают те же условия (37 % и 33 % соответственно), а также «наличие определенной цели, смысла собственной жизни» (35 %), «образованность, предусмотрительность, умение распознавать опасности, уклоняться от них» (31 %). Как наиболее обеспеченные условиями в настоящее время респонденты назвали «наличие признания, взаимопонимания, близких, доверительных отношений с окружающими» (36 %), «наличие гражданской, личностной, духовной свободы, возможность самореализации» (31 %), «наличие определенной цели, смысла собственной жизни» (30 %).

Несмотря на принадлежность респондентов к одной возрастной и социальной группе, к относительно одинаковой среде, в оценках условий безопасности обнаружен большой разброс. И только по критерию необходимости для жизни людей в современном мире половина респондентов оказалась одина, отнеся к наиболее важному условию мирную обстановку в стране. Значимость лично для них и обеспеченность в настоящее время как этого условия, так остальных существенно различна. Это подтверждает вывод, сделанный О.В. Кружковой: субъективные оценки в большей мере имеют индивидуально-личностную детерминацию [10].

С целью поиска взаимосвязей в оценках необходимости, значимости и обеспеченности условий безопасности в структуре представлений проведен корреляционный анализ (см. табл. 1).

С целью поиска взаимосвязей в оценках необходимости, значимости и обеспеченности условий безопасности в структуре представлений проведен корреляционный анализ (см. табл. 1).

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа оценок необходимости, значимости и обеспеченности условий

Условия безопасности человека	Необходимость/ Значимость	Значимость/ Обеспеченность	Необходимость/ Обеспеченность
1. Здоровая окружающая среда, экологически чистая вода и пища	0,224**	-0,061	-0,049
2. Ответственность за будущее человечества, нравственность людей	0,208**	-0,074	-0,049
3. Отсутствие вредных привычек, здоровый образ жизни	0,177**	0,026	-0,045
4. Мирная обстановка в стране (отсутствие терактов, военных действий и т.п.)	0,254**	-0,155*	-0,176**
5. Наличие определенной цели, смысла собственной жизни	0,371**	0,034	0,015
6. Отсутствие техногенных аварий, катастроф, несчастных случаев	0,233**	0,071	-0,059
7. Наличие признания, взаимопонимания, близких, доверительных отношений с окружающими	0,188**	0,162*	0,093
8. Стойкие правовые основы государства, отсутствие произвола, преступности или защищенность от них	0,094	-0,046	-0,087
9. Образованность, предусмотрительность, умение распознавать опасности, уклоняться от них	0,083	-0,012	-0,006
10. Наличие гражданской, личностной, духовной свободы, возможность самореализации	0,284**	-0,044	-0,016
11. Отсутствие эпидемий, стихийных бедствий (землетрясений, наводнений, ураганов и др.)	0,268**	-0,004	-0,108
12. Экономическая стабильность, защищенность финансовых интересов граждан	0,288**	-0,058	0,012
13. Уравновешенность, отсутствие нервных срывов, контроль над собой	0,218**	-0,048	-0,046
14. Отсутствие внешнего программирования и манипуляций, объективность средств массовой информации	0,322**	-0,111	-0,022

Примечание: Уровень значимости связей: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о согласованности в оценках респондентов необходимости для жизни всех людей и значимости в собственной жизни большинства условий безопасности (по 12 условиям из 14 обнаружены значимые положительные корреляционные связи). В целом можно констатировать подтверждение предположения, что мировоззренческие генерализации отражают ценностно-смысловые ориентации личности [12]. Исключения представляют такие условия, как «стойкие правовые основы государства, отсутствие произвола, преступности или защищенность от них» и «образованность, предусмотрительность, умение распознавать опасности, уклоняться от них». При этом первое признается в большей степени необходимым для жизни всего человечества, в то время как второе — значимым для самих респондентов.

Анализ корреляций оценок респондентов по критериям значимости и обеспеченности, а также необходимости и обеспеченности условий безопасности выявил преобладание обратных взаимосвязей. Наиболее рассогласованы оценки мирной обстановки в стране. Респонденты считают данное условие безопасности значимым и необходимым, но не обеспеченным. Данные результаты можно объяснить тем, что период исследования совпал с возникновением и развитием сложной политической ситуации в Украине и местонахождением респондентов в граничащей с ней территории (Ростовская область, г. Таганрог), активно заселяемой беженцами.

Для косвенной оценки степени удовлетворения потребности в безопасности был проведен корреляционный анализ оценок значимости и обеспеченности условий безопасности по каждому отдельному респонденту. Результаты показали низкую степень согласованности между ними: среднее значение корреляционной связи по выборке $r = 0,01$; количество положительных корреляционных связей по выборке (на уровнях значимости 0,01 и 0,05) — 2 %; среднее значение положительной корреляционной связи (на уровнях значимости 0,01 и 0,05) $r = 0,66$; количество отрицательных корреляционных связей по выборке (на уровнях значимости 0,01 и 0,05) — 3 %; среднее значение отрицательной корреляционной связи (на уровнях значимости 0,01 и 0,05) $r = -0,76$.

Таблица 3. Результаты корреляционного анализа обеспеченности условий безопасности

Условия безопасности	5	6	7	9	10	11	12
3	0,058	-0,202**	-0,023	-0,088	-0,245**	-0,113	-0,228**
4	-0,280**	0,023	-0,244**	-0,239**	-0,146*	0,026	0,053
5	1	-0,231**	0,088	0,098	0,017	-0,232**	-0,248**
6	-0,231**	1	-0,091	-0,137*	-0,123	0,289**	0,035
7	0,088	-0,091	1	-0,001	0,060	-0,113	-0,105

Примечание: Номера условий безопасности обозначены в соответствии с табл. 1.

Корреляционный анализ оценок условий безопасности по разным критериям у каждого респондента в отдельности показал, что лишь для 2 % из них характерна высокая согласованность между значимыми и обеспеченными условиями безопасности. Для 3 % респондентов, напротив, характерно рассогласование значимых и обеспеченных условий безопасности, что может свидетельствовать как о неудовлетворении потребности в безопасности, так и о тенденции выделять в качестве значимых именно те условия безопасности, которые на текущий момент не могут быть реализованы в жизни респондентов. Для остальной части выборки (95 %) характерна слабая согласованность между значимыми и обеспеченными условиями безопасности.

С целью поиска взаимосвязей между условиями безопасности проведен корреляционный анализ оценок значимости условий (см. табл. 2), а также их обеспеченности (см. табл. 3).

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа значимости условий безопасности

Условия безопасности	5	7	11	13
1	-0,181**	-0,257**	0,006	-0,158*
4	-0,261**	-0,020	0,060	-0,261**
6	-0,222**	-0,227**	0,266**	-0,089

Примечание: Номера условий безопасности обозначены в соответствии с табл. 1.

Изучение внутренней структуры представлений о безопасности показало, что только два условия положительно связаны между собой: отсутствие техногенных аварий, катастроф, несчастных случаев и отсутствие эпидемий и стихийных бедствий, причем как в оценках их значимости, так и обеспеченности. Остальные взаимосвязи обратные. Так, чем более значима для респондентов мирная обстановка в стране, тем в меньшей степени они оценивают важность осмысленности жизни, уравновешенности и самоконтроля. Также отрицательно связаны значимость доверительных отношений с окружающими и ценность здоровых условий окружающей среды.

В оценках обеспеченности условий безопасности наличие цели и жизненных смыслов отрицательно коррелирует с отсутствием техногенных аварий, отсутствием эпидемий, стихийных бедствий, экономической стабильностью. Чем в большей степени реализуется здоровый образ жизни, тем ниже оценивается наличие в жизни респондентов гражданских, духовных, личных свобод, отсутствие техногенных аварий, экономическая стабильность. При низкой субъективной обеспеченности мирной обстановки в стране на передний план выходят: наличие собственных целей, жизненных смыслов, образованность и предусмотрительность, а также взаимопонимание с близкими и доверительные отношения с окружающими. Выявленные взаимосвязи свидетельствуют о поляризации условий безопасности, отвечающих

глобальным целям общества (мирная и безопасная обстановка, экономическая стабильность, гражданские права и др.) и психологической безопасности конкретной личности (жизненные цели, образованность, самореализация, отношения с окружающими людьми). Можно говорить о том, что в оценках условий безопасности респонденты выделяют наиболее значимые аспекты жизнедеятельности.

С целью систематизации условий безопасности был использован метод факторного анализа, который позволил выявить взаимосвязи между 14 переменными и обозначить факторы, их объединяющие. Результирующая факторная структура условий безопасности объясняет 64,5 % общей дисперсии и включает в себя 6 компонент (см. табл. 4).

Таблица 4. Факторная структура условий безопасности

Переменные	Факторные нагрузки					
	1	2	3	4	5	6
1. Здоровая окружающая среда, экологически чистая вода и пища					0,717	
2. Ответственность за будущее человечества, нравственность людей		0,478				
3. Отсутствие вредных привычек, здоровый образ жизни					0,802	
4. Мирная обстановка в стране (отсутствие терактов, военных действий и т.п.)	0,568					
5. Наличие определенной цели, смысла собственной жизни		0,629				
6. Отсутствие техногенных аварий, катастроф, несчастных случаев	0,810					
7. Наличие признания, взаимопонимания, близких, доверительных отношений с окружающими						0,759
8. Стойкие правовые основы государства, отсутствие произвола, преступности или защищенность от них			0,496			
9. Образованность, предусмотрительность, умение распознавать опасности, уклоняться от них			0,723			
10. Наличие гражданской, личностной, духовной свободы, возможность самореализации		0,810				
11. Отсутствие эпидемий, стихийных бедствий (землетресений, наводнений, ураганов и др.)	0,825					
12. Экономическая стабильность, защищенность финансовых интересов граждан			0,775			
13. Уравновешенность, отсутствие нервных срывов, контроль над собой				0,813		
14. Отсутствие внешнего программирования, манипуляции, объективность средств массовой информации				0,623		
Объясняемая дисперсия	18,3%	13%	9,2%	8,2%	7,8%	7,6%

Примечание: 1 — физическая целостность; 2 — свобода самоопределения и ответственность; 3 — социальная защищенность; 4 — самоконтроль; 5 — здоровье; 6 — поддержка.

Результаты факторного анализа позволили получить достаточно связную и хорошо объяснимую с теоретических позиций факторную структуру. Для изучения структуры представлений за основу взяты выделенные факторы, рассматриваемые как интегральные условия безопасности: 1) физическая це-

лостность (отсутствие терактов, военных действий, аварий, катастроф эпидемий, стихийных бедствий и др.); 2) свобода самоопределения и ответственность (гражданская, личностная, духовная свобода, нравственность, целеустремленность, возможности самореализации); 3) социальная защищенность

(экономическая стабильность, правовые основы, образованность); 4) самоконтроль (уравновешенность, отсутствие манипуляции); 5) здоровье (экологически чистая среда, здоровый образ жизни); 6) поддержка (признание, взаимопонимание, доверие). Проведенный корреляционный анализ позво-

лил выявить большое количество значимых связей между интегральными условиями (см. табл. 5). Можно говорить о том, что представления о безопасности носят целостный характер.

Таблица 5. Структура представлений о безопасности

Интегральные условия безопасности	1	2	3	4	5	6
1 — физическая целостность	1	0,532**	0,737**	0,672**	0,587**	0,204**
2 — свобода самоопределения и ответственность	0,532**	1	0,608**	0,607**	0,511**	0,369**
3 — социальная защищенность	0,737**	0,608**	1	0,833**	0,570**	0,227**
4 — самоконтроль	0,672**	0,607**	0,833**	1	0,552**	0,257**
5 — здоровье	0,587**	0,511**	0,570**	0,552**	1	0,200**
6 — поддержка	0,204**	0,369**	0,227**	0,257**	0,200**	1

Примечание: Уровень значимости связей: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

Выводы

Представления о безопасности как элементы психической реальности, репрезентирующие безопасный мир в субъективном пространстве личности, имеют целостный характер, подтвержденный взаимосвязями в оценках необходимых, значимых и обеспеченных условий безопасности.

Представления студентов об общих условиях безопасности, необходимых для жизни людей в современном мире, и об индивидуально значимых условиях собственной безопасности достаточно согласованы. Однако безопасность абстрактного человека определяется в первую очередь сохранностью жизни и физического здоровья, а своя безопасность связана еще и с защищенностью внутреннего мира, образованностью, наличием смысла жизни. При этом именно психологические условия безопасности, соотносящиеся с принятием, свободой и самореализацией, студенты считают наиболее обеспеченными в настоящее время.

Результаты не позволяют говорить об удовлетворении потребности в безопасности: для большинства респондентов характерна слабая согласованность между значимыми и обеспеченными условиями безопасности. Наибольший разрыв отмечен в оценках условий социальной и природной среды, связанных с сохранностью жизни и здоровья человека, которые оказались высокосignимыми, но недостаточно обеспечены.

Полученные результаты свидетельствуют, что студенты противопоставляют условия безопасности, отвечающие глобальным целям общества, и условия психологической безопасности конкретной личности. Можно говорить о том, что в оценках условий безопасности выделены наиболее значимые аспекты

жизнедеятельности, а описание и объяснение безопасной окружающей реальности и собственной жизнедеятельности осуществляются субъектом через призму собственных смыслов.

Несмотря на принадлежность респондентов к одной возрастной и социальной группе, к относительно одинаковой среде, разброс в оценках условий безопасности достаточно велик, что свидетельствует о преобладании индивидуально-личностной обусловленности представлений о безопасности. Перспективным, на наш взгляд, является изучение таких представлений как составляющей более широких структур сознания (картины мира) или личности с позиций неклассической психодиагностики [11], не только как субъективных репрезентаций, но и как отношений, атрибутивных схем и стратегий.

Список литературы

1. Басанова Т.А. Представления о безопасности у субъектов с различными характеристиками смысловой структуры мировоззрения // Известия ЮФУ. Технические науки. 2005. № 5(49). С. 263–265.
2. Богомаз С.А., Гладких А.Г. Психологическая безопасность и ее измерение с помощью шкалы базисных убеждений // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 318. С. 191–194.
3. Богомаз С.А., Мацута В.В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67–75.
4. Дуганова Ю.К. Личностные особенности молодых людей с разным представлением о психологической безопасности: дис. ... канд. психол. наук / Южный федер. ун-т. Ростов н/Д, 2014. 183 с.
5. Емельянова Т.П. Социальное представление — понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. 2001. № 22(6). С. 39–47.

6. Зинченко Ю.П. Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 11–14.
7. Зотова О.Ю. Социально-психологическая безопасность личности: дис. ... д-ра психол. наук / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М., 2011. 524 с.
8. Краснянская Т.М. Психологические особенности сценариев безопасности студентов вуза // GESJ: Education Sciences and Psychology. 2015. № 2(34). С. 90–95. URL: <http://gesj.internet-academy.org.ge/download.php?id=2471.pdf> (дата обращения: 19.02.2016).
9. Краснянская Т.М., Тылец В.Г. Понятийные ориентиры развития психологической безопасности личности в предметном поле современных исследований // GESJ: Education Science and Psychology. 2013. № 1(23). С. 59–64.
10. Кружкова О.В. Индивидуальная детерминация субъективной значимости стресс-факторов городской среды в период юности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 34. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/955-kruzhkova34.html> (дата обращения: 19.02.2016).
11. Леонтьев Д.А. Перспективы неклассической психодиагностики // Психологические исследования. 2010. № 4(12). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/353-leontiev12.html> (дата обращения: 19.02.2016).
12. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999. 487 с.
13. Личностно-профессиональное развитие студентов и формирование качеств безопасной личности в технизированной образовательной среде: коллект. монография / под ред. Н.А. Лызь. М.: КРЕДО, 2009. 208 с.
14. Лызь Н.А., Веселов Г.Е., Лызь А.Е. Информационно-психологическая безопасность в системах безопасности человека и информационной безопасности государства // Известия ЮФУ. Технические науки. 2014. Т. 157, № 8. С. 58–66.
15. Лызь Н.А., Куповых Ж.Г. Представления о безопасности как предмет эмпирических исследований // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 8(52). URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/08/57172> (дата обращения: 19.02.2016).
16. Лызь Н.А., Куповых Ж.Г., Прима А.К., Басанова Т.А. Разработка опросника субъективных представлений о безопасности // Прикладная психология и психоанализ: электрон. науч. журн. 2015. № 1. URL: <http://ppip.idnk.ru/index.php/vypusk-1-2015/9-2011-02-24-12-27-14/-3-2011/625-2011-09-28-06-11-46> (дата обращения: 19.02.2016).
17. Тырсикова А.Д. Формирование стратегий психологической безопасности студентов вуза: дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2012. 199 с.
18. Эксакусто Т.В., Дуганова Ю.К. Смысло-жизненные ориентации субъектов с разным представлением о психологической безопасности // Категория смысла в философии, психологии, психотерапии и в общественной жизни: материалы Всерос. психол. конф. (Ростов-на-Дону, 23–26 апреля 2014 г.). М.: Кредо, 2014. С. 102.
19. Эксакусто Т.В., Лызь Н.А. Психологическая безопасность в проблемном поле психологии // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 86–91.
20. Lyz N.A., Kupovich J.G., Prima A.K. Conceptual analysis and measurement of personal safety representations // International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts – SGEM2014. Psychology and Psychiatry Education and Educational Research. 3–9 september 2014. Conference Proceedings. Sofia: Andrey Lyapchev, 2014. Vol. 1. P. 61–68. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2014/B11/S1.009

Получено 03.03.2016

References

1. Basanova T.A. [Perceptions of safety in subjects with different characteristics of semantic outlook structure]. *Izvestiya UFU. Tekhnicheskie nauki* [Proceedings of the SFedU. Engineering Sciences], 2005, no. 5(49), pp. 263–265. (In Russian).
2. Bogomaz S.A., Gladkikh A.G. [Psychological security and its measurement by the scale of basic beliefs] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2009, no. 318. pp. 191–194. (In Russian).
3. Bogomaz S.A., Matsuta V.V. [Subjective assessment of the feasibility of basic values in urban areas] *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian psychological journal], 2012, no. 46, pp. 67–75. (In Russian).
4. Duganova Yu.K. *Lichnostnye osobennosti molodykh lyudey s raznym predstavleniem o psikhologicheskoy bezopasnosti: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Personality characteristics of young people with different ideas about psychological safety: PhD dissertation]. Rostov-on-Don, 2014, 183 p. (In Russian).
5. Emelyanova T.P. [Social performance — the concept and the conception: the results of the last decade]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2001, no. 22(6), pp. 39–47. (In Russian).
6. Zinchenko Yu.P. [Methodological bases of psychology]. *Natsionalnyy psikhologicheskii zhurnal* [National psychological journal], 2011, no. 2, pp. 11–14. (In Russian).
7. Zotova O.Yu. *Sotsialno-psikhologicheskaya bezopasnost lichnosti: dis. ... d-ra psikhol. nauk* [Socio-psychological safety of the person: PhD dissertation]. Moscow, 2011, 524 p. (In Russian).

8. Krasnyanskaya T.M. [Psychological safety features scripts of university students]. *GESJ: Education Sciences and Psychology*. 2015, no. 2(34), pp. 90–95. Available at: <http://gesj.internet-academy.org/ge/download.php?id=2471.pdf> (accessed 19.02.2016). (In Russian).
9. Krasnyanskaya T.M., Tylets V.G. [Conceptual guidelines for the development of psychological safety of the person in the subject field of modern research]. *GESJ: Education Science and Psychology*. 2013, no. 1(23), pp. 59–64. (In Russian).
10. Kruzhkova O.V. [Individual determination of subjective importance of the stress factors of the urban environment in the period of youth]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]. 2014, vol. 7, no. 34. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/955-kruzhkova34.html> (accessed 19.02.2016). (In Russian).
11. Leontiev D.A. *Perspektivy neklassicheskoy psikhodiagnostiki* [Prospects of nonclassical psychodiagnostics]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies], 2010, no. 4(12). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/353-leontiev12.html> (accessed 19.02.2016). (In Russian).
12. Leontiev D.A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovooy realnosti* [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of the sense reality] Moscow, Smysl Publ., 1999, 487 p. (In Russian).
13. *Lichnostno-professionalnoe razvitie studentov i formirovanie kachestv bezopasnoy lichnosti v tekhnizirovannoy obrazovatelnoy srede* [Personal and professional development of students and the formation of the «safe» personality in engineering educational environment]. Moscow, Kredo Publ., 2009, 144 p. (In Russian).
14. Lyz N.A., Veselov G.E., Lyz A.E. [Informational-psychological security in human security systems and informational security of the state]. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Tekhnicheskie nauki* [Proceedings of the SFedU. Engineering Sciences]. 2014, vol. 157, no. 8, pp. 58–66. (In Russian).
15. Lyz N.A., Kupovykh Zh.G. [The concept of security as a subject of empirical research]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii* [Modern scientific research and innovation]. 2015, № 8(52). Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2015/08/57172> (accessed 19.02.2016). (In Russian).
16. Lyz N.A., Kupovykh Zh.G., Prima A.K., Basanova T.A. [The development of a questionnaire on subjective perceptions of safety]. *Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz* [Journal of applied psychology and psychoanalysis]. 2015, no. 1. Available at: <http://ppip.idnk.ru/index.php/vypusk-1-2015/9-2011-02-24-12-27-14/-3-2011/625-2011-09-28-06-11-46> (accessed 19.02.2016). (In Russian).
17. Tyrsikova A.D. *Formirovanie strategiy psikhologicheskoy bezopasnosti studentov vuza: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Formation of psychological security strategies of high school students: PhD dissertation]. Pyatigorsk, 2012, 199 p. (In Russian).
18. Eksakusto T.V., Duganova Yu.K. [Life-sense orientations of subjects with different ideas about psychological security]. *Kategoriya smysla v filosofii, psikhologii, psikhoterapii i v obshchestvennoy zhizni* [Category of meaning in philosophy, psychology, psychotherapy and social life]. Rostov-on-Don, Kredo Publ., 2014, p. 102. (In Russian).
19. Eksakusto T.V., Lyz N.A. [Psychological security in the problem field of psychology]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Siberian psychological journal]. 2010, no. 37, pp. 86–91. (In Russian).
20. Lyz N.A., Kupovih J.G., Prima A.K. Conceptual analysis and measurement of personal safety representations. *International Multidisciplinary Scientific Conferences on Social Sciences and Arts SGEM2014. Psychology and Psychiatry Education and Educational Reseach. 3–9 Sep. 2014. Conference Proceedings*. Sofia: Andrey Lyapchev, 2014, vol. 1, pp. 61–68. DOI: 10.5593/SGEMSOCIAL2014/B11/S1.009 (In English).

The date of the manuscript receipt 03.03.2016

Об авторах

Лызь Наталья Александровна

доктор педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой психологии и безопасности
жизнедеятельности

Южный федеральный университет, Институт
компьютерных технологий и информационной
безопасности
347922, Ростовская область, Таганрог, ул. Чехова, 2;
e-mail: nlyz@sfnedu.ru

Куповых Жанна Геннадиевна

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры психологии
и безопасности жизнедеятельности

Южный федеральный университет, Институт
компьютерных технологий и информационной
безопасности
347922, Ростовская область, Таганрог, ул. Чехова, 2;
e-mail: jgkupovykh@sfnedu.ru

Прима Амина Константиновна

кандидат психологических наук, ассистент кафедр
психологии и безопасности жизнедеятельности

Южный федеральный университет, Институт
компьютерных технологий и информационной
безопасности
347922, Ростовская область, Таганрог, ул. Чехова, 2;
e-mail: prima@sfnedu.ru

About the authors

Lyz Natalia Alexandrovna

Doctor of Education, Professor, Head
of the Department of Psychology and Safety
of Existence

Southern Federal University, Institute of Computer
Technologies and Information Safety,
2, Chekhov str., Taganrog, Rostov region, 347922,
Russia;
e-mail: nlyz@sfnedu.ru

Kupovykh Zhanna Gennadijevna

Ph.D. in Psychology, Senior Lecturer
of the Department of Psychology and Safety
of Existence

Southern Federal University, Institute of Computer
Technologies and Information Safety,
2, Chekhov str., Taganrog, Rostov region, 347922,
Russia;
e-mail: jgkupovykh@sfnedu.ru

Prima Amina Konstantinovna

Ph.D. in Psychology, Assistant of the Department
of Psychology and Safety of Existence

Southern Federal University, Institute of Computer
Technologies and Information Safety,
2, Chekhov str., Taganrog, Rostov region, 347922,
Russia;
e-mail: prima@sfnedu.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лызь Н.А., Куповых Ж.Г., Прима А.К. Опыт исследования представлений вузовской молодежи о безопасности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 86–95. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-86-95

Please cite this article in English as:

Lyz N.A., Kupovykh Zh.G., Prima A.K. The experience of research of students' ideas about safety // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 86–95. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-86-95

УДК .002:004.7

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-96-106

ПОИСК ОЩУЩЕНИЙ, ПОТРЕБЛЕНИЕ СМИ И ОТНОШЕНИЕ К СЕКСУАЛЬНОМУ СОДЕРЖАНИЮ В ИНТЕРНЕТЕ (ОБЩИЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ)

Зубакин Максим Владимирович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье представлены результаты пилотного исследования связей поиска ощущений как черты личности, количества потребления СМИ с отношением к информации сексуального характера в СМИ без учета и с учетом фактора пола зрителей. Отношение к информации сексуального характера изучалось на примере медиаклипа, доступного в Интернете. Отношение зрителей измерялось при помощи шкал семантического дифференциала и шкалы оценки сексуальности. Было обнаружено, что безотносительно к полу поиск ощущений связан с положительным отношением к медиаклипу, а количество потребления СМИ не связано с отношением к медиаклипу. Различия по полу были обнаружены как на уровне сравнения подгрупп при помощи Т-критерия Стьюдента, так и на уровне сравнения связей поиска ощущений, количества потребления СМИ с отношением к медиаклипу. Было обнаружено, что юноши по сравнению с девушками более терпимы к скуке, а медиаклип воспринимают менее сильным, влиятельным, активным и возбуждающим. Кроме того, было обнаружено, что связи между количеством потребления СМИ и отношением к медиаклипу выявлены у юношей, но отсутствуют у девушек.

Ключевые слова: поиск ощущений, потребление СМИ, сексуальное содержание в СМИ, гендерные различия.

SENSATION SEEKING, MASS-MEDIA USAGE AND EVALUATIONS OF INTERNET'S SEXUAL CONTENT (GENERALS AND GENDERS ASPECT)

Maxim V. Zubakin

Perm State University

This article describes the results of the pilot research of correlations between the sensation seeking, mass-media usage and evaluations of the sexual content in mass-media. The research was made taking into account the factor of watchers' gender and regardless the gender. The evaluation of the sexual content in mass-media was analyzed on the example of the music video from the Internet. The Sensation-Seeking Scale was used to study watchers' personality trait. The Questionnaire of Mass-media Usage and sexuality evaluation scale is included in SD. It was revealed that the sensation seeking is related to the positive evaluation of the music video regardless the watcher's gender. The mass-media usage is not related to the evaluation of the music video also regardless the watcher's gender. The difference between genders was found in groups comparison based on Student's T-criteria and in comparison of correlations between the sensation seeking, the mass-media usage and the evaluation of the music video. It was revealed that younger men bear the boredom better than younger women. The men evaluate the music video as less powerful, active and exciting. Besides, there are correlations between the men's mass-media usage and their evaluation of the music video. There aren't such relations with the women.

Keywords: sensation seeking, mass-media usage, evaluation of sexual content in mass-media, genders' differences.

Актуальность

Проблема влияния СМИ на аудиторию изучалась с точки зрения социальной философии, лингвистики, теорий коммуникации, социологии, психологии. В психологических исследованиях были обнаружены

различные эффекты СМИ на эмоциональную, когнитивную и поведенческую сферу аудитории [см. обзоры 1, 3, 4, 19]. Эффекты восприятия информации, содержащей сцены насилия и секса, детьми, подростками и взрослыми — одна из магистральных тем психологических исследований [7, 11, 13, 17,

21]. Были обнаружены связи между количеством потребления насилия в СМИ и негативными когнитивными, эмоциональными и поведенческими реакциями аудитории. Во многих странах есть законы, ограничивающие доступ детей и подростков к информации со сценами насилия и/или секса в СМИ [15]. В РФ также издан закон [10], обязывающий СМИ маркировать медиапродукты, которые содержат сцены сексуального характера.

Еще гештальт-психологами было обнаружено влияние когнитивных и личностных факторов на формирование образов восприятия и дальнейшее поведение субъекта. Современные исследователи изучают черты личности, идеи и другие индивидуальные факторы, которые могут влиять на восприятие (и поведение) зрителей насилия и секса в СМИ. Было обнаружено влияние агрессивности и враждебности, поиска ощущений, психотизма, нейротизма и пола зрителей [см. обзоры 3, 19]. Таким образом, во многих современных работах изучается не только влияние СМИ на ментальные процессы и поведение, но и взаимодействие эффектов СМИ и внутренних факторов (личностные черты, пол, установки) потребителей СМИ. Делаются попытки изучить вклад стимулов СМИ и внутренних факторов в формирование впечатлений, образов и поведения у зрителя (слушателя).

В предлагаемой работе исследуется связь черт личности, количества потребления СМИ с отношением к информации сексуального характера в СМИ. Изучались эффекты пола на черты личности, количество потребления СМИ и отношение к информации сексуального характера в СМИ, а также их связи. В качестве СМИ был выбран Интернет, поскольку социологические исследования показывают, что для молодежи и подростков он является основным [8]. Молодые люди используют Интернет и для получения новостей, и для потребления медиапродуктов (музыкальных аудио- и видеотреков, кинофильмов, ТВ-сериалов), и для общения.

Теоретические и эмпирические предпосылки исследования

Отношение к сексуальному содержанию в СМИ изучалось при помощи метода семантического дифференциала [26, 27, 28]. Данный метод позволяет выявить отношение (коннотативные значения) аудитории к стимулам по параметрам эмоциональной оценки, силы воздействия, способности активировать и возбуждать [2, 9, 12].

Конструкт поиска ощущений широко используется для изучения связей черт личности и привлекательности насилия и/или секса, демонстрируемых в СМИ [14, 16, 18, 20, 23, 24, 35, 36]. М. Цукерман (1994) определял поиск ощущений как черту лично-

сти, которая выражает поиск вариативных, новых, сложных и интенсивных ощущений и переживаний, готовность к физическим, социальным, правовым и финансовым рискам ради таких ощущений и переживаний [35]. Он и его коллеги [34, 38] выделили четыре измерения поиска ощущений. *Поиск впечатлений и приключений* как готовность вовлекаться в физические виды активности, которые обеспечивают необычные ощущения и переживания, например, связанные с опасностью повышенные скорости (автоспорт), альпинизм, затяжные прыжки с парашютом, дайвинг. *Поиск переживаний и нового опыта* как склонность к поиску новых ощущений и переживаний посредством занятия музыкой, искусством; как путешествия, предпочтение неформального образа жизни. *Растормаживание* проявляется в стремлении к поиску ощущений через других людей, гедонистическим стилем жизни в крайних формах, например, необузданные вечеринки, выпивки, варьирование сексуальных партнеров ради социального и сексуального растормаживания. *Подверженность скуке* как отвращение к монотонности, неизменностям, повторам, шаблонам, заведенному порядку, антипатия к людям, навещающим скуку, не вызывающим эмоциональный отклик и интерес, даже если они надежны.

Было обнаружено, что поиск ощущений связан с привлекательностью сцен насилия и/или секса сложным образом. Средний уровень поиска ощущений связан с привлекательностью сцен насилия и/или секса положительно, а высокий уровень — отрицательно. Это объяснялось тем, что люди с высоким уровнем поиска ощущений предпочитают рисковать в реальном мире, а не проводить много времени у экрана ТВ [16, 18, 19].

Количество потребления телевидения или других СМИ является другим фактором, который связан с отношением аудитории к насилию и сексу в СМИ [3, 19, 21]. Было обнаружено, что высокий уровень потребления СМИ связан с изменением психологических установок по отношению к насилию, сексу или внебрачным связям [29, 30, 31, 32, 33]. Ряд исследований указывают на эффект десенсибилизации, который проявляется в уменьшении негативных эмоциональных реакций, эмпатии к жертвам и в снижении просоциального поведения у постоянных зрителей сцен насилия и секса в СМИ [13, 22]. Этот эффект связан с высокими уровнями потребления СМИ.

Еще одним фактором, который потенциально может влиять на восприятие и отношение к информации сексуального характера в СМИ, является пол зрителей [3, 14, 19]. В ряде работ было показано, что мужчины оценивают информацию сексуального характера позитивнее, она возбуждает их больше, чем женщины. Кроме того, в ряде исследований была обнару-

жена связь пола с поиском ощущений. Женщины менее склонны к риску, поиску ощущений [6, 37].

Исследовательский вопрос и гипотезы

Изложенные выше теоретические и эмпирические предпосылки позволили сформулировать *центральный вопрос* настоящего исследования: что в большей степени связано с положительным отношением к информации сексуального характера в Интернете — поиск ощущений или количество потребления СМИ? Дополнительно учитывался пол потребителя медиаконтента.

Исследовательский вопрос был трансформирован в четыре *гипотезы*:

1) поиск ощущений прямо коррелирует с положительным отношением к информации сексуального характера в Интернете;

2) высокое потребление СМИ обратно коррелирует с положительным отношением к информации сексуального характера в Интернете;

3) пол зрителей оказывает эффект на положительное отношение к информации сексуального характера в Интернете (положительное отношение более выражено у юношей, нежели у девушек);

4) корреляции между поиском ощущений, количеством потребления СМИ и отношением к информации сексуального характера в Интернете в группах юношей и девушек различны.

Метод исследования

Участники исследования

В исследовании приняли участие 80 пользователей Интернета в возрасте от 21 до 30 лет, среди них 40 юношей и 40 девушек ($M = 23.45$, $SD = 1.99$).

Методики исследования

Поиск ощущений измерялся в соответствии с вопросником поиска ощущений [38] в переводе и адаптации Л. Дорфмана и М. Зубакина (2007, не опубликовано). Вопросник направлен на изучение выраженности тенденций личности к поиску новых, сложных и интенсивных ощущений и переживаний, готовности к физическим, социальным, правовым и финансовым рискам ради таких ощущений и переживаний [35]. В оригинальной версии вопросник содержит 40 пунктов, по 10 пунктов на шкалы: (1) поиск впечатлений и приключений, (2) поиск переживаний и нового опыта, (3) растормаживание, (4) подверженность скуке. Вопросник проверялся на психометрическую надежность на выборке в 213 человек. Шкала поиска впечатлений и приключений имела значение Альфа Кронбаха 0.74, шкала поиска переживаний и нового опыта — 0.61, шкала растормаживания — 0.64, подверженность скуке — 0.35 [5]. Поскольку шкала

«подверженность скуке» имела низкую надежность, результаты настоящего исследования интерпретировались с учетом данного факта.

Для оценки количества потребления СМИ пользователя использовалась «Анкета медийной активности» М.В. Зубакина (2015, не опубликовано). Анкета включает в себя пять вопросов, ответы на которые представлены в виде четырех 5-балльных и одной 7-балльной шкал. Первый вопрос оценивает количество потребления телевидения (ТВ) с помощью 5-балльной шкалы: от 1 — «очень редко, реже одного раза в неделю» до 5 — «постоянный зритель, ни дня без ТВ». Второй вопрос измеряет количество потребления Интернета. При помощи 7-балльной шкалы участник исследования оценивает, сколько времени в среднем он проводит в Интернете: от 1 — «менее одного часа в неделю» до 7 — «более пяти часов в день». Третий вопрос оценивает количество потребления музыкальных клипов респондентом по шкале: от 1 — «не смотрю» до 5 — «смотрю только клипы». Четвертый вопрос измеряет субъективную оценку респондента частоты встречаемой им информации с сексуальным содержанием в СМИ: от 1 — «не встречаю такой информации» до 5 — «СМИ переполнены такой информацией». Пятый вопрос измерял субъективную оценку частоты встречаемой информации с сексуальным содержанием в Интернете: от 1 — «не встречаю такой информации» до 5 — «Интернет переполнен такой информацией».

Отношение к информации сексуального характера в Интернете изучалось при помощи семантического дифференциала Ч. Осгуда [25] в модификации А.М. Эткинды (1979) [12]. Зрители оценивали стимульный материал по 25 биполярным градуированным (семибалльным) вербальным шкалам-антонимам. Координатами отношения служили три психосемантических фактора: «Оценка», «Активность», «Сила». Фактор «Оценка» интерпретировался как субъективная эмоциональная привлекательность или непривлекательность стимула. О том, как испытуемые оценивали потенциал стимула активировать, возбуждать, изменять ощущение времени, говорил фактор «Активности». Фактор «Силы» показывал, насколько влиятельным, сильным и субъективно большим оценивался воспринятый стимул.

Сексуальность медиаконтента измерялась при помощи специальной биполярной шкалы по типу шкал семантического дифференциала. Респондент должен был поставить прилагательным-антонимам «сексуальный – не сексуальный» оценку: 3 — именно так; 2 — да, очень близко; 1 — ближе к этому полюсу; 0 — ни то, ни другое. Данная шкала была размещена среди шкал семантического дифференциала. Это было сделано для того, чтобы испытуемые не акцентировали на ней особого внимания.

Процедура исследования

Процедура исследования проводилась индивидуальными сессиями с помощью Интернета. Порядок заполнения методик был случайным. Респондентам предлагались вопросник поиска ощущений, анкета медийной активности, интернет-ссылка на стимульный материал и бланк семантического дифференциала с включенной в него шкалой оценки сексуальности медиаконтента.

Стимульный материал

В качестве стимульного материала использовался музыкальный медиаклип Snoop Dogg ft. The Pussycat Dolls – «Buttons», 2005 [39]. Он длится 3 минуты 46 секунд. В медиаклипе демонстрируется энергичный танец группы молодых женщин под мажорную музыку. Данный информационный продукт маркирован знаком «16+» (согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ, ред. от 28.07.2012).

Данный медиаклип был выбран фокус-группой как наиболее привлекательный из трех альтернатив: (1) Snoop Dogg ft. The Pussycat Dolls – «Buttons», 2005 [39]; (2) Eminem ft. Rihanna – «Love The Way You Lie», 2010 [40]; (3) Miley Cyrus – «Wrecking Ball», 2013 [41]. Фокус-группа состояла из 12 участников, из них 6 юношей и 6 девушек. Привлекательность медиаклипа оценивалась по шкале от 1 («малопривлекательный») до 5 («очень привлекательный»). Первые два медиаклипа были оценены в 3.1 и 2.48 балла соответственно, а третий — 2.88. Согласованность оценок экспертов была 73,7 %.

Методы математической статистики

Обработка результатов осуществлялась в соответствии с программой Statistica 6.0. Для тестирования первой гипотезы исследования применялся корреляционный анализ (по Пирсону): вычислялись корреляции показателей поиска ощущений с психосемантическими оценками и оценкой сексуальности

медиаклипа. Аналогично для тестирования второй гипотезы вычислялись корреляции показателей частоты потребления СМИ с психосемантическими оценками и оценкой сексуальности медиаклипа при помощи корреляционного анализа (по Пирсону). Для тестирования третьей гипотезы применялся t-критериальный анализ Стьюдента: групповой переменной был пол респондентов, зависимыми переменными были показатели поиска ощущений, количества потребления СМИ, психосемантические оценки и оценка сексуальности медиаклипа. Для тестирования четвертой гипотезы использовался корреляционный анализ (по Пирсону). Отдельно для группы юношей и группы девушек вычислялись корреляции между показателями поиска ощущений и количества потребления СМИ, с одной стороны, и показателями психосемантических оценок и оценки сексуальности медиаклипа — с другой. Затем полученные результаты сравнивались аналитически.

Результаты

Связи поиска ощущений и количества потребления СМИ с психосемантическими оценками и оценкой сексуальности медиаклипа без учета фактора пола

Было обнаружено, что показатель поиска необычного опыта положительно коррелировал с психосемантической оценкой ($r = .31, p < .001$) и оценкой сексуальности ($r = .27, p < .01$) медиаклипа. Показатель растормаживания положительно коррелировал с психосемантической оценкой ($r = .45, p < .001$) и оценкой сексуальности ($r = .38, p < .001$), показатель восприимчивости к скуке положительно коррелировал с показателем психосемантической силы ($r = .25, p < .05$). Агрегированный показатель поиска ощущений положительно коррелировал с психосемантической оценкой ($r = .31, p < .001$) и оценкой сексуальности ($r = .27, p < .01$) медиаклипа. Результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Связи показателей поиска ощущений и оценок медиаклипа (общая выборка, $n = 80$)

Поиск ощущений	Оценки медиаклипа			
	Оценка	Сила	Активность	Сексуальность
Поиск впечатлений и приключений				
Поиск необычного опыта	.31***			.27**
Растормаживание	.45***			.38***
Восприимчивость к скуке		.25*		
Поиск ощущений (агрегированный)	.36***			.37***

Примечание: * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$; *** — $p < 0.001$; незначимые коэффициенты корреляций опущены.

Ни один из показателей количества потребления СМИ не коррелировал ни с одним показателем оценки (психосемантической и сексуальности) медиаклипа.

То есть без учета фактора пола обнаружилось следующее: чем более проявляется тенденция личности к поиску вариативных, новых, сложных, интенсивных ощущений и переживаний, готовность к

физическим, социальным, правовым и финансовым рискам, тем положительнее и сексуальнее оценивается медиаклип. Кроме того, отвращение к монотонности, повторам, шаблонам и заведенному порядку оказывается связано с субъективным восприятием медиаклипа как «сильного», влиятельного и большого. При этом данную связь мы рассматриваем с учетом низкой надежности шкалы восприимчивости к скуке. Высокий уровень потребления СМИ оказался не связан с оценкой медиаклипа.

Связи поиска ощущений и количества потребления СМИ с психосемантическими оценками и оценкой сексуальности медиаклипа с учетом фактора пола

Результаты t-критериального анализа Стьюдента по показателям поиска ощущений, частоты потребления СМИ, психосемантические оценки и оценка сексуальности медиаконтента между юношами и девушками представлены в табл. 2.

Таблица 2. Различия по показателям поиска ощущений, количества потребления СМИ, психосемантических оценок и оценки сексуальности медиаклипа у юношей (n = 40) и девушек (n = 40)

Показатель	Средние (стандартные отклонения)		t-критерий	Уровень значимости p
	Группа юношей	Группа девушек		
Поиск впечатлений и приключений	6.10 (2.20)	5.10 (2.87)	1.75	0.085
Поиск необычного опыта	5.03 (2.09)	5.88 (2.08)	-1.82	0.072
Растормаживание	3.93 (1.90)	3.98 (1.89)	-0.12	0.906
Восприимчивость к скуке	2.45 (1.20)	3.35 (1.51)	-2.95	0.004
Поиск ощущений (агрегированный)	4.38 (1.11)	4.58 (1.53)	-0.67	0.506
Количество потребления ТВ	2.23 (1.25)	2.58 (1.22)	-1.27	0.208
Количество потребления Интернета	6.23 (0.73)	6.25 (0.81)	-0.14	0.885
Количество потребления музыкальных клипов	2.43 (0.98)	2.45 (1.01)	-0.11	0.911
Количество информации с сексуальным содержанием в СМИ (субъективная оценка)	3.00 (1.24)	2.58 (1.08)	1.63	0.107
Количество информации с сексуальным содержанием в Интернете (субъективная оценка)	3.55 (1.11)	3.30 (1.04)	1.04	0.302
Оценка	4.51 (0.79)	4.41 (0.880)	0.50	0.618
Сила	3.68 (0.61)	4.44 (0.92)	-4.34	0.000
Активность	4.31 (1.07)	4.74 (0.68)	-2.11	0.038
Оценка сексуальности	5.93 (0.97)	6.15 (1.08)	-0.98	0.329

Было обнаружено, что юноши по сравнению с девушками менее восприимчивы к скуке ($t = -2.95$, $p < .01$). Различий между юношами и девушками по показателям количества потребления СМИ обнаружено не было. Было выявлено, что юноши по сравнению с девушками воспринимают медиаклип как менее «сильный» ($t = -4.34$, $p < .001$) и менее «активный» ($t = -2.11$, $p < .05$).

Полученные результаты оказались неожиданными. Во-первых, юноши по сравнению с девушками более терпимы к скуке, монотонности, повторам и шаблонам, заведенному порядку, испытывают в меньшей степени антипатию к скучным людям. Этим результатом можно пренебречь в связи с низкой надежностью шкалы. Поиск различий между юношами и девушками по шкалам поиска ощущений и их объяснение требуют дополнительных исследований, но уже за рамками настоящей работы. Во-вторых, юноши в сравнении с девушками воспринимают медиаклип с сексуальным содержанием менее сильным, влиятельным, активным и возбуждающим. Это противоречит нашей гипотезе и полученным другими

исследователями данным. Попытка обосновать данный факт сделана в части «Обсуждение».

Обнаруженные связи поиска ощущений и оценки медиаклипа в подгруппе юношей представлены в табл. 3.

Как видно из табл. 3, показатель поиска впечатлений и приключений не коррелировал с показателями оценки медиаклипа. Показатель поиска необычного опыта положительно коррелировал с психосемантической оценкой ($r = .32$, $p < .05$) и оценкой сексуальности ($r = .35$, $p < .05$) медиаклипа. Показатель растормаживания положительно коррелировал с психосемантической оценкой ($r = .47$, $p < .001$) и оценкой сексуальности ($r = .37$, $p < .01$), но отрицательно коррелировал с психосемантической активностью ($r = -.40$, $p < .01$) медиаклипа. Агрегированный показатель поиска ощущений положительно коррелировал с психосемантической оценкой ($r = .31$, $p < .05$) и оценкой сексуальности ($r = .42$, $p < .001$) медиаклипа.

Таблица 3. Связи показателей поиска ощущений и оценок медиаклипа у юношей (n = 40)

Поиск ощущений	Оценки медиаклипа			
	Оценка	Сила	Активность	Сексуальность
Поиск впечатлений и приключений				
Поиск необычного опыта	.32*			.35*
Растормаживание	.47***		-.40**	.37**
Восприимчивость к скуке				
Поиск ощущений (агрегированный)	.31*			.42***

Примечание: * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$; *** — $p < 0.001$; незначимые коэффициенты корреляций опущены.

То есть чем более выражено у юношей стремление к поиску новых ощущений и переживаний через занятия музыкой, искусством, к путешествиям и неформальному образу жизни, а также к гедонистическому стилю жизни, чем более расторможено поведение в социальной и сексуальной сфере, тем более положительно оценивается медиаклип, воспринимается как более сексуальный. При этом чем выше склонность к поиску новых ощущений через гедонизм, необузданные вечеринки с выпивкой, варьированием сексуальных партнеров, тем менее актив-

ным, возбуждающим воспринимается медиаклип. Получается, что стремление к новым впечатлениям и ощущениям у юношей связано с положительным отношением и высокой оценкой сексуальности медиаклипа, однако он не воспринимается как активизирующий, возбуждающий, ускоряющий субъективное ощущение времени.

Обнаруженные связи поиска ощущений и оценки медиаклипа в подгруппе девушек представлены в табл. 4.

Таблица 4. Связи показателей поиска ощущений и оценок медиаклипа у девушек (n = 40)

Поиск ощущений	Оценки медиаклипа			
	Оценка	Сила	Активность	Сексуальность
Поиск впечатлений и приключений	.33*			
Поиск необычного опыта	.33*			
Растормаживание	.44***			.39**
Восприимчивость к скуке				
Поиск ощущений (агрегированный)	.40**			.33*

Примечание: * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$; *** — $p < 0.001$; незначимые коэффициенты корреляций опущены.

Из табл. 4 следует, что показатель поиска впечатлений и приключений положительно коррелирует с психосемантической оценкой ($r = .33$, $p < .05$), так же, как и показатель поиска необычного опыта ($r = .33$, $p < .05$). Показатель растормаживания положительно коррелирует с психосемантической оценкой ($r = .44$, $p < .001$) и оценкой сексуальности ($r = .39$, $p < .01$) медиаклипа. Агрегированный показатель поиска ощущений положительно коррелирует с психосемантической оценкой ($r = .40$, $p < .01$) и оценкой сексуальности ($r = .33$, $p < .05$) медиаклипа.

То есть чем выше у девушек готовность искать новые ощущения через физические виды активности, связанные с опасностью, через занятия музыкой, искусством, путешествия и неформальный образ жизни, а также чем более выражено стремление к социальному и сексуальному растормаживанию и гедонизму, тем положительнее оценивается ими медиаклип. При этом склонность к гедонизму, поиск новых ощущений через других людей, стремление к необузданным вечеринкам и варьированию сексу-

альных партнеров положительно связаны с высокой оценкой сексуальности медиаклипа.

Таким образом, и у юношей, и у девушек поиск необычного опыта, растормаживание и агрегированный поиск ощущений оказались связаны с положительной оценкой медиаклипа, имеющего сексуальное содержание. Растормаживание и агрегированный поиск ощущений связаны с оценкой сексуальности медиаклипа. В этом юноши и девушки оказались схожи, хотя в группе юношей корреляции оказались сильнее, за исключением связи психосемантической оценки и агрегированного поиска ощущений. Различия были обнаружены в том, что у юношей поиск необычного опыта связан не только с положительным отношением к медиаклипу, но и с оценкой его сексуальности, а растормаживание — с восприятием медиаклипа как мало влияющего на их эмоциональное состояние (не активизирующего, не возбуждающего). Кроме этого, интересен тот факт, что обнаруженная связь между восприимчивостью к скуке и силой медиаклипа в общей группе безотносительно к полу респондентов отсутствовала и в

подгруппе юношей, и в подгруппе девушек. При этом в подгруппах юношей и девушек появились связи, отсутствовавшие в общей группе. У юношей появилась связь растормаживания и активности ме-

диаклипа, а у девушек — связь поиска впечатлений и приключений и оценки медиаклипа.

В табл. 5 представлены связи количества потребления СМИ и оценки медиаклипа в группе юношей.

Таблица 5. Связи показателей количества потребления СМИ и оценок медиаклипа у юношей (n = 40)

Количество потребления СМИ	Оценки медиаклипа			
	Оценка	Сила	Активность	Сексуальность
Потребление ТВ				
Потребление Интернета		-.32*		-.40**
Потребление музыкальных клипов				
Количество информации с сексуальным содержанием в СМИ (субъективная оценка)			-.38**	.42**
Количество информации с сексуальным содержанием в Интернете (субъективная оценка)				

Примечание: * — $p < 0.05$; ** — $p < 0.01$; незначимые коэффициенты корреляций опущены.

Как видно из табл. 5, показатель потребления Интернета отрицательно коррелировал с показателем силы ($r = -.32$, $p < .05$) и оценкой сексуальности ($r = -.40$, $p < .01$) медиаклипа. Показатель субъективной оценки количества информации с сексуальным содержанием в СМИ отрицательно коррелировал с активностью ($r = -.38$, $p < .01$), но положительно с оценкой сексуальности ($r = .42$, $p < .01$) медиаклипа.

То есть чем больше времени юноши проводят в Интернете, тем менее сильным, эффективным, влиятельным и сексуальным воспринимается ими медиаклип. Чем больше им кажется, что СМИ переполнены информацией с сексуальным содержанием, тем менее активирующим и возбуждающим (но при этом сексуальным) ими воспринимается медиаклип. Полученные данные свидетельствуют в пользу гипотезы десенсбилизации, т.е. снижения активирующего, возбуждающего эффекта стимулов на мужскую аудиторию в ситуации высокого уровня потребления СМИ.

В подгруппе девушек ни один из показателей количества потребления СМИ не коррелировал с показателями оценки медиаклипа.

Таким образом, нами были обнаружены различия между подгруппами юношей и девушек в части связей потребления СМИ с оценками медиаклипа с сексуальным содержанием. Возможно, эти связи характерны именно для юношей, поскольку в общей группе (безотносительно к полу респондентов) ни одной связи обнаружено не было, как и в подгруппе девушек.

Обсуждение

Результаты корреляционного анализа показателей оценок медиаклипа с показателями поиска ощу-

ний и количества потребления СМИ безотносительно к полу респондентов поддержали первую гипотезу и не поддержали вторую гипотезу настоящего исследования. Была обнаружена связь поиска ощущений и оценок восприятия медиаклипа. А связь количества потребления СМИ с оценками медиаклипа выявлена не была.

Связь поиска ощущений и положительной оценки медиаклипа с сексуальным содержанием не противоречит теории М. Цукермана (1994) [35]. Согласно этой теории для людей с выраженной тенденцией к поиску ощущений информация в СМИ с сексуальным содержанием может служить стимулом, поддерживающим у них состояние оптимального бодрствования. То есть данная информация привлекательна для людей с выраженной тенденцией к поиску ощущений. При этом необходимо отметить, что обнаруженные нами связи умеренно или слабо выражены. Поиск ощущений связан с эмоциональным отношением (привлекательностью) и оценкой сексуальности медиаклипа, однако, не связан с восприятием его как сильного, влиятельного, эффективного или возбуждающего. Отсутствие связи количества потребления СМИ и оценок медиаклипа свидетельствует, что, вероятно, сексуальное содержание, в отличие от медианасилия, не вызывает эффекта десенсбилизации, т.е. снижения негативных оценок медиапродукта, а также силы его влияния и его способности активировать и возбуждать.

Третья гипотеза настоящего исследования — пол зрителей оказывает эффект на отношение к информации сексуального характера — не получила эмпирической поддержки: результаты исследования не соответствовали. Объяснить это можно следующим. Возможно, клип, который был использован в исследовании, содержал недостаточно для мужчин сексу-

альной информации. Обнаруженные различия между мужчинами и женщинами в других исследованиях были связаны с тем, что в них использовались откровенно эротические или порнографические материалы [3, 21].

Четвертая гипотеза о различиях в связях между поиском ощущений, количеством потребления СМИ и отношением к информации сексуального характера в Интернете в группах юношей и девушек частично получила эмпирическую поддержку. Связи между поиском ощущений и отношением к информации сексуального характера в медиаклипе у юношей и девушек были в большей степени схожи, нежели различны. Большая выраженность связей у юношей согласуется с данными М. Цукермана [36]. Интересен факт появления связей между количеством потребления СМИ и отношением к медиаклипу у юношей, в сравнении с девушками и данными в общей группе. Именно эти результаты показывают: чем больше потребление СМИ, тем менее влиятельным, эффектным, возбуждающим воспринимается медиаклип с сексуальным содержанием. Возможно, эффект десенсибилизации в отношении сексуального содержания характерен для юношей, но не для девушек.

В целом настоящее исследование открывает дальнейшие перспективы для изучения гендерных различий в области восприятия и оценивания материалов с сексуальным содержанием в СМИ и Интернете.

Автор выражает благодарность А.Г. Минигалевой, выпускнице философско-социологического факультета ПГНИУ, за сбор эмпирических данных исследования.

Список литературы

1. Аронсон Э., Пратканис Э.Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 384 с.
2. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Смысл, 1999. 313 с.
3. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. М.: Вильямс, 2004. 432 с.
4. Гриффин Э. Массовая коммуникация // Коммуникация: теории и практики. Харьков: Гуманитарный центр, 2015. С. 440–533.
5. Дорфман Л.Я., Зубакин М.В. Личностные особенности восприятия художественных кинофильмов со сценами насилия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2013. Т. 6, № 2. С. 13–24.
6. Ильин Е.П. Психология риска. СПб.: Питер, 2012. 267 с.
7. Криворучко М.В., Липских Е.А. Телевизионные предпочтения и детско-родительские отношения как факторы социальных представлений о нормах сексуального поведения в подростковом возрасте // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2013. Вып. 1. С. 34–44.
8. Майорова-Щеглова С.Н. Молодое поколение и новые средства массовой коммуникации: мифы и реальность // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Социология. 2010. Вып. 3. С. 224–230.
9. Петренко В.Ф. Художественные конструкты произведений искусства и массовых коммуникаций // Язык средств массовой информации. М.: МГУ, 2008. С. 19–24.
10. Федеральный закон от 29.12.2010 N 436-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. 2012. 30 июля. URL: <http://www.rg.ru/2012/07/30/zakon-dok.html> (дата обращения: 18.04.2016).
11. Черных Н.А. Влияние телевидения и Интернет на личностное развитие подростков // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия Гуманитарные науки: Педагогика. Психология. Социальная работа. Акмеология. Ювенология. Социокинетика. 2014. № 2(20). С. 120–122.
12. Эткунд А.М. Опыт теоретической интерпретации семантического дифференциала // Вопросы психологии. 1979. № 1. С. 17–27.
13. Anderson C.A., Bushman B.J., Ihori N. et al. Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in Eastern and Western countries: A meta-analytic review // Psychological Bulletin. 2010. Vol. 136(2). P. 151–173. DOI: 10.1037/a0018251
14. Banerjee S.C., Greene K., Krctmar M. et al. The role of gender and sensation seeking in film choice // Journal of Media Psychology. 2008. Vol. 20(3). P. 97–105. DOI: 10.1027/1864-1105.20.3.97
15. Bushman B.J., Cantor J. Media ratings for violence and sex: implications for policymakers and parents // American Psychologist. 2003. Vol. 58(2). P. 130–141. DOI: 10.1037/0003-066X.58.2.130
16. Conway J.C., Rubin A.M. Psychological predictors of television viewing motivation // Communication Research. 1991. Vol. 18. P. 443–463.
17. Gentile D.A., Bushman B.J. Reassessing media violence effects using a risk and resilience approach to understanding aggression // Psychology of Popular Media Culture. 2012. Vol. 1(3). P. 138–151. DOI: 10.1037/a0028481
18. Greene K., Krctmar M. Predicting exposure to and liking of media violence: A uses and gratification approach // Communication Studies. 2005. Vol. 56. P. 71–93. DOI: 10.1080/0008957042000332250
19. Harris R.J., Sanborn F. A cognitive psychology of mass communication. N.Y.: Routledge, 2013. 560 p.

20. Hoffner C.A., Levine K.J. Enjoyment of mediated fright and violence: A meta-analysis // *Media Psychology*. 2005. Vol. 7. P. 207–237.
21. Krahe B. The social psychology of aggression. N.Y.: Psychology Press, 2013. 416 p.
22. Krahe B., Möller I., Kirwil L. et al. Desensitization to media violence: Links with habitual media violence exposure, aggressive cognitions, and aggressive behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011. Vol. 100(4). P. 630–646. DOI: 10.1037/a0021711
23. Krcmar M., Greene K. Predicting exposure to and uses of violent television // *Journal of Communication*. 1999. Vol. 49. P. 25–45.
24. Krcmar M., Greene K. Connections between violent television exposure and adolescent risk taking // *Media Psychology*. 2000. Vol. 2. P. 195–217. DOI: 10.1207/S1532785XMEP0203_1
25. Osgood C.E., Suci G., Tannenbaum P. The measurement of meaning. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1957. 342 p.
26. Schonbar R.A., Davitz J.R. The connotative meaning of sexual symbols // *Journal of Consulting Psychology*. 1960. Vol. 24, no. 6. P. 483–487.
27. Sprankle E.L., End C.M., Bretz M.N. Sexually degrading music videos and lyrics. Their effects on males' aggression and endorsement of rape myths and sexual stereotypes // *Journal of Media Psychology*. 2012. Vol. 24(1). P. 31–39. DOI: 10.1027/1864-1105/a000060
28. Ware E.E., Brown M., Amoroso D. M. et al. The semantic meaning of pornographic stimuli for college males // *Canadian Journal of Behavior Science / Review Canadian Science COMP*. 1972. Vol. 4(3). P. 204–209.
29. Wright P.J., Tokunaga R.S., Bae S. More than dalliance? Pornography consumption and extramarital sex attitudes among married U.S. adults // *Psychology of Popular Media Culture*. 2014. Vol. 3, no. 2. P. 97–109. DOI: 10.1037/ppm0000024
30. Wright P.J. Mass media effects on youth sexual behavior: Assessing the claims for causality // *Communication Yearbook*. 2011. Vol. 35. P. 343–386.
31. Wright P.J. Is internet pornography consumption related to adult U.S. males' sexual attitudes? // *American Journal of Media Psychology*. 2012. Vol. 5. P. 118–128.
32. Wright P.J., Randall A.K. Internet pornography exposure and risky sexual behavior among adult males in the United States // *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28. P. 1410–1416. DOI: 10.1016/j.chb.2012.03.003
33. Wright P.J., Malamuth N., Donnerstein E. Research on sex in the media: What do we know about effects on children and adolescents? // *Handbook of children and the media* / eds. by D.G. Singer, J.L. Singer. Thousand Oaks, CA: Sage, 2012. P. 273–302.
34. Zuckerman M. Dimensions of sensation seeking // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1971. Vol. 36. P. 45–52. DOI: 10.1037/h0030478
35. Zuckerman M. Behavioral expressions and psychological bases of sensation seeking. N.Y.: Cambridge University Press, 1994. 463 p.
36. Zuckerman M. Sensation seeking and the taste for vicarious horror // *Horror films: Current research on audience preferences and reactions* / eds. by J.B. Weaver, R. Tamborini. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. P. 147–160.
37. Zuckerman M., Bone R.N., Neary R. et al. What is the sensation seeker? Personality trait and experience correlates of the sensation-seeking scales // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1972. Vol. 39(2). P. 308–321. DOI: 10.1037/h0033398
38. Zuckerman M., Eysenck S., Eysenck H.J. Sensation seeking in England and America: Cross-cultural, age, and sex comparisons // *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1978. Vol. 46, no. 1. P. 139–149. DOI: 10.1037/0022-006X.46.1.139
39. Snoop Dogg ft. The Pussycat Dolls, Buttons (2005). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VCLxJdId84s> (accessed: 25.04.2016).
40. Eminem ft. Rihanna, Love The Way You Lie (2010). URL: http://www.youtube.com/watch?v=uelHwf8o7_U (accessed: 25.04.2016).
41. Miley Cyrus – Wrecking Ball (2013). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=My2FRPA3Gf8> (accessed: 25.04.2016).

Получено 28.06.2016

References

1. Aronson E., Pratkanis A.R. *Epoha propagandy. Mechanismy ubezhdeniya, povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie* [Age of Propaganda: The Everyday Use and Abuse of Persuasion]. Saint Petersburg, PRAIM-EUROZNAK Publ., 2003, 384 p. (In Russian).
2. Artemyeva Ye.Yu. *Osnovy psikhologii subyektivnoy semantiki* [The foundation of psychological semantic]. Moscow, Smysl Publ., 1999, 313 p. (In Russian).
3. Bryant J., Thompson S. *Osnovy vozdejstviya SMI* [Fundamentals of media effects]. Moscow, Williams Publ., 2004, 432 p. (In Russian).
4. Griffin E. [Mass communication]. *Kommunikatsii: teorii i praktiki* [Communication: theories and practices]. Kharkov, 2015, pp. 440–533. (In Russian).
5. Dorfman L.Ya., Zubakin M.V. [Personality characteristics of perception feature films with scenes of violence]. *Vestnik Yuzhnoural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psihologiya* [Bulletin of South Ural State University. Series Psychology]. 2013, vol. 6, no. 2, pp. 13–24. (In Russian).
6. Il'yin Ye.P. *Psihologiya riska* [Risk psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2012, 267 p. (In Russian).
7. Krivoruchko M.V., Lipskikh Ye.A. [Effects of TV-preferences and Parent-child relationships on teenagers' perception of sexual norms]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University. Series: Psychology]. 2013, no. 1, pp. 34–44. (In Russian).

8. Mayorova-Shcheglova S.N. [Young adults and new technology of mass-media: myth and reality]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of Russians State Humanitarian University, Sociology, 2010, no. 3, pp. 224–230. (In Russian).
9. Petrenko V.F. [The constructs of artwork and product of mass-media]. *Yazyk sredstv massovoy informatsii* [Language of Mass-media]. Moscow, Moscow State University Publ., 2008, pp. 19–24. (In Russian).
10. *Federal'nyy zakon ot 29.12.2010 N 436-FZ (red. ot 28.07.2012). O zashchite detey ot informatsii, prichinyayushchey vred ikh zdorov'yu i razvitiyu* [Federal Law of 29.12.2010 N 436-FZ (as amended on 28.07.2012). The protection of children from information harmful to their health and development)]. Available at: <http://www.rg.ru/2012/07/30/zakon-dok.html> (accessed 18.04.2016) (In Russian).
11. Chernykh N.A. [TV and Internet effects on personal development of teenagers]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. Seriya: Gumanitarnye nauki: Pedagogika. Psihologiya. Sotsial'naya rabota i dr.* [Bulliten of Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. Series: Social science: Pedagogic, Psychology, Social Work and other]. 2014, no. 2(20), pp. 120–122. (In Russian).
12. Etkind A.M. [Experience the theoretical interpretation of the semantic differential]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology], 1979, no. 1, pp. 17–27. (In Russian).
13. Anderson C.A., Bushman B.J., Ihori N. et al. Violent video game effects on aggression, empathy, and prosocial behavior in Eastern and Western countries: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*. 2010, vol. 136(2), pp. 151–173. DOI: 10.1037/a0018251 (In English).
14. Banerjee S.C., Greene K., Krcmar M. et al. The role of gender and sensation seeking in film choice. *Journal of Media Psychology*. 2008, vol. 20(3), pp. 97–105. DOI: 10.1027/1864-1105.20.3.97. (In English).
15. Bushman B.J., Cantor J. Media ratings for violence and sex: implications for policymakers and parents. *American Psychologist*. 2003, vol. 58(2), pp. 130–141. DOI: 10.1037/0003-066X.58.2.130. (In English).
16. Conway J.C., Rubin A.M. Psychological predictors of television viewing motivation. *Communication Research*. 1991, vol. 18, pp. 443–463. (In English).
17. Gentile D.A., Bushman B.J. Reassessing media violence effects using a risk and resilience approach to understanding aggression. *Psychology of Popular Media Culture*. 2012, vol. 1(3), pp. 138–151. DOI: 10.1037/a0028481. (In English).
18. Greene K., Krcmar M. Predicting exposure to and liking of media violence: A uses and gratification approach. *Communication Studies*. 2005, vol. 56, pp. 71–93. DOI: 10.1080/0008957042000332250. (In English).
19. Harris R.J., Sanborn F. A cognitive psychology of mass communication. N.Y.: Routledge, 2013, 560 p. (In English).
20. Hoffner C.A., Levine K.J. Enjoyment of mediated fright and violence: A meta-analysis. *Media Psychology*. 2005, vol. 7, pp. 207–237. (In English).
21. Krahe B. The social psychology of aggression. N.Y.: Psychology Press, 2013, 416 p. (In English).
22. Krahe B., Möller I., Kirwil L. et al. Desensitization to media violence: Links with habitual media violence exposure, aggressive cognitions, and aggressive behavior. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2011, vol. 100(4), pp. 630–646. DOI: 10.1037/a0021711. (In English).
23. Krcmar M., Greene K. Predicting exposure to and uses of violent television. *Journal of Communication*. 1999, vol. 49, pp. 25–45. (In English).
24. Krcmar M., Greene K. Connections between violent television exposure and adolescent risk taking. *Media Psychology*. 2000, vol. 2, pp. 195–217. DOI: 10.1207/S1532785XMEP0203_1 (In English).
25. Osgood C.E., Suci G., Tannenbaum P. The measurement of meaning. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1957, 342 p. (In English).
26. Schonbar R.A., Davitz J.R. The connotative meaning of sexual symbols. *Journal of Consulting Psychology*. 1960, vol. 24, no. 6, pp. 483–487. (In English).
27. Sprankle E.L., End C.M., Bretz M.N. Sexually degrading music videos and lyrics. Their effects on males' aggression and endorsement of rape myths and sexual stereotypes. *Journal of Media Psychology*. 2012, vol. 24(1), pp. 31–39. DOI: 10.1027/1864-1105/a000060. (In English).
28. Ware E.E., Brown M., Amoroso D. M. et al. The semantic meaning of pornographic stimuli for college males. *Canadian Journal of Behavior Science / Review Canadian Science COMP*. 1972, vol. 4(3), pp. 204–209. (In English).
29. Wright P.J., Tokunaga R.S., Bae S. More than dalliance? Pornography consumption and extramarital sex attitudes among married U.S. adults. *Psychology of Popular Media Culture*. 2014, vol. 3, no. 2, pp. 97–109. DOI: 10.1037/ppm0000024. (In English).
30. Wright P.J. Mass media effects on youth sexual behavior: Assessing the claims for causality. *Communication Yearbook*. 2011, vol. 35, pp. 343–386. (In English).
31. Wright P.J. Is internet pornography consumption related to adult U.S. males' sexual attitudes? *American Journal of Media Psychology*. 2012, vol. 5, pp. 118–128. (In English).
32. Wright P.J., Randall A.K. Internet pornography exposure and risky sexual behavior among adult males in the United States. *Computers in Human Behavior*. 2012. Vol. 28. P. 1410–1416. DOI: 10.1016/j.chb.2012.03.003. (In English).
33. Wright P.J., Malamuth N., Donnerstein E. Research on sex in the media: What do we know about effects on children and adolescents? *Handbook of children*

- and the media* / eds. by D.G. Singer, J.L. Singer. Thousand Oaks, CA: Sage, 2012, pp. 273–302. (In English).
34. Zuckerman M. Dimensions of sensation seeking. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1971, vol. 36, pp. 45–52. DOI: 10.1037/h0030478. (In English).
 35. Zuckerman M. Behavioral expressions and psychological bases of sensation seeking. N.Y.: Cambridge University Press, 1994, 463 p. (In English).
 36. Zuckerman M. Sensation seeking and the taste for vicarious horror. *Horror films: Current research on audience preferences and reactions* / eds. by J.B. Weaver, R. Tamborini. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1996, pp. 147–160. (In English).
 37. Zuckerman M., Bone R.N., Neary R. et al. What is the sensation seeker? Personality trait and experience correlates of the sensation-seeking scales. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1972, vol. 39(2), pp. 308–321. DOI: 10.1037/h0033398. (In English).
 38. Zuckerman M., Eysenck S., Eysenck H.J. Sensation seeking in England and America: Cross-cultural, age, and sex comparisons. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1978, vol. 46, no. 1, pp. 139–149. DOI: 10.1037/0022-006X.46.1.139. (In English).
 39. *Snoop Dogg ft. The Pussycat Dolls, Buttons* (2005). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=VCLxJd1d84s> (accessed: 25.04.2016).
 40. *Eminem ft. Rihanna, Love The Way You Lie* (2010). URL: http://www.youtube.com/watch?v=uelHwf8o7_U (accessed: 25.04.2016).
 41. *Miley Cyrus – Wrecking Ball* (2013). URL: <http://www.youtube.com/watch?v=My2FRPA3Gf8> (accessed: 25.04.2016).

The date of the manuscript receipt 28.06.2016

Об авторе

Зубакин Максим Владимирович

старший преподаватель кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: maxzubakinpsy@rambler.ru

About the author

Zubakin Maxim Vladimirovich

Senior Lecturer of the Department of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: maxzubakinpsy@rambler.ru

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Зубакин М.В. Поиск ощущений, потребление СМИ и отношение к сексуальному содержанию в Интернете (общий и гендерный аспект) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 96–106. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-96-106

Please cite this article in English as:

Zubakin M.V. Sensation seeking, mass-media usage and evaluations of Internet's sexual content (generals and genders aspect) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 96–106. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-96-106

УДК 159.9:398.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-107-114

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СУЕВЕРНОСТИ У МОЛОДЕЖИ

Андрюшкова Надежда Петровна

Донецкий национальный университет

Статья посвящена анализу феномена суеверия. Описаны основные подходы изучения суеверий и различные взгляды в психологических концепциях на его природу. Сделана попытка сопоставления суеверия как психологического феномена и суеверности как психологического свойства. Актуальность темы обусловлена возросшей экономической и социальной нестабильностью, в связи с чем у людей появляется все чаще склонность к суеверно-ритуальной деятельности, что характерно для суеверности, которую можно определить как свойство личности, определяющее веру в сверхъестественное и необъяснимое. Это характерно в том числе и для молодежи. Проведено исследование, в котором участвовали 100 студентов разных специальностей, от 18 до 22 лет, которые на основе специально разработанной анкеты были разделены на три группы — с высоким, средним и низким уровнем суеверности. Представлены результаты исследования: сопоставлены психологические особенности личности и их связи с уровнем суеверности. Даются предположения о факторах и механизмах, которые могут влиять на уровень суеверности в данной возрастной группе.

Ключевые слова: суеверия, суеверность, тревожность, защитный механизм, мышление, религиозность.

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF SUPERSTITIOUSNESS AMONG THE YOUTH

Nadezhda P. Andryushkova

Donetsk National University

The article analyzes the phenomenon of superstition. The basic approach of studying superstition and different views on its nature in psychological concepts are described. There is an attempt of comparison of the socio-psychological phenomenon of superstition and superstitiousness as psychological feature. Relevance of the topic due to increased economic and social instability, and therefore the people have increased tendency to superstitious-ritual activity that is characteristic of superstition, which can be defined as a property of the individual, determines the faith in the supernatural, and the inexplicable. This is typical for all including youth. A study with 100 students of various specialties, from age 18 to 22 years, which by means of a specially developed questionnaire were divided into three groups—high, medium and low levels of superstition. The article presents the results of a study which compared the psychological characteristics of the individual and their relationship to the level. The article speculates about the factors and mechanisms that can affect the level of superstition superstitious in this age group.

Keywords: superstition, anxiety, defense mechanism, thinking, religiosity.

Слово «суеверие» означает ложную веру во что-либо (от древнеславянского «суде» или «всуде» — напрасно, тщетно). В словаре Даля суеверие определяется как ошибочное, пустое, вздорное, ложное верование во что-либо; вера в чудесное, сверхъестественное, в ворожбу, гадания, в приметы, знамения [1].

Часто авторы рассматривают суеверия как продукт дологического мышления. В рамках такого подхода суеверия трактуются как способ понимания необъяснимого и неизведанного с помощью упрощения познания, без опоры на какие-либо научные доказательства. По мнению Л. Леви-Брюля и К. Леви-Стросса, суеверия как разновидность коллективных представлений возникают посредством

передачи от поколения к поколению, в основе их — механизмы внушения, заражения и подражания. Суеверия носят в значительной мере императивный характер: они воспринимаются индивидом почти автоматически, навязываются, слабо поддаются критике. В суевериях смешаны когнитивные элементы с эмоциональными переживаниями, вызванными явлениями окружающего мира.

Ряд авторов рассматривают суеверия как регулятор поведения и деятельности человека. Дж. Блэйк и С. Фредерик определяют суеверия как сфокусированность на элементах поведения, которые повторяемы, последовательны, и которые, как верят люди,

обладают силой в управлении удачей и другими факторами жизни [4].

Суеверия рассматривают как элемент, чаще появляющийся в кризисные моменты общества. Как отмечает Б.С. Положий, любая общественная нестабильность может повлечь кризис идентичности, так как человек может быть плохо приспособлен к быстро меняющимся условиям жизни. Один из вариантов кризиса идентичности отмечается автором как «магический» и проявляется в бурном всплеске интереса к мистическому, необъяснимому; деятельность человека направляется на поиск истины и разгадок тайн бытия. Помимо этого в условиях нестабильности и кризиса усиливается идентификация личности с группой (семьей, родом, этносом). Такая идентификация выполняет функцию психологической защиты личности и помимо прочего может реализовываться в суеверно-ритуальных действиях [2].

В.И. Лебедев, отмечая психологические факторы суеверного поведения, выделяет базовые из них: страх смерти, одиночества, чувство бессилия. Данные факторы усиливаются при экономической нестабильности и упадке культуры. В результате усиливается внушаемость человека, которая лежит в основе мистицизма [3].

Суеверия могут выполнять функцию способа психологической защиты. Когда человек испытывает тревогу, беспокойство, напряжение, он обращается к суевериям, как некоторым ритуальным техникам, которые были переданы предками или, возможно, созданы самостоятельно. С помощью суеверно-ритуальной деятельности человек достигает внутренней сбалансированности и снижения уровня тревожности.

Проявление тревоги может быть важным элементом адаптивного процесса. Однако если тревога чрезмерна и носит социальный характер, то она, наоборот, тормозит адаптивные возможности.

Наблюдаемое в последние годы распространение мистицизма и суеверности является прямым следствием усиления социальной, экономической и духовной нестабильности, вынуждающей прибегать при чувствах тревоги и бессилия к защите сверхъестественных и таинственных сил.

Суеверие мы понимаем как установку на восприятие явлений окружающей действительности, заключающуюся в усмотрении причинно-следственных связей при отсутствии объективно фиксируемых зависимостей между этими явлениями. В качестве установки суеверие включает в себя аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты. Суеверные представления реализуются в особой суеверно-ритуальной деятельности, направленной на защиту от предполагаемых опасностей и овладение желаемыми благами.

Таким образом, мы можем рассматривать суеверия как социально-психологический феномен. Од-

нако, будучи усвоенным человеком, данный феномен становится психологическим свойством личности, и мы можем рассматривать это как суеверность. В отличие от суеверий суеверность выступает как свойство личности, определяющее отношение к суевериям и веру в сверхъестественное и необъяснимое, использование ритуалов, примет, поверий и др.

Поскольку в юношеском возрасте происходит становление мировоззрения и формируется отношение к окружающей действительности, идет поиск личностных смыслов, то изучение особенностей проявлений суеверности в этом возрасте имеет особую актуальность.

С целью изучения факторов, обуславливающих суеверность в молодежной среде, нами было проведено исследование на базе Донецкого национально-го университета.

Выборку составили 100 студентов математических, экономических и психологической специальностей. Выборка была составлена так, чтобы в нее были включены лица, получающие образование в области как «точных», так и гуманитарных, социальных наук. Таким способом мы нейтрализовали возможное влияние на уровень суеверности формируемого у студентов профессионального стиля мышления. Возраст испытуемых: 18–22 года. Половой состав: 61 девушка и 39 юношей.

Для выявления психологических особенностей, которые могут обуславливать уровень суеверности молодежи или зависеть от него, был подобран пакет методик:

– «Структура индивидуальной религиозности» Ю.В. Щербатых;

– «Шкала религиозной ориентации» Г. Олпорта, Д. Росса (в русскоязычной адаптации Д.М. Чумаковой);

– «Копинг-тест» Р. Лазаруса (в русскоязычной адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой);

– «Логичность умозаключений» (А.В. Батаршев);

– «Шкала личностной и ситуативной тревожности» Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина.

Была разработана анкета, в которой учитывалось: понимание понятия «суеверие», определение своей суеверности, отношение к суевериям и использование их в повседневной жизни. На основе полученных анкетных данных испытуемые были разделены на 3 группы:

– 1-я группа: высокий уровень суеверности и частое обращение к суевериям (40 человек: 27 девушек и 13 юношей).

– 2-я группа: средний уровень суеверности — испытуемые признают существование суеверий и верят в то, что они сбываются, однако не относят себя к числу суеверных (35 человек: 18 девушек и 17 юношей).

– 3-я группа: низкий уровень суеверности — испытуемые не верят в суеверия, не признают их существования, не относят себя к числу суеверных (25 человек: 16 девушек и 9 юношей).

Результаты

Рассмотрим полученные в ходе исследования результаты.

Значимость среднегрупповых показателей в попарном сравнении групп с разным уровнем суеверности по шкалам методик

Шкала	Высокий уровень суеверности — Низкий уровень суеверности	Средний уровень суеверности — Высокий уровень суеверности	Низкий уровень суеверности — Средний уровень суеверности
«Копинг-тест» Р. Лазаруса			
Конфронтационный копинг	9	8	8
Дистанцирование	8	8	7
Самоконтроль	12	12	12
Поиск социальной поддержки	11**	9	8
Принятие ответственности	8	7	7
Бегство–избегание	13**	10**	10
Планирование решения проблемы	11	11	11
Положительная переоценка	11	13	11
«Структура индивидуальной религиозности» Ю.В. Щербатых			
Отношение к философии	5	5	4
Отношение к магии	4**	2**	2
Поиск поддержки и утешения	5**	3**	2
Интерес к загадочным явлениям	5**	3**	2*
Вера в творца	4**	2**	2
Религиозное самосознание	5*	3**	3
Образец моральных норм	6**	4*	3
Внешняя религиозность	5**	3**	2*
«Шкала религиозной ориентации» Г. Олпорта, Д. Росса			
Уровень общей религиозности	44**	39**	38
«Шкала личностной и ситуативной тревожности» Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина			
Уровень личностной тревожности	54**	39**	49**
«Логичность умозаключений»			
Логичность умозаключений	2	2	3

Примечание: * — различие значимо на уровне $p \leq 0,05$; ** — различие значимо на уровне $p \leq 0,01$

Проверялось предположение о суевериях как реализации склонности личности к определенным стратегиям эмоциональной саморегуляции (методика «Копинг-тест» Р. Лазаруса). Получены значимые различия в группах с высоким и низким уровнем суеверности по шкале *Поиск социальной поддержки* ($t = 3,91$; $p \leq 0,01$) и по шкале *Бегство–избегание* ($t = 2,82$; $p \leq 0,01$). Значимы различия и у испытуемых с высоким и средним уровнем суеверности по шкале *Бегство–избегание* ($t = 2,81$; $p \leq 0,01$). В группах с более высоким уровнем суеверности эти показатели были выше. Таким образом, чем большую выраженность имеют копинги *Бегство–*

избегание и *Стремление к социальной поддержке*, тем выше уровень суеверности.

Значимы различия и по шкале *Поиск поддержки* — применение религии для утешения и обретения поддержки: между выборками с высоким и низким уровнем суеверности ($t = 5,43$; $p \leq 0,01$); между выборками с высоким и средним уровнем суеверности ($t = 4,32$; $p \leq 0,01$). Этот показатель существенно выше у испытуемых с более высоким уровнем суеверности.

Значимыми являются различия в *Интересе к загадочным явлениям*. По этой шкале большие значения у испытуемых с высокой суеверностью, низкие — у испытуемых со средним уровнем суеверности.

сти, не проявляют интереса в группе с низкой суеверностью. Различия достоверны: между группами с высоким и низким уровнем суеверности ($t = 6,11$; $p \leq 0,01$); между группами с высоким и средним уровнем суеверности ($t = 3,21$; $p \leq 0,01$); между средним и низким уровнем суеверности ($t = 2,32$; $p \leq 0,05$). Аналогичны данные по шкале *внешней религиозности* (она тем выше, чем выше уровень суеверности): значимы различия между группами с высоким и низким уровнем суеверности ($t = 6,23$; $p \leq 0,01$); высоким и средним уровнем суеверности ($t = 3,9$; $p \leq 0,01$); средним и низким уровнем суеверности ($t = 2,21$; $p \leq 0,05$).

Значимы различия по шкале *Вера в творца* (признание существования высших сил) между группами с высоким и низким уровнем суеверности ($t = 5,4$; $p \leq 0,01$); группами с высоким и средним уровнем суеверности ($t = 4$; $p \leq 0,01$). *Вера в творца* выражена у лиц с высоким уровнем суеверности.

С целью определения выраженности разных содержательных аспектов представлений и верований, связанных с суевериями, использовалась методика «Структура индивидуальной религиозности» Ю.В. Щербатых. По полученным результатам группы с разным уровнем суеверности различались по шкале *Отношение к магии* — т.е. вере в потусторонние силы, гадания и другую магическую атрибутику. Значения по этой шкале выше в группе с высоким уровнем суеверности и отрицательны в других группах испытуемых: достоверно различие между группами с высоким и низким уровнем суеверности ($t = 3,41$; $p \leq 0,01$); между группами с высоким и средним уровнем суеверности ($t = 3,52$; $p \leq 0,01$). Следовательно, суеверия коррелируют с верой в магию.

Проверялось наличие связи суеверности с религиозностью (методика «Шкала религиозной ориентации» Г. Олпорта, Д. Росса). Хотя все группы испытуемых имеют средний показатель общей религиозности, однако в выборках испытуемых со средним и низким уровнем суеверности наблюдается тенденция к низкому уровню религиозности. Обнаружены значимые различия в уровне общей религиозности в выборках: с высоким и низким уровнем суеверности ($t = 3,3$; $p \leq 0,01$); с высоким и средним уровнем суеверности ($t = 3,1$; $p \leq 0,01$). Таким образом, есть определенная связь между суеверностью и религиозностью.

Для определения возможной роли личностной тревожности в склонности к суевериям использовалась методика «Шкала личностной и ситуативной тревожности» Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина. Однако более высокие показатели тревожности наблюдались у испытуемых не только с высокой, но и с низкой суеверностью. Различия достоверны: между выборками с высоким и низким уровнем суеверности ($t = 2,8$; $p \leq 0,01$); между выборками с высоким и средним уровнем суеверности ($t = 9,8$; $p \leq 0,01$);

между выборками с низким и средним уровнем суеверности ($t = 6,9$; $p \leq 0,01$). Повышенная тревожность у лиц с низким уровнем суеверности может свидетельствовать о том, что полное отрицание суеверий само по себе является защитным механизмом и в этом смысле может рассматриваться как разновидность суеверия.

Для проверки того, не являются ли суеверия следствием «сбоев» рационального мышления, была использована методика «Логичность умозаключений». Значимых различий в выборках получено не было. Однако несколько более низкие показатели логичности умозаключений у испытуемых с более высокой суеверностью свидетельствуют о большей частоте совершаемых логических ошибок, что может быть одной из предпосылок к возникновению суеверности.

Результаты эмпирического исследования свидетельствуют, что испытуемые с более выраженной суеверностью склонны к уклонению от негативных переживаний, к отрицанию проблемы, отвлечению от нее, фантазированию, а также в большей степени стремятся к разрешению проблем за счет привлечения внешних (социальных) ресурсов, поиска информационной, эмоциональной и действенной внешней поддержки. Для них характерны ориентированность на взаимодействие с другими людьми, ожидание внимания, совета, сочувствия, конкретной действенной помощи. С другой стороны, испытуемые с низкой суеверностью, стремясь к самообладанию, по-видимому, преодолевают негативные переживания и тревожность за счет подавления и сдерживания эмоций.

Важно отметить, что высокий уровень суеверности может обуславливаться высоким уровнем личностной тревожности. Вероятно, суеверия в этом случае выполняют защитную функцию. Однако и низкий уровень суеверности, по-видимому, тоже играет роль своего рода защитного механизма. Это видно из того, что испытуемые с низкой суеверностью (как и с высокой) имеют высокий уровень личностной тревожности.

Испытуемые с высоким уровнем суеверности в большей степени интересуются загадочными явлениями, потусторонним и магией. При этом они верят в высшие силы и имеют достаточно высокий уровень религиозности, однако их религиозность носит в большей степени внешний характер, т.е. направлена на соблюдение ритуалов, традиций, обрядов. У них выражена потребность в религиозном веровании, через которую обретается поддержка, уверенность и утешение. Проявление внешней религиозности и соблюдение религиозных обрядов — это определенная внутренняя и внешняя защита.

Мы провели корреляционный анализ показателей отдельно для каждой из трех групп испытуемых.

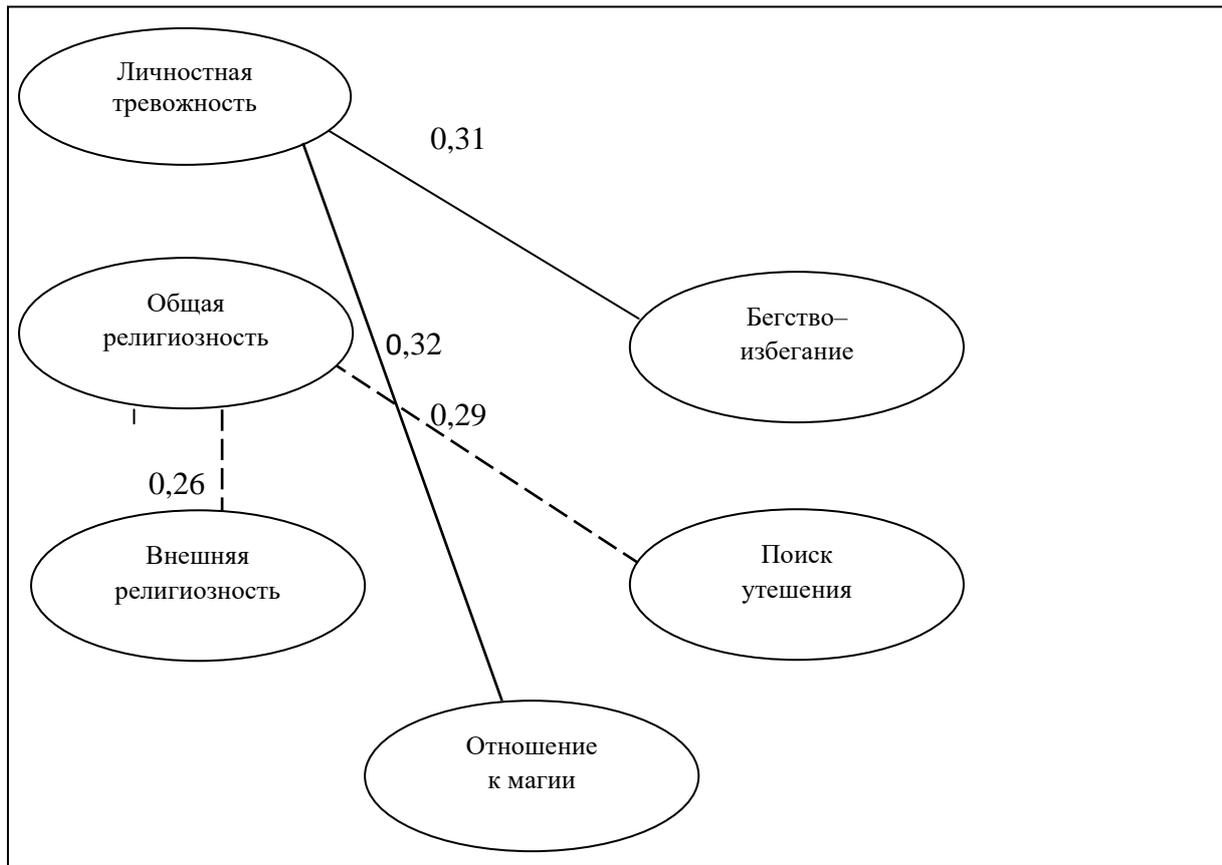

Рис.1. Корреляционные связи, полученные по выборке с высоким уровнем суеверности

В группе с высоким уровнем суеверности выявлены значимая взаимосвязь между показателем *личностной тревожности* и копинг-стратегией *Бегство-избегание*. Следовательно, чем выше уровень тревожности, тем более выражен копинг *Бегство-избегание*. Выявлена значимая связь и между *Личностной тревожностью* и представлением-верованием *Отношение к магии*. Это свидетельствует о том, что чем выше *Личностная тревожность*, тем выше вера в потусторонние силы, гадания и другую магическую атрибутику, и наоборот.

В группе со средним уровнем суеверности, как и в группе с высоким уровнем суеверности, выявлены значимые связи между *Личностной тревожностью* и копингом *Бегство-избегание*, также между *Личностной тревожностью* и представлением-верованием *Отношение к магии*. Это указывает на то, что чем выше *Личностная тревожность*, тем более выражены *Бегство-избегание* и *Отношение к магии*, и наоборот. Получена прямая значимая связь и между *Общей религиозностью* и *Логичностью умозаключений*, что указывает на то, что чем выше уровень религиозности, тем выше уровень логичности и наоборот, чем ниже уровень религиозности, тем ниже уровень логичности. Значимы также пока-

затели связи *Логичности умозаключений* и *Бегством-избеганием*. Это свидетельствует на том, что чем выше степень *Логичности умозаключений*, тем в большей степени выражено преодоление личностью негативных переживаний в связи с трудностями: за счет реагирования по типу уклонения — отрицание проблемы, фантазирование, неоправданные ожидания, отвлечение и т.п.

В группе с низким уровнем суеверности (рис. 3) выявлены значимые связи между *Личностной тревожностью* и *Поиском утешения и поддержки*, а также между *Личностной тревожностью*, *Внешней религиозностью* и *Отношением к магии*. Полученные результаты свидетельствуют, что чем выше личностная тревожность, тем более выражено отношение к религии как к поиску поддержки и утешения, тем чаще соблюдаются внешние атрибуты религии (обряды, традиции) и сильнее вера в потусторонние силы, гадания и другую магическую атрибутику. Значима связь и между *Общей религиозностью* и *Поиском утешения и поддержки*, *Общей религиозностью* и *Отношением к магии*, *Общей религиозностью* и *Внешней религиозностью*.

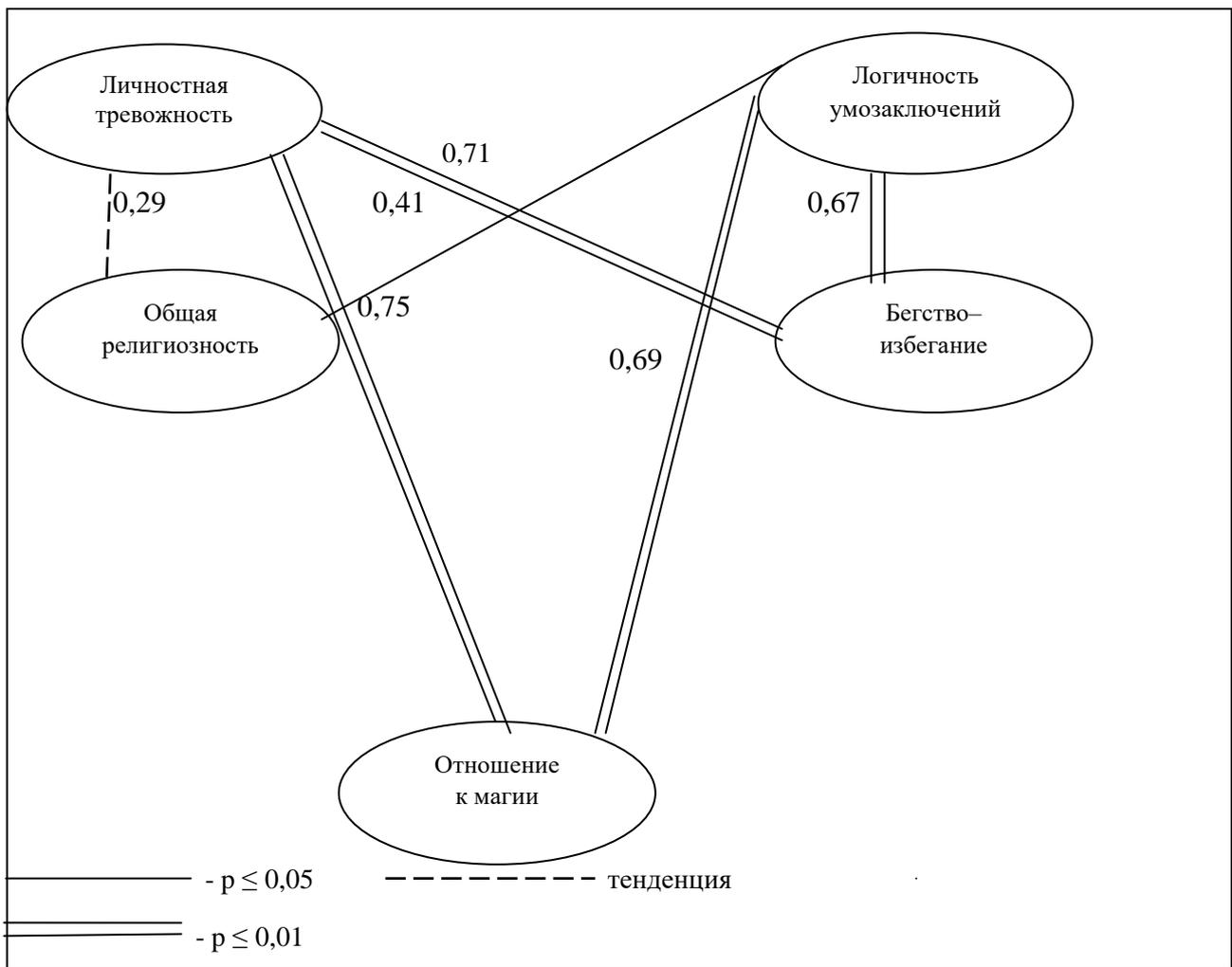

Рис. 2. Корреляционные связи, полученные по выборке со средним уровнем суеверности

По результатам корреляционного анализа мы предположили, что в группах с разным уровнем суеверности имеются отличия в механизмах обеспечения отношения к суевериям.

Так, в группе с высоким уровнем суеверности высокая степень личностной тревожности порождает такую же степень суеверности. При этом в отличие от групп с низким и средним уровнем суеверности у суеверных с высоким уровнем логика не связана с суеверностью. Следовательно, можно предположить, что суеверия в данной группе выступают как формы взаимодействия с реальностью, не требующие логических подтверждений.

В группе со средним уровнем суеверности тоже личностная тревожность способствует суеверности. Однако помимо личностной тревожности появляется еще один механизм обеспечения отношения к суевериям — логика. То есть добавляется еще рациональный компонент.

В группе с низким уровнем суеверности высокая степень личностной тревожности (как и в группе с высоким уровнем суеверности). Можно предположить, что логика в данном случае выступает как главный механизм обеспечения отношения к суевериям, т.е. актуализируется рационально-логическая сторона, которая служит также защитным механизмом, регулирующим повышенную личностную тревожность (которая может обуславливать и религиозность, и суеверность).

Таким образом, мы предполагаем, что в группах с разным уровнем суеверности различны механизмы, ее обуславливающие. Так, в группе с высокой степенью суеверности отношение к суевериям основано на вере (т.е. просто на принятии суеверий). В группе с низким уровнем суеверности отношение к суевериям определяется рациональной стороной сознания человека. В группе со средним уровнем суеверности выявлена балансировка между рациональным компонентом и компонентом веры.

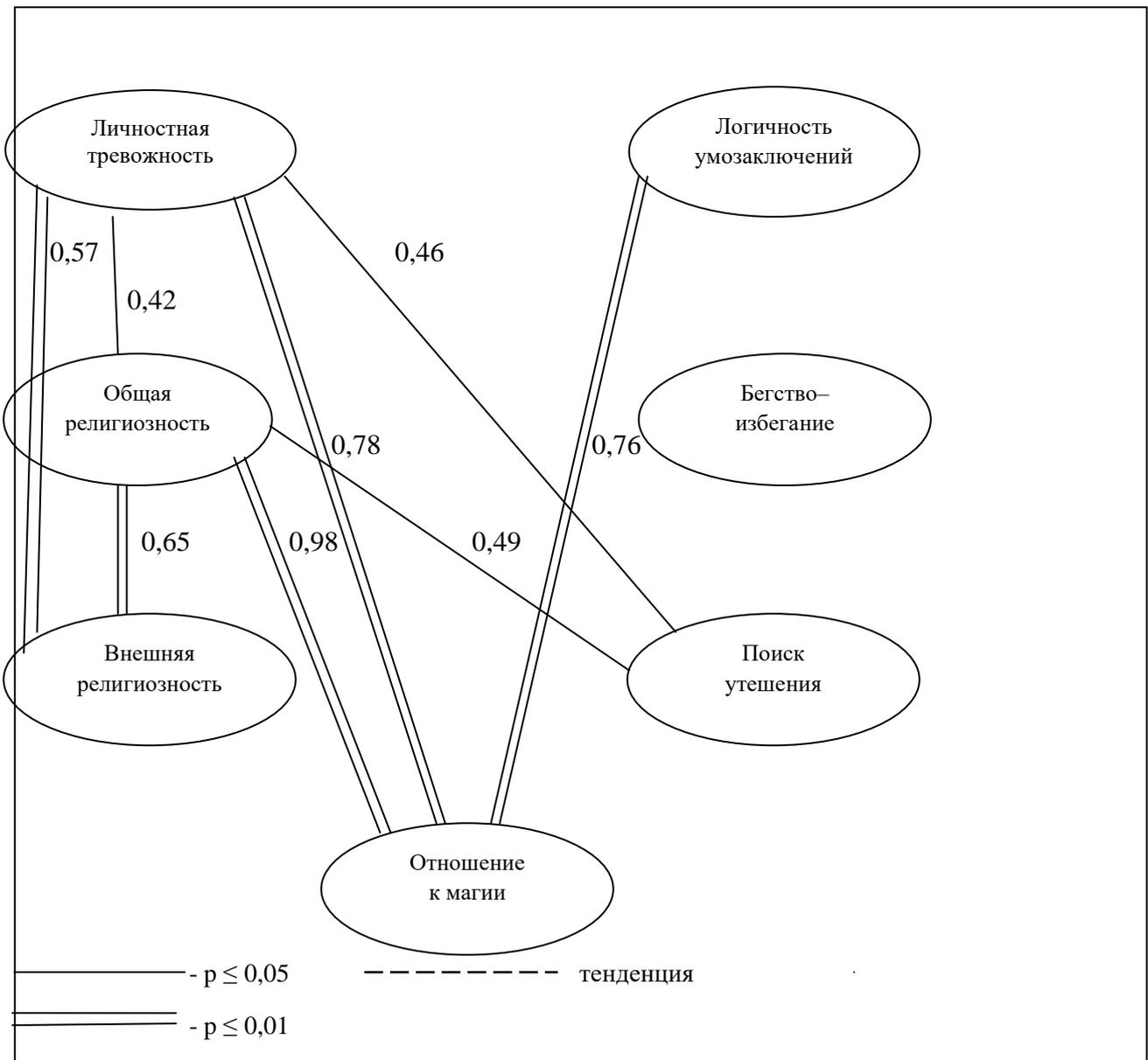

Рис. 3. Корреляционные связи, полученные по выборке с низким уровнем суеверности

Список литературы

1. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.: Литера, 1994. 112 с.
2. Саенко Ю.В. Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 85–96.
3. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2003. 368 с.
4. Bleak J.L., Frederick C.M. Superstitious behavior in sport: Levels of effectiveness and determinants of use in three collegiats // Journal of sport behavior. 1998. № 21. P. 1–15.

Получено 16.03.2016

References

1. Dal' V.I. *O poveriyakh, sueveriyakh i predrassudkakh russkogo naroda* [On beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people]. Saint-Petersburg, Litera Publ., 1994, 112 p. (In Russian).
2. Saenko Yu.V. [Psychological aspects of superstitions studying]. *Voprosy psikhologii* [Issues on psychology]. 2006, no. 6, pp. 85–96. (In Russian).
3. Stefanenko T.G. *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2003, 368 p. (In Russian).
4. Bleak J.L., Frederick C.M. Superstitious behavior in sport: Levels of effectiveness and determinants of use in three collegiats. *Journal of sport behavior*. 1998, no. 21, pp. 1–15. (In English).

The date of the manuscript receipt 16.03.2016

Об авторе

Андрюшкова Надежда Петровна

аспирант кафедры психологии

Донецкий национальный университет,
Украина, 83001, Донецк, ул. Университетская, 24;
e-mail: andruchkova@rambler.ru

About the author

Andryushkova Nadezhda Petrovna

Ph.D. Student of the Department of Psychology

Donetsk National University,
24, Universitetskaya str., Donetsk, 83001, Ukraine;
e-mail: andruchkova@rambler.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Андрюшкова Н.П. Психологические факторы суеверности у молодежи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 107–114. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-107-114

Please cite this article in English as:

Andryushkova N.P. Psychological factors of superstitiousness among the youth // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 107–114. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-107-114

УДК 159.938.363.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-115-121

СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ У ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ С РАЗНЫМИ ТИПАМИ ОТНОШЕНИЯ К БОЛЕЗНИ

Шиляев Владислав Александрович

Центр реабилитации инвалидов «На Казанской» (Киров)

В статье дан теоретический анализ проблемы совладания со стрессом людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации в связи с ограничением возможностей по здоровью. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей совладающего поведения у людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) с учетом типа отношения к болезни. Выявлены отличия в совладающем поведении лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья, с адаптивным и дезадаптивным типами отношения к болезни: лица с ОВЗ с адаптивным типом отношения к болезни более склонны к конструктивной копинг-стратегии «положительная переоценка трудностей», в то время как лица с ОВЗ с дезадаптивным типом отношения к болезни чаще используют неконструктивные формы реагирования на стресс — предпочитают избегать решения проблем, проявляют настойчивость и агрессивность в преодолении трудностей и чаще обращаются за помощью к социальному окружению. Полученные в ходе исследования данные могут использоваться психологами реабилитационных учреждений при составлении программы психокоррекционных мероприятий с целью оказания адресной психологической помощи личности, оказавшейся в ситуации ограничения возможностей здоровья.

Ключевые слова: трудная жизненная ситуация, совладающее поведение, лица с ограниченными возможностями здоровья, тип отношения к болезни.

COPING BEHAVIOR IN INDIVIDUALS WITH DISABILITIES WITH DIFFERENT TYPES OF ATTITUDE TO THE DISEASE

Vladislav A. Shilyaev

Disabled Rehabilitation Center «Na Kazanskoy» (Kirov)

The article conducts theoretical analysis of the problem of coping with stress by people who are in difficult life situation due to limited opportunities of health. The article presents the results of empirical studies of coping behavior in people with disabilities based on the type of attitude to the disease. The differences in coping-behavior of persons with disabilities with adaptive and non-adaptive types of attitude to the disease are the following: persons with disabilities with adaptive types of attitude to disease are more prone to constructive coping strategy «positive reevaluation of difficulties», while persons with disabilities with the non-adaptive type of relationship to disease are more likely to use disruptive forms of stress-response — prefer to avoid problem solving, persistence and aggressiveness to overcome difficulties and often turn for help to the social environment. The obtained results, highlighting the peculiarities of coping behavior and the relationship to disease of persons with disabilities, can be used in preparing the program of corrective treatment by psychologists in rehabilitation agencies to provide focused psychological support of personality to any situation limit possibilities of health.

Keywords: difficult life situation, coping behavior, persons with disabilities, the type of attitude to the disease.

Проблема совладающего (копинг) поведения в трудных жизненных ситуациях в последние годы привлекает все большее внимание отечественных и зарубежных психологов. Проводятся исследования совладающего поведения личности, оказавшейся в ситуации потери работы (К. Леана, А.К. Осницкий,

Д. Фельдман, Т.С. Чуйкова, И.В. Шагарова), в ситуации одиночества (М.В. Верещагина, Т.Л. Крюкова), в экстремальных ситуациях (М.Ш. Магомед-Эминов, В.С. Милосердова). Совладающее поведение людей с ограниченными возможностями стало предметом исследования Л.А. Александровой,

С.Л. Богома, А.А. Лебедевой, Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой и др. Авторы сходятся во мнении, что для каждого человека характерен определенный стиль совладающего поведения, формирующийся в процессе жизни и зависящий от ресурсов личности. Это имеет особую значимость для людей с ограниченными возможностями здоровья, поскольку человек, оказавшийся в ситуации ограничения возможностей здоровья, попадает в стрессовую ситуацию, вследствие которой изменяются условия его существования: биологические условия, социальный статус, психическое состояние, связанное с формированием внутренней картины болезни. Все это влечет за собой изменение физических и энергетических возможностей личности, сужение круга ее социальных контактов, приводит к ощущению неопределенности будущего (Е.В. Морозова, 2008; Ж.В. Порохина, 2007; Н.Б. Шабалина, 2000 и др.). В связи с этим ограничение возможностей по здоровью ставит человека перед необходимостью использовать внутренние ресурсы, предъявляет требования к его стрессоустойчивости и адаптивности. Поэтому проблема совладающего поведения человека, оказавшегося в ситуации ограничения возможностей по здоровью, приобретает особую актуальность.

Проблема преодоления стресса у зарубежных исследователей обозначена понятием «копинг» (coping — от англ. «соре», употребляемое в значении «успешно справиться, преодолевать»). В отечественной психологии чаще используется понятие «совладание», под которым подразумевается комплекс способов преодоления дезадаптации и стрессовых состояний [2].

Термин «копинг» был впервые использован Л. Мерфи в исследованиях способов преодоления детьми кризисов взросления. Позднее Р. Лазарус и С. Фолкман определяли копинг как «постоянно изменяющиеся когнитивные и поведенческие усилия (способы), направленные на преодоление специфических внешних и внутренних требований, которые оцениваются человеком как значительные или превышающие его ресурсы» [10, р. 141]. Авторы различают два глобальных типа совладания: *проблемно-ориентированное*, направленное на преодоление источника стресса, и *эмоционально-ориентированное*, направленное на преодоление эмоциональной реакции, возникшей в связи со стрессом. В дальнейшем методом факторного анализа Р. Лазарус и С. Фолкман выделили восемь стратегий совладания (копингов), из которых две стратегии относятся к проблемно-ориентированному совладанию и шесть стратегий — к эмоционально-ориентированному. К эмоционально-ориентированному совладанию авторы относят: дистанцирование; самоконтроль; поиск социальной поддержки; принятие ответственности; избегание (уход от проблемы); положительная пере-

оценка. Стратегиями проблемно-ориентированного совладания являются: конфронтативный копинг; плановое решение проблемы [там же].

Представители костромской психологической школы (Т.Л. Крюкова, Е.В. Куфтяк, М.В. Сапорова и др.) определили совладающее поведение как целенаправленное поведение субъекта, которое позволяет ему преодолеть трудную жизненную ситуацию, используя способы, адекватные особенностям личности и ситуации. Подчеркивая осознанность совладающего поведения, авторы говорят о том, что человек может либо изменить ситуацию (в случае ее подконтрольности), либо приспособиться к ней (если ситуация не поддается контролю). От того, насколько хорошо человек владеет таким поведением, зависит его здоровье и благополучие. Совладающее поведение может быть конструктивным (проявление активности с целью изменения ситуации, сосредоточение на положительных аспектах проблемы, анализ ситуации и поиск способов ее решения) и неконструктивным (избегание, пассивность, агрессивность, импульсивное поведение и др.) [8, 9].

Одним из перспективных направлений изучения психологических детерминант копинг-поведения личности в трудной жизненной ситуации является изучение ее отношения к событию или ситуации [10]. В нашем исследовании в качестве такого события рассматривается ситуация ограничения возможностей здоровья и сформированное в связи с ней отношение к болезни. Как отмечает Е.Р. Исаева, сама по себе болезнь влияет на эмоциональное состояние человека и может определять выбор совладающего со стрессом поведения [4, с. 89].

Для описания субъективной стороны болезни в научной литературе используются различные термины: аутопластическая картина заболевания (А. Гольдшейдер, 1929), внутренняя картина болезни (Р.А. Лурия, 1977), отношение к болезни (В.Н. Мясищев, 1995; К.А. Скворцов, 1958), сознание болезни (Е.К. Краснушкин, 1960; Л.Л. Рохлин, 1957), «реакция на заболевание» (Н.Д. Лакосина, 2007; Г.К. Ушаков, 1987).

А. Гольдшейдер под аутопластической картиной заболевания понимал совокупность ощущений, переживаний и представлений, сознаваемых больным в связи со своим заболеванием. Автор выделил аффективный (ощущения и переживания больного) и интеллектуальный (представления больного о своем заболевании) уровни картины заболевания [3]. Основываясь на концепции А. Гольдшейдера, Р.А. Лурия называет внутренней картиной болезни «весь тот огромный внутренний мир больного, который состоит из весьма сложных сочетаний восприятия и ощущения, эмоций, аффектов, конфликтов, психических переживаний и травм» [6, с. 38].

В.Н. Мясичев и Л.И. Вассерман продолжили работу Р.А. Лурии в изучении внутренней картины заболевания и наряду с эмоциональным и когнитивным компонентами отношения к болезни выделили ее мотивационно-поведенческий компонент, отражающий выработку определенной стратегии поведения в жизненных ситуациях в связи с болезнью (принятие роли больного, активная борьба с болезнью, игнорирование, пессимистические установки и пр.), а также связанные с болезнью реакции, способствующие адаптации или дезадаптации по отношению к ней [1, 7].

Психологическая диагностика отношения к болезни стала предметом специальных исследований Л.И. Вассермана, Б.В. Иовлева, Э.Б. Карповой, А.Я. Вукса. Отношение к болезни определяется данными авторами как элемент психологического анализа целостной системы отношений личности и рассматривается как значимое, поскольку оказывает влияние и на другие ее отношения. Для всестороннего изучения отношения к болезни необходимо учитывать отношение человека к тем сферам его жизненного функционирования, на которые может влиять сам факт заболевания; кроме того, важно изучать субъективное отношение индивида к факту заболевания. Отношение к болезни, как и каждое психологическое отношение, индивидуально и неповторимо, однако исследования показывают, что отношение конкретного человека к болезни, оставаясь уникальным, может быть описано через его принадлежность к определенным психологическим типам отношений через выявление сходства с отношениями к болезни у других людей [1].

Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев, Э.Б. Карпова, А.Я. Вукс выделяют и описывают два основных типа отношения человека к своему заболеванию: адаптивное и неадаптивное. *Адаптивное отношение* к болезни представлено гармоничным, эргопатическим и анозогнозическим типами, при которых психическая и социальная адаптация индивида существенно не нарушается. *Неадаптивное отношение* к болезни представлено тревожным, ипохондрическим, неврастеническим, меланхолическим, апатическим, сенситивным, эгоцентрическим, дисфорическим и паранойальным типами. У индивидов с данными типами реагирования на болезнь отмечаются нарушения социальной адаптации. Эмоционально-аффективная сфера отношений у таких людей проявляется в дезадаптивном поведении: тревожном, подавленном состоянии, «уходе» в болезнь, отказе от борьбы и т.п. [1].

Типологический подход к описанию отношения к болезни позволяет использовать научное обобщение для передачи важных сведений об отношении конкретного человека к своей болезни, что в свою очередь дает возможность психологу, как и врачу,

использовать эти сведения для психотерапии [1]. Данная типологизация может быть применена и в исследовательских целях, в частности, для изучения связи совладающего поведения индивида с его отношением к инвалидизирующему заболеванию.

Цель исследования — изучение особенностей совладающего поведения у лиц с ОВЗ с различным типом субъективного отношения к своему заболеванию.

Гипотезы исследования

1. Лица с ОВЗ с адаптивным и дезадаптивным типами отношения к болезни используют различные стратегии совладающего поведения, а именно: лица с ОВЗ с адаптивным типом отношения к болезни чаще, чем лица с ОВЗ с дезадаптивным типом отношения к болезни, предпочитают конструктивные стратегии (планирование решения проблемы, положительная переоценка), в то время как лица с ОВЗ с дезадаптивным типом отношения к болезни чаще используют неконструктивные стратегии (избегание, конфронтативный копинг).

2. Есть взаимосвязь между совладающим поведением и отношением к болезни лиц с ограниченными возможностями здоровья, а именно: конструктивные стратегии совладающего поведения (планирование решения проблемы, положительная переоценка, самоконтроль, принятие ответственности) лиц с ограниченными возможностями здоровья связаны с адаптивными типами отношения к болезни (гармоническим, эргопатическим, анозогнозическим), тогда как неконструктивные стратегии (избегание, конфронтативный копинг) отрицательно связаны с адаптивными типами отношения к болезни.

Организация и методы эмпирического исследования

В качестве респондентов в исследовании участвовало 210 человек (83 мужчины, 127 женщин), прошедших реабилитацию в центре для инвалидов г. Кирова, имеющих первую ($n = 19$), вторую ($n = 55$) и третью ($n = 136$) группы инвалидности по следующим заболеваниям: остеохондроз, системное заболевание позвоночника, инсульт. Средний возраст участников исследования — 44 года ($\min = 22$, $\max = 60$, $SD = 10,4$).

С целью определения субъективного отношения к болезни был применен опросник психологической диагностики типов отношения к болезни «ТОБОЛ» Л.И. Вассермана, А.Я. Вукса, Б.В. Иовлева, Э.Б. Карповой (2005) [1]. Для определения копинг-стратегий использовался опросник способов совладания — «ОСС» (R. Lazarus, S. Folkman, 1988, в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк, М.С. Замышляевой, 2004) [5].

Результаты исследования и их обсуждение

При использовании методики «ТОБОЛ» было выявлено, что 42 % респондентов (89 чел.) имеют дезадаптивный тип отношения к болезни; 41 % респондентов (86 чел.) имеют адаптивный тип отношения к болезни; у 11 % респондентов (35 чел.) отмечен смешанный (сочетание адаптивного и дезадаптивного) тип отношения к болезни. Для дальнейшей обработки использовались протоколы респондентов с

адаптивным и неадаптивным типами отношения к болезни ($n = 175$).

Для оценки полученных данных использовались методы описательной статистики (среднее значение, стандартное отклонение), Т-критерий Стьюдента для независимых выборок. Показатели совладающего поведения респондентов в исследуемых группах представлены в табл. 1.

Таблица 1. Средние значения и стандартные отклонения показателей способов совладания у респондентов с адаптивным и дезадаптивным отношением к болезни

Способы совладающего поведения	Адаптивное отношение к болезни (n = 86)		Дезадаптивное отношение к болезни (n = 89)		Т-критерий	
	М	δ	М	δ	t	p
Конфронтативный копинг	8,35	3,09	9,72	3,38	-2,800	<0,01
Дистанцирование	9,81	2,86	10,27	2,73	-1,077	–
Самоконтроль	13,91	3,22	13,06	3,1	1,780	–
Поиск социальной поддержки	10,98	3,44	12,2	3,3	-2,401	<0,05
Принятие ответственности	7,08	2,04	7,69	2,91	-1,594	–
Избегание	4,23	2,55	6,37	3,06	-5,030	<0,000
Планирование решения проблемы	11,91	3,6	11,04	3,15	1,682	–
Положительная переоценка	13,83	3,94	12,08	3,33	3,163	<0,01

Анализ приведенных в таблице данных свидетельствует, что лица с ОВЗ с различным типом отношения к своему заболеванию статистически значимо различаются по четырем показателям совладающего поведения. Так, респонденты с дезадаптивным типом отношения к болезни более агрессивны и конфликтны в преодолении трудностей, чем респонденты с адаптивным типом. Агрессивные и эмоционально насыщенные формы реагирования на стресс могут быть характерны для неврастенического типа отношения к болезни, основой которого является раздражение, а также для паранойяльного типа в связи с крайней подозрительностью.

Лица с ОВЗ с дезадаптивным типом отношения к болезни чаще обращаются за поддержкой и помощью к окружающим, чем лица с адаптивным типом. Ориентированность на взаимодействие с другими людьми, ожидание внимания и сочувствия может быть свойственно респондентам с ипохондрическим и эгоцентрическим типами отношения к болезни. Как отмечает Е.Р. Исаева, неспособность конструктивно действовать в трудной жизненной ситуации приводит к тому, что у больных появляется чувство беспомощности и некомпетентности, в связи с чем они ищут помощи и поддержки со стороны социального окружения [4].

Лица с ОВЗ с дезадаптивным типом отношения к болезни достоверно чаще склонны к бегству от ре-

шения проблем, чем лица с ОВЗ с адаптивным типом. При явном предпочтении стратегии избегания у респондентов с дезадаптивным типом отношения к болезни могут проследиваться неконструктивные формы поведения в стрессовых ситуациях: нетерпение, вспышки раздражения, что характерно для неврастенического типа отношения к болезни; уход от ответственности, пассивность, свойственные апатическому типу отношения к болезни; отрицание либо полное игнорирование проблемы, погружение в фантазии и т.д.

Респонденты с адаптивным типом отношения к болезни чаще используют стратегию «положительная переоценка», чем респонденты с дезадаптивным типом. То есть лица с ОВЗ с адаптивным типом отношения к болезни более склонны искать позитивный смысл в событиях, «философски» относиться к действительности, видеть не только отрицательные, но и положительные стороны происходящих событий, с оптимизмом смотреть в будущее.

Таким образом, совладающее поведение лиц с ОВЗ связано с типом отношения к болезни. Так, респонденты с дезадаптивным типом отношения к болезни в трудных жизненных ситуациях чаще избегают решения проблем, испытывая потребность в сочувствии, защите, поддержке, проявляя неконструктивные эмоциональные формы реагирования

на стресс, по сравнению с респондентами с адаптивным типом отношения к болезни.

Респонденты с адаптивным типом отношения к болезни в большей степени склонны видеть позитивные стороны в трудностях, вкладывая в них новый смысл, тем самым снижая и обесценивая для себя значимость этих событий.

С целью выявления взаимосвязей между типами отношения к болезни и копинг-стратегиями был применен корреляционный анализ (использовался коэффициент корреляции Пирсона). В табл. 2 представлены значимые взаимосвязи способов совладания и адаптивных типов отношения к болезни.

Таблица 2. Корреляционные взаимосвязи способов совладания и адаптивных типов отношения к болезни

Способы совладающего поведения	Адаптивные типы отношения к болезни		
	Гармоничный	Эргопатический	Анозогнозический
Конфронтативный копинг	-,204**	-,267**	-,247**
Поиск социальной поддержки			-,181*
Избегание	-,220**	-,317**	-,250**
Положительная переоценка	,187*	,168*	,188*

Примечание: * — уровень значимости $p \leq 0,05$, ** — уровень значимости $p \leq 0,01$.

Отмечены отрицательные значимые корреляции между стратегиями совладания «конфронтативный копинг», «избегание» и адаптивными типами отношения к болезни ($p \leq 0,01$). У респондента, которому несвойственно использование стратегии «конфронтативный копинг» (недостаточная целенаправленность и рациональная обоснованность поведения в проблемной ситуации), а также стратегии «избегание» (уход от ответственности и активных действий по изменению ситуации), отмечается высокая степень выраженности адаптивных типов отношения к болезни. На уровне тенденции отрицательно коррелирует стратегия «поиск социальной поддержки» и анозогнозический тип отношения к болезни ($p \leq 0,05$), т.е. человеку, отрицающему наличие у себя болезни и не признающему себя больным, нет

смысла привлекать внешние (социальные) ресурсы для решения проблемы, которой он не видит. Отмечены и слабые положительные корреляционные связи стратегии «положительная переоценка» и адаптивных типов отношения к болезни ($p \leq 0,05$). Это позволяет говорить о тенденции использования стратегии «положительная переоценка» (преодоление негативных переживаний в связи с трудной ситуацией за счет сосредоточения внимания на ее положительных аспектах, рассмотрения ее как личностного роста) респондентами с адаптивными типами отношения к болезни.

В табл. 3 представлены значимые взаимосвязи способов совладания и дезадаптивных типов отношения к болезни.

Таблица 3. Корреляционные взаимосвязи способов совладания и дезадаптивных типов отношения к болезни

Способы совладающего поведения	Дезадаптивные типы отношения к болезни		
	Ипохондрический	Неврастенический	Паранойяльный
Конфронтативный копинг			,175*
Принятие ответственности		,152*	
Избегание			,196**
Планирование решения проблемы	-,176*		

Отмечены корреляционные связи между стратегиями совладания и дезадаптивными типами отношения к болезни. Так, положительная корреляционная связь на уровне тенденции между стратегией «конфронтативный копинг» и паранойяльным типом отношения к болезни ($p \leq 0,05$) позволяет говорить о том, что респондентам, проявляющим агрессивные формы реагирования в трудных ситуациях, могут быть свойственны подозрительность и недо-

верие ко всему, что имеет отношение к лечебному процессу.

Положительная связь на уровне тенденции выявлена между стратегией «принятие ответственности» и неврастеническим типом отношения к болезни ($p \leq 0,05$). Возможно, что частое использование данной стратегии свидетельствует о склонности лиц с ОВЗ с неврастеническим типом отношения к болезни к самокритике, переживанию чувства вины и недо-

влетворенности, что может провоцировать у таких респондентов вспышки раздражительности и гнева.

Установлена положительная корреляционная связь между стратегией «избегание» и паранойяльным типом отношения к болезни ($p \leq 0,01$), т.е. чем больше респондентам свойственно уклоняться от ответственности и действий по разрешению возникших трудностей, тем более характерны для них чрезмерная подозрительность и настороженность к лечению и медицинскому персоналу.

На уровне тенденции выявлена отрицательная связь между стратегией «планирование решения проблемы» и ипохондрическим типом отношения к болезни ($p \leq 0,05$). Чем больше человек переживает по поводу болезни, чем более противоречивые чувства он испытывает, с одной стороны, а с другой — неуверенность в успехе лечения, тем меньше он способен правильно оценить ситуацию и принять конструктивные меры для ее разрешения.

Выводы

Таким образом, выдвинутые нами гипотезы частично подтвердились: действительно, лица с ОВЗ с адаптивным типом отношения к болезни более склонны к конструктивной копинг-стратегии «положительная переоценка трудностей», в то время как лица с ОВЗ с дезадаптивным типом отношения к болезни чаще используют неконструктивные формы реагирования на стресс — предпочитают избегать решения проблем, проявляют настойчивость и агрессивность в преодолении трудностей, чаще обращаются за помощью к социальному окружению.

Существует взаимосвязь между совладающим поведением и отношением к болезни лиц с ограниченными возможностями здоровья: положительная связь между конструктивными стратегиями совладающего поведения («планирование решения проблемы», «положительная переоценка») лиц с ограниченными возможностями здоровья и адаптивными типами отношения к болезни; отрицательная связь между стратегией «избегание» и адаптивными типами отношения к болезни.

Полученные в ходе исследования данные могут использоваться психологами реабилитационных учреждений при составлении программы психокоррекционных мероприятий с целью оказания адресной психологической помощи личности, оказавшейся в ситуации ограничения возможностей здоровья.

Список литературы

1. *Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Карпова Э.Б., Вукс А.Я.* Психологическая диагностика отношения к болезни. СПб.: Изд-во НИПНИ им. В.М. Бехтерева, 2005. 32 с.
2. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.

3. *Гольдшейдер А.* Боевые вопросы врачевания: пер. с нем. М.: Госиздат, 1929. 95 с.
4. *Исаева Е.Р.* Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни. СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2009. 136 с.
5. *Крюкова Т.Л.* Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. 2-е изд. испр., доп. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 64 с.
6. *Лурия Р.А.* Внутренняя картина болезни и ятрогенные заболевания. М., 1977. 112 с.
7. *Мясищев В.Н.* Психология отношений / под ред. А.А. Бодалева. М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1995. 356 с.
8. *Совладающее поведение больных шизофренией как стратегия адаптации/дезадаптации к «ситуации заболевания»* / Н.А. Сирота, В.А. Соболев, И.А. Давыдова и др. // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. 2013. № 2(2). URL: <http://medpsy.ru/climp> (дата обращения: 01.08.2016).
9. *Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы* / под ред. А.Л. Журавлева, Т.Л. Крюковой, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2008. 474 с.
10. *Lazarus R., Folkman S.* Stress, appraisal and coping. N.Y.: Springer, 1984. 456 p.

Получено 14.02.2016

References

1. *Wasserman L.I., Iovlev B.V., Karpova E.B., Wux A.Y.* *Psichologicheskaya diagnostika otnosheniya k bolezni* [Psychological diagnostics of attitude to the disease]. St. Petersburg, Psychoneurological Research Institute named after V.M. Bekhterev Publ., 2005, 32 p. (In Russian).
2. *Vodopyanova N.E.* *Psichodiagnostika stressa* [Psychodiagnosics of stress]. St. Petersburg, Piter Publ., 2009, 336 p. (In Russian).
3. *Goldsheider A.* *Boevie voprosi vrachevaniya* [Combat issues of healing]. Moscow, Gosizdat Publ., 1929, 95 p. (In Russian).
4. *Isaeva E.R.* *Koping-povedenie i psichologicheskaya zashita lichnosti v usloviyah zdorov'ya i bolezni* [Coping behavior and psychological defense of personality in the conditions of health-health and disease]. St. Petersburg, St. Petersburg State Medical University Publ., 2009, 136 p. (In Russian).
5. *Krukova T.L.* *Metodi izucheniya sovladaushogo povedeniya: tri koping shkali* [Methods of studying coping behavior: three coping scales]. Kostroma, KGU named after N.A. Nekrasov, 2010, 64 p. (In Russian).
6. *Luria A.R.* *Vnutrennyya kartina bolezni i yatrogenie zabolevaniya* [The internal picture of disease and iatrogenic disease]. Moscow, 1977, 112 p. (In Russian).
7. *Myasishchev V.N.* *Psichologiya otmoshenij* [Psychology

- gy of relations]. Moscow, Institute of Practical Psychology Publ., Voronezh, NGO MODEK Publ., 1995, 356 p. (In Russian).
8. [Coping behavior of patients with schizophrenia as a strategy of adaptation / maladaptation to «the situation of the disease»]. *Klinicheskaya I medicinskaya psichologiya: issledovaniya, obuchenie, praktika: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Clinical and medical psychology: research, training, practice: electronic scientific journal]. 2013, no. 2(2). Available at: <http://medpsy.ru/climp> (accessed 01.08.2016). (In Russian).
9. *Sovladaushee povedenie: sovremennoe sostoyanie i perspektivi* [Coulduse behavior: modern condition and prospects]. Moscow, Institute of Psychology RAN Publ., 2008, 474 p. (In Russian).
10. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. N.Y.: Springer, 1984, 456 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 14.02.2016

Об авторе

Шильяев Владислав Александрович

заведующий отделением социально-психологической реабилитации, медицинский психолог высшей категории

Центр реабилитации инвалидов «На Казанской»,
610004, Киров, ул. Казанская, 3;
e-mail: vasch2253@yandex.ru

About the author

Shilyaev Vladislav Alexandrovich

Head of the Social and Psychological Rehabilitation's Department, Medical Psychologist of the Highest Category

Disabled Rehabilitation Center «Na Kazanskoy»,
3, Kazanskaya str., Kirov, Russia;
e-mail: vasch2253@yandex.ru

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шильяев В.А. Совладающее поведение у лиц с ограниченными возможностями здоровья с разными типами отношения к болезни // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 115–121. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-115-121

Please cite this article in English as:

Shilyaev V.A. Coping behavior in individuals with disabilities with different types of attitude to the disease // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 115–121. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-115-121

УДК 316.346.2.[055.1+055.2]

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-122-128

ОСОБЕННОСТИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В СФЕРЕ ДЕЛОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кулагина Наталия Владимировна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Березниковский филиал)

В условиях современной социально-экономической ситуации способность специалиста любого профиля эффективно презентовать себя, свои личностные качества и профессиональные достижения во многом обеспечивает его конкурентоспособность. Эффективное самопрезентационное поведение способствует социальной и профессиональной успешности, положительно влияет на деловую репутацию и статус в профессиональной среде. Трудности и проблемы, возникающие у человека в процессе деловой самопрезентации, отрицательно сказываются на его адаптации, карьерном росте и профессиональном развитии, результативности делового взаимодействия.

Современные авторы часто обращаются к проблеме гендерных стереотипов в сфере самовыражения, предъявления себя в обществе, в том числе в деловом мире. В течение долгого времени исследователи выявляли существенные различия между полами в указанной сфере. Однако в современном социуме изменились подходы к интерпретации деловой психологии, делового стиля поведения мужчин и женщин. Это актуализирует необходимость новых исследований в данной области. В связи с этим в представленном исследовании акцент сделан на выявлении особенностей самопрезентационного поведения мужчин и женщин, чья деятельность осуществляется в сфере деловых отношений. Исследование проводилось в 2015 г. в городах Верхнекамья. Выборку составили 160 мужчин и женщин — руководители среднего и высшего звена управления. В результате исследования выявлены и описаны гендерные особенности в тактиках самопрезентации, самомониторинге. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов для решения задач по совершенствованию навыков самопрезентации, корректировке самопрезентационного поведения в соответствии с требованиями делового общения, формирования самопрезентационной компетентности.

Ключевые слова: гендер, гендерные стереотипы, гендерный тип личности, самопрезентация личности, самомониторинг, стратегии и тактики самопрезентации.

PECULIARITIES OF MEN'S AND WOMEN'S SELF-PRESENTATION IN BUSINESS RELATIONSHIP

Natalia V. Kulagina

Perm State University (Berezniki branch)

In condition of a modern socio-economic situation it's important a professional of any field to have an ability of self-presentation, his personal qualities and his professional achievements demonstrating for growing of his competitive strength. An effective self-presentation behavior promotes a social and professional success; it has also a positive influence on a business reputation and professional environment status. Any difficulties and problems which a person may experience while having a business self-presentation, have a negative influence on his adaptation, career development, professional improvement, capability of a business interaction.

Modern authors quite often address to the gender stereotypes issues in a mode of self-expression, social self-presentation particularly in a business world. During a long period of time the researchers were determining the significant distinguish points between sexes in this field. However there were some approaches changes to the interpretation of the business psychology, business style, men's and women's behavior. That's why there is a necessity of new researches in this field, nowadays there are few of them. In connection with it, the provided study has an accent of peculiarities identifying of men's and women's self-presentation, whose activity is implemented in the business communication sphere. The research took place in Verhnekamye, in spring of 2015. There were 160 men and women — senior and middle managers. The special methods were used: the scale of self-monitoring of M. Snider, the

scale measuring of self-presentation tactics of S. Li and B. Kwigli. As a result gender peculiarities in methods of impression control, self-monitoring and tactics of self-presentation were found. The practical importance of this research lies in a possibility to use the results for solving the problems connected with cultivating of self-presentation skills, self-presentation behavior and its adjustment in accordance with business communication requirements and creation of self-presentation competency.

Keywords: gender, gender stereotypes, gender personality type, self-presentation of the personality, self-monitoring, strategies and tactics of self-presentation.

Анализ профессиональной успешности современных деловых людей предполагает изучение не только ее структуры и содержания, но и психологических факторов, оказывающих на нее существенное влияние. Среди них весьма значимым является эффективность самопрезентационного поведения, являющегося основанием для формирования определенного отношения, доверия, деловой репутации и статуса в профессиональной среде. Для деловых людей самопрезентация является осознанной деятельностью, направленной на управление производимым впечатлением, а также важной составляющей профессиональной деятельности, определяющей ее успешность. Самопрезентационная компетентность рассматривается в настоящее время как важный аспект конкурентоспособности специалиста [2].

Исследователями доказано, что эффективность самопрезентационного поведения во многом способствует социальной и профессиональной эффективности человека [1, 7, 9], а трудности и препятствия, возникающие у человека в процессе деловой самопрезентации, отрицательно сказываются на его адаптации, карьерном росте, эффективности взаимодействия в системе деловых отношений [11].

В психологии самопрезентация определяется как в различной мере осознаваемый и постоянно осуществляемый в межличностном взаимодействии процесс предъявления Я-информации в вербальном и невербальном поведении субъекта взаимодействия с учетом специфики социальной ситуации. Самопрезентация является необходимым компонентом любого социального взаимодействия [12].

В настоящее время в психологии накоплен и осмыслен значительный материал по проблеме самопрезентации. Основная часть теоретических разработок по данной проблеме принадлежит зарубежным ученым, таким как И. Гофман, М. Снайдер, Р. Чалдини, И. Джонс и Т. Иттман и др. Из отечественных ученых наибольший вклад в изучение данного психологического феномена внесли А.А. Бодалев, Е.В. Зинченко, Н.В. Амяга, В.Н. Куница, В.А. Лабунская, Ю.Н. Емельянов, Е.Л. Доценко, Е.В. Михайлова и др.

В отечественной психологии существуют термины, близкие по своей сути понятию «самопрезентация»: самоподача (Ю.П. Кошелева), самораскрытие (Е.В. Зинченко), самовыражение (Е.П. Никитин,

Н.Е. Харламенкова). Однако Е.П. Никитин и Н.Е. Харламенкова считают, что целью самопрезентации является изменение представления других о «Я» и личности человека, а целью самовыражения и самораскрытия — стремление выразить себя, раскрыть и представить другим свою внутреннюю сущность [5].

О.А. Пикулевой проанализированы работы западных исследователей, выделивших двенадцать основных тактик самопрезентации (поведенческий акт, включающий приемы вербального и невербального поведения, направленный на создание желаемого впечатления с учетом краткосрочных целей). Из них пять тактик ассертивного типа (проактивные, направленные на создание нового желаемого образа) и семь тактик защитного типа (реактивные, направленные на воссоздание положительного образа, на изменение негативной оценки). Автор распределила описанные тактики по пяти стратегиям самопрезентации (осознаваемое и планируемое поведение, направленное на формирование желаемого впечатления с учетом долгосрочных целей): 1) аттрактивного поведения (способность создавать благоприятное впечатление о себе, вызывать симпатию и доверие), 2) уклонения, 3) силового влияния, 4) самовозвышения и 5) самопринижения [8]. Также О.А. Пикулева выявила наличие личностно-возрастных и профессиональных особенностей при выборе стратегий и тактик самопрезентации.

М. Снайдер, изучая проблему предъявления человеком себя, описал способность человека демонстрировать такой образ, который был бы приятен окружающим, он назвал ее самомониторингом. Согласно определению автора, самомониторинг — это способность контролировать свое вербальное и невербальное поведение с учетом реакций аудитории и управлять производимым впечатлением [11].

Многочисленные гендерные исследования показывают, что в обществе существуют достаточно устойчивые стереотипы и установки относительно того, как женщины и мужчины должны выглядеть и вести себя. Эти стереотипные представления, безусловно, оказывают влияние на предъявление себя в обществе (в том числе в деловом мире), на стратегии достижения целей, самовыражение, т.е. на особенности самопрезентации мужчин и женщин. Так, Н.Н. Лупенко в своем исследовании показала, что гендер (социально-психологический пол личности)

является важнейшим фактором, влияющим на самоактуализацию в профессии, а гендерный тип личности прямо влияет на профессиональный образ Я в структуре самосознания личности руководителя [4].

В течение долгого времени исследователи выявляли существенные различия между полами в указанной сфере. Однако в современном социуме изменились подходы к интерпретации деловой психологии, делового стиля и поведения мужчин и женщин. Изменчивость социального мира задает новые перспективы в реализации личности. В современном обществе появились профессии и сферы деятельности, в которых мужчины и женщины могут быть одинаково успешными (менеджеры, предприниматели, маркетологи, супервайзеры, специалисты по рекламе и PR, мерчендайзеры и др.). Многие исследователи эмпирически показали факт постепенного стирания границ между социальными характеристиками мужчин и женщин (Л.Н. Ожигова, В.А. Лабунская, Е.А. Здравомыслова, А.А. Тёмкина, И.С. Клёцина, И.С. Кон и др.). Также необходимо учитывать, что современный человек выстраивает свой путь в области самореализации, уже не столько согласуя его с традициями и требованиями общества относительно поведения мужчин и женщин, сколько опираясь на собственные личностные смыслы и приоритеты [6].

Учитывая, что в умении эффективно презентовать себя заинтересован каждый человек, чья деятельность осуществляется в сфере деловых отношений, исследования гендерных особенностей самопрезентационного поведения очень актуальны для современной практики. Однако, несмотря на практический интерес к указанной проблеме, эмпирических исследований в данной области недостаточно. А между тем данные результаты могли бы быть использованы для решения задач по совершенствованию навыков самопрезентации мужчин и женщин, чья деятельность осуществляется в сфере деловых отношений, и были бы полезны при разработке практических программ тренингового и консультативного характера.

Таким образом, представленные в данной статье результаты проведенного исследования могут расширить представления о роли гендерного фактора в управлении впечатлением, самомониторинге и выборе тактик самопрезентации.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов специалистами-практиками для корректировки самопрезентационного поведения в соответствии с требованиями делового общения, для формирования новых эталонов эффективного поведения в ситуациях межличностного и профессионального взаимодействия, повышения самопрезентационной компетентности.

Выборка и методика исследования

Исследование проводилось в сентябре–декабре 2015 г. в городах Верхнекамья. Выборку составили 160 человек, из них 80 мужчин и 80 женщин в возрасте 35–45 лет (возраст «взрослость» согласно возрастной периодизации В.И. Слободчикова, 1996) [10]. Все испытуемые имеют высшее образование. Профессиональный статус — менеджеры среднего и высшего звена управления крупных бюджетных и коммерческих организаций. Средний управленческий стаж — 10 лет.

Цель исследования: сравнение предпочитаемых тактик самопрезентации и уровня самомониторинга руководителей — мужчин и женщин.

Гипотезы: 1) вне зависимости от гендерной принадлежности руководители отдадут предпочтение ассертивным тактикам и стратегиям самопрезентации и имеют высокий уровень самомониторинга; 2) существуют различия в предпочитаемых тактиках самопрезентации, обусловленные гендерным фактором.

Для проведения исследования привлекались студенты Березниковского филиала ПГНИУ.

В качестве психодиагностического инструментария использовались: опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (российский аналог Bem Sex Role Inventory) О.Г. Лопуховой [3], шкала самомониторинга М. Снайдера, шкала измерения тактик самопрезентации С.Ж. Ли, Б. Куигли.

Для анализа эмпирических данных использовались дескриптивные статистики (процентное распределение, среднее значение), для выявления различий применялся t-критерий Стьюдента. Использовался также корреляционный метод анализа по Пирсону.

Результаты исследования

Полученные результаты представлены в табл. 1–4.

Таблица 1. Представленность гендерных типов личности у руководителей мужчин и женщин, %

Гендерный тип личности	Мужчины	Женщины
Маскулинный	42	7
Фемининный	4	11
Андрогинный	54	82
Недифференцированный	0	0

Представленные в табл. 1 данные свидетельствуют, что из имеющейся вариативности процента встречаемости разных гендерных типов наиболее широко представлен андрогинный тип личности — как в мужской, так и в женской выборке (54 % и 82 %

соответственно). Эта тенденция говорит о невысокой степени поляризованности гендерных представлений подавляющего большинства современных деловых людей. При этом современные деловые женщины значительно менее гендерно типизированы, т.к. представительниц фемининного типа среди них только

7%. Гендерная типизированность мужчин выражена в большей степени: у 42% мужской выборки отмечается маскулинный тип.

Предпочитаемые тактики самопрезентации руководителей мужчин и женщин представлены в табл. 2.

Таблица 2. Тактики и стратегии самопрезентации руководителей мужчин и женщин (средние значения)

Тактики самопрезентации	Мужчины	Женщины	T-критерий Стьюдента
<i>Тактики защитного типа</i>			
1. Оправдание с отрицанием ответственности	3,45	3,98	1,48
2. Оправдание с принятием ответственности	3,86	4,29	1,3
3. Отречение	3,91	4,09	1,21
4. Препятствование самому себе	3,61	3,80	1,12
5. Извинение	4,18	3,62	1,7
<i>Тактики ассертивного типа</i>			
6. Желание понравиться	4,83	3,97	3,2**
7. Запугивание	4,61	3,72	4,1**
8. Просьба/мольба	4,0	3,94	0,9
9. Сообщение о своих достижениях	5,1	3,88	3,7**
10. Преувеличение своих достижений	5,99	6,05	1,08
11. Негативная оценка других	3,78	3,93	0,7
12. Пример для подражания (примероносительство)	5,14	5,21	0,55
<i>Стратегии самопрезентации</i>			
1. Уклонение	3,86	3,92	1,18
2. Атрактивное поведение	4,8	3,94	2,3*
3. Самовозвышение	4,98	5,1	1,0
4. Самопринижение	4,4	3,88	1,5
5. Силовое влияние	4,67	3,64	3,5**

Условные обозначения: * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$.

Рассматривая среднее значение частоты использования тактик самопрезентации руководителей мужчин и женщин (табл. 2), отметим, что анализ данных с помощью T-критерия Стьюдента выявил достоверные различия между анализируемыми группами в отношении используемых ассертивных тактик только по трем из них: желание понравиться ($p < 0,01$), сообщение о своих достижениях ($p < 0,01$) и запугивание ($p < 0,01$). При этом данные тактики достоверно чаще используются руководителями мужчинами, которые чаще стараются понравиться окружающим, чаще сообщают им о своих достижениях и успехах, а также значительно чаще используют прием запугивания для формирования представления о себе как потенциально опасном, сильном человеке (руководителе), с которым лучше не портить отношения.

Анализ средних значений показателей используемых тактик самопрезентации показывает, что руководители обоего пола в большей степени предпочитают использовать ассертивные тактики и из арсенала данных тактик предпочтение отдают преувели-

чению своих достижений (с целью выглядеть грамотным, компетентным в глазах окружающих) и примероносительству (демонстрация своих достоинств для того, чтобы быть примером для подражания). Эти тактики относятся к атрактивной стратегии. И здесь опять видно, что субъекты самопрезентации мужского пола достоверно чаще выбирают данную стратегию ($p < 0,05$), так же, как и стратегию силового влияния ($p < 0,01$).

Результаты выявления уровня самомониторинга у руководителей мужчин и женщин представлены в табл. 3.

Таблица 3. Самомониторинг руководителей мужчин и женщин (средние значения)

Мужчины	Женщины	T-критерий Стьюдента
9,13	8,67	0,78

Из представленных в табл. 3 данных видно, что в отношении показателя «самомониторинг» статистически достоверных различий между руководителями мужчинами и женщинами не выявлено. Таким образом, способность отслеживать реакции окружающих, корректировать их с учетом своего вербального и невербального поведения одинакова у мужчин и женщин, реализующих управленческую деятельность. Также данные характеризуют управленцев

мужской и женской выборки как способных управлять производимым впечатлением на достаточно высоком уровне.

Интересным представляется анализ взаимосвязи гендерного типа личности руководителей, предпочитаемых ими тактик и стратегий самопрезентации и самомониторинга. Полученные данные представлены в табл. 4.

Таблица 4. Взаимосвязи тактик самопрезентации и самомониторинга с гендерным типом личности руководителей мужчин и женщин

Показатели	Маскулинный тип		Фемининный тип		Андрогинный тип	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Защитные тактики						
1. Оправдание с отрицанием ответственности	-0,44**		0,33**	0,35**		
2. Оправдание с принятием ответственности					0,34**	0,31**
3. Отречение			0,41**	0,44**		
4. Препятствование самому себе						
5. Извинение	-0,36**					
Ассертивные тактики						
6. Желание понравиться	0,37**				0,31*	0,30*
7. Запугивание	0,35**	0,31**	- 0,29*	- 0,30*		
8. Просьба/мольба						
9. Сообщение о своих достижениях	0,34**				0,30*	0,28*
10. Преувеличение своих достижений	0,41**	0,39**			0,40**	0,35**
11. Негативная оценка других						
12. Пример для подражания (примероносительство)	0,38**	0,36**				
Стратегии						
13. Уклонение			0,34**	0,38**		
14. Атрактивное поведение	0,41**	0,38**			0,48**	0,42**
15. Самовозвышение						
16. Самопринижение						
17. Силовое влияние	0,43**	0,40**				
18. Самомониторинг	0,29*	0,27*			0,42**	0,40**

Условные обозначения: * — различия достоверны на уровне $p < 0,05$; ** — различия достоверны на уровне $p < 0,01$.

В табл. 4 представлены только значимые связи. Из представленных данных видно, что высокий самомониторинг у субъектов самопрезентации того и другого пола имеет положительную взаимосвязь с андрогинным ($p < 0,01$) и маскулинным ($p < 0,05$) гендерными типами. Ассертивные тактики и стратегии самопрезентации имеют больше положительных связей с маскулинным гендерным типом как у мужчин, так и у женщин руководителей. У личностей с фемининным гендерным типом в большей степени представлены защитные тактики самопрезентации: оправдание с отрицанием ответственности ($r = 0,33$ и $0,35$; при $p < 0,01$) и отречение ($r = 0,41$ и $0,44$;

при $p < 0,01$). То есть руководителям обоего пола с данным гендерным типом свойственно коммуникативное поведение, отрицающее ответственность за свои неблагоприятные поступки, предлагающее объяснение причин, прежде чем данное затруднительное или неблагоприятное событие произойдет. Также с фемининным типом личности коррелирует стратегия самопрезентации «уклонение». Это значит, что данные субъекты самопрезентации стараются избегать решительных действий, не брать на себя повышенную ответственность.

Выводы

1. Степень поляризованности гендерных представлений подавляющего большинства руководителей невысокая. Как в мужской, так и в женской выборке управленцев подавляющее большинство имеют андрогинный тип личности.

2. Показатель самомониторинга не имеет гендерных различий и выражен у руководителей мужчин и женщин одинаково на высоком уровне, что характеризует их равную способность управлять производимым впечатлением на достаточно высоком уровне.

3. Руководители обоего пола отдают предпочтение ассертивным тактикам и стратегиям самопрезентации: желание понравиться, сообщение о своих достижениях, преувеличение своих достижений, запугивание.

4. Ассертивные тактики и стратегии самопрезентации имеют больше всего положительных связей с маскулинным гендерным типом как у мужчин, так и у женщин руководителей. У личностей с фемининным гендерным типом в большей степени представлены защитные тактики самопрезентации

5. Самопрезентация личности имеет гендерные различия в отношении содержательных компонентов самопрезентационного поведения, обусловленные усвоением гендерных ролей. Так, гендерные различия имеются в предпочитаемых ассертивных тактиках и стратегиях самопрезентации: мужчины-руководители намного чаще используют тактики: желание понравиться, сообщение о своих заслугах и запугивание, а также аттрактивную стратегию и стратегию силового влияния. Маскулинный гендерный тип личности имеет достоверно большее количество положительных взаимосвязей с ассертивными тактиками и стратегиями самопрезентации. На наш взгляд, это объясняется тем, что маскулинным личностям свойственно более уверенное поведение, предписанное существующими поло-ролевыми стереотипами.

Таким образом, гипотеза исследования нашла свое эмпирическое подтверждение.

В заключение еще раз подчеркнем, что самопрезентация, являющаяся неотъемлемой частью любого коммуникативного процесса в сфере деловых отношений, во многом обусловлена гендерными особенностями личности, которые, в свою очередь, под влиянием традиций общества определяют выбор той или иной тактики и стратегии самопрезентации человека.

Подчеркнем, что автор признает частный характер сделанных выводов. Думается, что при большем объеме выборки полученные результаты могли бы быть более доказательными.

Результаты данного исследования могут быть использованы в практике специалистов, занимаю-

щихся вопросами совершенствования самопрезентационного поведения руководящих работников.

Список литературы

1. Журавлев Д.В. Имидж как специфическое единство типичных признаков, управляющих индивидуальным, групповым и массовым сознанием // Имиджология–2004: Состояние, направления, проблемы. М.: РИЦ АИМ, 2004. С. 68–70.
2. Карасева С.К., Хазова С.А. Самопрезентационная компетентность современного конкурентоспособного специалиста // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3. Педагогика и психология. 2012. № 4. С. 55–64.
3. Лопухова О.Г. Опросник «Маскулинность, феминность и гендерный тип личности» (российский аналог Bem Sex Role Inventory) // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 147–154.
4. Лупенко Н.Н. Взаимосвязь гендерного и профессионального образов Я в структуре самосознания личности руководителя: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар: КубГУ, 2008. 197 с.
5. Никитин Е.П., Харламенкова Н.Е. Феномен человеческого самоутверждения. СПб.: Алетейя, 2000. 218 с.
6. Ожигова Л.Н. Смысловые механизмы гендерной и профессиональной реализации личности в полиэтнической среде. Краснодар: КубГУ, 2009. 190 с.
7. Пантелева Г.В. Самопрезентация личности как фактор успешности деятельности тренеров-женщин: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2010. 213 с.
8. Пикулёва О.А. Классификации самопрезентации личности: теоретические основания и проблемные аспекты // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. № 1. С. 63–69.
9. Посохова А.В. Психологические особенности имиджа конкурентоспособных и неконкурентоспособных предпринимателей // Психология общения: Энциклопедический словарь / под общ. ред. А.А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. 600 с.
10. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология развития человека. М.: Школьная пресса, 2000. 415 с.
11. Хороших В.В. Психологические факторы успешной самопрезентации: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2001. 193 с.
12. Schlenker B. Self-presentation // Handbook of Self and Identity / by M. Leary et al. 2003. P. 488–518. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781412979306.n226>

Получено 04.05.2016

References

1. Zhuravlev D.V. [Image as specific unity of common features, controlling individual, group and global mind]. *Imidzhelogiya–2004: Sostoyaniye, napravleniya, problemy* [Imageology–2004: Status, trends, challenges]. Moscow, RITS AIM, 2004, pp. 68–70. (In Russian).

2. Karasev S.K., Hazova S.A. [Self-presentational competence of a modern competitive specialist]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Pedagogika i psikhologiya* [Bulletin of the Adygeya State University. Series 3. Pedagogy and Psychology]. 2012, no. 4. pp. 55–64. (In Russian).
3. Lopukhova O.G. [Survey «Masculinity, femininity and gender personality type»]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology]. 2013, no. 1, pp. 147–154. (In Russian).
4. Lupenko N.N. Vzaimosvyaz gendernogo i professionalnogo obrazov Ya v strukture samosoznaniya lichnosti rukovoditelya: dis. ... kand. psikholog. nauk [Gender and professional connection of the image «I am» in a structure of self-consciousness of manager's personality: dissertation of the candidate of psychological sciences]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2008, 197 p. (In Russian).
5. Nikitin E.P., Kharlamenkova N.E. *Fenomen che-lovecheskogo samoutverzhdeniya* [Phenomenon of human self-affirmation]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2000, 218 p. (In Russian).
6. Ozhigova L.N. *Smyslovye mekhanizmy gendernoy i professionalnoy realizatsii lichnosti v politicheskoy srede: monografiya* [Semantic mechanisms of gender and professional personality realization in a political field: treatise]. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2009, 190 p. (In Russian).
7. Panteleeva G.V. *Samoprezentatsiya lichnosti kak faktor uspekhov deyatel'nosti trenerov-zhenshin: dis. ... kand. psikholog. nauk* [Personality's self-presentation as factor of success and activity of coach-women: dissertation of the candidate of psychological sciences]. St. Petersburg, 2010, 213 p. (In Russian).
8. Pikuleva O.A. [Classification of personality's self-presentation: theoretical basis and problem aspects]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University A.S. Pushkin]. 2013, no. 1, pp. 63–69. (In Russian).
9. Posokhova A.V. [Psychological peculiarities of image of competitive and non-competitive entrepreneurs]. *Psikhologiya obscheniya. Entsiklopedicheskiy slovar* [Psychology of communication. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Cogito Center Publ., 2011, 600 p. (In Russian).
10. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Development of personality's psychology]. Moscow, School press Publ., 2000, 415 p. (In Russian).
11. Khoroshikh V.V. *Psikhologicheskie faktory uspekhov samoprezentatsii: avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk* [Psychological factors of successful self-presentation: author's abstract on procuring degree of candidate of psychological sciences]. St. Petersburg, 2001, 193 p. (In Russian).
12. Schlenker B. Self-presentation. *Handbook of Self and Identity* / by M. Leary et al. 2003, pp. 488–518. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781412979306.n226>. (In English).

The date of the manuscript receipt 04.05.2016

Об авторе

Кулагина Наталия Владимировна

кандидат психологических наук, заведующая кафедрой гуманитарных и естественных наук

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Березниковский филиал),
618400, Пермский край, Березники, ул. Ленина, 33;
e-mail: natkulagina@inbox.ru

About the author

Kulagina Natalia Vladimirovna

Ph.D. in Psychology, Head of the Department of Natural Sciences and Humanities

Perm State University (Berezniki branch),
33, Lenin str., Berezniki, Perm Krai, 618400, Russia;
e-mail: natkulagina@inbox.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кулагина Н.В. Особенности самопрезентации мужчин и женщин в сфере деловых отношений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 122–128.
doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-122-128

Please cite this article in English as:

Kulagina N.V. Peculiarities of men's and women's self-presentation in business relationship // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 122–128. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-122-128

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.014

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-129-134

НАБЛЮДЕНИЕ В КАЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ*Ненашев Михаил Иванович**Вятский государственный университет*

Наблюдение в качественном исследовании определяется как понимание социальной жизни разнообразных сообществ на основе поведения людей в физическом пространстве и времени. Оно предполагает, с одной стороны, восприятие того, что происходит непосредственно (речь, жесты, телодвижения), с другой — понимание (истолкование) *смысла*, незримо присутствующего в определенной социальной ситуации.

Согласно идеям А. Шюца, включенное и невключенное наблюдение соотносятся с двумя параллельными способами человеческого бытия: уникальные личности с общающимися, хотя и никогда не прозрачными до конца внутренними мирами; люди как социальные типы, чье поведение можно рассматривать в рамках типичных же социальных ситуаций. В первом случае наблюдатель и наблюдаемые им персонажи живут в общем пространстве и общем внутреннем времени (Анри Бергсон), наблюдатель участвует в жизненном процессе сообщества, он улавливает мысли других, разделяет общие надежды, тревоги и планы на будущее. Его биография и жизненный опыт становятся частью биографии и жизненного опыта других. Во втором случае происходит унификация внутренних миров людей и их поведения, и тогда для понимания поведения другого человека достаточно определить, как он должен вести себя в качестве типа.

Ключевые слова: качественная социология, наблюдение, типичные ситуации, жизненный мир, внутреннее время, социальное познание, свобода, принцип дополнительности.

OBSERVATION IN QUALITATIVE SOCIOLOGY*Mikhail I. Nenashev**Vyatka State University*

Observation in qualitative research is defined as the understanding of social life of a variety of communities based on the behavior of people in physical space and time. It includes, on the one hand, the perception of what is happening directly (speech, gestures, bodily movement), on the other hand, is the understanding (interpretation) of the meaning a particular social situation, invisibly present in what is happening directly.

Reliance on ideas of A. Schutz allows included and excluded observations correlate with two parallel ways of human existence: as unique individuals with communicating, although never transparent to the end internal worlds, and of people as social types whose behavior can be understood in the framework of typical social situations. In the first case, the observer and the observable characters live in a common space and a common internal time (Henri Bergson), the observer participates in the life process of the community, he catches the thoughts of others, has common hopes, worries and plans for the future. His biography and life experiences become part of the biographies and life experience of others. In the latter case, the unification of the inner worlds of people and their behavior, and then to understand the behavior of another person is enough to determine how it should behave as the type:

Keywords: qualitative sociology, observation, typical situation, life world, inner time, social cognition, freedom, the principle of complementarity.

В предыдущей статье [5] при изложении особенностей социологического наблюдения мы дали ему следующее определение: *познание социального через наблюдение поведения людей в физическом пространстве и времени.*

Очевидно, что в первом приближении это определение применимо также и для качественной социологии. Однако необходимо учитывать, что цель качественного исследования состоит в *понимании* наблюдаемого [6]. В связи с этим наблюдение в ка-

чественном исследовании можно определить как понимание социальной жизни сообщества через наблюдение поведения людей в физическом пространстве и времени.

Уточним, почему речь теперь идет не просто о познании, но о понимании. С одной стороны, это вопрос терминологии. Но, с другой стороны, употребление термина «понимание» подчеркивает, что предметом анализа теперь являются субъективные миры сообществ людей, которые (сообщности)

самостоятельно устанавливают (конструируют) способ своей жизни и смысл своего существования. Но что же в этих субъективных мирах будет социальным?

Допустим, мы наблюдаем сцену, когда супруг рассказывает жене, что их сын впервые дотянулся до счетчика на парковке, чтобы опустить монету [2, с. 36]. Приведем разговор респондента с женой по поводу этого события.

То, что произносилось буквально
1. Муж: Сегодня Дэн сумел опустить монету в счетчик на парковке, причем никто его не поднимал.
2. Жена: Вы вместе заходили в магазин пластинок?
3. Муж: Нет. В мастерскую по ремонту обуви.
4. Жена: Зачем?
5. Муж: Я купил новые шнурки для своих ботинок.
6. Жена: Нужно срочно сделать новые набойки на твои мокасины.

Можно обратить внимание на то, что реплики жены определяются не только тем, что сообщает муж, но также чем-то иным, и это иное представляет для жены гораздо больший интерес. Это «гораздо

большее» и выступает предметом понимания, или истолкования, для наблюдающего.

Истолкование наблюдателем того, что произносилось буквально
1. Муж: Сегодня, когда я вез нашего четырехлетнего сына Дэна из детского сада домой, он сумел сам дотянуться и опустить монету в счетчик на парковке, хотя прежде его всегда приходилось для этого поднимать.
2. Жена: Если он опускал монету в счетчик, значит, он был с тобой, когда ты останавливался. Я знаю, что обычно ты заезжаешь в магазин пластинок, когда едешь за ним либо на обратном пути. Останавливался ли ты на обратном пути, когда он был с тобой, или тогда, когда ехал за ним, а вместе вы заезжали куда-то в другое место?
3. Муж: Я заезжал в магазин пластинок, когда ехал за ним, а на обратном пути мы вместе заехали в обувную мастерскую.
4. Жена: Я знаю одну причину, по которой ты мог бы заехать в мастерскую по ремонту обуви. А что на самом деле заставило тебя это сделать?
5. Муж: Как ты помнишь, я на днях порвал шнурки на своих коричневых полуботинках, так что заехал, чтобы купить новые.
6. Жена: Я думала, что ты заехал туда по другому поводу. Нужно срочно поставить набойки на твои черные мокасины. Хорошо бы тебе сделать это как можно быстрее.

Итак, в данном акте наблюдения можно выделить две стороны. Первая состоит в восприятии исследователем сообщения мужа о том, с какой задачей справился его малолетний сын. Вторая сторона заключается в понимании того, что ответные реплики-вопросы жены направлены на выяснение некоего дополнительного обстоятельства, которое не проговаривается явно, но *имеется в виду*: того, что могло заставить мужа по пути заехать в обувную мастерскую. Кстати, не так уж трудно понять, что может иметь в виду жена: например, что муж заезжает под разными предлогами в обувную мастерскую, чтобы лишний раз взглянуть на пышногрудую приемщицу заказов.

Обратим внимание: речь идет о разговоре не просто двух людей, но мужа и жены, т.е. носителей определенных *социальных ролей* внутри такого общества, как семья. Очевидно, что муж и жена являются не только психологическими, но прежде всего социальными субъектами в рамках данной семьи. Так, когда работница загса торжественно сообщает

молодым, что отныне они муж и жена, то ясно, что речь идет о приобретении не столько новых психологических или физических качеств (которые как раз остаются более или менее неизменными), сколько новых социальных ролей.

Также отметим, что подозрения жены, которые направляют ее разговор с мужем, характерны именно для замужней женщины. Хотя в другой ситуации это могли быть подозрения просто женщины, которая «имеет виды» на данного мужчину, или любовницы, или хорошей знакомой жены. В любом случае речь идет об определенных социальных ролях.

Так как данный разговор мог быть просто подслушан, здесь мы имеем дело с внешним — невключенным — наблюдением. Подчеркнем эту сторону дела, так как часто наблюдение в качественной социологии описывают прежде всего как включенное.

Таким образом, наблюдение разговора предполагает не только в фиксацию того, что воспринимается непосредственно, но и понимание некой социальной

ситуации, которая *непосредственно, физически, не воспринимается*. Важно подчеркнуть эту двойственность акта наблюдения: воспринимаю (вижу и слышу) одно, но одновременно понимаю нечто иное: то, что не явно, но имеется в виду.

По мнению представителя качественной социологии Питера Бергера, социологический подход можно описать словами «смотреть сквозь» или «заглядывать за», а также выражениями, которые мы употребляем в повседневной речи: «видеть игру насквозь», «видеть закулисную игру», «понимать, что к чему» [1, с. 35].

В количественной социологии наблюдение с тем или иным успехом можно заменить опросными методами исследования, такими как анкетирование, социометрический опрос, интервью. В качественной социологии речь идет о ситуациях, которые трудно или невозможно изучать иными методами, потому что в данном случае анализируется *внутренняя* жизнь сообщества.

Например, *понимания* того, что «имеется в виду», по сравнению с тем, что непосредственно наблюдается, нельзя добиться с помощью интервью с женой, в ходе которого ей бы задали вопрос, что она имела в виду, когда спросила мужа: «Вы вместе заходили в магазин пластинок?» Потому что она, скорее всего, ответит, что имела в виду именно то, что спросила: «Вместе ли они заходили в магазин пластинок. Что ж тут непонятного?»

Только в акте наблюдения приходится заниматься дополнительно еще и истолкованием того, что непосредственно наблюдаешь. Например, в мимолетном обмене взглядами или в машинальном жесте можно увидеть выражение соперничества, или признательности, или любви, или смертельной ненависти. Но сами обменивающиеся взглядом или совершающие жест не обязательно осознают смысл того, что произошло. И уж тем более не сочтут нужным указать это в анкете.

Итак, наблюдение в качественной социологии двухслойно. С одной стороны, есть восприятие того, что происходит *непосредственно* (речь, жесты, телодвижения), с другой стороны, есть акт понимания (истолкования) *смысла* определенной социальной ситуации, который незримо присутствует в происходящем.

Виды наблюдения. В качественной социологии, как и в количественной, можно различать внешнее, или невключенное, и внутреннее, или включенное, наблюдение. Рассмотрим сначала невключенное наблюдение.

Когда мы наблюдаем сообщество или отдельного индивида как представителя сообщества, то воспринимаем зрением, слухом и прочими органами чувств лишь телесную сторону происходящего: взмах руки, поворот головы, перемещение в пространстве, мимику, речь как поток звуков. Но истолковываем эту те-

лесную сторону как выражение внутренней социальной жизни: поступков, намерений, действий, связанных, например, с половым влечением соответствующих чувств. Эту внутреннюю социальную жизнь можно обнаружить, наблюдая поведение людей, в котором они *ориентируются друг на друга*. Большую роль здесь играет понимание поведения других по аналогии с нашим собственным.

Однако проблема состоит в отсутствии гарантии, что в той же самой ситуации другой человек будет мыслить, чувствовать и поступать так же, как и мы. Потому что поступки людей, их мысли и желания определяются их уникальными биографиями, а также телесными и психическими особенностями. Пятилетний ребенок поведет себя иначе, чем взрослый человек в той же ситуации. И женщина поведет себя иначе, чем мужчина. Вот за столиком кафе мужчина передает солонку женщине. Для мужчины это всего лишь передача солонки, а женщина почувствует в том, *как* он передал солонку, изменение его отношения к ней.

И все же является фактом, что люди — мысля, чувствуя и ведя себя по-разному — тем не менее *понимают* друг друга и благодаря этому способны учитывать и предвосхищать поведение друг друга. Как правило, и наблюдатель способен верно истолковывать поведение других. Значит, существует некий механизм общения, позволяющий обойти эту, казалось бы, непреодолимую преграду — уникальность внутренних миров личностей.

Этим механизмом является *типизация*: чтобы понять другого, мы воспринимаем его не как уникальную личность, но как *тип*. И чтобы понять ситуацию, которая стоит за непосредственно наблюдаемыми действиями людей, мы определяем ее опять же не как неповторимую, но как *типическую* [7, с. 7–50]. На этой типизации поведения людей и ситуаций основано внешнее, или невключенное, наблюдение.

Так, на рынке в небольшом сообществе всего из двух человек мы усматриваем типичную ситуацию: видим не неповторимую личность, но продавца (тип, по Шюцу), который, расхваливая свой товар (это то, что наблюдается непосредственно), *имеет в виду* его быстрее и подороже реализовать. А также видим покупателя (другой тип, по Шюцу), который, вслух выражая сомнение в качестве товара (то, что мы снова наблюдаем непосредственно), *имеет в виду* сбить цену товара, чтобы купить его подешевле. В другом человеке видим пешехода, который пытается успеть перейти улицу на зеленый свет. А вот этот человек с несколько опухшим лицом с утра ищет, у кого бы выпросить «на опохмелку», потому что у него «трубы горят». И мы это *понимаем*, хотя человек вроде бы просто идет, постреливая глазами по сторонам.

Обнаруживая за поведением людей типические ситуации и рассматривая людей как типы, мы унифицируем или, лучше сказать, стандартизируем их

внутренние миры и их поведение. Теперь, чтобы *познать* вот этого человека, нам достаточно знать, как он *должен* вести себя в качестве типа: продавца, студента, пешехода, замужней женщины. И так, невключенное наблюдение основано на восприятии других людей как типов, а самих ситуаций как типизированных.

Ну а все же, возможно ли наблюдение поведения других как выражения неповторимого, которое касается не продавца и покупателя вообще, мужа и жены вообще и т.п., но уникальных личностей? Оказывается, возможно, но при особом способе общения, который в социологии называется «лицом-к-лицу», а в нашем случае будет определен как *включенное наблюдение*. Здесь наблюдатель и наблюдаемые им персонажи оказываются в общем пространстве, когда непосредственному восприятию одного доступны жесты, походка и выражение лица другого в качестве симптомов или знаков его мыслей и чувств.

Но главным является пребывание в общем внутреннем времени, которое Анри Бергсон назвал длительностью в противоположность физическому времени, измеряемому равномерным движением стрелок по циферблату. Наблюдатель в качестве члена сообщества участвует в его жизненном процессе, он улавливает в живом настоящем ход мыслей других, разделяет общие надежды, тревоги и планы на будущее. Его биография и жизненный опыт сплетаются с биографиями и жизненным опытом других. И вот тогда, казалось бы, типичная социальная ситуация раскрывается наблюдателю в своей уникальности: обнаруживается тот опыт свободы, приобретаемый людьми помимо и поверх всего типического, которое может усмотреть и понять наблюдатель со стороны.

Итак, включенное наблюдение позволяет непосредственно воспринимать уникальную сторону поведения других. Однако и в этом случае другие раскрываются лишь отдельными своими сторонами, никогда не оказываясь прозрачными в своей окончательной глубине¹. Тем не менее стороны бытия другого, скрытые для остальных членов сообщества и включенного наблюдателя, все-таки рано или поздно проявляются. Это глубинное не позволяет социальной жизни сообщества окончательно типизироваться и стать полностью прогнозируемой.

Но вот в силу различных обстоятельств включенное наблюдение прерывается. Мы возвращаемся, если все же планируем продолжать наше исследование, к невключенному наблюдению, т.е. к взгляду со стороны. И образ того, кто был понятен в своей жи-

вой непосредственности, постепенно все в большей степени вытесняется соответствующим типом, например «друг вообще». И даже при возобновлении прежних отношений выяснится, что мы общаемся с человеком, приобретшим новый жизненный опыт и новые впечатления, о которых мы сможем узнать лишь «по его рассказам». Все в большей степени тип начнет замещать уникальную личность, с которой когда-то проживалось общее время и делилось общее пространство.

Таким образом, обоим видам наблюдения в качественной социологии соответствуют два параллельно существующих способа человеческого бытия. В процессе включенного наблюдения перед нами предстают уникальные личности с общающимися, хотя и никогда не прозрачными до конца внутренними мирами. В ходе невключенного же наблюдения мы видим социальные типы, поведение которых вполне можно понять и даже спрогнозировать в рамках типичных социальных ситуаций.

И ведь действительно, мужчина и женщина начинают встречаться не случайно, а потому что принадлежат к соответствующим полярным типам. А если уточнить, что речь идет, например, о женатом мужчине и незамужней молодой женщине, то в распоряжении наблюдателя окажется еще более конкретный сценарий поведения и перспектив отношений между данными типичными персонажами. Можно принять во внимание психологические типы персонажей и перенесенные в детстве психотравмы, социальное происхождение и национальные традиции, уровень образованности и типы семей, в которых выросли наши герои, и тогда в конечном счете мы получим почти законченный рисунок поведения исследуемой пары.

Но именно — почти. Какие бы типологические уточнения мы ни вносили, а список их может быть бесконечным, все же сохранится *зазор* между реальным поведением этих двух индивидов и тем, что можно дедуцировать из совокупности общих структур. Данный зазор принципиально нельзя устранить, так сказать, *дожать*, вводя все новые и новые типологические уточнения.

И тогда становится необходимым поменять стратегию анализа наших персонажей, перейти к включенному наблюдению и увидеть в них живых свободных индивидов, ставших частью биографии друг друга, причем способных в любой момент уклониться от предписанной типологической траектории и проявить себя совершенно иначе.

Этот зазор между обоими видами наблюдения демонстрирует *невозможность* непрерывным движением мысли перейти от одного способа рассмотрения к другому. А это значит, что можно говорить о дуализме наблюдения как способа познания в качественной социологии, который аналогичен дуализму квантовых частиц. Ведь их тоже приходится рассматри-

¹ Даже самого себя, согласно Зигмунду Фрейдю, человек не способен познать в «окончательной глубине». Но представим на минуту людей совершенно прозрачных друг для друга. У них дно души совпадало бы с ее поверхностью. Такое общество одномерных существ описано в романе Владимира Набокова «Приглашение на казнь».

вать то как корпускулы, то как волны в зависимости от используемого экспериментального оборудования.

Но если невозможно переходить от одного способа наблюдения к другому, то остается принять неустранимость разрыва между обоими видами познания субъективных миров человеческих сообществ и признать иллюзорным стремление к формированию некоего единого понимания. Оба способа невозможно рассматривать в качестве переходящих друг в друга разновидностей или ступеней единого процесса познания. Они не выводятся один из другого, но, если можно так выразиться, рядоположены параллельно друг другу: наблюдаешь либо тип, либо личность.

Эту принципиальную невыводимость одного способа понимания человеческих сообществ из другого можно считать аргументом в пользу принципиальной фрагментарности наблюдения в качественной социологии, т.е. различных углов зрения, каждый из которых выхватывает свою сторону реальности, и эти стороны обречены на отсутствие единства между собой. Так, цилиндр проецируется в виде прямоугольника на одну плоскость и в виде круга на другую. И очевидно, что сколько бы мы ни прикладывали круг к прямоугольнику, мы не вернемся снова к цилиндру. Не является ли наше наблюдение жизни сообщества такого же рода механическим объединением отличающихся друг от друга точек зрения, которые не позволяют увидеть бытие сообщества таким, каково оно в реальности?

Представляется, однако, что именно фрагментарность способов понимания наблюдаемого как раз и дает возможность воспринимать это наблюдаемое как оно есть.

Юрий Лотман в работе «Культура и взрыв» пишет о том, что реальность способен охватить не один какой-то язык, а только их совокупность, и называет иллюзорным представление о возможности единого языка для описания внешней реальности. Минимальной работающей структурой являются два языка, неспособные по отдельности охватить внешний мир. Лотман подчеркивает, что взаимная непереводаемость языков или их ограниченная переводимость и есть как раз условие адекватности отражения внеязыковой реальности [3, с. 12–14].

Если вместо языков мы говорим о двух различных видах наблюдения — включенном и невключенном, то, следуя мысли Лотмана, должны признать их необходимость как именно непереводаемых друг в друга, но *взаимодополняющих* друг друга видов наблюдения. И эта их взаимная дополняемость позволяет формировать более или менее адекватное понимание жизни конкретного сообщества [4, с. 21].

Список литературы

1. Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект-Пресс, 1996. 168 с.

2. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
3. Лотман Ю.М. Культура и взрыв // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2010. С. 12–148.
4. Ненашев М.И. Методы исследований в качественной социологии. Киров: Радуга-Пресс, 2016. 134 с.
5. Ненашев М.И. Особенности социологического наблюдения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 111–119. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-111-119.
6. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 292 с.
7. Щюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. С. 7–179.

Получено 31.01.2016

References

1. Berger P. *Priglasenie v sotsiologiyu. Gumanisticheskaya perspektiva* [Invitation to sociology. Humanistic perspective]. Moscow, Aspent-Press Publ., 1996, 168 p. (In Russian).
2. Garfinkel H. *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in ethnomethodology]. Saint Petersburg.: Piter Publ., 2007, 335 p. (In Russian).
3. Lotman Y.M. [Culture and explosion]. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint Petersburg, Iskustvo Publ., 2010, pp. 12–148. (In Russian).
4. Nenashev M.I. *Metody issledovaniya v kachestvennoj psihologii* [Research methods in qualitative sociology]. Kirov, Raduga-Press Publ., 2016, 134 p. (In Russian).
5. Nenashev M.I. [Peculiarities of sociological observations] *Vestnik Permskogo Universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2016, iss. 2(26), pp. 111–119. DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-111-119 (In Russian).
6. Semenova V.V. *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative methods: an introduction to humanist sociology]. Moscow, Dobrosvet Publ., 1998, 292 p. (In Russian).
7. Schütz A. [Everyday and scientific interpretation of human action]. *Izbrannoe. Mir, svetyaschijsya smyslom* [Selected: World glowing with sense]. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 2004, pp. 7–179. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 31.01.2016

Об авторе

Ненашев Михаил Иванович

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социологии и социальной
психологии

Вятский государственный университет,
610000, Киров, ул. Московская, 36;
e-mail: mnenashev@inbox.ru

About the author

Nenashev Mikhail Ivanovich

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Sociology
and Social Psychology

Vyatka State University,
36, Moskovskaya str., Kirov, 610000, Russia;
e-mail: mnenashev@inbox.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ненашев М.И. Наблюдение в качественной социологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 129–134. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-129-134

Please cite this article in English as:

Nenashev M.I. Observation in qualitative sociology // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 129–134. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-129-134

УДК 316.64

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-135-140

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА СОЦИАЛЬНОЙ УСТАНОВКИ В СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Гордеева Светлана Сергеевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Рассматривается история научного изучения социальной установки в социальной психологии и социологии. На основании анализа работ У. Томаса, Ф. Знанецкого, Г. Олпорта раскрывается сущность социальной установки. Выявлена двойственная природа социальной установки, которая обуславливает необходимость рассмотрения внешнего по отношению к индивиду социального объекта и индивидуальной реакции индивида на тот или иной объект. Подчеркивается, что понимание социальной установки как состояния сознания и нервной системы, которое оказывает направляющее влияние на его поведение на основе сформированного предшествующего опыта, носит ограниченный характер в силу излишней индивидуализации установок. Проводится содержательный анализ теорий двухкомпонентной (Л. Терстоун, И. Сарнофф Д. Кац) и трехкомпонентной (М. Смит, К. Ховланд) структуры социальной установки, определяется противоречивая по направленности и содержанию структура установки. Раскрываются возможности экологического подхода (А.А. Девяткин) к определению структуры установки, включающей уровни экологического, аттитюдного и поведенческого компонентов. На основе определения сущности и структуры социальной установки обосновывается специфика социологического подхода к ее изучению. Подчеркивается важность осмысления социальной установки на уровне социальной общности, понимания фиксированного характера установки и социального свойства ее объекта. Предлагается авторское определение сущности социальной установки как готовности субъекта совершать конкретные действия в определенных ситуациях, способствующих удовлетворению актуализированных потребностей, формируемой на основании эмоционально окрашенного оценочного отношения к социальному объекту.

Ключевые слова: социальная установка, сущность установки, структура установки.

ESSENCE AND STRUCTURE OF SOCIAL ATTITUDES IN SOCIOLOGY AND SOCIAL PSYCHOLOGY

Svetlana S. Gordeeva

Perm State University

History of the scientific study of social attitude in social psychology and sociology is presented. On the basis of the analysis of works of W. Thomas, F. Znaniecki, and G. Allport, the essence of social attitude is considered. The dual nature of social attitude, which necessitates the review of the social object external to the individual and the individual response of the individual to a particular object, is clarified. It is emphasized that the understanding of the social attitude as a state of mind and of nervous system, which has a guiding influence on behavior on the basis of the generated previous experiences, is limited due to excessive individualization of attitudes. Theories of two-component (L. Thurstone, J. Sarnoff, D. Katz) and three-component (M. Smith, K. Hovland) structure of attitude are analyzed to establish the contradictory attitude structure as regards the direction and content of the attitude. Advantages of the ecological approach (A.A. Devyatkin) to the definition of attitude structure including levels of environmental, attitude and behavioral components are suggested. On the basis of the determination of the essence and structure of social attitude, the specificity of the sociological approach to the study of attitude is substantiated. Understanding the importance of social attitude for social community, understanding the fixed nature of attitude and social properties of its object are emphasized. Author advances the definition of the essence of social attitude as a subject's readiness to act in certain situations, which forms in response to the emotionally coloured evaluative attitude towards social objects.

Keywords: social attitude, essence of attitude, structure of attitude.

Потребность в понимании социальной установки на современном этапе развития общества, ее сущности и места в системе социального поведения личности обостряется в условиях распространения девиантных форм поведения среди населения, с одной стороны, и повышения риска использования новых социально-психологических технологий в целях манипулирования поведением личности в условиях широкого распространения средств массовой информации — с другой. Определение причин, факторов и моделей социального поведения индивидов в обществе в контексте социологического изучения предполагает обращение к тем механизмам, которые не только регулируют индивидуальное поведение человека, но и обеспечивают единство восприятия и поведения членов социальной группы. В этом смысле понятие социальной установки (аттитюда) представляется ключевым.

История социологического и психологического изучения аттитюдов показывает, что связь социальной установки и реального поведения индивида или группы не всегда буквальна и очевидна. Известные эксперименты Р. Лапьера, проведенные в США в 1930-х гг., показали, что индивид не всегда ведет себя в соответствии с установками. Более того, спустя полвека Д.Дж. Бем предположил, что не установки определяют поведение, а наоборот.

Таким образом, представляется целесообразным анализ существующих теоретических подходов к определению роли социальной установки в детерминации поведения индивидов, ее сущности и структуры.

Традиция изучения социальных установок берет начало в западной социальной психологии и социологии с исследований представителей Чикагской социологической школы У. Томаса и Ф. Знанецкого, изучавших адаптацию польских крестьян, которые эмигрировали из Америки в Европу.

Целесообразность введения в научный социологический дискурс термина «социальная установка» определяется, по мнению Томаса и Знанецкого, необходимостью объяснения связей объективно существующих культурных элементов общественной жизни и субъективных характеристик членов социальной группы. Причем социальные установки не могут быть рассмотрены в отрыве от социальных ценностей, воплощением которых на индивидуальном уровне они и являются. Но если ценность характеризует некий внешний объект (данность, факт), обладающий для индивида или группы эмпирическим содержанием и значением, то установка описывает внутреннее состояние индивида, «психологический процесс». При этом ценности являются таковыми и способны оказывать воздействие на пове-

дение людей благодаря социальным установкам, выраженным в них. То есть Томас и Знанецкий с помощью понятия социальной установки описывают «субъективные ориентации индивидов как членов группы на те или иные ценности, предписывающие им определенные социально принятые способы поведения» [1, с. 117].

Определение социальной установки, которое дают Томас и Знанецкий, предполагает ее интерпретацию как «процесса индивидуального сознания», определяющего активность индивида (реальную или потенциальную) в социальном мире, как «психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта» или как «состояние сознания индивида относительно некоторой социальной ценности» [7]. Это выводит на первый план важнейшие признаки социальной установки — социальный характер объекта, на который ориентировано поведение человека, осознанность этого поведения, наличие эмоционального компонента и регулятивный характер установки. Ценным является также указание на «неабсолютность» и «неуниверсальность» аттитюдов, потенциально понимаемых только в контексте социальной жизни конкретного общества или социальной группы, лишь в связи с «социальным фоном», на котором установки возникают.

Подчеркивая важность изучения «социального фона», исследователи обращают внимание на то, что одно и то же действие индивида в разных социальных условиях приведет к различным результатам. Отсюда вытекает необходимость определения и оценки ситуации, в рамках которой осуществляется деятельность индивида или группы. По мнению Томаса и Знанецкого, определение ситуации включает в себя выявление: а) объективных условий, которые прямо или косвенно воздействуют на сознание индивида или группы; б) установок, существующих ранее и воздействующих на поведение индивида или группы в данный момент; в) субъективного представления индивида или группы условий и осознания ими установок. При этом выбор того или иного действия индивидом осуществляется на основе систематизации и ранжирования имеющихся установок.

Американские авторы в своем исследовании указывают на существование в жизни общества упорядоченности действий (правил поведения) индивида или социальной группы, которые есть не что иное, как проявление социальных установок, благодаря которым поддерживаются и регулируются действия членов общества. Принадлежность к определенной группе при рождении определяет поведение индивида в силу необходимости следования соответствующим правилам поведения, разделяемым в дан-

ной социальной группе. «Если члены определенной группы идентичным образом реагируют на определенные ценности, то это происходит потому, что они были социально приучены делать именно так, потому, что традиционные правила поведения, доминирующие в данной группе, навязывают ее члену определенные способы решения практических ситуаций, встречающихся в жизни» [3, с. 188]. Тем самым авторы обращали внимание на существование связи норм поведения, принятых и разделяемых обществом, и социальных установок.

Анализ теории Томаса и Знанецкого, свидетельствующий о ее сложности и многогранности, позволяет сформулировать важный вывод о двойственной природе социальной установки, которая проявляется в возможности описания механизма формирования и реализации установки только в случае существования: а) социального объекта, внешнего по отношению к индивиду, б) индивидуальной реакции на тот или иной объект, то есть наличия определенного отношения к нему. Таким образом, введенное в научный оборот психологами понятие «социальная установка» теряет свою сугубую психологичность и может быть рассмотрено с позиций социологического подхода, подчеркивая социально-психологическую природу изучаемого феномена.

В то же время важно отметить, что теория Томаса и Знанецкого имеет некоторые ограничения. Так, в рамках рассматриваемой концепции социальная установка часто подменяет потребность. Интерпретируя установку в конкретных ситуациях, авторы определяют ее как «чувство голода, заставляющее потреблять пищу», как «решение рабочего воспользоваться инструментом». Представленные примеры соответствуют определению установки как «процесса индивидуального сознания, который определяет активность индивида» в социуме, но в большей степени могут быть определены как побудители к действию в силу ощущения недостаточности чего-либо.

Кроме того, из теории неясно, каков механизм формирования социальной установки. Определяя установку как психологический процесс, взятый в первую очередь в связи с некоторой ценностью, авторы оставляют открытым вопрос об обязательности формирования социальной установки при наличии социальной ценности.

Продолжает теорию Томаса и Знанецкого диспозициональное направление в социологии, в рамках которого установка трактуется как нечто, преломленное через сознание. Наиболее ярко это проявляется в работах Г. Олпорта, утверждавшего, что установки «детерминируют определенный модус поведения, благодаря им одни типы действия совершаются, а другие сдерживаются» [5].

В период теоретических дискуссий относительно содержания понятия «аттитюд» Г. Олпорт обобщил имеющиеся к тому времени определения социальной установки и интерпретировал ее как «состояние психонервной готовности, сложившееся на основе опыта и оказывающее направляющее и (или) динамическое влияние на реакции индивида относительно всех объектов или ситуаций, с которыми он связан». Аттитюд есть не что иное, как «расположенность индивида к определенным реакциям на внешнюю среду» [5].

В теории Г. Олпорта представляется важным рассмотрение социальной установки через соотношение готовности индивида к действиям с внешней средой, ядром которой выступают другие люди, что подчеркивает социальную сущность установки. В качестве основной Г. Олпорт выделяет установку «сдерживания», детерминирующую речь и поведение индивида. «Мы имеем готовый комплекс реакций для ответа в присутствии людей, — пишет Г. Олпорт. — Простое присутствие другого человека заставляет нас в большей степени контролировать наши реакции, чем когда мы находимся одни. Мы должны сдерживать себя, чтобы не занять всю дорогу, должны соблюдать правила вежливости, быть воздержанными на язык или на эмоциональное выражение, подавлять примитивные сексуальные наклонности, вести себя с достоинством» [5].

Несмотря на понимание установки Г. Олпортом как детерминанты социального поведения и на значимость согласования поведения индивида с поведением других людей, основным ограничением его теории следует считать излишнюю индивидуализацию предрасположенностей (установок) индивида. Поведение человека, считает Г. Олпорт, является результатом конфигурации личностных черт.

Таким образом, к середине XX в. в социальной психологии и социологии сформировалось понимание социальной установки как определенного состояния сознания и нервной системы, которое выражается в готовности индивида к реакции и оказывает направляющее влияние на его поведение на основе сформированного предшествующего опыта.

Данная трактовка социальной установки носит во многом ограниченный характер, поскольку в объективной реальности формирование и реализация установок осуществляется в процессе поиска способов удовлетворения потребностей общего порядка, а не в форме ситуативной реакции на стимулы окружающей среды. Кроме того, вне поля зрения ученых осталось понимание структуры социальной установки, элементы которой, находясь во взаимосвязи, играют важную роль в понимании социальной сущности изучаемого феномена.

Подходы к изучению структуры социальной установки в зависимости от составляющих ее компонентов можно разделить на две группы. К *первой группе* относятся теории, в рамках которых установка рассматривается как ценностное отношение, выражающееся в готовности положительной или отрицательной реакции на социальный объект. Среди авторов двухкомпонентной структуры установки следует отметить Л. Терстоуна, который разработал собственную шкалу измерения социальной установки по принципу парного сравнения высказываний. Данным методом Л. Терстоун проанализировал отношение к войне, смертной казни, церкви, обычаям, общественным институтам и к другим. Установку Л. Терстоун определял как «многомерный психологический конструкт», в котором оценочная нагрузка информации является предпочтительнее, чем ее когнитивный компонент [2, с. 30]. Кроме того, следует упомянуть И. Сарноффа, который определял установку как «склонность реагировать положительно или отрицательно на определенный класс объектов» [2, с. 21]. Установка, как отмечал И. Сарнофф, может измениться благодаря «рациональному» подходу, а именно поступлению новой информации в пределах существующей системы взглядов. Кроме того, нормативное давление со стороны группы выступает определяющим фактором в изменении социальной установки индивида [6].

Уточняя структуру установки, Д. Кац подчеркивает, что она включает аффективный (чувство симпатии или антипатии) и когнитивный (знания) элементы, которые отражают объект установки, его связи с другими объектами [4, с. 108]. Отмечая определенную устойчивость структуры аттитюда, Д. Кац придерживается позиции, согласно которой в разных ситуациях может проявляться то когнитивный, то аффективный компоненты аттитюда, тем самым определяя различный результат.

Вторая группа теорий предполагает деление установки на три компонента. Трехкомпонентная теория структуры установки была впервые определена М. Смитом. Структура аттитюда здесь включает а) когнитивный компонент (осознание объекта социальной установки); б) аффективный компонент (эмоциональная оценка объекта, выявление чувства симпатии и антипатии к нему); в) поведенческий (конативный) компонент (последовательное поведение по отношению к объекту) [4, с. 102]. Следует отметить, что трехкомпонентная структура социальной установки, описанная М. Смитом, имеет психологическую сущность, она объясняет поведение индивида при реагировании на случайные обстоятельства.

Структура установки, состоящая из трех компонентов, была выявлена в экспериментальных иссле-

дованиях К. Ховланда («Йельские исследования»). В ходе эксперимента были обнаружены зависимости между различными компонентами установки и возникающие отсюда особенности взаимовлияния и взаимозависимости различных составляющих установки. Несмотря на интересные выводы эксперимента, которые показали, что в результате воздействия на один из составляющих компонентов установки (когнитивный, поведенческий или аффективный) меняются и остальные компоненты, оставались открытыми вопросы измерения установки, ее структурных элементов и связь установки с реальным поведением индивида.

Критика и ограничения, с которыми столкнулись авторы, описывающие структуру социальной установки, могут быть сведены к пяти ключевым противоречиям: а) неясность соотношения и зависимости элементов установки; б) равнопорядковость или «ядерность» выделяемых элементов (приоритет эмоциональной или поведенческой предрасположенностей в разных теориях); в) скоординированность или ее отсутствие в определении последовательности реакций и элементов установки; г) игнорирование социальной установки, ограничение при объяснении поведения сферой индивидуального поведения; д) целесообразность включения в структуру установки поведенческого компонента в силу предназначения самой установки — объяснить и предсказать поведение индивида или социальной группы.

Попытку преодоления данных противоречий предпринимает А.А. Девяткин, развивающий экологический подход к анализу установки, в рамках которого выделяются три уровня социальной установки: (а) уровень экологического компонента социальной установки, (б) уровень аттитюдного компонента и (в) уровень поведенческого компонента [2, с. 30].

Согласно позиции А.А. Девяткина, механизм формирования первого уровня установки осуществляется по теории Д.Н. Узнадзе: установка как «бессознательное психическое явление» возникает при взаимодействии индивида с окружающей средой благодаря комбинации «потребности» индивида и «ситуации ее удовлетворения». Разнообразие механизмов формирования аттитюдов, представленных с социальной психологии, находят свое отражение на втором уровне формирования установки — уровне аттитюда. Когнитивный и аффективный компоненты структуры установки представлены на данном уровне; определяющее влияние имеют прошлый опыт и научение. Поведенческий компонент аттитюда соответствует третьему уровню, который следует охарактеризовать как уровень тенденции к действиям, на котором усиливают свое влияние факто-

ры внешней среды. Все три уровня установки составляют понятие «социальной установки» и связаны исключительно с индивидом.

Таким образом, обзор основных концепций и представлений, рассматривающих сущность установку и ее структуру, позволяет сформулировать определение установки с позиций психологического анализа: установка — это психологическое состояние предрасположенности индивида к определенным действиям в отношении объектов в конкретной ситуации, оказывающее организующее, направляющее влияние на поведение индивида. Ограниченность подобной трактовки, связанная с пониманием установки на индивидуальном уровне вне связи с характерным проявлением на уровне общности, диктует необходимость в дополнении социологическим фокусом анализа социальной установки.

Специфику социологического подхода к изучению социальной установки, на наш взгляд, следует понимать, опираясь на ряд положений:

1. Осмысление социальной установки осуществляется на уровне социальной общности (социальной группы, класса, нации), в отличие от психологического толкования установки, рассматриваемой на индивидуальном уровне. Социальная установка «впечатана» в структуру поведения членов социальной группы [4, с. 106].

2. Основополагающее значение при характеристике объекта социальной установки играет его свойство социальности. Социальный объект как элемент социальной среды создан в процессе совместной жизнедеятельности членов общества, в результате взаимодействия между социальными общностями и личностью.

3. Отличительной особенностью социальной установки выступает ее фиксированность, т.е. обладание определенным предметным содержанием. Социальная установка есть некий стандартизированный инвариант «личностного смысла» ее объекта [4, с. 106].

Учитывая специфику социологического подхода к определению сущности социальной установки, под социальной установкой мы понимаем готовность субъекта совершать конкретные действия в определенных ситуациях, способствующих удовлетворению актуализированных потребностей, формируемую на основании эмоционально окрашенного оценочного отношения к социальному объекту.

Список литературы

1. Ганжа А.О., Зотов А.А. Гуманистическая социология Флориана Знанецкого // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 112–120.
2. Десяткин А.А. Явление социальной установки в психологии XX века. Калининград, 1999. 309 с.

3. Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 182–194.
4. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979. 344 с.
5. Allport H. Social Attitudes and Social Consciousness // Classic Contribution to Social Psychology. N.Y.: Oxford University Press, 1972. P. 189–190.
6. Lutz R.A. Functional Approach to Consumer Attitude // Advances in Consumer Research / eds. by K. Hunt, A. Abor. MI: Association for Consumer Research, 1978. Vol. 5. P. 360–369.
7. Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. 2nd edition. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1927. Vol. 1. 1115 p.

Получено 05.05.2016

References

1. Ganzha A.O., Zotov A.A.. [Florian Znaniecki on humanistic sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2002, no. 3, pp. 112–120. (In Russian).
2. Devyatkin A.A. *Yavlenie sotsialnoy ustanovki v psikhologii XX veka* [The phenomenon of social settings in the psychology of the XX century]. Kaliningrad, 1999, 309 p. (In Russian).
3. Tomas U., Znanetskiy F. *Metodologicheskie zametki* [Methodological notes]. Moscow, Moscow State University Publ., 1994, pp. 182–194. (In Russian).
4. Shikhirev P.N. *Sovremennaya sotsialnaya psikhologiya SShA* [Contemporary social psychology of USA]. Moscow, Science, 1979. 344 p. (In Russian).
5. Allport H. Social Attitudes and Social Consciousness. *Classic Contribution to Social Psychology*. New York, Oxford University Press, 1972, pp. 189–190. (In English).
6. Lutz R.A. Functional Approach to Consumer Attitude. *Advances in Consumer Research* / eds. by K. Hunt, A. Abor. MI: Association for Consumer Research, 1978, vol. 5, pp. 360–369. (In English).
7. Thomas W., Znaniecki F. The Polish peasant in Europe and America. 2nd edition. New York: Alfred A. Knopf, 1927, vol. 1, 1115 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 05.05.2016

Об авторе

Гордеева Светлана Сергеевна

кандидат социологических наук, старший
преподаватель кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru

About the author

Gordeeva Svetlana Sergeevna

Ph.D. in Sociology, Senior Lecturer of the Department
of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ssgordeyeva@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гордеева С.С. Сущность и структура социальной установки в социологии и социальной психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 135–140.
doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-135-140

Please cite this article in English as:

Gordeeva S.S. Essence and structure of social attitudes in sociology and social psychology // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 135–140. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-135-140

УДК 316.653

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-141-152

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ УГРОЗЫ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Кирилина Татьяна Юрьевна, Фомичева Татьяна Владимировна,
Юдина Татьяна Николаевна, Долгорукова Ирина Владимировна,
Киреев Егор Юрьевич*

Российский государственный социальный университет

В статье на основе материалов общероссийского исследования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (полиции) в 85 субъектах Российской Федерации, проведенного Российским государственным социальным университетом в 2014–2015 гг., анализируется оценка населением террористической угрозы в регионах Российской Федерации.

Исследуется степень обеспокоенности россиян угрозой террористических актов на федеральном и региональном уровнях. Особое внимание уделено изучению мнения граждан об эффективности деятельности подразделений по противодействию экстремизму/терроризму и оценки россиянами их деятельности по обеспечению личной и имущественной безопасности. Показано, что угрозой террористических актов обеспокоены почти две трети россиян.

Анализ уровня доверия граждан подразделениям по противодействию экстремизму/терроризму показал, что немногим более половины россиян доверяют им в обеспечении своей личной и имущественной безопасности. Авторы приходят к выводу о том, что в целом по Российской Федерации уровень доверия к таким подразделениям в 2015 г. по сравнению с 2014 г. стал выше.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, террористическая угроза, социальная тревожность, социальные опасения, общество риска.

THE ASSESSMENT OF TERRORIST THREATS IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

*Tatiana Yu. Kirilina, Tatiana V. Fomicheva, Tatyana N. Yudina,
Irina V. Dolgorukova, Egor Yu. Kireev*

Russian State Social University

The article based on materials of the all-Russian public opinion research on activities of internal Affairs bodies (police) in 85 constituent entities of the Russian Federation, the Russian state social University in 2014–2015. And analyze the estimate the terrorist threats population in the regions of the Russian Federation.

The authors examine the concern level the Russians with the terrorist acts threat at Federal and regional levels. Special attention is paid to studying citizens opinion about the activities effectiveness of the division to combat extremism/terrorism and the degree of trust the members of this unit in ensuring personal and property safety.

It is shown, that the almost two third of the Russians are worried about terrorist threat.

Analysis of the citizens' confidence in the divisions to combat extremism/terrorism level shows that a bit more than a half of the Russians trust in their staff to ensure personal and material safety. A quarter of respondents does not trust them. The conclusion is that the level of confidence in division to combat extremism/terrorism has risen since 2014.

Keywords: terrorism, extremism, the terrorist threat, social anxiety, social concerns, risk society.

В последние годы терроризм приобрел глобальный размах: он находит новые способы, формы, принципы воздействия, базируется на профессиональной подготовке террористов и разработке неординарных

приемов совершения террористических актов и вследствие этого является серьезной угрозой для населения и национальной безопасности России [12].

Проблема борьбы с терроризмом в настоящее время стала одним из важнейших направлений обеспечения государственной безопасности. Согласно Федеральному закону «О противодействии терроризму» терроризмом признаются идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [6].

Возрастающее число жертв насилия, неспособность государств остановить террор, мощный общественный резонанс, бесконтрольная деятельность СМИ способствуют росту напряженности и социальной нестабильности. Все чаще террористические акты совершаются способами, приводящими к наиболее тяжким последствиям, таким как применение устройств с использованием взрывчатых веществ, в местах массового скопления людей [3, 10].

Как наглядно демонстрируют общероссийские исследования, последние события (крушение российского самолета в Египте в результате теракта и взрывы во Франции) усилили страхи россиян [13].

Индекс террористических опасений с октября 2015 г. по ноябрь 2015 г. вырос на 9 пунктов (с 41 п. до 50 п. соответственно) и оказался близок к показателю января 2014 г. (51 п.), когда в памяти граждан были свежи впечатления от теракта в Волгограде. Динамика зафиксирована на фоне увеличения доли тех, кто опасается стать жертвами терактов (с 65 % до 72 % опрошенных) и уменьшения доли тех, кто старается не задумываться над этим вопросом (с 18 % до 12 %). Убежденность в том, что ни им, ни их близким ничего не угрожает, в ноябре 2015 г. выразили только 15 % опрошенных [13].

Одновременно с этим резко снизился уровень уверенности в том, что российские власти способны защитить граждан от террористической угрозы. Соответствующий показатель с октября по ноябрь упал с 60 до 35 п. Количество тех, кто не сомневается, что руководство страны сможет оградить население от терактов, сократилось с 77 % до 64 %.

Для современного общества характерно расширение сферы рисков, опасностей и угроз как на макро-, так и микросоциальном уровне. В обществе «тотальной небезопасности» человечество погружено в непрерывный процесс «калькулирования рисков», просчитывания ситуаций возникновения опасности и их вероятных последствий [3, 4, 5, 10].

Террористические атаки вызывают шоковую реакцию и усиление опасений. Страх стать жертвой теракта иррационален, он слабо связан с объективной оценкой вероятности подобного события.

Страх на рубеже XX–XXI вв. переходит из категории, применяемой при анализе разнообразных социальных проблем, в основную категорию осмысле-

ния современности [1, 11]. В первую очередь это детерминировано тем, что многообразие различных катастроф и социальных кризисов, а также трансформация характера угроз преопределили возникновение массового сознания, основанного на страхе, — «катастрофического» сознания, нередко облекающегося в форму апокалипсического. В массовом сознании это проявляется как «набор» различных по масштабу и последствиям воздействия тревог, опасений, угроз и социальных страхов. С одной стороны, массовые социальные страхи — это результат функционирования современного общества, а с другой — страхи возникают в процессе адаптации к изменениям среды, мобилизуют на противодействие опасностям и угрозам существованию индивидов и групп [1, 7, 8, 11, 13, 14].

Одной из задач общероссийского исследования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (полиции), проведенного в 2014–2015 гг. Российским государственным социальным университетом по заказу Министерства внутренних дел, было изучение оценки населением террористической угрозы в различных регионах Российской Федерации [2, 7, 9].

Методы исследования

Первичная эмпирическая информация собиралась методом стандартизированного очного личного интервью, проводящегося по месту жительства респондентов в каждом субъекте Российской Федерации (85 регионов), включая Республику Крым и Севастополь. Опрашивалось взрослое дееспособное население в возрасте от 18 лет по модели общероссийской комбинированной трехступенчатой стратифицированной выборки домохозяйств. Общий размер выборки составил 48 800 респондентов. В 11 регионах с численностью населения менее 400 000 было опрошено по 400 респондентов, в остальных 74 регионах — по 600 респондентов. Такая структура выборки стала модернизацией выборки «с равным размещением» и применялась для сравнения субъектов Российской Федерации между собой.

Единицей наблюдения был гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий по месту прописки на момент исследования. Направленный отбор респондентов осуществлялся на стадии завершения маршрутного задания. Респонденты отбирались в соответствии с половозрастными квотами и контрольными ограничениями по наличию высшего образования, с моделированием случайности на основе правила «ближайшего дня рождения».

Совокупность опрошенных респондентов представительна для взрослого населения России по показателям пола, возраста, места жительства (город/село) как для каждого субъекта, так и для страны в целом. Фактическая ошибка по репрезентирующим признакам не превышает 2,5 % [2, 7, 9].

Результаты исследования

Исследование показало, что угрозой террористических актов в целом обеспокоены почти две трети (60 %) респондентов (общее количество ответов «Сильно беспокоит» и «Немного беспокоит»). Угроза террористических актов сильно беспокоит каждого четвертого участника опроса (24 %).

Из федеральных округов самый высокий уровень обеспокоенности выявлен в Крымском федеральном округе. Здесь сильно встревожены данной угрозой почти треть респондентов (31 %). Индекс беспокойства в отношении террористических актов в этом округе составил 0,08 (табл. 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Поясните, пожалуйста, какие события и явления в Вашем регионе и в какой степени лично Вас беспокоят?» / «Угроза террористических актов» (% опрошенных в ФО)

Ответ	РФ	Федеральный округ								
		Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальне-восточный	Крымский
Не беспокоит	39	41	39	30	45	38	46	31	52	23
Немного беспокоит	36	33	43	38	34	40	25	40	29	43
Сильно беспокоит	24	25	17	29	21	21	27	27	18	31
Индекс беспокойства*	-0,15	-0,16	-0,22	-0,01	-0,24	-0,19	-0,19	-0,04	-0,34	0,08

Примечания: * Индекс беспокойства $I = (a - b) : 100 \%$, где a — доля респондентов, сильно обеспокоенных какими-либо событиями; b — доля респондентов не обеспокоенных какими-либо событиями. Индекс беспокойства (i) принимает значения от (-1) — абсолютная обеспокоенность до (+1) — полное отсутствие беспокойства.

На региональном уровне были выявлены существенные различия в степени обеспокоенности угрозой террористических актов. Так, самый высокий показатель выявлен в Москве. Сильно обеспокоены угрозой террористических актов в столице около половины респондентов (44 %), что почти в 2 раза больше, чем в среднем по Российской Федерации (табл. 2). Далее идут Республика Ингушетия и Кабардино-Балкарская Республика (41 % и 40 % соответственно).

Согласно результатам проведенного исследования респонденты, которые взаимодействовали с подразделениями по противодействию экстремизму/терроризму, оценивают его работу в основном

положительно (5 % опрошенных из 8 %).

В Северо-Кавказском и Сибирском ФО деятельность сотрудников подразделений по противодействию экстремизму и терроризму оценивает положительно большая, чем в других федеральных округах, доля граждан (соответственно 9 % и 8 %). Наименьшее количество положительных оценок было получено в Уральском федеральном округе (табл. 3).

На региональном уровне были выявлены существенные различия в количестве граждан, взаимодействовавших с сотрудниками этих подразделений, и оценках их деятельности.

Таблица 2. Регионы с высоким уровнем обеспокоенности угрозой террористических актов (% опрошенных в регионе)

Регион	Не беспокоит	Немного беспокоит	Сильно беспокоит	Индекс беспокойства
Москва	16	41	44	0,28
Республика Ингушетия	18	40	41	0,23
Кабардино-Балкарская Республика	19	41	40	0,21
Ростовская область	20	46	34	0,14
Республика Крым	19	45	33	0,14
Новосибирская область	24	40	33	0,09
Волгоградская область	22	46	31	0,09
Нижегородская область	22	48	30	0,08
Омская область	27	37	32	0,04
Челябинская область	33	31	35	0,2
Алтайский край	29	39	31	0,02
Еврейская автономная область	28	36	35	0,01

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Если за последние 12 месяцев Вам или членам Вашей семьи приходилось иметь дело с сотрудниками полиции, как Вы можете оценить их работу (положительно или отрицательно)?» / Позиция «Подразделение по противодействию экстремизму/терроризму» (% опрошенных в федеральном округе)

Ответ	РФ	Федеральный округ								
		Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный	Крымский
Положительно	5	3	3	3	9	5	2	8	4	3
Отрицательно	3	3	3	3	1	3	2	5	3	0
Не сталкивался	90	92	92	93	85	90	94	83	88	94
Затрудняюсь ответить	2	2	2	1	4	2	2	4	5	3

54 % респондентов взаимодействовали с сотрудниками подразделений по противодействию экстремизму и терроризму в Тверской области, что на 46 % больше, чем в среднем по России. Именно в этом регионе наибольшее число опрошенных дали положительную оценку их деятельности (25 %), что в пять раз превышает средние значения по всей выборочной совокупности. Также высокий процент положительных оценок отмечен в Смоленской (24 %) и Иркутской (23 %) областях, Кабардино-

Балкарской Республике (20 %) и др. В Кабардино-Балкарской Республике и в Республике Северной Осетии – Алании ни один респондент, имевший дело с сотрудниками данного подразделения, не оценил их деятельность отрицательно. Наибольшее количество отрицательных оценок было получено в Тверской области (29 %), Республике Карелии (29 %), Смоленской области (25 %) и в Еврейской автономной области (23 %) (табл. 4).

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Если за последние 12 месяцев Вам или членам Вашей семьи приходилось иметь дело с сотрудниками полиции, как Вы можете оценить их работу (положительно или отрицательно)?» / «Подразделение по противодействию экстремизму/терроризму» (% опрошенных в регионе)

Регион	Положительно	Отрицательно	Не сталкивался	Затрудняюсь ответить
РФ	5	3	90	3
Тверская область	25	29	37	9
Смоленская область	24	25	50	1
Иркутская область	23	5	71	2
Кабардино-Балкарская Республика	20	0	80	0
Еврейская автономная область	19	23	57	1
Астраханская область	15	11	73	2
Республика Северная Осетия – Алания	15	0	85	0
Астраханская область	15	11	73	2
Республика Алтай	14	9	86	0
Тульская область	13	6	74	8
Республика Башкортостан	12	3	85	0
Республика Дагестан	11	3	85	0
Республика Татарстан	11	6	83	0
Республика Карелия	8	29	62	1

Положительно оценивают деятельность данных подразделений в основном индивидуальные предприниматели (11 %) и руководители (8 %), что превышает среднее значение по России на 6 % и 3 % соответственно (рис. 1).

В целом незначительная часть населения имеет опыт взаимодействия с сотрудниками подразделений по противодействию экстремизму/терроризму. Респонденты, которые так или иначе контактировали с ними, оценивают их работу в основном положительно.

В ходе исследования анализировалось мнение респондентов о том, насколько эффективна деятельность подразделений по противодействию экстремизму/терроризму по защите личных и имущественных интересов граждан. Более 60 % опрошенных считают ее эффективной, при этом 14 % респондентов оценили ее как в полной мере эффективную (рис. 2).

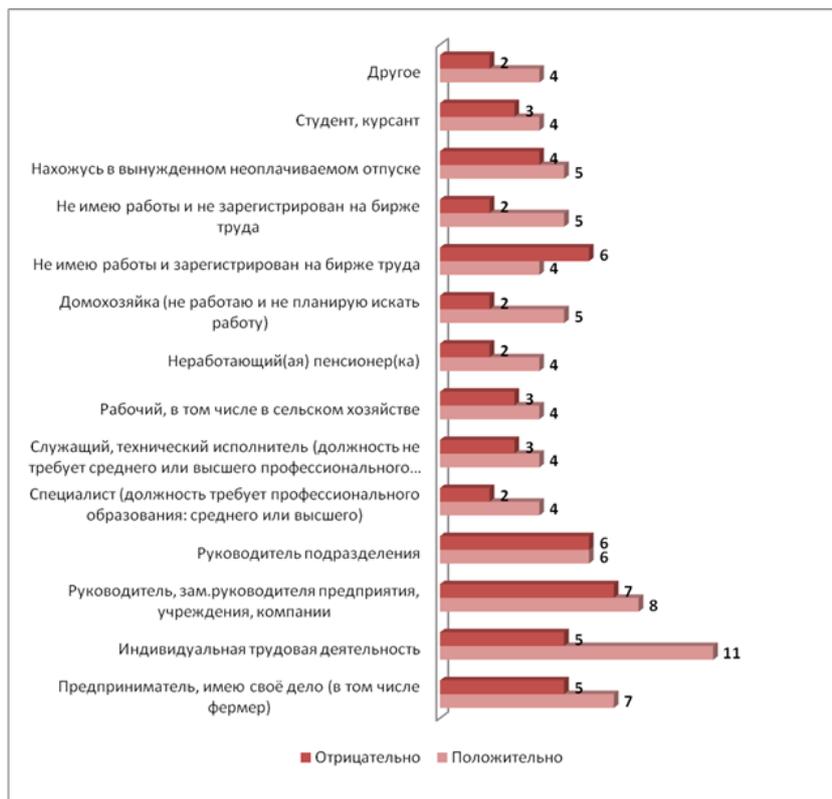

Рис. 1. Оценка работы подразделения по противодействию экстремизму/терроризму (% опрошенных, имевших дело с сотрудниками данного подразделения, в различных профессиональных группах)

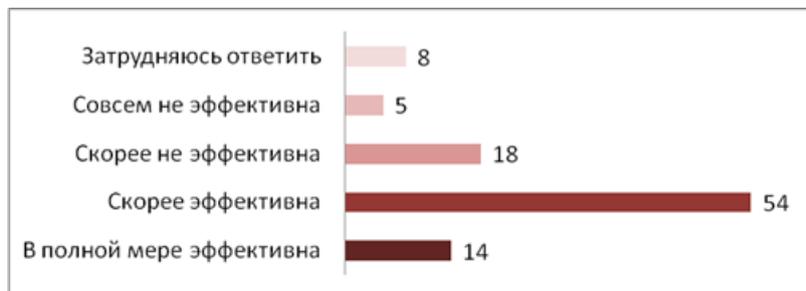

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Насколько, по Вашему мнению, эффективна деятельность подразделения по противодействию экстремизму/терроризму по защите Ваших личных и имущественных интересов?» (% всех опрошенных)

На уровне федеральных округов наблюдаются различия в оценке эффективности деятельности подразделений по противодействию экстремизму/терроризму. Выше, нежели в других округах, эффективность их деятельности (сумма ответов «В полной мере эффективна» и «Скорее эффективна») оценена жителями Крымского (79 %), Центрального (72 %) и Приволжского ФО (71 %) (табл. 5).

Наибольшее число респондентов считают деятельность подразделений по противодействию экстремизму/терроризму неэффективной (сумма ответов «Скорее НЕэффективна» и «Совсем НЕэффективна») в Северо-Кавказском ФО (29 %).

На региональном уровне были выявлены существенные различия в оценке эффективности деятельности подразделений по противодействию экстремизму/терроризму. Высокий уровень (80 % и более) оценки эффективности их деятельности (сумма ответов «В полной мере эффективна» и «Скорее эффективна») отмечен в 12 регионах.

Подавляющее число респондентов (89 %) назвали эффективной деятельность сотрудников данного подразделения в Чеченской Республике (рис. 3).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Насколько, по Вашему мнению, эффективна деятельность полиции в целом и ее отдельных подразделений по защите Ваших личных и имущественных интересов?» / Позиция «Подразделение по противодействию экстремизму/терроризму» (% опрошенных в федеральном округе)

Ответы	РФ	Федеральный округ								
		Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный	Крымский
В полной мере эффективна	14	17	13	18	8	12	12	17	12	23
Скорее эффективна	54	55	54	45	55	59	51	49	55	56
Сумма ответов «В полной мере эффективна» и «Скорее эффективна»	68	72	67	63	63	71	63	66	67	79
Скорее НЕ эффективна	18	18	18	15	24	20	20	17	19	12
Совсем НЕ эффективна	5	4	6	8	5	4	4	6	5	3
Сумма ответов «Скорее НЕ эффективна» и «Совсем НЕ эффективна»	23	22	24	23	29	24	24	23	24	15
Затрудняюсь ответить	9	6	9	14	8	5	12	12	9	7

Рис. 3. Регионы с высоким уровнем оценки эффективности деятельности сотрудников подразделения по противодействию экстремизму/терроризму / Сумма ответов «В полной мере эффективна» и «Скорее эффективна» (% опрошенных в регионах)

В группу с низким уровнем (ниже 60 %) оценки эффективности деятельности подразделений по противодействию экстремизму/терроризму (сумма ответов «В полной мере эффективна» и «Скорее эффективна») вошли 20 регионов. Наименьшее число респондентов сочли деятельность этих подразделений эффективной в Сахалинской области (50 %) (рис. 4).

Рис. 4. Регионы с низким уровнем оценки эффективности деятельности подразделений по противодействию экстремизму/терроризму / Сумма ответов «В полной мере эффективна» и «Скорее эффективна» (% опрошенных в регионах)

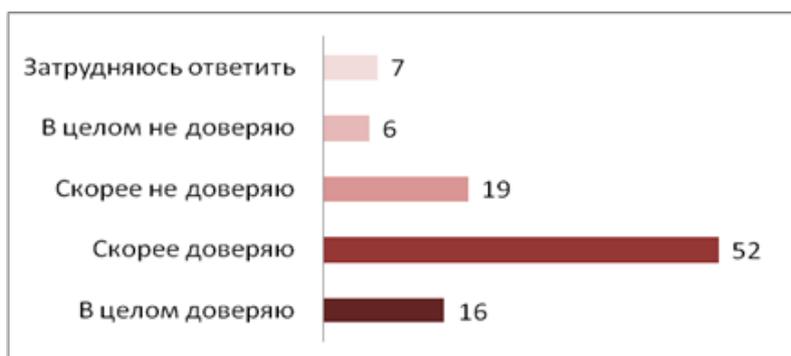

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы доверяете подразделению по противодействию экстремизму/терроризму обеспечению Вашей личной и имущественной безопасности?» (% всех опрошенных)

Самый высокий уровень доверия к подразделениям по противодействию экстремизму/терроризму характерен для Крымского и Северо-Западного ФО (соответственно 79 % и 77 %). Самый высокий уровень недоверия отмечается в Северо-Кавказском ФО (34 %) (табл. 6).

Данные опроса свидетельствуют о том, что две трети респондентов (68 %) доверяют сотрудникам подразделениям по противодействию экстремизму/терроризму обеспечению своей личной и имущественной безопасности. Лишь каждый четвертый респондент испытывает недоверие к данным подразделениям (рис. 5).

В регионах уровень доверия граждан к подразделениям по противодействию экстремизму/терроризму существенно различается. В целом доверяют им преимущественно респонденты из Пензенской (46 %) и Омской (33 %) области, Республики Калмыкии (33 %) и Севастополя (32 %).

Таблица 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько Вы доверяете подразделению по противодействию экстремизму/терроризму?» (% опрошенных в федеральных округах)

Ответы	РФ	Федеральный округ								
		Центральный	Северо-Западный	Южный	Северо-Кавказский	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальне-восточный	Крымский
В целом доверяю	16	21	15	18	8	13	15	18	13	19
Скорее доверяю	52	50	52	45	51	57	49	48	53	60
Сумма ответов «В целом доверяю» и «Скорее доверяю»	68	71	77	63	59	70	64	66	66	79
Скорее не доверяю	19	18	17	18	27	20	15	17	19	10
В целом не доверяю	6	6	8	8	7	5	3	8	7	3
Сумма ответов «Скорее не доверяю» и «В целом не доверяю»	25	24	25	26	34	25	18	25	26	13
Затрудняюсь ответить	7	5	8	10	7	4	18	9	8	7

Склонны доверять подразделениям по противодействию экстремизму/терроризму жители Чеченской Республики (74 %), Республики Башкортостан (72 %), Республики Мордовии (68 %), Республики Татарстан (68%), Республики Чувашии (67 %), Республики Северной Осетии – Алании (66 %).

Согласно результатам исследования уровень доверия россиян к подразделению по противодействию экстремизму/терроризму в 2015 г. составил 68 %. На основе полученных данных об уровне доверия были выделены следующие группы регионов: первая группа — регионы с очень высоким уровнем доверия (от 76 до 100 %); вторая группа — регионы

с высоким уровнем доверия (от 51 до 75 %); третья группа — регионы с низким уровнем доверия (26–50 %); четвертая группа — регионы с очень низким уровнем доверия (менее 26 %).

В первую в 2015 г. вошли 16 регионов (табл. 7). В 2014 г. в нее входили 19 регионов, из которых в 2015 г. перешли во вторую группу Иркутская область (75 %), Ямало-Ненецкий АО (72 %), Тамбовская область (75 %), Карачаево-Черкесская Республика (73 %). Вошла в первую группу в 2015 г. Новгородская область (76 %).

Таблица 7. Регионы с очень высоким уровнем доверия подразделению по противодействию экстремизму/терроризму (% опрошенных в регионах)

Регион	Уровень доверия к ОВД 2015 г.	Изменение уровня доверия к ОВД по сравнению с 2014 г. (%)
Севастополь	86	-6
Воронежская область	84	-12
Республика Северная Осетия – Алания	82	-5
Республика Чувашия	82	-4
Пензенская область	82	0
Московская область	81	-4
Чеченская республика	80	-1
Омская область	79	-5
Республика Татарстан	79	+2
Республика Крым	79	-5
Республика Мордовия	78	-2
Кировская область	78	-1
Республика Башкортостан	77	-4
Еврейская автономная область	77	-2
Приморский край	76	-2
Новгородская область	76	+5

В то же время стоит отметить, что в 13 из 16 регионов данной группы показатели ухудшились. И только в 2 регионах — Республике Татарстан и Новгородской области — показатели улучшились на 2 % и 5 % соответственно.

Вторая группа — регионы с высоким уровнем доверия (от 51 % до 75 %) — включает 72 региона. Наиболее значительно (на 41 %) вырос уровень дове-

рия в Республике Хакасии (с 25 % до 66 %), в Томской области на 22 % (с 32 % до 54 %), в Республике Калмыкии на 10 % (с 62 % до 74 %) и в Ивановской области на 10% (с 42% до 52%). В 40 регионах данной группы уровень доверия повысился по сравнению с 2014 г. (табл. 8).

Таблица 8. Регионы с высоким уровнем доверия подразделению по противодействию экстремизму/терроризму (% опрошенных в регионах)

Регион	Уровень доверия к ОВД 2015 г.	Изменение уровня доверия к ОВД по сравнению с 2014 г. (%)
Иркутская область	75	-3
Тамбовская область	75	-2
Ханты-Мансийский АО	75	+2
Костромская область	74	-1
Белгородская область	74	+2
Оренбургская область	74	+2
Ненецкий АО	74	+7
Республика Калмыкия	74	+12
Карачаево-Черкесская республика	73	-3
Астраханская область	73	0
Ямало-Ненецкий АО	72	-6
Чукотский АО	72	+1
Москва	72	+2
Нижегородская область	71	-4
Магаданская область	71	-3
Брянская область	71	+3
Камчатский край	71	+4
Самарская область	70	+1
Санкт-Петербург	70	+2
Калининградская область	69	-1
Владимирская область	69	0
Кемеровская область	68	-5
Новосибирская область	68	-4
Вологодская область	68	-1
Республика Адыгея	68	+1
Тверская область	68	+2
Республика Ингушетия	68	+8
Курская область	67	-2
Свердловская область	66	-4
Архангельская область	66	-2
Кабардино-Балкарская Республика	66	-1
Удмуртская республика	66	-1
Смоленская область	66	0
Ленинградская область	66	+2
Республика Хакасия	66	+41
Республика Алтай	65	+2
Республика Бурятия	65	+3
Рязанская область	64	0
Забайкальский край	64	+1
Тюменская область	64	+1
Красноярский край	64	+7
Ростовская область	63	-6
Мурманская область	63	-4
Курганская область	63	0
Ярославская область	63	+5
Волгоградская область	63	+7
Алтайский край	62	+2

Регион	Уровень доверия к ОВД 2015 г.	Изменение уровня доверия к ОВД по сравнению с 2014 г. (%)
Псковская область	62	+2
Республика Саха (Якутия)	61	-3
Краснодарский край	61	+4
Республика Тыва	60	-10
Амурская область	60	+1
Саратовская область	60	+3
Орловская область	59	-1
Липецкая область	59	0
Тульская область	59	+2
Пермский край	58	+2
Хабаровский край	58	+2
Республика Марий Эл	58	+4
Республика Коми	57	-3
Челябинская область	57	+1
Калужская область	56	+3
Республика Карелия	56	+3
Сахалинская область	54	+1
Томская область	54	+ 22
Ульяновская область	53	+4
Республика Дагестан	52	+4
Ивановская область	52	+10

В третью группу — регионы с низким уровнем доверия (26–50 %) — в 2015 г. вошел только Ставропольский край (45 %).

По сравнению с 2014 г. в Ульяновской, Ивановской и Томской областях, а также в республиках Дагестан и Хакасия, входивших в третью группу, показатели улучшились. Данные регионы перешли в 2015 г. во вторую группу.

В четвертую группу — регионы с очень низким уровнем доверия (менее 26 %) — не вошел ни один регион.

Как видим, анализ результатов опроса свидетельствует о том, что в России есть регионы с очень высоким и высоким уровнем доверия к подразделениям по противодействию экстремизму/терроризму, в которых уровень доверия выше 50 % (84 регионов из 85). При этом в 37 регионах данный уровень выше, чем в среднем по стране. Тем не менее опрос не выявил существенного различия в оценках в зависимости от возраста, уровня образования респондентов, а также их социального и материального положения и дохода.

Выводы

Угрозой террористических актов в разной степени обеспокоены почти две трети россиян.

Большинство российских граждан не сталкивались с деятельностью подразделений по противодействию экстремизму/терроризму. При этом респонденты, которые все-таки взаимодействовали с ними, оценивают их работу в основном положительно.

Наиболее положительно оценивается деятельность подразделений по противодействию экстремизму и терроризму в Смоленской и Иркутской областях, Кабардино-Балкарской Республике и др. В Кабардино-Балкарской Республике и в Республике

Северной Осетии – Алании, где наблюдается достаточно интенсивное взаимодействие респондентов с сотрудниками указанных подразделений, ни один респондент, имевший с ними дело, не дал отрицательной оценки их работе. Более половины опрошенных считают деятельность подразделений по противодействию экстремизму/терроризму по защите личных и имущественных интересов граждан скорее эффективной, чем нет.

В целом исследование показало, что немногим более половины россиян доверяют подразделениям по противодействию экстремизму/терроризму в обеспечении своей личной и имущественной безопасности. При этом склонны не доверять им четверть опрошенных.

Кроме того, в Российской Федерации уровень доверия к подразделениям по противодействию экстремизму/терроризму в 2015 г. по сравнению с 2014 г. повысился: из 85 регионов он вырос в 42, причем в некоторых значительно, незначительно снизился в 35 регионах, остался прежним в 8 регионах.

Список литературы

1. *Баринов Д.Н.* Социальные тревоги как феномен общественной жизни (социально-философский анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2011. 47 с.
2. *Исследование общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (полиции) в 85 субъектах Российской Федерации [Аналитический отчет (второй этап)] / А.Н. Малолетко, О.В. Каурова, М.В. Виноградова и др. // Отчет о НИР № 83-2014/НПО от 30.09.2014 (ФКУ «НПО Спецтехника и связь» МВД РФ).*
3. *Кравченко С.А.* Влияние нелинейной социокультурной динамики на риски: вызовы социологическому знанию // Коммуникология. 2013. № 1. С. 59–72.

4. *Кравченко С.А.* Играизация общества: поиски социологического инструментария анализа рисков // *Проблемы теоретической социологии*. 2005. Вып. 5. С. 33–46.
5. *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* Факторы формирования статуса безопасности в условиях острых и повседневных рисков // *Социологическая наука и социальная практика*. 2015. № 4. С. 52–73.
6. *О противодействии терроризму: Федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета*. 2006. № 48. Ст. 3, п. 1.
7. *Отчет по результатам проблемного экспресс-исследования в целях оперативного информационного обеспечения принятия управленческих решений в системе МВД России. Исследование 1 / А.Н. Малолетко, Т.Н. Юдина, О.В. Каурова и др.*
8. *Проблемы, наиболее тревожащие население: результаты опроса Левада-центра*. 2016. URL: <http://www.levada.ru/2016/03/28/naibolee-trevozhashhie-problemy> (дата обращения: 01.05.2016).
9. *Результаты проблемного экспресс-исследования в целях оперативного информационного обеспечения принятия управленческих решений в системе МВД России / А.Н. Малолетко, О.В. Каурова, М.В. Виноградова и др. // Отчет о НИР № 83-2014/НПО от 30.09.2014 (ФКУ НПО «Специальная техника и связь» МВД РФ)*.
10. *Риск: исследования и социальная практика / отв. ред. А.В. Мозговая. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. 255 с.*
11. *Россия на новом переломе: страхи и тревоги / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М.: Альфа-М, 2009. 160 с.*
12. *Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / отв. ред. В.В. Витюк, Э.А. Паин. М.: Ин-т социологии РАН, 2003. 358 с.*
13. *Террористическая угроза: мониторинг. Исследование ВЦИОМ*. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115491> (дата обращения: 01.05.2016).
14. *Чего опасаются россияне? // ИНАБ № 6 – 2008. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. С. 4–72.*
- Analytical report (second stage)]. (In Russian).
3. *Kravchenko S.A.* [Influence of nonlinear sociocultural dynamics on the risk: challenges for sociological knowledge]. *Kommunikologiya* [Communicology]. 2013, no. 1, pp. 59–72. (In Russian).
4. *Kravchenko S.A.* [Gamification of society: the search for the sociological tools of risk analysis]. *Problemy teoreticheskoy sociologii* [Problems of theoretical sociology]. 2005, iss. 5, pp. 33–46. (In Russian).
5. *Mozgovaya A.V., Shlykova E.V.* [Factors of formation of the status of security in the context of acute and everyday risks]. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* [Sociological science and social practice]. 2015. no. 4, pp. 52–73. (In Russian).
6. [On combating terrorism: Federal law No. 35-FZ of 6 March 2006]. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian gazette.]. 2006, no. 48, art. 3, par. 1. (In Russian).
7. *Otchet po rezul'tatam problemnogo ehkspress-issledovaniya v celyah operativnogo informacionnogo obespecheniya prinyatiya upravlencheskih reshenij v sisteme MVD Rossii. Issledovanie 1. / A.N. Maloletko, T.N. Yudina, O.V. Kaurova I dr.* [Report on the results of problem diagnosis for the purpose of operational information support of making managerial decisions in the system of the MIA of Russia]. (In Russian).
8. *Problemy, naibolee trevozhashchie naselenie. Rezul'taty oprosa Levada-centra*. 2016. [The problem most troubling the population. The results of the survey of Levada center, 2016]. Available at: <http://www.levada.ru/2016/03/28/naibolee-trevozhashhie-problemy> (accessed 01.05.2016) (In Russian).
9. *Rezul'taty problemnogo ehkspress-issledovaniya v celyah operativnogo informacionnogo obespecheniya prinyatiya upravlencheskih reshenij v sisteme MVD Rossii / A.N. Maloletko, O.V. Kaurova, M.V. Vinogradova I dr. / Otchet o NIR № 83-2014/NPO ot 30.09.2014 (FKU NPO «Special'naya tekhnika i svyaz'» MVD RF)* [The results of problem diagnosis for the purpose of operational information support of making managerial decisions in the system of the MIA of Russia]. (In Russian).
10. *Risk: issledovaniya i social'naya praktika* [Risk: social research and practice]. Moscow, Institut sociologii RAN Publ., 2011, 255 p. (In Russian).
11. *Rossiya na novom perelome: strahi i trevogi* [Russia on a new fracture: fears and anxiety]. Moscow, Alfa-M Publ., 2009, 160 p. (In Russian).
12. *Terrorizm v sovremennom mire: istoki, sushchnost', napravleniya i ugrozy* [Terrorism in the modern world: the origins, nature, directions and threats]. Moscow, Institut sociologii RAN Publ., 2003, 358 p. (In Russian).
13. *Terroristicheskaya ugroza: monitoring. Issledovanie VCIOM* [The terrorist threat: monitor of VCIOM]. Available at: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115491> (accessed 01.05.2016). (In Russian).
14. *Chego opasayutsya rossiyane?* [What are the Russians afraid of?] Moscow, Institut sociologii RAN Publ., no. 6, 2008, pp. 4–72. (In Russian).

Получено 08.05.2016

References

1. *Barinov D.N.* *Social'nye trevogi kak fenomen obshchestvennoj zhizni (social'no-filosofskij analiz): avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Social anxiety as a phenomenon of social life (socio-philosophical analysis)]. Moscow, Publ., 2011, 47 p. (In Russian).
2. *Issledovanie obshchestvennogo mneniya o deyatelnosti organov vnutrennih del (policii) v 85 sub'ektah Rossijskoj Federacii. Analiticheskij otchet (vtoroy ehtap). / A.N. Maloletko, O.V. Kaurova, M.V. Vinogradova i dr. / Otchet o NIR № 83-2014/NPO ot 30.09.2014 (FKU «NPO Spectekhnika i svyaz'» MVD RF)* [Public opinion survey on the activities of internal Affairs bodies (police) in 85 constituent entities of the Russian Federation.

The date of the manuscript receipt 08.05.2016

Об авторах

Кирилина Татьяна Юрьевна

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры социологии социальной сферы

Российский государственный социальный
университет,
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4/1;
e-mail: kirilina_t@rambler.ru

Фомичева Татьяна Владимировна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии социальной сферы

Российский государственный социальный
университет,
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4/1;
e-mail: fomitchevatv@mail.ru

Юдина Татьяна Николаевна

доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии социальной
сферы

Российский государственный социальный
университет,
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4/1;
e-mail: ioudinatn@mail.ru

Долгорукова Ирина Владимировна

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры социологии социальной сферы

Российский государственный социальный
университет,
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4/1;
e-mail: div1981@inbox.ru

Киреев Егор Юрьевич

кандидат социологических наук, доцент кафедры
социологии социальной сферы

Российский государственный социальный
университет,
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4/1;
e-mail: yegorkireev@gmail.com

About the authors

Kirilina Tatiana Yurievna

Doctor of Sociology, Docent, Professor
of the Department of Sociology of the Social Sphere

Russian State Social University,
4/1, Wilhelm Pieck str., Moscow, 129226, Russia;
e-mail: kirilina_t@rambler.ru

Fomicheva Tatyana Vladimirovna

Ph.D. in Sociology, Docent, Assistant Professor
of the Department of Sociology of the Social Sphere

Russian State Social University,
4/1, Wilhelm Pieck str., Moscow, 129226, Russia;
e-mail: fomitchevatv@mail.ru

Yudina Tatiana Nikolaevna

Doctor of Sociology, Professor, Head
of the Department of Sociology of the Social Sphere

Russian State Social University,
4/1, Wilhelm Pieck str., Moscow, 129226, Russia;
e-mail: ioudinatn@mail.ru

Dolgorukova Irina Vladimirovna

Doctor of Sociology, Docent, Professor
of the Department of Sociology of the Social Sphere

Russian State Social University,
4/1, Wilhelm Pieck str., Moscow, 129226, Russia;
e-mail: div1981@inbox.ru

Kireev Egor Yurievich

Ph.D. in Sociology, Assistant Professor
of the Department of Sociology of the Social Sphere

Russian State Social University,
4/1, Wilhelm Pieck str., Moscow, 129226, Russia;
e-mail: yegorkireev@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кирилина Т.Ю., Фомичева Т.В., Юдина Т.Н., Долгорукова И.В., Киреев Е.Ю. Оценка населением террористической угрозы в регионах Российской Федерации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 141–152. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-141-152

Please cite this article in English as:

Kirilina T.Yu., Fomicheva T.V., Yudina T.N., Dolgorukova I.V., Kireev E.Yu. The assessment of terrorist threats in the regions of the Russian Federation // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 141–152. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-141-152

УДК 364–43:159.95

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-153-160

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФАКТОРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Киенко Татьяна Сергеевна

Южный федеральный университет

Проблема профессионального выгорания работников социальной сферы все активнее входит в предметное поле отечественной социологии и управления. Целью настоящей работы является анализ состояния, организационных факторов, типичных особенностей профессионального выгорания социальных работников. Теоретический обзор особенностей выгорания в социальной работе осуществлен с учетом последних достижений зарубежных и отечественных исследований. Эмпирической базой работы послужило социологическое исследование проблемы выгорания в муниципальных учреждениях социального обслуживания Ростовской области. К особенностям профессионального выгорания социальных работников следует отнести повышенный уровень редукции личных достижений и эмоционального истощения и низкий уровень деперсонализации; отмечается повышенный риск выгорания среди работников из сельской местности. Анализ деятельности муниципальных центров социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов показывает, что кадровая работа остается на периферии внимания управленцев. При изучении аспектов управления персоналом в учреждениях социального обслуживания выявлен ряд факторов, усугубляющих профессиональное выгорание в социальной работе на организационном уровне. К ним следует отнести недостаточное внимание к морально-психологическому климату и социальному самочувствию персонала, жесткость и ограниченность профессиональных коммуникаций, отсутствие мер профилактики и преодоления профессионального выгорания, отсутствие содержательных критериев оценки компетенций сотрудников и качества выполнения ими конкретных функций и технологических звеньев; нет критериев и процедур поиска, отбора, оценки персонала. Доминирующие формальные механизмы управления персоналом, гиперопека и повышенные нагрузки создают дополнительные риски психоэмоциональной напряженности и профессионального выгорания. Совершенствование системы управления персоналом в социальной работе, в том числе развитие адекватных технологий отбора и оценки, развития и аттестации, мотивации и стимулирования труда, внедрение корпоративной культуры, механизмов профилактики и психогигиены позволит существенно снизить риски профессионального выгорания в социальной работе.

Ключевые слова: социальная работа, муниципальное учреждение социального обслуживания, профессиональное выгорание, психогигиена, управление персоналом в социальной работе.

ORGANIZATIONAL FACTORS OF PROFESSIONAL BURNOUT SOCIAL WORKERS OF MUNICIPAL SOCIAL SERVICE INSTITUTIONS

Tatiana S. Kienko

Southern Federal University

The problem of professional burnout of social workers is increasingly included in the subject field of the sociology and management. The aim of this work is the analysis of the status, organizational factors, typical peculiarities of professional burnout of social workers. A theoretical overview of burnout in the social work carried out taking into account the latest achievements of foreign and domestic studies. The empirical base for the work was a sociological study of the problem of burnout in the municipal social service institutions of the Rostov region. The special features of burnout social workers should include the reduction of elevated levels of personal accomplishment and emotional exhaustion, depersonalization and low; there is increased risk of burnout among workers from the countryside. Analysis of municipal centers of social services for senior citizens and people with disabilities shows that personnel work remains on the periphery of the attention of managers. Study of aspects of HR management in social service institutions reveals a number of factors that contribute to professional burnout in social work at the organizational level.

These should include the lack of attention to the moral and psychological climate and social well-being of staff, stiffness and limited professional communication, the lack of preventive measures and overcome the professional burnout, lack of meaningful criteria for competence assessment of employees and the quality of the performance of specific functions and technological units; no criteria and procedures, selection and personnel evaluation. Dominating formal personnel management mechanisms, overprotection and increased loads pose additional risks of psycho-emotional stress and professional burnout. Improving the system of personnel management in social work, including the development of adequate technology selection and evaluation, development and performance appraisal, motivation and incentives, the introduction of corporate culture, mechanisms of prevention and mental hygiene will significantly reduce the risks of professional burnout in social work.

Keywords: social work, municipal social service institutions, professional burnout, mental hygiene, human resource management in social work.

Проблема профессионального (психического, эмоционального) выгорания работников является достаточно новой для отечественного социально-гуманитарного знания, но весьма актуальной для ряда профессий группы «человек–человек». Цель данной работы — анализ особенностей, факторов и путей профилактики профессионального выгорания социальных работников. Эмпирической базой работы стали данные, полученные в ходе анализа документов, бесед и интервью, анкетных и тестовых опросов, проведенных в 2015–2016 гг. на базе муниципальных и районных учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов Ростовской области. Основные тезисы и выводы характеризуют проблему в первую очередь в системе социального обслуживания, но могут экстраполироваться на большую часть государственных учреждений современной отечественной социальной работы.

Проблема профессионального выгорания стала предметом научного анализа в середине 60-х гг. XX в. в многочисленных исследованиях зарубежных психологов: Г. Фрейденберга (Herbert J. Freudenberger), Д. Ричелсон (Geraldine Richelson), К. Маслач (Christina Maslach), Б. Перлман (Baron Perlman), Е.А. Хартман (E. Alan Hartman) и др. Впервые термин «психическое выгорание» был предложен американским психиатром Г. Фрейденбергом в 1974 г. (его переводят на русский язык также как «эмоциональное сгорание» или «профессиональное выгорание») как характеристика ухудшения психического и физического самочувствия человека в результате истощения энергии в процессе перегрузки проблемами других людей [7]. Данный синдром сопровождался психоэмоциональным истощением, приглушением эмоций, исчезновением остроты чувств, возникновением конфликтов с партнерами по общению, безразличием или раздражительностью, снижением профессиональной мотивации и результативности труда. Среди современных зарубежных авторов лидерские позиции в исследовании феномена профессионального выгорания продолжают занимать ученые США и Великобритании: факторы и риски выгорания, способы диагностики, профилактики и предупреждения продолжают изучать

К. Маслач, С. Джексон, М. Лейтер [10–13], связь между удовлетворенностью работой и выгоранием рассматривают М. Пенн, Д. Фот и Д. Романо [15]; исследование выгорания супервизоров и преподавателей экономики, маркетинга, агрономии предложено Р.К. Барриком; динамика и следствия выгорания в организационных отношениях — предмет исследований Э. Капонетти и М.Л. Мориса. Исследования профессионального выгорания социальных работников за рубежом проводятся активно учеными Великобритании и США. К. Ллойд, Р. Кинг, Л. Ченовет (2002) определили, что факторы профессионального выгорания в социальной работе обусловлены особенностями практической работы (чем больше работы «лицом к лицу», тем выше степень выгорания), а также рассогласованием организационных целей и принципов и непосредственных требований и организации рабочей среды; защитным фактором, по мнению К. Ллойда и соавторов, являются контроль и слаженная командная работа при благоприятном морально-психологическом климате [9]. Х. Бен-Зур, К. Мишель (2007), напротив, считают меры постоянного контроля и оценки, а также высокие требования к профессиональной деятельности стрессовыми факторами; сравнивая показатели выгорания у медсестер, психологов и социальных работников, они выявили отсутствие различий в способах преодоления стресса представителями трех профессий, но отметили значительно более низкий уровень деперсонализации у социальных работников [5]. Х. Ким и М. Стоунер (2008) на материалах исследования в Калифорнии обратили внимание на высокую текучесть кадров в социальной сфере и выявили, с одной стороны, тесную связь текучести кадров и выгорания (выгорание выступает предиктором, а увольнение — одним из следствий выгорания), а с другой стороны, обратили внимание на необходимость создания автономии и децентрализации управления в социальной работе, улучшения условий труда и социальной поддержки для профилактики текучести и выгорания [8]. С. Эванс и соавторы в числе актуальных проблем в социальной работе Англии и Уэльса выделили текучесть кадров, необходимость совмещения должностей и использования временного персонала, наличие рабочих пе-

регрузок у 81 % социальных служб, а также обнаружили прямую связь моральной и социальной поддержки персонала социальных служб и оценки работника работодателем с удовлетворенностью трудом и снижением риска выгорания [6].

В отечественной науке применяется преимущественно термин «профессиональное выгорание» как характеристика деформаций и деструкций профессиональной деятельности в социальной сфере, особенно среди работников помогающих профессий, в частности профессионалов, имеющих дело с негативными социальными проявлениями (девиациями, маргинальностью, болезнью и смертью), несущими повышенную социальную ответственность, чьи профессиональные обязанности предполагают проявление эмпатии и сочувствия (медицинские работники, полицейские, психологи, педагоги, социальные работники). Проблемы категориального и содержательного анализа, статических и динамических аспектов выгорания, методы диагностики и профилактики синдрома профессионального выгорания рассматривают В.И. Орел, В.В. Бойко, Е.Ю. Райкова, Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, А.А. Рукавишников, Г.С. Никифоров и многие другие. Среди отечественных авторов проблема профессионального выгорания исследуется преимущественно в медико-психиатрическом либо психологическом аспекте, наибольшее внимание уделено изучению выгорания медицинских работников и педагогов. Так, В. Козин и Т. Агибалова дают глубокий анализ отечественных исследований профессионального выгорания врачей различных специальностей и студентов-медиков [3]; Н.В. Полунина, Е.И. Нестеренко, В.В. Мадьянова на примере персонала современных учреждений системы здравоохранения выявили аналогичные зарубежным данным организационные факторы, усугубляющие профессиональное выгорание (сокращение финансирования учреждений здравоохранения, сверхурочная работа, связанная с совмещением должностей и усложнением технологий, низкая оплата труда в сочетании с высокой ответственностью за результат деятельности) [4]. Неблагоприятные факторы профессиональной деятельности педагогов выделяют Е.А. Багнетова, Е.Р. Шарифуллина: повышенные рабочие нагрузки на фоне невысокого размера заработной платы, сложности в получении квалифицированной медицинской помощи и качественного отдыха, низкий уровень подготовки в сфере здоровьесбережения и пр. [1, с. 29].

Под профессиональным выгоранием понимается состояние усиливающегося физического, эмоционального, мотивационного и умственного истощения, проявляющееся в профессиях социальной сферы, развивающееся на фоне хронического стресса и ведущее к истощению эмоционально-волевых, мотива-

ционных, энергетических, социально-личностных, профессиональных ресурсов работающего человека. Синдром профессионального выгорания проявляется в нарастающем безразличии к своим обязанностям и происходящему на работе, негативизме по отношению к клиентам и сотрудникам, в ощущении собственной профессиональной несостоятельности, неудовлетворенности работой, ухудшении качества профессиональной и личной жизни.

В теоретической плоскости описание источников профессионального выгорания имеет разброс от индивидуальных до межличностных и от организационных до социальных, наиболее продуктивным является анализ синдрома с учетом всех заявленных подходов. Выгорание рассматривают и как новый феномен, возникающий в результате профессиональной деформации личности, как профессиональную деструкцию (особенно активно ведутся исследования среди полицейских, врачей, учителей, психологов, социальных работников), как расстройство адаптации, невроз, как составляющую синдрома хронической усталости, тем не менее, чаще всего выгорание рассматривается широко — как проявление общего стресса (с опорой на общую теорию стресса Г. Селье и др.). Профессиональное выгорание анализируется в контексте процессуальных и результативных моделей. Процессуальные модели, например динамическая модель Б. Перлман и Е.А. Хартман [14], рассматривает развитие выгорания как процесс усиления вначале физического истощения (усталость, бессилие, головные боли, желудочно-кишечная симптоматика, характерная для стадии истощения в рамках общей теории стресса, частые соматические заболевания), затем эмоционально-волевого истощения (снижение остроты чувств, отсутствие эмоциональных реакций, равнодушие), вследствие чего возникают негативные установки по отношению к субъектам профессиональной деятельности, растет эмоциональная дистанция в отношениях, появляются деперсонализация, цинизм, снижается мотивация (мотивационно-личностное истощение), в итоге развивается негативная установка по отношению к собственным профессиональным достижениям и деструктивные поведенческие реакции (забывание, дистанцирование от профессиональных обязанностей, снижение рабочей продуктивности). В рамках ряда результативных моделей профессиональное выгорание представляется как трехмерный конструкт, включающий в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личных достижений (иногда в структуре выгорания встречаются иные компоненты, например профессиональная эффективность, др.). Эмоциональное истощение проявляется в сниженном эмоциональном фоне, равнодушии или эмоциональном перенасыщении, апатии, снижении сен-

сорной чувствительности; деперсонализация — в формализации, деформации отношений с людьми (зависимость от окружающих или, напротив, отчуждение, усиление негативизма, циничность); редукция личных достижений — в негативной самооценке, занижении своих профессиональных достижений и успехов, негативизме по отношению к служебным достоинствам и возможностям, снижении результативности.

В системе профессий «человек–человек» синдром профессионального выгорания может представлять собой механизм психологической защиты, ответ на воздействия психотравмирующего характера, но он является также признаком деформации профессиональной деятельности и личности (выступая как ее фактор и функция, как причина, индикатор, результат). Выгорание препятствует профессиональному росту, может привести к снижению качества профессиональной деятельности, полному психическому истощению и даже разрушению личности. Признаки профессионального выгорания могут быть характерны для целых предприятий и организаций, часто являясь следствием противоречивости и неэффективности руководства (в частности, гиперили гипоконтроля, невыполнимых требований к работникам, отсутствия объективных критериев для оценки результатов труда, неэффективной системы мотивации и стимулирования персонала).

Профессиональная деятельность социального работника связана с постоянными стрессовыми ситуациями и эмоциональными нагрузками, с постоянным погружением в проблемы клиентов, с личной незащищенностью специалиста и пр., что оказывает непосредственное (часто негативное) влияние на здоровье, личность и профессиональную деятельность. В практике социальной работы профессиональное выгорание встречается часто как среди «новичков», проходящих стадию адаптации, так и среди работников с большим стажем работы (10–15 лет и более). Крайне важной задачей является своевременное выявление, преодоление и ранняя профилактика профессионального выгорания в социальной работе. В период с января 2015 по январь 2016 г. автором проведен анализ состояния, особенностей, факторов и путей профилактики профессионального выгорания социальных работников. Эмпирической базой стали 17 учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов Ростовской области, в т.ч. шесть муниципальных учреждений г. Ростова-на-Дону и 11 муниципальных и районных учреждений Ростовской области, число социальных работников, вовлеченных в исследование, составило 368 человек (366 женщин и 2 мужчины). Диагностика уровня профессионального выгорания проводилась методами интервью, групповых дискуссий, а также с помощью методики

К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой [2, с. 76–78].

Диагностика показала, что характерным для социальных работников является повышенный уровень показателя «редукция личных достижений»: он отмечен у 47 % респондентов, в т.ч. среди работников со стажем работы до 2 лет этот показатель составляет около 80 %, свыше 15 лет — 41%, свыше 20 лет — 49 %. Характерно, что среди работников, проживающих в сельской местности, повышенный показатель «редукция личных достижений» встречается значительно чаще, чем среди работников, проживающих в мегаполисе и крупных городах (г. Ростов-на-Дону, г. Таганрог, г. Шахты). Вторым по значимости для обследованных социальных работников оказался показатель «эмоциональное истощение»: он отмечен у 24% обследуемых, но особенно высок среди социальных работников со стажем работы более 15 лет, и еще выше — со стажем более 20 лет. Среди социальных работников, проживающих в сельской местности (селах, поселках, малых городах), независимо от стажа работы треть респондентов имеют высокий уровень эмоционального истощения. Причинами высоких показателей по указанным параметрам, особенно в сельской местности, по мнению автора, являются завышенные требования и гиперконтроль, которые сочетаются с минимальным уровнем автономности работника и усугубляются недостаточным престижем профессии и низким уровнем оплаты труда. В ряде зарубежных исследований (С. Эванс и соавторы) выявлена связь эмоционального истощения социальных работников с завышенными требованиями к ним; связь «деперсонализации» с низким престижем профессии в обществе; связь редукции личных достижений с полномочиями работника, автономностью и оценкой работодателем [6]. Такие же особенности обнаруживаются и в ходе анализа данных авторского исследования. Завышенный уровень редукции личных достижений среди социальных работников в сельской местности объясняется тем, что проблема безработицы стоит там гораздо острее, чем в городах, но при этом уровень образования сельских социальных работников существенно ниже, чем городских (по результатам авторских наблюдений и интервью, уровень самооценки и коммуникативных навыков также у сельских работников ниже, чем у городских). Престиж социального работника в селе выше, чем в городе; уровень оплаты труда и общая оценка значимости и результативности труда социальных работников в сельской местности и в городах руководителями отделов существенно не отличаются, но набор услуг, параметры оценки и методы контроля труда социальных работников в сельской местности шире, внедряются активнее, чем в городах. С. Эванс и соавторы

утверждают, что высокий уровень оценки работника работодателем прямо связан с высокой удовлетворенностью трудом и снижает риск выгорания [6], что может использоваться в отечественной социальной работе как фактор снижения рисков выгорания и средство психогигиены.

Самым низким является показатель «деперсонализация»: он выявлен у незначительной части работников (менее 9 %), преимущественно со стажем работы до 5 лет (чаще встречается и наиболее высок данный показатель среди работников со стажем до 6 месяцев). Среди работников с большим стажем работы высокий уровень деперсонализации встречается крайне редко. Более 80% респондентов, имеющих повышенный показатель по критерию «деперсонализация», — жители крупных городов и мегаполиса. Низкий уровень деперсонализации у социальных работников уже был неоднократно отмечен отечественными (В.И. Орел, Е.Ю. Райкова) и зарубежными авторами (Х. Бен-Зур, К. Мишель, при сравнении показателей выгорания у медсестер, психологов и социальных работников выявлено отсутствие различий в способах преодоления проблемы, но отмечен значительно более низкий уровень деперсонализации у социальных работников [5]).

Исследование проводилось параллельно с повышением квалификации сотрудников: в ходе обучающих занятий, групповых дискуссий и интервью определились острая потребность социальных работников всех уровней в психологическом самопознании, повышении социально-психологической и коммуникативной компетентности, высокий интерес и готовность к освоению методов психосоциальной работы (консультирования, психотерапии, психокоррекции) и здоровьесбережения. Отмечено, что повышение компетентности социальных работников в вопросах профессионального выгорания посредством теоретического и практического изучения проблемы, психологического обучения и психодиагностики, проведения и анализа тренингов в ходе организации курсов повышения квалификации позволяет повысить и их когнитивную и моральную готовность к предупреждению, профилактике и преодолению явлений профессиональной деформации, способствует улучшению их психосоциального самочувствия, формирует психоэмоциональную стрессоустойчивость, ведет к снижению показателей профессионального выгорания. Поэтому одной из задач руководителей социальных служб является совершенствование механизмов обучения персонала, в т.ч. расширение технологической, коммуникативной, психосоциальной подготовки. Актуальными для современной отечественной социальной работы являются общие с другими профессиями проблемы: низкая оплата труда, экономическая нестабильность, необходимость совмещения должностей и в

связи с этим повышенная нагрузка, отсутствие эффективных механизмов мотивации и стимулирования труда. Система социальной защиты населения в России, сформированная в 1991 г., постоянно реформируется — ее структурно-функциональные, организационно-правовые и технологические основы. Социальная работа продолжает оставаться новой, преимущественно «женской», профессией «помогающего» типа, низкооплачиваемой и малопrestижной. При этом профессия социального работника — это насыщенность общением, она сопряжена с большими морально-психологическими нагрузками и высокой ответственностью; это мультифункциональная профессия, требующая глубоких знаний в области правовых основ (постоянно изменяющихся в России), владения социальными, психологическими, коммуникативными, социально-медицинскими и другими технологиями. Такое несоответствие значимости профессии, ее сложности и многофункциональности, с одной стороны, и оплаты труда и престижа профессии в обществе, с другой, создает дополнительно напряжение и усиливает риск профессионального выгорания у социальных работников. В таких условиях крайне важно внедрение эффективных механизмов нематериальной мотивации и стимулирования работников посредством морального поощрения, вынесения благодарности, устного публичного ее выражения, проведения конференций, индивидуальных и групповых конкурсов с публичным представлением итогов работы сотрудников, внедрения новых форм обратной связи с получателями услуг, расширения связей с общественностью, в т.ч. посредством СМИ, сайтов и иных современных информационных технологий.

Анализ деятельности муниципальных центров социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов показывает, что кадровая работа остается на периферии внимания управленцев. В большинстве социальных служб нет форм командообразования, развития командного духа, корпоративного сотрудничества, не улучшается морально-психологический климат, не развиваются профессиональные коммуникации, не предусмотрены психологическая разгрузка сотрудников, профилактика и преодоление профессионального выгорания. Процедуры аттестации персонала социальных служб нуждаются в серьезной коррекции: практически отсутствуют содержательные критерии оценки компетенций сотрудников и качества выполнения ими конкретных функций и технологических звеньев; нет критериев и процедур поиска, отбора, оценки персонала; отсутствуют механизмы поддержания и оценки соблюдения социальными работниками норм профессиональной этики и профессиональной культуры, оценки и повышения имиджа служб и сотрудников. Отечественные социальные службы

нуждаются в серьезном совершенствовании кадровой работы, т.к. формальные механизмы, гиперопека и повышенные нагрузки вызывают дополнительные риски психоэмоциональной напряженности и профессионального выгорания. Крайне важна работа по охране здоровья, здоровьесбережению и социальной защите самих социальных работников, в т.ч. предупреждение возникновения болезней и развития патологических состояний, формирование активной жизненной позиции по отношению к своему здоровью и адекватных представлений о здоровом образе жизни, внедрение лечебно-оздоровительных и профилактических мероприятий, предупреждение вредных привычек, при необходимости — перекалфикация, предоставление сокращенной рабочей недели, уменьшение продолжительности рабочего времени и др. Требуется повышение уровня медицинского образования социальных работников, их знаний и умений в области доврачебной помощи, профилактики заболеваемости, здоровья и здоровьесбережения. Социальный работник должен обладать эмоциональной устойчивостью, быть готовым к психическим перегрузкам, оптимистичным, мобильным и стрессоустойчивым, а также владеть методами психогигиены. Активное внедрение методов психогигиены представляется крайне необходимым на данном этапе развития социальной работы. Эта задача должна решаться с привлечением интеллектуальных и моральных ресурсов самих социальных работников: на базе учреждений могут действовать кабинеты психологической разгрузки, комнаты отдыха и рекреации, проводиться тренинги, семинары, конференции; необходимо целенаправленно организовывать корпоративный досуг, отдых, спорт, игровую деятельность, предоставить возможности для творчества, обучения, развития сотрудников; обеспечить ротацию кадров и т.д.

Итак, к особенностям профессионального выгорания социальных работников следует отнести повышенный уровень редукции личных достижений и эмоционального истощения и низкий уровень деперсонализации; отмечается повышенный риск выгорания среди работников из сельской местности. Значительное влияние на усиление рисков профессионального выгорания в социальной работе оказывают организационные факторы. Целесообразно, на наш взгляд целенаправленно совершенствовать меры по профилактике профессионального выгорания, здоровьесбережению и социальной защите социальных работников, обеспечению их психогигиены, психоэмоциональной разгрузки и командообразования, а также следует оптимизировать систему управления персоналом в социальной работе, обеспечить развитие самостоятельности и свободу в действиях профессионалов, совершенствовать формальные процедуры оценки, аттестации и развития

персонала, уменьшить гиперконтроль в социальной работе.

Список литературы

1. *Багнетова Е.А., Шарифуллина Е.П.* Профессиональные риски педагогической среды // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 1, ч. 1. С. 27–31.
2. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром «выгорания»: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2008. 216 с.
3. *Козин В., Агбалова Т.* Синдром «эмоционального выгорания»: происхождение, теории, профилактика, перспективы изучения // *Неврологический вестник*. 2013. Т. XLV, вып. 2. С. 44–52.
4. *Полунина Н.В., Нестеренко Е.И., Мадьянова В.В.* Инновационная деятельность лечебно-профилактических учреждений, ее эффективность и влияние на состояние здоровья врачей // *Профилактика заболеваний и укрепление здоровья*. М.: Медиа Сфера, 2002. № 4. С. 3–8.
5. *Ben-Zur H., Michael K.* Burnout, Social Support, and Coping at Work Among Social Workers, Psychologists, and Nurses // *Social Work in Health Care*. 2007. August. Vol. 45, iss. 4. P. 63–82. DOI: 10.1300/J010v45n04_04
6. *Evans S., Huxle P., Gately C. et al.* Mental health burnout and job satisfaction among mental health social workers in England and Wales // *The British Journal of Psychiatry*. 2005. Dec. № 188(1). P. 75–80.
7. *Freudenberger H.J., Richelson G.* Burnout: The High Cost of High Achievement Paperback. N.Y.: Bantam books, 1980. 216 p.
8. *Kim H., Stoner M.* Burnout and Turnover Intention Among Social Workers: Effects of Role Stress, Job Autonomy and Social Support // *Administration in Social Work*. 2008. Vol.32, iss. 3. P. 5–25. DOI: 10.1080/03643100801922357
9. *Lloyd C., King R., Chenoweth L.* Social work, stress and burnout: A review // *Journal of Mental Health*. 2002. Vol. 11, iss. 3. P. 255–265. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09638230020023642> (accessed: 15.07.2015). DOI: 10.1080/09638230020023642
10. *Maslach C., Jackson S.E.* The measurement of experienced burnout // *Journal of Occupational Behaviour*. 1981. № 2(2). P. 99–113. DOI: 10.1002/job.4030020205.
11. *Maslach C., Goldberg J.* Prevention of burnout: New perspectives // *Applied and Preventive Psychology*. 1998. № 7. P. 63–74. DOI: 10.1016/S0962-1849(98)80022-X.
12. *Maslach C.* Job burnout: New directions in research and intervention // *Current Directions in Psychological Science*. 2003. № 12. P. 189–192. DOI: 10.1111/1467-8721.01258.
13. *Maslach C., Leiter M.P., Jackson S.E.* Making a significant difference with burnout interventions: Researcher and practitioner collaboration // *Journal of Organizational Behavior*. 2012. № 33. P. 296–300. DOI: 10.1002/job.784

14. Perlman B., Hartman E.A. Burnout: Summary and Future Research // *Human Relations*. 1982. April. Vol. 35, № 4. P. 283–305. URL: <http://hum.sagepub.com/content/35/4/283.short?related-urls=yes&legid=sphum;35/4/283> (accessed: 19.07.2015). DOI: 10.1177/001872678203500402
15. Penn M., Foat D., Romano J.L. The relationship between job satisfaction and burnout: A study of human service professionals // *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*. 1988. March. Vol. 15, iss. 3. P. 157–165. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2F00869249> (accessed: 23.07.2015).

10. Maslach C., Jackson S.E. The measurement of experienced burnout. *Journal of Occupational Behaviour*. 1981, no 2(2), pp. 99–113. DOI: 10.1002/job.4030020205. (In English).
11. Maslach C., Goldberg J. Prevention of burnout: New perspectives. *Applied and Preventive Psychology*. 1998, no 7, pp. 63–74. DOI: 10.1016/S0962-1849(98)80022-X. (In English).
12. Maslach C. Job burnout: New directions in research and intervention. *Current Directions in Psychological Science*. 2003, no 12, pp. 189–192. DOI: 10.1111/1467-8721.01258. (In English).
13. Maslach C., Leiter M.P., Jackson S.E. Making a significant difference with burnout interventions: Researcher and practitioner collaboration. *Journal of Organizational Behavior*. 2012, no 33, pp. 296–300. DOI: 10.1002/job.784. (In English).
14. Perlman B., Hartman E.A. Burnout: Summary and Future Research // *Human Relations*. 1982. April. vol. 35, no 4, pp. 283–305. URL: <http://hum.sagepub.com/content/35/4/283.short?related-urls=yes&legid=sphum;35/4/283> (accessed: 19.07.2015). DOI: 10.1177/001872678203500402. (In English).
15. Penn M., Foat D., Romano J.L. The relationship between job satisfaction and burnout: A study of human service professionals. *Administration and Policy in Mental Health and Mental Health Services Research*. 1988, Mar., vol. 15, iss. 3, pp. 157–165. URL: <http://link.springer.com/article/10.1007%2F00869249> (accessed: 23.07.2015). (In English).

Получено 25.02.2016

References

1. Bagnetova E.A., Sharifullina E.R. [Professional risk teaching environments]. *Fundamental'nye issledovaniya* [Fundamental research]. 2013, no. 1, part 1, pp. 27–31. (In Russian).
2. Vodop'yanova N.E., Starchenkova E.S. *Sindrom vygoraniya: diagnostika i profilaktika* [The syndrome of «burnout»: diagnosis and prevention]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2008. 216 p. (In Russian).
3. Kozin V., Agibalova T. [The syndrome of «emotional burnout»: the origin, theory, prevention, and prospects of studying] *Nevrologicheskij vestnik* [Neurological Bulletin]. 2013, vol. XLV, iss. 2, pp. 44–52. (In Russian).
4. Polunina N.V., Nesterenko E.I., Mad'yanova V.V. [Innovation activity of medical institutions, its effectiveness and impact on the health of doctors]. *Profilaktika zabolovanij i ukreplenie zdorov'ya* [Disease prevention and health promotion]. Moscow, Media Sphere, 2002, no. 4, pp. 3–8. (In Russian).
5. Ben-Zur H., Michael K. Burnout, Social Support, and Coping at Work Among Social Workers, Psychologists, and Nurses. *Social Work in Health Care*. 2007, Aug., vol. 45, iss. 4, pp. 63–82. DOI: 10.1300/J010v45n04_04. (In English).
6. Evans S., Huxle P., Gately C. et al. Mental health burnout and job satisfaction among mental health social workers in England and Wales. *The British Journal of Psychiatry*. 2005. Dec., no 188(1), pp. 75–80. (In English).
7. Freudenberger H.J., Richelson G. *Burnout: The High Cost of High Achievement* Paperback. New York: Bantam books, 1980, 216 p. (In English).
8. Kim H., Stoner M. Burnout and Turnover Intention Among Social Workers: Effects of Role Stress, Job Autonomy and Social Support. *Administration in Social Work*. 2008, vol.32, iss. 3, pp. 5–25. DOI: 10.1080/03643100801922357. (In English).
9. Lloyd C., King R., Chenoweth L. Social work, stress and burnout: A review. *Journal of Mental Health*. 2002, vol. 11, iss. 3, pp. 255–265. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09638230020023642> (accessed: 15.07.2015). DOI: 10.1080/09638230020023642. (In English).

The date of the manuscript receipt 25.02.2016

Об авторе

Киенко Татьяна Сергеевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры
социальных технологий

Южный федеральный университет, Институт
философии и социально-политических наук,
344065, Ростов-на-Дону, пер. Днепроvский, 116;
e-mail: tatyana_kienko@mail.ru

About the author

Kienko Tatiana Sergeevna

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Social Technologies

Southern Federal University, Institute of Philosophy
and Social and Political Sciences,
116, Dneprovsky al., Rostov-on-Don, 344065, Russia;
e-mail: tatyana_kienko@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Киенко Т.С. Организационные факторы профессионального выгорания социальных работников муниципальных учреждений социального обслуживания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 153–160. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-153-160

Please cite this article in English as:

Kienko T.S. Organizational factors of professional burnout social workers of municipal social service institutions // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 153–160. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-153-160

УДК 316.346.32-053.9:004

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-161-171

ОТНОШЕНИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ К СЕТИ ИНТЕРНЕТ И МОБИЛЬНОЙ ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ*

Гасумова Светлана Евгеньевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье описаны результаты проведенного нами в Пермском крае эмпирического исследования в форме анкетирования, цель которого — выявление отношения пожилых людей к новым информационным технологиям на примере сети Интернет и мобильной телефонной связи. Были опрошены 268 человек. На основе использования авторского инструментария получены данные о доле пользователей мобильной телефонной связи и сети Интернет среди пожилых людей в Пермском крае, о способах и продолжительности использования мобильного телефона и сети Интернет пожилыми людьми, мотивации представителей старшего поколения к овладению умением пользоваться указанными технологиями. Кроме того, выявлена оценка самими гражданами пожилого возраста изменения качества жизни с началом пользования мобильной телефонной связью и сетью Интернет, их умения в пользовании рассматриваемыми технологиями и их специфические потребности в обучении. Довольно любопытные результаты получены по мировоззренческой позиции старшего поколения в отношении этических аспектов влияния феноменов мобильной телефонной связи и сети Интернет на современное общество, а также по субъективной оценке ощущения счастья в жизни пожилыми людьми в целом и пользователями мобильной телефонной связи и сети Интернет в частности. Полученные данные позволили в определенной степени анализировать процесс адаптации представителей старшего поколения в условиях информатизации и предложить пути преодоления информационной депривации этой социальной группы. В разделе статьи, посвященном постановке проблемы исследования, предложены авторские определения понятий «информационно-технологическая компетентность пожилого человека», «информационная депривация пожилого человека» и «информационная адаптивность пожилого человека».

Ключевые слова: информатизация, пожилые люди, информационные технологии, информационная политика, адаптация.

THE ELDERLIES ATTITUDE TO THE INTERNET AND MOBILE TELEPHONY

Svetlana E. Gasumova

Perm State University

In this article we describe the results of our empirical research in the Perm region in 2014 in the form of a questionnaire aimed at the identifying the attitudes of elderly people to new information technologies on the example of the Internet and mobile telephony. 268 persons were interviewed. On the basis of the use of authoring tools were provided some data on the percentage of users of mobile telephony and the Internet among the elderly in the Perm region, type and duration of using the mobile phone and the Internet by aged people, the motivation of the old generation to master the ability to use these technologies. In addition, we have got the assessment of evolution of the quality of life of senior citizens after the beginning the use of mobile telephones and the Internet. The ability of elderly people in using IT and their specific training needs are identified. Rather interesting results were obtained on the world outlook of the old generation about the ethical aspects of the impact of the phenomena of mobile telephony and the Internet on modern society, as well as subjective evaluation of happiness in the lives of elderly people in general and of the users of mobile telephony and the Internet. Described data allowed to some extent to analyze the process of adaptation of the old age group in the information society and to suggest ways to overcome the information deprivation of this social group. We

* При поддержке гранта РГНФ № 14-16-59006 «Человеческий потенциал людей пожилого возраста и условия его реализации в современной социальной реальности на примере Пермского края (Россия) и Вустершира (Великобритания)».

propose also several definitions in the subject area such as «information and technological competence of elderly person», «information deprivation of elderly person» and «information adaptability of elderly person».

Keywords: informatization, the elderly, information technology (IT), information policy, adaptation.

Постановка проблемы исследования

Сегодня в России информационно-технологическая некомпетентность пожилых людей и вызванная ею информационная депривация остаются широко распространенными явлениями. Под «информационно-технологической компетентностью пожилого человека» мы предлагаем понимать владение знаниями, умениями и навыками, необходимыми для организации информационных процессов с использованием современных технических устройств (в первую очередь компьютера с доступом в Интернет и мобильного телефона) и позволяющими удовлетворять информационные потребности представителей старшего поколения. Понятие же «информационная депривация пожилого человека», на наш взгляд, может рассматриваться как состояние ограниченности в удовлетворении информационных потребностей, возникающее в результате информационно-технологической некомпетентности и препятствующее активизации ресурсного потенциала в организации жизнедеятельности пожилого человека. Такое состояние зачастую воспринимается в общественном сознании как норма и ассоциируется с деменцией, что неверно и недопустимо.

Исследователи все чаще обращаются к проблеме вовлечения пожилых людей в процесс информатизации. Так, В.А. Фокин и И.В. Фокин рассматривают возможности электронно-сетевой социальной работы в обслуживании граждан пожилого возраста [7], С.В. Щенникова, Н.Ю. Киселева, Л.С. Тугарова анализируют адаптацию граждан пожилого возраста к условиям современной жизни [8], А.М. Сластухин, Т.Н. Кондратьева характеризуют новые технологии социализации пожилых людей в условиях информационного общества [6]. Постепенно накапливается и эмпирический материал. Например, ежегодно Фонд «Общественное мнение» в обзоре «Интернет в России» уделяет внимание численности старших возрастных групп пользователей Всемирной сети.

И это не удивительно. Ведь согласно данным TNS среди россиян в возрасте старше 55 лет интернет-пользователей только 22 % (в то время как граждане от 12 до 34 лет уже практически все пользуются Интернетом). По данным РАЭК 27 % населения России — в основном это пожилые люди — пока заявляют, что Интернет им вообще не нужен. Еще 4% населения хотели бы пользоваться Интернетом, но не могут [1].

Для сравнения заметим, что на Западе пожилые люди по праву причисляются к самой активной, наиболее быстро растущей аудитории пользователей глобальной сети. Например, среди израильтян старше 50 лет доля активных «интернетчиков» со-

ставляет 45 %, а в Нидерландах четверть всех пользователей Интернета — это люди в возрасте 50+. 43 % жителей США в возрасте от 55 до 64 лет пользуются сетью. Около 95 % из них по данным компании AOL, используют Интернет для общения, 11 % — для планирования путешествий, 58 % — для поиска медицинской информации, 60 % покупают товары в интернет-магазинах, 44 % играют в онлайн-вые игры [2, с. 64–65].

Действительно, именно сеть Интернет впервые в истории развития человеческой цивилизации предоставляет пожилым гражданам беспрецедентные возможности для удовлетворения информационных потребностей, организации жизнедеятельности и передачи своего опыта. Так, в сети возможен поиск информации о социальной защите, социальном обслуживании и здравоохранении, о режиме работы органов государственной власти и местного самоуправления. Для пожилых важны также сервисы подачи обращений и записи на прием в эти органы в электронной форме, не выходя из дома. Это крайне актуально для людей с ограничениями в состоянии здоровья.

Кроме того, теперь возможно обеспечение своих повседневных нужд с помощью электронной торговли, в особенности с использованием стремительно распространяющейся услуги бесплатной курьерской доставки на дом. Учитывая огромный объем знаний и опыта старшего поколения, практически не используемый сегодня обществом во благо развития экономики и социальной сферы, а также наличие свободного времени, пожилые граждане могли бы при желании начать успешно работать дистанционно, на дому и повышать собственные доходы. Либо они могли бы вносить существенный вклад в развитие народовластия, высказываясь на различных форумах, участвуя в обсуждениях проектов нормативных актов или заявляя жалобы на официальных интернет-ресурсах органов власти. Они могли бы, наконец, в качестве волонтеров работать бесплатными online-консультантами в тех областях, специалистами в которых являются, и так чувствовать себя нужными и востребованными, повышать свой социальный статус. Наиболее интересные и коммуникабельные представители старшего поколения могли бы вести собственные блоги и оказывать влияние на умы новых поколений. Простое пользование социальными сетями в пожилом возрасте может способствовать компенсации дефицита общения и поддержанию контактов с родственниками и знакомыми.

Учитывая, что в 2014 г. по данным, опубликованным «NEWSru.com», доля пожилых людей в России составляла 23 % населения [5], а это почти каждый четвертый россиянин, в нашей стране десятки мил-

лионов людей еще могут стать пользователями новых информационных технологий. Качество их жизни, ресурсный потенциал во многом зависят от социальной активности, возможностей удовлетворения различных потребностей, в том числе информационных.

На наш взгляд, повышению информационной адаптивности старших возрастных групп в России, вопреки распространенному мнению, практически ничего не препятствует. Под «информационной адаптивностью пожилого человека» мы подразумеваем способность к активному приспособлению пожилого человека к изначально объективно чуждой для него современной информационной среде, основанную на сознательной выработке мотивации к формированию информационно-технологической компетентности и преодолению информационной депривации. Возникает все больше тенденций, способствующих этому процессу. В результате он развивается, хотя и крайне неравномерно, в субъектах Российской Федерации, в зависимости от активности региональных органов власти, общественных организаций, инициативных групп, технической инфраструктуры, но все более быстрыми темпами, несмотря на отсутствие системы государственных мероприятий.

Описание результатов эмпирического исследования

С целью исследования информационной адаптивности пожилых людей в Пермском крае нами было проведено анкетирование граждан пожилого возраста, направленное на выявление их отношения к мобильной телефонной связи и сети Интернет. Использовалась стихийная выборка (студенты Пермского государственного национального исследовательского университета опрашивали своих соседей, родственников, посетителей Пермского форума для пожилых людей, клиентов домов-интернатов для престарелых и инвалидов Пермского края, согласившихся принять участие в анкетировании). Было опрошено 268 человек, в том числе 200 женщин (74,6 %) и 68 мужчин (25,4 %). Среди респондентов 30,3 % — лица в возрасте 55–60 лет; 25,7 % — 61–65 лет; 21,6 % — 66–70 лет; 15,7 % — 71–75 лет; 6,3 % — старше 75 лет. Поскольку приобщение граждан пожилого возраста к новым информационным технологиям может зависеть от степени развития технической инфраструктуры в месте проживания, принципиально важно было опросить жителей разных по размеру населенных пунктов, в том числе крупных городов (54,1 % выборки), малых городов (21,3 % выборки), поселков, сел и деревень, жители которых составили 24,6 %, т.е. около четверти выборки. Для проведения анкетирования был разработан авторский инструментарий (анкета, включавшая 21 полуоткрытый и закрытый вопрос).

Результаты письменного опроса показали, что мобильными телефонами сегодня пользуется подавля-

ющее большинство пожилых людей в Пермском крае — 90,7 % опрошенных, а более четверти респондентов (28 %) уже освоили и сеть Интернет. На наш взгляд, полученные данные безусловно свидетельствуют о существенном прогрессе в области адаптации граждан пожилого возраста в условиях информатизации. К примеру, еще за пять лет до проведения описываемого опроса, в конце 2009 г., в России по данным фонда «Общественное мнение» всего 7 % лиц в возрасте 55 лет и старше были приобщены к Всемирной сети, а за 10 лет — в конце 2004 г. — лишь 2 % [3]. Соответственно рост числа интернет-пользователей среди представителей старшего поколения в последнее десятилетие происходил практически в геометрической прогрессии.

Любопытным является то, какие функции в мобильных телефонах сумели освоить пожилые (табл. 1). Довольно предсказуемым результатом оказалось, что чуть больше половины (52,2 %) пользователей мобильной связи старших возрастных групп только разговаривают по телефону, что соответствует типичным представлениям в обществе о неприспособленности «бабушек и дедушек» к современным технологиям. Однако остальные — и их почти половина (47,8 %) — научились писать СМС-сообщения. На наш взгляд, это довольно высокий показатель. Более того, 6,2 % (15 чел.) уже освоили выход в сеть Интернет с мобильного телефона, причем двое из них — жители сельской местности. Это свидетельствует о потенциальной заинтересованности части пожилых людей в поиске и обмене информацией посредством подобной технологии. Вероятно, если целенаправленно обучать их этому, удастся вовлечь определенную долю пожилых людей в пользование сетью Интернет.

В половине случаев пожилые владельцы мобильных телефонов в Пермском крае пользуются своими устройствами связи 5–10 лет (49,4 % пользователей). Соответственно, они начали их использовать примерно в 2004–2009 гг. Этот период можно считать временем наиболее активного вовлечения старшего поколения в мобильную связь в регионе. Характерно, что следующие 5 лет — период с 200 г. по 2014 г. — стал периодом освоения гражданами пожилого возраста сети Интернет. Подавляющее большинство опрошенных интернет-пользователей (68 %) указали именно эти сроки началом своего вхождения во Всемирную сеть (табл. 2). Кроме того, характерна корреляция: абсолютно все респонденты, пользующиеся сетью Интернет (75 чел.), являются и владельцами мобильных телефонов. Получается, что существует закономерность: приобщение к мобильной связи — это в определенном смысле первый, обязательный шаг к формированию мотивационной готовности к освоению сети Интернет.

Важно понять, как формируется мотивация пожилого человека к овладению новым, для многих пуга-

ющим и сложным умением пользоваться современными информационными технологиями на примере мобильной телефонной связи и сети Интернет (табл. 3). Ранжируем причины, побудившие представителей старшего поколения справиться с этой задачей, и выделим первые три. В целом оказалось, что в обоих случаях лидируют одни и те же факторы. На первом месте в качестве главного мотиватора оказалось «удобство»: быть всегда на связи или всегда иметь возможность доступа к любой информации. На второе место пользователи мобильной связи ранжировали уговоры внуков и детей, на третье — необходимость соответствовать требованиям времени. Пожилые «интернетчики» те же самые причины ранжировали наоборот — на третье и второе место. Получается, в том, чтобы пожилой человек сделал первый шаг — освоил мобильный телефон, роль родственников довольно важна. А далее для приобщения к сети Интернет (т.е. второго шага в адаптации в условиях информатизации) такие значительные усилия родственников уже не требуются. Пожилой человек, словно почувствовав вкус к новым технологиям, став более уверенным в себе после «победы над мобильным телефоном», уже приступает к выработке умений и навыков пользования Интернетом, ориентируясь скорее на свое желание соответствовать требованиям времени, а не угодить близким людям.

При сравнительном анализе причин становится также очевидно, что у приверженцев Всемирной сети некоторые факторы начинают играть существенно более важную роль, чем у владельцев мобильных телефонов. Среди них — пример друзей и коллег (становится важнее более чем в 2 раза), любопытство ко всему новому (увеличивается аж в 5 раз), рабочая необходимость (теперь возникает более чем в 3 раза чаще). Вывод довольно прост: представители старших возрастных групп становятся более восприимчивы и любознательны к новым информационным технологиям именно после «знакомства» с мобильным телефоном. Имея позитивный опыт его освоения, они начинают обращать внимание на то, какими еще гаджетами пользуются окружающие, проявлять интерес к техническим новинкам, демонстрировать готовность научиться пользоваться теперь и ими.

Анализ субъективной оценки пожилыми людьми изменения качества жизни после «вхождения» в нее мобильной телефонной связи и сети Интернет однозначно свидетельствует о высокой пользе этих технологий. 92,6 % владельцев мобильных телефонов и 94,7 % интернет-пользователей констатировали, что почувствовали, как «жить стало лучше (удобнее, комфортнее)» после приобщения к указанным технологиям (табл. 4). Полученные результаты, на наш взгляд, ошеломительные. Они свидетельствуют о том, что лучший источник информации о пользе новых информационных технологий для пожилых — это другие пожилые люди. В подавляющем большин-

стве случаев они дадут позитивную оценку влиянию мобильной связи и сети Интернет на качество их жизни, и это может быть лучшей рекламой таких технологий для старших возрастных групп. Целесообразно было бы снять и транслировать на российском телевидении видеоролики, в которых мужчины и женщины преклонного возраста — реальные персонажи — рассказывали бы свои истории приобщения к сети Интернет и мобильной связи. Это могут быть, к примеру, победители описанных выше конкурсов среди интернет-пользователей пожилого возраста, раз уж эта практика появилась теперь и в России.

Довольно любопытны полученные данные о том, как обычно представители старшего поколения используют сеть Интернет (табл. 5). Оказывается, чаще всего они находят интересную и полезную для себя информацию: например, рецепты блюд, рекомендации по лечению заболеваний, описание новинок бытовой техники и т.п. (об этом заявили 68 % пожилых интернет-пользователей). Это соответствует типичной интернет-практике, наиболее характерной для всех возрастных групп старше 18 лет в России. На втором месте — просмотр новостей (58,7 %), на третьем — использование электронной почты (52 % респондентов-«интернетчиков»).

Кроме того, почти половина пожилых интернет-пользователей (48 %) оказались зарегистрированы в социальных сетях. Любопытно, что это 13,4 % всей выборки, это, по сути, означает, что уже почти каждый седьмой пожилой житель Пермского края пользуется социальными сетями. Не секрет, что особое доверие у представителей старшего поколения завоевала социальная сеть «Одноклассники». Во многом благодаря ей достигнуты такие поразительно высокие, на наш взгляд, результаты. Пожилые преодолевают дефицит общения, социализируются, получают положительные знаки внимания и эмоции, а значит, повышают самооценку в виртуальном пространстве. Этот показатель, вероятно, имеет все шансы существенно возрасти в ближайшие годы, раз процесс развивается такими быстрыми темпами.

Довольно значительное число пожилых интернет-пользователей (37,3 %) указали, что смотрят фильмы и слушают музыку в сети Интернет, т.е. фактически организуют свой досуг с помощью новых информационных технологий. Такой относительно высокий показатель может оцениваться как крайне прогрессивный, он свидетельствует об усложнении способов использования контента Всемирной сети и наличии достаточных для этого знаний и умений у представителей старшего поколения.

Важно заметить, что каждый третий пожилой интернет-пользователь (33,3 %) ищет информацию о своих правах и социальной помощи — например, о пенсиях, пособиях, льготах, субсидиях, компенсациях, социальных услугах. Безусловно, это выявляет

немаловажность удовлетворения описанной информационной потребности для старших возрастных групп. Зафиксированный фактор, по нашему мнению, может использоваться при формировании мотивации к освоению умения пользоваться сетью Интернет у пожилых людей, в частности — к обучению компьютерным технологиям.

Действительно, пожилые люди — основные потребители услуг системы социального обслуживания и социальной защиты, а соответственно — и информации об этой системе. Кстати, в 2014 г. фондом «Общественное мнение» получены интересные данные [4]. Оказывается, 28 % россиян считают, что государственные учреждения, занимающиеся социальным обслуживанием пожилых граждан, работают плохо, объясняя это, в числе других причин, тем, что «нет информации, какие льготы». Очевидно, что респонденты негативное отношение к этой системе связывают, в частности, с отсутствием эффективной системы информирования. Информационная открытость позволит изменить общественное мнение о ведомстве в лучшую сторону. В этом направлении в России предпринимаются активные шаги: с 1 января 2015 г. поставщики социальных услуг обязаны иметь собственные сайты.

Относительно высокой оказалась доля граждан пожилого возраста, делающих покупки в интернет-магазинах: 14,7 % опрошенных интернет-пользователей и 4,1 % выборочной совокупности, т.е. каждый 24-й пожилой житель Пермского края. Учитывая консерватизм старших возрастных групп, такой показатель можно рассматривать как непредвиденный.

Пока довольно незначительная часть пожилых интернет-пользователей удовлетворяют культурные потребности во Всемирной сети. 16 % из них указали, что читают книги в Интернете, а 9,3 % просматривают коллекции музеев и картинных галерей на их сайтах. Вероятно, этот показатель на самом деле может быть еще ниже, поскольку он отчасти зависит от так называемого «эффекта социальной желательности», возникающего при заполнении анкеты респондентом.

Любопытны полученные данные о том, что 13,3 % пожилых «интернетчиков», что соответствует 3,7 % всех опрошенных, пользуются порталами государственных услуг (услугами «Электронного Правительства») для обращения в органы власти. Учитывая, что даже среди молодежи сегодня еще не все владеют знаниями о порталах государственных и муниципальных услуг, выявленный показатель можно расценивать как довольно неплохой.

Наконец, 3 респондента (4 % пожилых интернет-пользователей и 1,1 % выборочной совокупности) указали в анкете, что «проходят обучение в Интернете». Этот результат — совершенно неожиданный, меняющий стереотипы представлений о жизнедеятельности старшего поколения. Опыт этих респон-

дентов целесообразно доводить до сведения общественности через СМИ и тиражировать в целях активизации человеческого потенциала в России.

Чему в пользовании мобильной телефонной связью и сетью Интернет хотели бы научиться пожилые люди? Результаты анализа их ответов (табл. 6) свидетельствуют о безоговорочном лидерстве варианта «находить информацию о своих правах и социальной помощи (например, о пенсиях, пособиях, льготах, субсидиях, компенсациях, социальных услугах)». Это свидетельствует, с одной стороны, о дефиците подобной информации у старших возрастных групп, неэффективном ее доведении органами государственной власти и местного самоуправления до граждан пожилого возраста, а с другой стороны — о наличии значимой информационной потребности в подобного рода информации о социальной защите и социальном обслуживании. Почти 40 % опрошенных, т.е. чуть ли не каждый второй пожилой человек, хотели бы, чтобы кто-нибудь обучил их этому. Напомним, что лишь 28 % респондентов вообще умеют пользоваться Интернетом. Соответственно, ради поиска информации о пенсиях, пособиях, льготах, субсидиях, компенсациях, социальных услугах даже те, кто до сих пор не являлись пользователями Всемирной сети, готовы приобщиться к этой технологии. Следовательно, это умение будет лучшей мотивацией для вовлечения граждан пожилого возраста в обучение компьютерным технологиям. Именно оно должно в первую очередь входить в программу многочисленных предлагающихся сегодня курсов компьютерной грамотности для пожилых, чтобы привлечь аудиторию.

Вторая по значимости — потребность в обучении пользованию порталами государственных услуг (услугами «Электронного Правительства») для обращения в органы власти. 27,6 % респондентов уже осознали ее и, очевидно, предполагают, что эта технология повысит качество их жизни. Это не удивительно, учитывая, что пожилые люди зачастую ограничены в передвижении по состоянию здоровья, а значит, испытывают трудности с личным посещением органов власти. На наш взгляд, государство должно воспользоваться подобным «кредитом доверия» старших возрастных групп к порталам государственных и муниципальных услуг и срочно обучить их этой технологии. Так будет возможно не только облегчить взаимодействие граждан пожилого возраста с органами власти и снизить поток очных посетителей к специалистам, но и повысить их гражданскую активность, правовую грамотность, социальную компетентность.

Каждый четвертый представитель старшего поколения хочет научиться находить интересную и полезную для себя информацию (например, рецепты блюд, рекомендации по лечению заболеваний, описание новинок бытовой техники и т.п.). Потребность в выработке такого умения оказалась на третьем месте. До-

вольно любопытно также, что каждый пятый респондент (19,1 %) изъявил желание обучиться умению просматривать коллекции музеев и картинных галерей на их сайтах, каждый седьмой (13,1 %) — читать книги в Интернете, а каждый шестой (15,7 %) вообще не отказался бы проходить обучение в Интернете, если бы знал, как это делать. Такие, на наш взгляд, поразительные результаты дают основания утверждать, что представители старших возрастных групп нередко готовы повышать свой культурный и образовательный уровень в случае овладения новыми информационными технологиями. Именно для этого и должно служить формирующееся информационное общество с этических позиций.

Каждый восьмой респондент (12,3 %) не прочь научиться делать покупки в Интернете. Это не удивительно, во всех странах пожилые люди являются активными потребителями услуг стремительно развивающейся сегодня интернет-торговли. Она позволяет ограниченным в передвижении и инвалидам компенсировать свою социально-экономическую депривацию. Важно, что уровень доверия и любопытство к «покупкам в Интернете», очевидно, постепенно повышается в старших возрастных группах. Мы полагаем, что такая тематика курсов компьютерной грамотности для граждан пожилого возраста была бы крайне востребована. Кстати, в Великобритании, крупнейшей общественной организацией для пожилых «Age UK» выпускаются и повсеместно распространяются бесплатно обучающие брошюры, содержащие раздел, посвященный онлайн-шопингу [9]. В нем простым языком объясняется удобство совершения интернет-покупок для человека в преклонном возрасте, рекомендуются надежные сайты, объясняется процедура совершения покупки, советуются интернет-ресурсы, позволяющие сравнивать цены в интернет-магазинах.

Что касается мобильной телефонной связи, то почти каждый пятый пожилой человек, как выяснилось, хочет научиться отправлять и получать СМС (18,7 %), и примерно каждый шестой (17,2 %) готов обучиться выходу в Интернет с мобильного телефона. Трудно поверить, но каждый двадцать пятый (4,1 %) признался, что все еще нуждается в обучении, казалось бы, элементарной для современного человека вещи — звонить по мобильному телефону и отвечать на звонки. Данная потребность пожилых людей не должна игнорироваться. Общественности и органам власти необходимо обратить на нее внимание. Подобным, совершенно несложным обучением могли заняться общественные организации и социальные службы.

Далее нами была проанализирована этическая оценка пожилыми людьми информатизации современного общества (табл. 7). Каждый пятый респондент (19,8 %) согласился с утверждением «Интернет — это зло для человечества». К мобильным теле-

фонам отношение оказалось менее враждебным: лишь каждый девятнадцатый (5,2 % опрошенных) ассоциирует их со «злом». Тем не менее, 27,6 % граждан пожилого возраста убеждены, что «без Интернета и мобильных телефонов жизнь людей была бы лучше, счастливее». Отчасти это, возможно, ностальгия по прежним временам. А 10,8 % и вовсе запретили бы мобильные телефоны, компьютеры и Интернет, если бы у них была такая возможность.

Однако большинство респондентов (53,7 %) склоняются к мнению, что «мобильные телефоны и Интернет сделали жизнь людей лучше, счастливее». Соответственно можно констатировать, что новые информационные технологии все же завоевали уважение и позитивное отношение старших возрастных групп. Это означает, что в целом процесс информатизации современного российского общества развивается вполне успешно, не привнося настолько значимых социальных потрясений (безработица, нарушение прав человека, рост преступности и т.п.), чтобы однозначно настроить пожилых людей против информационно-технологических новшеств.

И, наконец, последний вопрос анкеты о том, чувствует ли себя счастливым пожилой человек, был направлен на выявление вероятной корреляции этой переменной с показателями использования им в повседневной жизнедеятельности мобильной телефонной связи и сети Интернет. Среди «счастливых» и «скорее счастливых» пожилых людей 93 % (185 чел.) пользуются мобильной телефонной связью и 30,7 % (61 чел.) Интернетом (см. табл. 8). Среди «несчастливых» и «скорее несчастливых» же только 82 % (32 чел.) являются владельцами мобильных телефонов и лишь 25,6 % (10 чел.) выходят в Интернет. Разница в показателях совершенно очевидна. Вероятность того, что пожилой человек будет ощущать себя счастливым в жизни, на 11 % выше, если обучить его пользоваться мобильным телефоном, и на 5 % выше, если научить «обращаться с Интернетом». Безусловно, это веская причина для системной организации курсов телефонной и компьютерной грамотности для граждан пожилого возраста в рамках государственных и региональных программ, таких как «Информационное общество (2011–2020 годы)», «Старшее поколение» и других.

Выводы

Таким образом, исследование показало, что в современных условиях в России формируется довольно высокая мотивационная готовность пожилых людей к освоению новых информационных технологий. Мобильными телефонами владеют уже подавляющее большинство представителей старших возрастных групп (около 91 %), а доля интернет-пользователей растет в геометрической прогрессии и уже достигла 28 %. При этом граждане пожилого возраста хотят научиться писать СМС-сообщения, искать информа-

цию о социальной защите и социальном обслуживании в Интернете и многом другому. Зафиксирован высокий уровень потребностей в овладении целым рядом умений, связанных в первую очередь с электронным взаимодействием с органами власти, а также с организацией досуга, культурного развития и даже повышения образовательного уровня пожилых через Интернет. Выявленный нами перечень таких потребностей целесообразно использовать как основу для разработки обучающих курсов для граждан пожилого возраста органами власти, социальными службами, государственными, общественными и иными заинтересованными организациями.

Большинство представителей старшего поколения настроены благодушно в отношении мобильных телефонов и сети Интернет и убеждены, что они сделали жизнь людей лучше и счастливее. И сами пожилые люди, пользующиеся мобильной телефонной связью и Всемирной сетью, чаще ощущают себя счастливыми. Все это свидетельствует о довольно успешном развитии процесса информатизации современного российского общества и постепенном вовлечении в него ранее практически изолированной возрастной группы — граждан пожилого возраста.

Таблица 1. Способы использования мобильного телефона пожилыми людьми

№ п/п	Способы использования мобильного телефона	Доля среди опрошенных пожилых пользователей мобильной связи, чел.	Доля среди опрошенных пожилых пользователей мобильной связи, %	Доля среди всех опрошенных пожилых, %
1	«Разговариваю»	127	52,2	47,4
2	«Разговариваю, отправляю и получаю СМС»	101	41,6	37,7
3	«Разговариваю, отправляю и получаю СМС, выхожу в Интернет с мобильного»	15	6,2	5,6
Итого		243	100	90,7

Таблица 2. Срок пользования пожилыми людьми мобильной телефонной связью и сетью Интернет

№ п/п	Срок пользования	Пользование мобильной связью		Пользование сетью Интернет	
		Доля среди опрошенных пожилых пользователей, чел.	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, %	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, чел.	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, %
1	До 5 лет	93	38,3	51	68
2	5–10 лет	120	49,4	20	26,7
3	Более 10 лет	29	11,9	4	5,3
4	Затруднились ответить	1	0,4	0	0
Итого		243	100	75	100

Таблица 3. Мотивация пожилых людей к овладению умением пользования мобильной телефонной связью и сетью Интернет

№ п/п	Причины, побудившие респондентов научиться пользоваться новой технологией	Мобильная связь		Сеть Интернет	
		Доля среди опрошенных пожилых пользователей, чел.	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, %	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, чел.	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, %
1	Уговорили внуки или дети	85	35	18	24
2	Пример друзей, коллег	15	6,2	11	14,7
3	Необходимость соответствовать требованиям времени, поскольку в наши дни нельзя без мобильного телефона (так сказать «пришлось соответствовать»)	53	21,8	20	26,7
4	Удобство быть всегда на связи / всегда иметь возможность доступа к любой информации	116	47,7	24	32

Окончание табл. 3

№ п/п	Причины, побудившие респондентов научиться пользоваться новой технологией	Мобильная связь		Сеть Интернет	
		Доля среди опрошенных пожилых пользователей, чел.	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, %	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, чел.	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, %
5	Пришлось это сделать по работе (иначе было нельзя)	12	4,9	12	16
6	Любозычество ко всему новому	7	2,9	11	14,7
7	Другое	2	0,8	2	2,7
8	Затруднились ответить	1	0,4	0	0
Всего		243	100	75	100

Таблица 4. Оценка пожилыми людьми изменения качества жизни после начала пользования мобильной телефонной связью и сетью Интернет

№ п/п	Варианты оценок	Пользователи мобильной связи		Пользователи сети Интернет	
		Доля среди опрошенных пожилых пользователей, чел.	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, %	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, чел.	Доля среди опрошенных пожилых пользователей, %
1	Повысилось	133	54,7	45	60
2	Скорее повысилось	92	37,9	26	34,7
3	Скорее не повысилось	3	1,2	1	1,3
4	Не повысилось	4	1,7	2	2,7
5	Затрудняюсь ответить	11	4,5	1	1,3
Итого		243	100	75	100

Таблица 5. Способы использования сети Интернет пожилыми людьми

№ п/п	Способы использования сети Интернет	Доля среди опрошенных пожилых пользователей сети Интернет, чел.	Доля среди опрошенных пожилых пользователей сети Интернет, %	Доля среди всех опрошенных пожилых, %
1	Пользуются электронной почтой	39	52	14,6
2	Зарегистрированы в социальной сети («Facebook», «Одноклассники» и т.п.)	36	48	13,4
3	Просматривают новости в Интернете	44	58,7	16,4
4	Смотрят фильмы и/или слушают музыку в Интернете	28	37,3	10,4
5	Пользуются порталами государственных услуг (услугами «Электронного Правительства») для обращения в органы власти	10	13,3	3,7
6	Читают книги в Интернете	12	16	4,5
7	Просматривают коллекции музеев и картинных галерей на их сайтах	7	9,3	2,6
8	Делают покупки в интернет-магазинах	11	14,7	4,1
9	Находят информацию о своих правах и социальной помощи (например, о пенсиях, пособиях, льготах, субсидиях, компенсациях, социальных услугах)	25	33,3	9,3
10	Находят интересную и полезную для себя информацию (например, рецепты блюд, рекомендации по лечению заболеваний, описание новинок бытовой техники и т.п.)	51	68	19
11	Проходят обучение	3	4	1,1
12	Другое	1	1,3	0,4
13	Затруднились ответить	1	1,3	0,4
Всего		75	100	28

Таблица 6. Умения пожилых людей в области пользования мобильной телефонной связью и сетью Интернет и потребности в обучении

№ п/п	Вид деятельности	Уже умеют, чел.	Уже умеют, %	Есть желание научиться, чел.	Есть желание научиться, %	Нет желания научиться, чел.	Нет желания научиться, %	Затруднились ответить, чел.	Затруднились ответить, %
1	Звонить по мобильному телефону (и отвечать на звонки)	233	86,9	11	4,1	12	4,5	12	4,5
2	Отправлять и получать СМС	140	52,2	50	18,7	58	21,6	20	7,5
3	Выходить в Интернет с мобильного телефона	26	9,7	46	17,2	168	62,7	28	10,4
4	Пользоваться электронной почтой	44	16,4	34	12,7	158	59	32	11,9
5	Зарегистрироваться в социальной сети («Facebook», «Одноклассники» и т.п.)	42	15,7	25	9,3	173	64,6	28	10,4
6	Просматривать новости в Интернете	71	26,5	48	17,9	122	45,5	27	10,1
7	Смотреть фильмы и/или слушать музыку в Интернете	45	16,8	46	17,2	148	55,2	29	10,8
8	Пользоваться порталами государственных услуг (услугами «Электронного Правительства») для обращения в органы власти	31	11,6	74	27,6	132	49,2	31	11,6
9	Читать книги в Интернете	35	13,1	35	13,1	167	62,3	31	11,6
10	Просматривать коллекции музеев и картинных галерей на их сайтах	28	10,4	51	19,1	156	58,2	33	12,3
11	Делать покупки в Интернете	19	7,1	33	12,3	187	69,8	29	10,8
12	Находить информацию о своих правах и социальной помощи (например, о пенсиях, пособиях, льготах, субсидиях, компенсациях, социальных услугах)	53	19,8	106	39,6	84	31,3	25	9,3
13	Находить интересную и полезную для себя информацию (например, рецепты блюд, рекомендации по лечению заболеваний, описание новинок бытовой техники и т.п.)	74	27,6	67	25	99	37	28	10,4
14	Проходить обучение	25	9,3	42	15,7	175	65,3	26	9,7
15	Другое	1	0,4	0	0	1	0,4	266	99,2

Таблица 7. Мировоззренческая позиция пожилых людей в отношении этических аспектов влияния феноменов мобильной телефонной связи и сети Интернет на современное общество

№ п/п	Утверждение	Согласны, чел.	Согласны, %	Не согласны, чел.	Не согласны, %	Затруднились ответить, чел.	Затруднились ответить, %
1	Интернет — это зло для человечества	53	19,8	187	69,8	28	10,4
2	Мобильные телефоны — это зло для человечества	14	5,2	231	86,2	23	8,6
3	Без Интернета и мобильных телефонов жизнь людей была бы лучше, счастливее	74	27,6	170	63,4	24	9
4	Если у меня была такая возможность, я запретил(а) бы мобильные телефоны, компьютеры и Интернет	29	10,8	214	79,9	25	9,3
5	Мобильные телефоны и Интернет сделали жизнь людей лучше, счастливее	144	53,7	102	38,1	22	8,2

Таблица 8. Субъективная оценка ощущения счастья в жизни пожилыми людьми в целом и пользователями мобильной телефонной связи и сети Интернет

№ п/п	Показатель	Доля респондентов, чел.	Доля респондентов, % от выборки	В том числе доля респондентов-пользователей мобильной связи, чел.	В том числе доля респондентов-пользователей мобильной связи, % от группы	В том числе доля респондентов-пользователей сети Интернет, чел.	В том числе доля респондентов-пользователей сети Интернет, % от группы
1	Чувствуют себя счастливыми	88	32,9	84	95,5	30	34,1
2	Скорее чувствуют себя счастливыми	111	41,4	101	91	31	27,9
3	Скорее не чувствуют себя счастливыми	22	8,2	19	86,4	4	18,2
4	Не чувствуют себя счастливыми	17	6,3	13	76,5	6	35,3
5	Затруднились ответить	30	11,2	26	86,7	4	13,3

Список литературы

1. *Грамматчиков А.* Рунет: двадцать лет спустя // Эксперт. 2014. № 21(900). URL: <http://expert.ru/expert/2014/21/runet-dvadsat-let-spustya/> (дата обращения: 25.03.2015).
2. *Кондратов Б.Ф.* «Третий возраст» и интернет // Информационное общество. 2009. Вып. 1. С. 64–75.
3. *Лебедев П., Петухова С.* Интернет в России: динамика проникновения // Электронное периодическое издание «Официальный веб-сайт Российской Ассоциации Электронных коммуникаций (РАЭК)». URL: http://raec.ru/upload/files/auditoria_runeta.pdf (дата обращения: 03.02.2015).
4. *Пожилые люди: социальная защита и уход. Как государство должно помогать пожилым?* – Фонд «Общественное мнение». 2014. 28 мая. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11524> (дата обращения: 25.03.2015).
5. *Распределение населения по возрастным группам.* URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 31.03.2015).
6. *Сластухин А.М., Кондратьева Т.Н.* Современные технологии социализации пожилых людей в условиях информационного общества // В помощь социальному педагогу сборник научно-методических материалов / Министерство образования и науки РФ, Главное управление образования мэрии города Новосибирска, Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск, 2012. С. 111–125.
7. *Фокин В.А., Фокин И.В.* Возможности электронно-сетевой социальной работы в обслуживании граж-

дан пожилого возраста // Успехи геронтологии. 2011. Т. 24, № 1. С. 162–167.

8. Щенникова С.В., Киселева Н.Ю., Тугарова Л.С. К вопросу об адаптации граждан пожилого возраста и инвалидов к условиям жизни в современном обществе // Альманах современной науки и образования. 2014. № 3(82). С. 192–194.
9. *Making the most of the internet: a practical guide to getting online*. London: Age UK, 2011. 36 p.

Получено 14.03.2016

References

1. Grammatchikov A. *Runet: dvadcat' let spustja* [Runet: twenty years later]. *Jekspert* [Expert]. 2014, no. 21(900). Available at: <http://expert.ru/expert/2014/21/runet-dvadsat-let-spustya/> (accessed 25.03.2015). (In Russian).
2. Kondratov B.F. «*Tretij vozrast*» i internet [«Third Age» and the Internet]. *Informacionnoe obshchestvo* [Information Society]. 2009, vol. 1, pp. 64–75. (In Russian).
3. Lebedev P., Petukhova S. [Internet in Russia: the dynamics of involving]. *Jelektronnoe periodicheskoe izdanie «Ofitsial'nyj veb-sajt Rossijskoj Associacii Jelektronnyh kommunikacij (RAJeK)»* [Electronic periodical «Official web site of the Russian Association of Electronic Communications (RAEC)»]. Available at: http://raec.ru/upload/files/auditoria_runeta.pdf (accessed 03.02.2015). (In Russian).
4. [Elderly: social protection and care. How the state should help the elderly?]. Fond «*Obshhestvennoe mnenie*» [Foundation «Public Opinion»]. 2014, May 28th. Available at: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11524> (accessed 25.03.2015). (In Russian).

Об авторе

Гасумова Светлана Евгеньевна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры социальной работы

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: svetagasumova@ya.ru

5. *Raspredelenie naselenija po vozrastnym gruppam* [distribution of population by Age Groups]. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed 31.03.2015). (In Russian).
6. Slastuhin A.M., Kondrat'eva T.N. [Modern Technology for Socialization of Old People in the Information Society]. *V pomoshh' social'nomu pedagogu sbornik nauchno-metodicheskikh materialov / Ministerstvo obrazovanija i nauki RF, Glavnoe upravlenie obrazovanija mjerii goroda Novosibirska, Novosibirskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet* [To help social educator collection of scientific and methodical materials / Ministry of Education and Science, Department of Education of City Hall of Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University]. Novosibirsk, 2012, pp. 111–125. (In Russian).
7. Fokin V.A., Fokin I.V. [Features of electronically networked social work services for the elderly]. *Uspеhi gerontologii* [Gerontology Successes], 2011, vol. 24, no. 1, p. 162–167. (In Russian).
8. Schennikova S.V., Kiseleva N.Ju., Tugarova L.S. [On the question of adaptation of the elderly and disabled to the conditions of life in modern society]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija* [Almanac of modern science and education], 2014, vol. 3(82), pp. 192–194. (In Russian).
9. *Making the Most of the Internet: a Practical Guide to Getting Online*. London, Age UK Publ., 2011. 36 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 14.03.2016

About the author

Gasumova Svetlana Evgen'evna

Ph.D. in Sociology, Docent, Assistant Professor
of the Department of Social Work

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svetagasumova@ya.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Гасумова С.Е. Отношение пожилых людей к сети Интернет и мобильной телефонной связи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 161–171.
doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-161-171

Please cite this article in English as:

Gasumova S.E. The elderlies attitude to the Internet and mobile telephony // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 161–171. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-161-171

УДК 281.2:070:004

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-172-179

ПРАВОСЛАВНЫЕ ВИРТУАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ В БОРЬБЕ ЗА ВЕРУ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОРОДА ПЕРМИ)

Дюкин Сергей Габдульсаматович

Пермский государственный институт культуры

Самойлова Ирина Валерьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Статья посвящена формам презентации Русской православной церкви в Интернете. В качестве объекта исследования выступают сетевые православные СМИ российской периферии. В нашем случае рассматриваются медиа Пермского края как одного из типичных российских регионов. Суть исследовательской задачи заключается в выявлении функций интернет-ресурсов церкви и специфических характеристик сетевого дискурса, формируемого русским православием на региональном уровне. В основе инструментария исследования сочетание структурно-функционального и дискурс-анализа. Методологическую базу составили тексты ведущих современных исследователей цифровых массмедиа: Х. Кэмпбелл, П. Чеонг, Ч. Хелланда, Н. Бойца, С. Раджагополана, М. Горхэма. В ходе исследования выяснилось, что сетевые ресурсы РПЦ обладают определенной дисфункциональностью, ориентированы на воспроизведение заданного ритуала, существуют в отрыве от своей потенциальной аудитории. Через интернет-СМИ церковь демонстрирует отказ от трансляции в социум собственно религиозного содержания: на сайтах, в группах в социальных сетях нет религиозного нарратива, элементов проповеди. Данные коммуникативные единицы уступают место социально-политическому дискурсу, в который помещает себя русская церковь. Помимо этого важной чертой православных интернет-медиа является отсутствие обратной связи с пользователями. В сети нет дискуссий, обмен информацией и мнениями предельно фрагментаризирован. В качестве причин сложившейся ситуации отмечается неготовность местного религиозного сообщества к принятию новых форм взаимодействия, обоюдная консервативность духовенства и прихожан.

Ключевые слова: православная церковь, Интернет, виртуальное пространство, коммуникация, функция, ритуал, презентация.

VIRTUAL RESOURCES OF ORTHODOX CHURCH IN THE PROCESS OF STRUGGLE FOR BELIEF (ON THE PERM CITY MATERIALS)

Sergey G. Dyukin

Perm State Institute of Culture

Irina V. Samoilova

Perm State University

The article is devoted to the forms of presentations of the Russian Orthodox Church in the Internet. The object of research is Internet media of the Orthodox Church of Russian province. We research Internet media of Perm region as one of typical territories of country. The research task is identifying functions of Internet-resources of church and search of specific features of Internet-discourse in the Orthodox religion forms. The main instruments we use are structure-functional analyses and discourse-analyses. The methodological base of article is founded on texts of modern researchers of virtual media. They are H. Campbell, P. Cheong, Ch. Helland, N. Boiz, S. Rajagopalan, M. Gorham. We find out that Internet resources are dysfunctional, focused to repetition of ritual. These media exist out of their auditory. On Internet media the church demonstrate failure from translation of religious content. There isn't religious narrative, elements of sermon on sites, in social nets. These communicative units give place social-politic discourse, to which Orthodox Church come. Other important feature of Orthodox Internet media is absent of feedback with users. Reasons of such situation is unwillingness of local religious community to use new forms of communication, conservative spirit of clergy and parishioners.

Keywords: the Orthodox Church, Internet, virtual space, communication, function, ritual, presentation.

Введение

Преобразование социального и коммуникативного поля не оставляет в стороне ни одну из сфер, сохраняющих хотя бы небольшую часть своих функций в современном обществе. В число таковых входит религия, в том числе ее традиционные конфессии, имеющие статус традиционных и позиционирующие себя на основе консервативных ценностей. Соприкосновение подобного института с современными технологиями, в том числе массмедийными, порождает кризисную ситуацию, которая базируется на социокультурной дисгармонии. В нашем случае речь идет об использовании Русской православной церкви возможностей Интернета в целях собственной презентации. Проблемные точки данной ситуации находятся там, где возникает такая оппозиционная дихотомическая пара, как поиск и удержание паствы, общие консервативные установки, жесткая внутренняя иерархия, с одной стороны, и с другой — стремление к позиционированию себя в качестве современного института, включенность в рыночную экономику, медийный способ самопрезентации как таковой.

История решения поставленной проблемы в науке насчитывает всего лишь несколько последних лет, однако за это время гуманитарный дискурс обогатился рядом предельно аттрактивных трудов, в которых исследуются взаимоотношения религии и сети Интернет в аспекте эволюции религиозной формы сознания под влиянием виртуального мира. В этом ряду можно назвать труды Х. Кэмпбелл, внесшей большой вклад в разработку понятия цифровой религии. После появления ее трудов неотъемлемым элементом дискурса религии и Интернета стала проблема «online-offline» как проблема соотношения различных форм использования сети в аспекте исповедания религии [10, 11], хотя первоначально данная категория была введена в обиход К. Хелландом [14]. Значителен вклад в развитие исследований цифровой религии П. Чеонг, внимание которой во многом сосредоточено на проблеме влияния сетевых практик на собственно религиозные практики в различных конфессиях. Исследовательский опыт П. Чеонг обобщен в ее совместной с П. Фишер-Нельсоном и Ш. Гелфгренем монографии [12]. В ряду заметных исследователей сетевых презентаций религии можно назвать также Дж. Кобб, Б. Брэшер, Р. Хоурда.

Обозначенная нами проблемная ситуация наиболее характерна для периферии — там, где нет давления официальной позиции высших иерархов, вмешательства профессиональных медиатехнологов и значительно сужен состав аудитории, обладающей высокой степенью виртуальной культуры. Таким образом, обратившись к представлению себя в интернет-пространстве Пермской епархией РПЦ (Рус-

ская православная церковь), можно предположить, что мы имеем дело с типичным примером самопрезентации российского православия регионального уровня на основе современных возможностей медиа. Ситуация в медиaproстранстве российских столиц отличается от региональных значительным увеличением медиа-контента. На то существует множество причин, главные из них приближенность столичных иерархов к средоточию современных технологий, необходимость обеспечивать презентацию церкви со стороны ее руководства. Положение же на периферии предопределяется переносом ответственности на центр.

Изучение интернет-ресурсов проведено нами на пересечении нескольких методологических принципов — структурно-функционального анализа, структурно-семантического анализа и дискурс-анализа. Ни один из обозначенных методов самостоятельно не в состоянии решить поставленные задачи в силу многомерности изучаемого объекта. Интернет-ресурс в рассматриваемом нами аспекте включает в себя вербальную, визуальную, коммуникативную (связи с другими интернет-ресурсами), социальную (востребованность со стороны аудитории) составляющие. Совокупность их можно проанализировать лишь сочетая названные методы. Дополнительно в нашем случае используется техника включенного интервью. Выражение своей позиции выступающими в качестве респондентов пользователями местных православных интернет-ресурсов позволяет увидеть ситуацию изнутри, дает возможность расширить функциональное поле отдельных явлений виртуального мира пермского православия.

Важно также заметить, что речь может идти не только о различных аспектах изучаемого объекта, но и о различных уровнях проникновения вглубь объекта. Среди таковых можно выделить, во-первых, состав контента (число сайтов и разделов в социальных сетях), во-вторых, структуру отдельных ресурсов, в-третьих, структуру междискурсивных связей, в-четвертых, семантическую структуру ресурсов. Особый сегмент в системе объекта исследования занимает восприятие его аудиторией. В данном случае речь идет о включенном интервью.

Виртуальная реальность пермского православия: уровни погружения

Первый факт, обнаруживающий себя в нашем случае, связан с узостью данного микро-дискурса. Пермская епархия использует минимум возможностей для своего продвижения на «религиозном рынке». Все, чем располагает пермское православие в Интернете, — это официальный сайт пермской епархии (www.prgavrem.ru), пермский портал для православных, функционально и тематически дублирующий вышеназванный ресурс (www.zarst.ru), 12 групп на сайте «ВКонтакте» и одна группа в сети «Facebook».

Помимо этого существует ряд непрофильных ресурсов, таких как, например, пермский городской форум www.tegon.ru, содержащий в себе элементы религиозной полемики, при том что изначально модераторы сайта полностью исключали возможность религиозных споров. Однако мы оставили в стороне подобные ресурсы, так как, во-первых, интересующий нас дискурс во многом подчинен иной проблематике и играет сопровождающую роль по отношению к ней, во-вторых, на такого рода форумах изучаемая нами православная тематика часто ассимилируется иными религиозными направлениями.

Несколько особняком стоит электронный вариант печатной газеты «Православная Пермь», размещаемый на сайте епархии. Особое место данного ресурса объясняется тем, что интернет-газета издается по законам прессы, и ее бытование в сети есть не более чем воспроизведение на дополнительном носителе. На страницах «Православной Перми» нет форума для обсуждения, нет прямой возможности для задавания вопросов. Проникновение газеты в Интернет, таким образом, не вмешивается в стандартный коммуникативный процесс, складывающийся в традиционной прессе, воспроизводя его авторитарную сущность в виртуальном пространстве.

Обозначенная узость и замкнутость пермского сетевого православия усиливается его вертикальной и пространственной изоляцией. Местные интернет-ресурсы почти не имеют выхода на свои центральные (патриархальные) аналоги, а также на сайты других, в том числе соседних регионов. Немногочисленными исключениями является размещение новостей на сайте www.zarst.ru о молебнах по поводу присоединения Крыма, проведенных российским патриархом. При этом необходимо заметить, что самоизоляция в виртуальном пространстве не является для пермской епархии декларативным фактором. Можно предположить, что данное положение не осознается заказчиками и разработчиками ресурсов. В пользу этого свидетельствует отсутствие всякой региональной и ментальной рефлексии в сети. Руководство пермской епархии нельзя уличить и в вовлечении в зону декларативной идентичности используемой семиосферы. Роль местных храмов, персонажей местной религиозной мифологии и истории в становлении прикамского православия не преувеличивается. Да и сам концепт «прикамского» или «уральского» православия отсутствует.

Следующий уровень проникновения в данный контекст обнаруживает однообразную структуру названных ресурсов. Как сайты, так и группы в социальных сетях включают в себя устойчивый спектр однотипных новостей, набор стандартизированных тем для обсуждения, разъяснения и комментарии священников, широкий объем визуальных материалов, подчиненных единообразной семантической структуре.

Третий уровень погружения в пермский православный интернет-дискурс выявляет ряд дискурсивных связей. Их характеризует узость и однонаправленность. Виртуальное пространство пермской епархии предстает замкнутым, исключенным из всей полноты социальных связей. Исключение составляют группы в социальных сетях. Однако ссылки и «ВКонтакте», и на «Facebook» устанавливают связи исключительно внутри российского православного интернет-пространства. Нет межконфессиональных «связующих нитей», в частности, с так называемыми традиционными религиями, отношения с которыми относятся к числу социально одобряемых.

Наконец, четвертый уровень погружения в дискурс позволяет сконцентрировать внимание на его семантической структуре, ее двух составляющих — вербальной и невербальной. Первый блок представляется в сконцентрированной форме, основной частью которой является концепт. Второй сегмент состоит из множества визуальных единиц, преимущественно фотографий. Ведущее место в этой структуре занимает образ храма, присутствующий на подавляющем числе виртуальных страниц. Здание храма при фиксируемой частоте присутствия в сетевом сегменте пермской епархии в какой-то мере лишается функции означаемого и превращается в самодостаточный образ. Он становится знаком, который ничего не означает, либо за этим знаком появляется новое содержание, опосредованно связанное с традиционным бытованием данной семантической единицы. Храм на интернет-порталах пермской епархии во многом есть символ не только веры но и организации, закрепляющейся в интернет-пространстве через свое наиболее очевидное материализованное воплощение.

Семантическое и функциональное наполнение

Приступая к анализу интернет-ресурсов РПЦ, мы должны сосредоточить внимание на общем тематическом наборе, который характеризует сферу интересов, задаваемых модераторами сайтов и сообществ. Предлагаемые темы для сообщений и обсуждения можно поделить на три условные группы: сосредоточенные на собственно религиозных вопросах; посвященные общим этическим либо бытовым проблемам; имеющие в качестве объекта вопросы экономики либо управления. В первой группе доминирует проблематика, связанная с внешней ритуальной стороной православия. Это церковный календарь, отношение официального православия к язычеству, в частности к масленице, храмы и местные церковные иерархи. Последние две сферы явно доминируют в системе сайтов и групп социальных сетей. За счет названной тематики пермское православие актуализирует свою изначально заданную функцию: автоматически переносит проповеди в сеть. При этом сетевое миссионерство почти целиком замыкается на семантическом уровне, исключая содержательную составляющую, как на сайтах, так и в социальных сетях почти нет об-

суждения вопросов вероучения, религиозной мифологии. Исключение составляет разве что нарратив обрядов и праздников. Приняв в данном случае методологию, предложенную Х. Кэмпбелл, можно констатировать актуализацию первых двух из четырех уровней авторитетов православной церкви, выведенных в сетевое пространство. Налицо присутствие религиозной иерархии и религиозной формальной структуры, в то время как идеологический слой религии и религиозные тексты большей частью отсутствуют [11].

Тематика общеэтического и бытового характера в Интернете наименее выражена. В данном блоке крайне сложно выявить определяющий сегмент. В равной степени представлены своеобразные странички знакомств (тема «Найти невесту среди православных христианок» в группе «Православный паломнический центр “Пермь Великая”», тема «Вторая половинка. Поиск» в группе «Православные певчие Пермь»). К этому же блоку можно отнести нарратив благотворительности, представленный в новостях, объявлениях, темах для обсуждения в группах «ВКонтакте» («Священник воспитал 160 детей, брошенных родителями», «Благотворительный баскетбольный матч»). На странице Отдела церковной благотворительности официального портала епархии из четырех разделов лишь один остается актуальным на начало 2014 г. Это раздел, посвященный поиску пропавших без вести пермяков. В остальных разделах содержится информация о благотворительных проектах, завершенных в 2012–13 гг. Интересным вариантом благотворительного нарратива современной РПЦ служит раздел «Сотвори милостыню» портала www.zarst.ru. В сферу благотворительности в данном случае входят исключительно объекты церковной инфраструктуры: верующих призывают оплачивать строительство храмов, детской воскресной школы, приобретение различных культовых предметов. Благотворительность в этих случаях выполняет функцию финансовой помощи в отношении внутренних интересов РПЦ.

Самопрезентация РПЦ в качестве хозяйствующего субъекта и собственника происходит также при соприкосновении с нарративом благотворительности. Пермская епархия предстает в роли просителя, инициатора пожертвований на храмовое строительство, на развитие собственных интернет-ресурсов («Поддержите Пермский портал для православных “@ХРАМ59.ru”»). Первая среди страниц портала www.zarst.ru, «Наш храм на Нагорном», представляет собой мобилизующий ресурс, сформированный с целью привлечения средств для воссоздания инфраструктуры недвижимости РПЦ.

Глубинный характер позиционирования себя пермской епархией приоткрывается в большей мере, нежели через структуру информационных ресурсов, благодаря выявлению междискурсивных связей, в которые вовлекается интернет-платформа РПЦ. На ос-

новании анализа данной проблематики становится очевидным контекст, в который погружает себя периферийный сегмент русской церкви. Однако на внешнем уровне данного аспекта проявляется замкнутость изучаемого нами контекста внутри самого себя. Ни одна страница сайтов, подавляющее число групп в социальных сетях не содержат ни одной ссылки на внешние ресурсы. Исключение составляет группа «Православная молодежь Прикамья» в Facebook. Данный ресурс имеет ярко выраженную социальную окраску. В качестве дружественных групп заявлены «Фильм “Блеф, или с новым годом!” в каждое сердце» (о проблеме сиротства), «Фотограф Валерия Иванова», «Берегиня — мы помогаем детям с тяжелыми заболеваниями», «Воины жизни — международное движение против абортов». Таким образом, отчетливо отражена в международной социальной сети общегуманитарная составляющая позиционирования православия, что сближает восточное христианство с его западными аналогами. Лишь в обозначенном сегменте дискурса можно в некоторой степени обнаружить наличие медиаконвергенции, в рамках которой социальные сети трансформируются с интернет-СМИ [8].

Прочие фиксируемые нами связи выстраиваются исключительно путем коннотации, через тематические аллюзии. Здесь список «родственных» тематических блоков также неширок: светские праздники, власть, казачество, школа. В ряде случаев смежные дискурсы, попадая в поле внимания православных информационных ресурсов, обретают религиозное «звучание», иногда же погружаются в зону епархиальных интересов, без дополнительной адаптации. Ообенно это касается новостей, связанных с властными институтами и казачеством. Даже абстрагируясь от реальной ситуации в российском обществе, можно заметить, что мы имеем дело с активной социальной конвергенцией, субъектами которой являются все ее участники — институты, близкие к власти, сближаются, образуя конгломерат, основой которого является то, что мы могли бы вслед за С. Кордонским описать термином «служилого сословия» [6]. Православная церковь имеет преимущество по сравнению с другими привилегированными сословиями в том аспекте, что не нуждается в симуляции информативной функции на базе своих массмедиа, ограничиваясь воспроизведением нравственно-воспитательного дискурса. Именно этим, по мнению С. Раджагопалана, традиционно занимаются российские элиты [15]. Правда, здесь также необходима оговорка, связанная с тем, что в рамках своего виртуального пространства РПЦ пытается копировать реальные отношения, пренебрегая возможностями цифрового мира, — новости из смежных сфер, в том числе властной, помещаются на епархиальных сайтах в качестве внутренних материалов, ссылки же на «дружественные» сайты отсутствуют.

Обозначенная выше воспитательная функция тесно перемежается с патерналистскими устремлениями РПЦ. Показательным примером является новость о встрече патриарха Кирилла с главнокомандующим войск МВД РФ на портале www.zarst.ru. Материал содержит большей частью военно-патриотический контент, который при вступлении в реакцию с православным дискурсом обретает патерналистские формы. «У нас нет брошенных, — подчеркнул главнокомандующий. — Детей устраиваем учиться, женам материально помогаем. Так мы делаем по всем регионам, так будем и впредь делать всем миром» (<http://www.zarst.ru/e/3241610-vstrecha-svyateyshego-patriarha-kirilla-s-glav>). Рядом с упомянутым материалом размещена новость о молебне по случаю присоединения Крыма. Гражданская власть, армия, правоохранительные органы, казачество явно доминируют в общем тренде пермского интернет-православия по сравнению с собственно религиозным нарративом, вероучением, обрядовостью, благотворительностью.

Помимо утверждения сословности российского социума присутствие этих светских институтов в виртуальной зоне пермского православия, очевидно, указывает на необходимость усиления легитимности собственно религиозной сферы, а также на стремление церкви к обретению союзников. Устойчивое присутствие в ряду «дочерних» тем школы, напротив, связано с интенциями по присвоению данного института и включению его в сферу консервативного дискурса. Что касается повышенного внимания к концепту праздника, то очевидная функциональность данного мини-дискурса (информирование о позиции церкви по поводу отмечаемого того или иного праздника) *de facto* отходит на второй план по сравнению с расширением влияния РПЦ через ассимиляцию повседневности, несмотря на то, что внешне разработчики интернет-ресурсов уделяют праздникам повышенное внимание. Обретая православную религиозность в виде институционального ядра, совокупность обозначенных институтов берет на себя формирование национальной идентичности, что представляет собой одну из ведущих функций массмедиа [9]. При этом декларативные указания на национальную идентичность в изучаемом гипертексте отсутствуют. На сайтах и в православном сегменте социальных сетей не обнаружено указаний на Россию или русский народ. Допустимо признание того факта, что сам православный дискурс *argiōi* являет собой воплощение проекта выстраивания русской национальной идентичности. Данная позиция выражена в обилии текстов, суть которых, на наш взгляд, удачно суммирует Д. Драгунский, полагающий, что и само православие всегда при этом оставалось недостижимой целью: «Идеальное русское православие так и останется недостижимой целью проектантов» [5].

Несмотря на присутствие вполне определимой функциональности, православные интернет-ресурсы нацелены на замкнутость внутри самих себя. Отсут-

ствие ссылок, предельно устойчивая и однообразная структура выявляют в исследуемых медиа содержательную доминанту, стремящуюся к самовоспроизводимому ритуалу. Подобные ресурсы теряют свою информационную составляющую, особенно в свете принципа, утверждающего, что «информация — это не столько знание, сколько коммуникация» [1]. Коммуникативная слабость подкрепляется низким коэффициентом активности посетителей групп сайта «ВКонтакте». В большинстве тем для обсуждения присутствует от одного до восьми человек. Центральная группа сети «ВКонтакте» «Православная Пермь» содержит тему для обсуждения с рекордным числом сообщений [3]. Это группа «Святые и святыни пермской епархии». Все без исключения сообщения посвящены проблеме доступа к тем или иным чудотворным иконам и не имеют выхода ни на социальную роль религии, ни на глубинный уровень вероучения. По мнению Н. Митрохина, определенная индифферентность РПЦ в отношении мнения верующих объясняется социальным составом общины, основу которой составляют пожилые женщины из низших социальных слоев, в то время как обладающие высоким социальным статусом сторонники церкви «не желают вникать в мелкие подробности ее реального состояния» [7].

Называющий себя воцерковленным верующим респондент по имени Петр (34 года, преподаватель университета) отмечает: «Я заходил туда лишь тогда, когда меня приглашали в группы студенты, из вежливости, ну и отчасти из любопытства в поисках живой богословской жизни... Для того чтобы что-нибудь интересное почитать, я пойду скорее на столичные сайты. Они и интереснее, и больше. Те умные люди, которые меня интересуют, заведомо пишут для столичных сайтов, не для местных». Респондент Алла (46 лет, специалист по рекламе) в более завуалированной, дипломатичной форме выражает ту же мысль о недостатке информации на местных ресурсах: «Для меня также очень важно пополнять свои знания, местные ресурсы, если и не всегда дают исчерпывающую информацию по какому-либо из вопросов, то дают толчок для поиска таковой».

Обсуждения в группах социальных сетей также направлены на воспроизводство ритуала, так как дискуссионный аспект в данных разделах отсутствует. Дискуссии пресекаются администраторами групп через запрет на пропаганду «сектантских» вероучений. Таким образом, рушится еще одна из устойчивых особенностей сетевого общения — ненормативность, атипичность [3]. Исчезает публичность как наиболее важная сущностная составляющая природы Интернета [2]. По мнению же О. Горошко и Е. Жигалиной, иллюзия обратной связи с коммуникатором представляет собой один из главных источников влияния на пользователей сети [4]. Пермская епархия откровенно пренебрегает этой возможностью. Часть разделов сайтов, направленных на обратную связь, вре-

менно закрыты. Так, на протяжении последнего года закрыта тема «Вопрос священнику» в группе «Православная Пермь», хотя именно эта страница содержит ряд обращений, связанных с глубинными основаниями православного служения и вероучения (вопросы о функциях митрополита, о венчании, о возможности воскресения для атеистов).

Налицо авторитарный характер коммуникации, в структуре которой исчезает обратная связь от реципиента к коммуникатору. С одной стороны, на декларативном уровне РПЦ заявляет о необходимости использовать современные технологии, усиливать миссионерскую работу в сетевом пространстве. С другой стороны, подобные устремления сталкиваются с тем, что *de facto* региональные епархии (что мы увидели на пермском примере) формируют ситуацию сетевой самоизоляции и «виртуального застоя». Ключевая причина этого видится нам в том, что сословный характер идентичности РПЦ по цепной реакции предопределяет отказ церкви от приобретения паствы. «Битва за людские сердца» чревата разрушением этой самодостаточной системы.

Подобным образом коннотативный смысл виртуальных ресурсов РПЦ отражает концептуальная структура информационных блоков. Ядро концептосферы составляют понятия, непосредственно связанные с вероучением, религиозной практикой и православной символикой: *православие, иерархия, святость, календарь, храм, епархия, священство*. Названные лексемы имеют прямое отношение исключительно к внутренней организации церкви и к деятельности епархии по распространению и расширению самой себя. Три из обозначенных концептов (иерархия, священство и епархия) связывают православную риторику с властным дискурсом, который способствует выстраиванию вертикальных отношений в религиозной сфере. Налицо связь с реальными практиками РПЦ. Концептосфера периферийной епархии переносится в виртуальную сферу, являя собой пример того, что М. Горхэм обозначил в качестве концепции развития Интернета на основе патерналистских установок [13], в жесткой привязке к реальным практикам вертикальных отношений между властью и обществом.

Помимо этого, обозначенные концепты возвращают нас к концепции четырех уровней авторитета конфессии, выражаемых в сети, из которых мы видим только первые два. Концептосфера пермского сетевого православия не выходит за рамки религиозной иерархии и религиозной структуры. Картина мира (концепт являет собой сконцентрированную в лексеме элемент картины мира) интернет-православия в его пермском варианте исключает ссылки не только на библейский нарратив, но и на доктринальный аспект религии, подкрепляемый Священным преданием. Респондент Алла со стороны верующих, которые обращаются к цифровым информационным технологиям, говорит в этом аспекте о невыраженности

местного православия: *«Мне кажется, должна быть внятная качественная концептуальная основа ресурса, сочетающая в себе и традиционализм, и современные способы подачи. Нужно понять, и прежде всего людям, которые находятся по ту сторону экрана (я имею в виду редакторов, копирайтеров, дизайнеров), какое лицо у этого ресурса, какие качества его определяют, какой у него голос и т.д. Это важно. Для того, чтобы быть понятным, нужно быть проявленным».*

Продолжением вербальных способов позиционирования становится визуальный инструментарий, зафиксированный в общем дизайне страниц, а также в содержательном наполнении фото- и видеоматериалов. Совершенно очевиден тот факт, что доминирующим визуальным символом РПЦ, своеобразной концентрацией изучаемого контента является образ храма. Подавляющее большинство сайтов и групп содержат фотоальбомы с изображением храмов региона, часть которых, на наш взгляд, не обладают ни исторической, ни архитектурной ценностью.

Заключение

Анализ региональных интернет-ресурсов православной церкви приводит нас к противоречивым результатам, причиной чего, главным образом, является их определенная дисфункциональность. На место функции приходит ритуал, который проявляется в преобладании предсказуемой визуальной информации над семантически наполненной вербальной. На сайтах, опекаемых пермской епархией, и в социальных сетях нет ссылок на православное вероучение, или на библейский нарратив. Большое внимание уделяется утверждению иерархии и религиозной структуры. То есть церковь (или, по крайней мере, ее периферийный вариант) транслирует в виртуальное пространство собственные социальные установки, отказываясь от модернизации за счет проникновения в сеть.

Координаторы ресурсов, по возможности, устраняют присутствие обратной связи. За счет минимального числа внешних ссылок нивелируются междискурсивные контакты. Таким образом, из описываемых ресурсов устраняется категория коммуникации, что, в свою очередь, делает их цифровым слепком с традиционных религиозных российских СМИ, являющихся вариантом корпоративной прессы. Определяющей функцией последней является презентация института (корпорации) и его внутреннее закрепление.

Семантически наполненная внешняя функция проявляется в обращении к теме благотворительности, социальной помощи, а также в попытке разрешения общеэтических и бытовых проблем. Данный мини-дискурс растворяется в описанной выше дисфункциональности и в конечном счете подчиняется ей. Респонденты подтверждают данный вывод своей слабой вовлеченностью в социальные проекты пермской епархии, инициируемые через сеть..

Подобное сочетание авторитарного типа коммуникации и апатии со стороны потенциальных пользователей позволяет нам говорить о слабой вовлеченности виртуальных ресурсов в функциональное поле православия регионального уровня. Данный фактор обуславливается как не востребованностью подобного типа коммуникации, а возможно, и особой консервативностью со стороны епархии, так и неготовностью верующих вступать в новые формы взаимодействия.

Список литературы

1. Бизюкова М.С. Проблема киберсоциализации личности в коммуникативной реальности социальных сетей // Вопросы культурологии. 2013. № 9. С. 45–48.
2. Болъц Н. Азбука медиа. М.: Европа, 2011. 136 с.
3. Брезгина О.В. Лингвистическая культурологическая специфика Интернет-коммуникации как средство формирования языковой личности // Вопросы культурологии. 2013. № 5. С. 17–20.
4. Горошко О., Жигалина Е. Политические коммуникации в блогосфере Рунета // Digital Icons. 2009. № 1. С. 81–100. URL: http://www.digitalicons.org/issue01/goroshko_and_zgigalina.php?lng=Russian6 (дата обращения: 21.10.2015).
5. Драгунский Д.В. Особенности национального проектирования // Русский журнал. 1998. № 1. URL: http://www.russ.ru/journal/odna_8/98-01-09/dragun.htm (дата обращения: 21.10.2015).
6. Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2008. 216 с.
7. Митрохин Н. Церковь после кризиса // Неприкосновенный запас. 2006. № 6(50). С. 250–270.
8. Панченко Е. Интеграция Интернет-СМИ в социальных сетях в Рунете: Новая публичная сфера или пространство контроля? // Digital Icons. 2011. № 5. С. 87–118. URL: <http://www.digitalicons.org/issue05/ru/egor-panchenko/> (дата обращения: 18.10.2015).
9. Хренов Н.А. Медиа в начале второго десятилетия XXI века: от ренессанса к кризису // Вопросы культурологии. 2013. № 12. С. 34–41.
10. Campbell H. Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds. N.Y.: Routledge, 2013. 288 p.
11. Campbell H. Who's Got The Power? The Question of Religious Authority and The Internet // The Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 12, iss. 3. P. 1043–1062. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00362.x
12. Cheong P., Ficser-Nielson P., Gelfgren S. Digital Religion, Social Media and Culture: Perspectives, Practice and Futures. N.Y.: Peter Lang International, 2012. 326 p.
13. Gorham M. Virtual Rusophonia: Language Policy as «Soft Power» in the New Media Age // Digital Icons. 2011. № 5. P. 23–48. URL: <http://www.digitalicons.org/issue05/ru/michael-gorham/> (accessed: 11.10.2015).
14. Helland Ch. Online Religion as Lived Religion. Methodological Issues in the Study of Religious Participation on the Internet // Online – Heidelberg Journal of Religious on the Internet. 2005. Vol. 01.1: Special Issue on Theory and Methodology. URL: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/1/Helland3a.pdf> (accessed: 11.10.2015).
15. Rajagopalan S. Is There Room for the Fan? // Digital Icons. 2013. № 10. P. 1–16. URL: <http://www.digitalicons.org/issue10/sudharajagopalan/> (accessed: 16.10.2015).

Получено 19.02.2016

References

1. Bizyukova M.S. [The problem of cybersocialization of personality in communicative reality of social nets]. *Voprosy kulturologii* [Issues of culturology]. 2013, no. 9, pp. 45–48. (In Russian).
2. Bolz N. *Azbuka media* [Alphabet of the media]. Moscow, Evropa Publ., 2011, 136 p. (In Russian).
3. Brezgina O.V. [Linguistic culturology specify of Internet-Communication as instrument of forming of language personality]. *Voprosy kulturologii* [Issues of culturology]. 2013, no. 5, pp. 17–20. (In Russian).
4. Goroshko O., Zhigalina E. *Politicheskije komunikacii v blogosfere Runeta* [Political communications in the blogsphere of Runet]. [Digital Icons]. 2009, no. 1, pp. 81–100. Available at: http://www.digitalicons.org/issue01/goroshko_and_zgigalina.php?lng=Russian6 (accessed 21.10.2015). (In Russian).
5. Dragunskiy D.V. [Peculiarities of national design]. *Russkiy zhurnal* [Russian journal]. 1998, no. 1. Available at: http://www.russ.ru/journal/odna_8/98-01-09/dragun.htm (accessed 21.10.2015). (In Russian).
6. Kordonskiy S. *Soslovnaja struktura postsovetskoy Rossii* {The bar structure of postsoviet Russia}. Moscow, Institut fonda «Obshestvennoje mnenije» Publ., 2008, 216 p. (In Russian).
7. Mitrohin N. [The Church after crisis]. *Neprikosnovenniy zapas* [Reserve stock]. 2006, no. 6(50), pp. 250–270. (In Russian).
8. Panchenko E. *Integracija Internet-SMI v socialnyh setjah v runete: novaja publichnaya sfera ili prostanstvo kontrolya?* [Integration of Internet-media in the social nets in the Runet: new public sfera or space of control]. [Digital Icons]. 2011, no. 5, pp. 87–118. Available at: <http://www.digitalicons.org/issue05/ru/egor-panchenko/> (accessed 18.10.2015) (In Russian).
9. Hrenov N.A. [Media in the beginning of the second decade of XXI century: from renaissance to crisis]. *Voprosy kulturologii* [Issues of culturology]. 2013. no. 12, pp. 34–41. (In Russian).

10. Campbell H. *Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds*. New York: Routledge, 2013. 288 p. (In English).
 11. Campbell H. Who's Got The Power? The Question of Religious Authority and The Internet. *The Journal of Computer-Mediated Communication*. 2007, vol. 12, iss. 3, pp. 1043–1062. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00362.x. (In English).
 12. Cheong P., Ficser-Nielson P., Gelfgren S. *Digital Religion, Social Media and Culture: Perspectives, Practice and Futures*. New York: Peter Lang International, 2012, 326 p. (In English).
 13. Gorham M. Virtual Rusophonia: Language Policy as «Soft Power» in the New Media Age. *Digital Icons*. 2011, no 5, pp. 23–48. URL: <http://www.digitalicons.org/issue05/ru/michael-gorham/> (accessed: 11.10.2015). (In English).
 14. Helland Ch. Online Religion as Lived Religion. Methodological Issues in the Study of Religious Participation on the Internet. *Online – Heidelberg Journal of Religious on the Internet*. 2005, vol. 01.1: Special Issue on Theory and Methodology. URL: <http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/volltextserver/5823/1/Helland3a.pdf> (accessed: 11.10.2015). (In English).
 15. Rajagopalan S. Is There Room for the Fan? *Digital Icons*. 2013, no. 10, pp. 1–16. URL: <http://www.digitalicons.org/issue10/sudha-rajagopalan/> (accessed: 16.10.2015). (In English).
- The date of the manuscript receipt 19.02.2016*

Об авторах

Дюкин Сергей Габдульсаматович

кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры культурологии и философии

Пермский государственный институт культуры,
614000, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18;
e-mail: dudas75@mail.ru

Самойлова Ирина Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: samilova.i@mail.ru

About the authors

Dyukin Sergey Gabdulsamatovich

Ph.D. in Philosophy, Docent, Associate Professor
of the Department of Culturology and Philosophy

Perm State Institute of Culture,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: dudas75@mail.ru

Samoilova Irina Valer'evna

Ph.D. in Philology, Associate Professor
of the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: samilova.i@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дюкин С.Г., Самойлова И.В. Православные виртуальные ресурсы в борьбе за веру (на материале города Перми) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 172–179. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-172-179

Please cite this article in English as:

Dyukin S.G., Samoilova I.V. Virtual resources of Orthodox Church in the process of struggle for belief (on the Perm city materials) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 172–179. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-172-179

УДК 316.64.–53.6:351.751

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-3-180-187

СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ И НАРКОТИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)*

Нахимова Яна Николаевна, Ромашкина Гульнара Фатыховна

Тюменский государственный университет

В статье рассмотрены социальные установки молодежи, способные оказать влияние на практики наркотизма. Проанализирована динамика наркопотребления в России, зафиксированы факторы наркотизации в молодежной среде. Материалы, обсуждаемые в данной работе, основаны на данных социологических количественных исследований, которые дополняют друг друга. Объем выборки в 2010 г. составил 927 человек, в 2011 г. — 1025, в 2013 г. — 759 (первое исследование). Дополнительное авторское исследование, проведенное в 2015 г., включало опрос 350 жителей города Тюмени в возрасте старше 18 лет (второе исследование). Показано, что использование наркотиков в молодежной среде в ряде случаев трансформируется из любопытства, желания включиться в определенную среду в самодовлеющую ценность, легитимацию наркопотребления, что само по себе представляет серьезную социальную проблему. Выделены «наркотизированная» (имеющая опыт употребления наркотиков) и «денаркотизированная» (не имеющая опыт употребления наркотиков) группы молодежи. Показаны особенности социальных установок данных молодежных групп. Выявлено, что к основным факторам риска роста наркопотребления следует отнести социальные риски молодежи, ее социальное окружение, избирательное отношение к видам наркотических веществ, легитимация наркопотребления в своей среде. Показано, что в настоящее время в России нет четкого антинаркотического барьера, выстроенного обществом на пути противодействия наркотизму в молодежной среде.

Ключевые слова: наркотизм, молодежь, риск, ценности, социальные установки, факторы.

SOCIAL ATTITUDES AND NARCOTIZM AMONG YOUNG PEOPLE (ON THE EXAMPLE OF TYUMEN REGION)

Yana N. Nakhimova, Gulnara F. Romashkina

Tyumen State University

The paper describes the attitudes of young people that can have an impact on the practice of narcotizm. In the article the dynamics of drug use in Russia are analyzed, narcotization factors among youth is recorded. Materials that are discussed in this article are based on the sociological quantitative research, which complement each other. The sample size in 2010 was 927 people in 2011 — 1025, in 2013 — 759 persons (first study). Additional study carried out in 2015, included a survey of 350 of the city of Tyumen residents over the age of 18 years (second study). The use of drugs among young people in some cases transformed from curiosity, inclusion in the social environment in a self-sufficient value, legitimize drug use, which in itself constitutes a serious social problem. The dynamics of drug use in Russia analyzed, and factors of drug use in youth recorded. Youth distinguished as a «narcotization» (with experience of drug use) and «denarcotization» (which has no history of drug use) groups. Features of social attitudes of youth groups are shown. The main factors of the growth of drug use include social risks youth, social environment, selective attitude to the types of drugs, the legitimation of drug use in their own environment. Currently, there is no clear anti-drug barrier in Russia, built a society on the way counter-narcotizm among young people.

Keywords: narcotizm, youth, risk, values, attitudes, factors.

Введение

История экспериментирования человечества с наркотическими веществами насчитывает более семи ты-

* Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 16-03-00500 (Тюменский государственный университет).

сячелетий [2]. При этом наркотизм как социальная проблема не всегда имел негативную коннотацию. Наркотизм в традиционном обществе был социально или религиозно обусловлен, в современ-

ном обществе наркотизм сопряжен с различными социальными установками. Наркопотребление в ряде случаев трансформируется от развлечения, средства общения, включения в определенную среду в самодовлеющую ценность, которая становится серьезной социальной проблемой.

По данным «Всемирного доклада о наркотиках 2015», опубликованного Управлением Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности, в 2013 г. запрещенные наркотики пробовали примерно 246 млн. человек, или каждый 20-й житель планеты в возрасте от 15 до 64 лет. С учетом роста численности населения средний уровень наркопотребления в мире остается неизменным [3].

В России на протяжении последних 5 лет уровень впервые зарегистрированных наркопотребителей вырос на 25 %, социальная опасность проблемы усиливается. В первую очередь это происходит из-за переориентации наркотизма на иные виды наркопотреб-

ления, вред от которых слабо отрефлексирован обществом, а в некоторых социальных слоях практически не идентифицируется. По данным наркологической службы РФ только за 2014 год опиоидная наркома-ния уменьшилась на 7,7 %, но каннабиноидная увеличилась на 7,2 %, уровень заболеваний от психостимуляторов — на 46,7%, от других наркотиков и полинаркомании — на 23,4 % [5, с. 17]. Рассматриваемый нами регион — Тюменская область (без автономных округов, или юг) так же, как и Ямало-Ненецкий АО, следует отнести к регионам с повышенной наркотической опасностью. Минздравом РФ в 2014 г. был зарегистрирован рост численности наркопотребителей с вредными последствиями в Тюменской области (юг) на 45 % (см. рис. 1). В данной работе рассматриваются социальные установки наркотизма в молодежной среде на примере конкретного региона — Тюменской области.

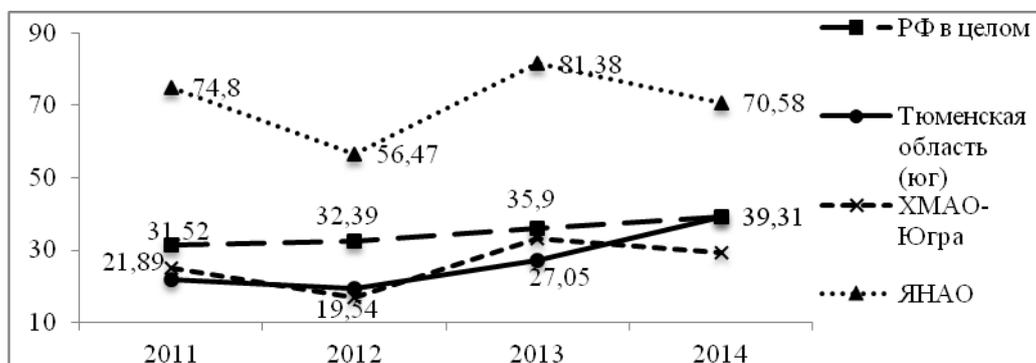

Рис. 1. Динамика количества лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями, которые впервые зарегистрированы наркологическими учреждениями, на 100 тыс. населения

Методологические основы

В целях повышения эффективности антинаркотических практик как на региональном, так и на всероссийском уровне мы поставили задачу — выявить факторы риска наркотизма. Мы согласны с Н.Е. Зинбергом, что при изучении наркотизма как социального процесса следует включать 3 фактора: наркотик, социальная установка и социальное окружение [4]. Кроме того, нами приняты на вооружение концептуальные наработки У. Томаса и Ф. Знанецкого, выявивших, что наркотический опыт влияет на отношение к социальным ценностям и нормам [8]. В этом контексте социальные установки — готовность индивида, обусловленная его ценностными ориентациями, действовать определенным образом в конкретных ситуациях, — работают и как элемент психологической структуры личности, и как элемент социальной структуры. Для целей нашей работы также важна зависимость социальных устано-

вок от прошлого опыта индивидуумов, регулятивная роль социальных установок в поведении, зафиксированная в работах Г. Олпорта [6].

М. Смит предложил рассматривать социальные установки в разрезе 3 компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого. Когнитивный компонент включает в себя суждение, мнение об объекте, эмоциональный — чувства относительно социального объекта, а поведенческий — готовность к реализации действия относительно социального объекта. Социальные установки реализуются в осознании, оценке и готовности к действию [1, с. 348–362]. Но поведение детерминируется еще внешними социальными факторами. М. Фишбайн считал, что в формировании намерений поведения социальные установки выполняют одну из функций наряду с нормами социума и стремлением индивида учитывать эти нормы [7].

Данные, на которых основана наша статья, получены в рамках мониторинга, проведенного в 2010–

2013 гг. в Тюменской области (1-е исследование). В опросе 2010 г. приняло участие 927 человек в возрасте 18–30 лет, в 2011 г. — 1025, в 2013 г. — 759, что позволило оценить уровень осознания опасности наркопотребления. Исследование 2015 г. включило опрос 350 жителей г. Тюмени старше 18 лет (2-е исследование), его результаты дали представление об уровне и характере наркотизации молодежи, социальных установках по отношению к наркопотреблению.

Были рассмотрены следующие вопросы.

1. Какие проблемы Вы считаете наиболее острыми (актуальными) для современной молодежи? 2. Оцените значимость той или иной ценности в Вашей жизни. 3. Оцените вероятность формирования зависимости от регулярного потребления того или иного наркотика. 4. Кто-нибудь из Вашего постоянного окружения употреблял наркотики? 5. Пробовали ли Вы наркотики? 6. Какие наркотики Вы пробовали?

Предполагается, что социальная установка зависит от прошлого опыта молодого человека (пробовал

он наркотики или нет) и играет важную роль в регуляции поведения. В ходе анализа были выделены 2 группы: 1) наркотизированная группа молодежи — 49 % выборочной совокупности молодежи, которая хотя бы раз пробовала какие-либо наркотики; 2) денаркотизированная группа молодежи — 51 % молодежи, которая не пробовала наркотики.

Результаты исследований

Результаты мониторинга 2010–2013 гг. показывают, что в сознании большинства молодых людей сформировано устойчивое представление о наркомании как серьезной угрозе, которая оказывалась каждый год в пятерке самых острых проблем (см. рис. 2). Весь период (2010–2013 гг.) эта проблема занимала 4-е место в рейтинге. Если рассматривать шкалу оценок, где 0 есть наименьшее значение, 5 — наибольшее, то в 2013 г. проблема наркомании оказалась со средним баллом 3,87.

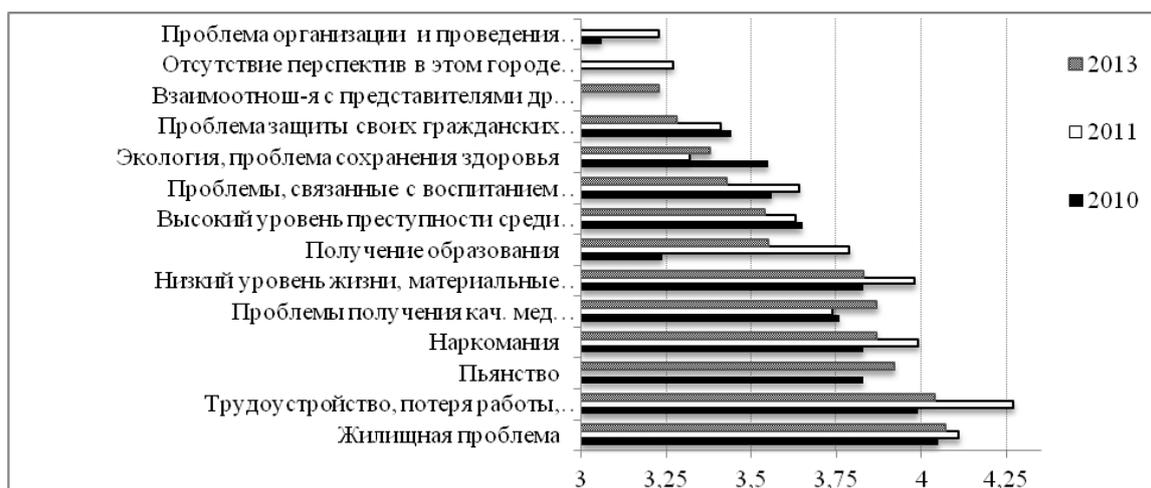

Рис. 2. «Какие проблемы Вы считаете наиболее острыми (актуальными) для современной молодежи?», 2010–2013 гг., шкала оценок, баллы

Кто включен в процесс наркопотребления? Социологический портрет наркотизированной группы в возрасте от 18 до 30 лет был сформирован по итогам исследования. В наркотизированной группе 55 % мужчин и 45 % женщин; из них 82 % работали на момент опроса; 55 % имеют высшее образование, 31 % учатся в университете, 6 % имеют образование среднее или ниже, 7 % — среднее специальное/профессиональное образование. Оценили свой уровень дохода как средний — 63 %, ниже среднего — 23 %, выше среднего — 13 %. Тогда как в контрольной (ненаркотизированной группе) было 22 % мужчин и 78 % женщин; из них 61 % работали на момент опроса, 45 % имеют высшее образование, 49 % учатся в университете, 5 % имеют среднее специальное/профессиональное образование. Оценили

свой уровень дохода как средний — 67 %, ниже среднего — 25 %, выше среднего — 9 %.

Как видим, наркотизация не зависит от гендерного, социального или материального статуса, а провоцируется совершенно иными факторами риска.

Согласно нашим данным (2-е исследование), у групп молодежи, различающихся по наличию наркотического опыта, различны и оценки рисков наркотизма. Так, наркотизированная группа склонна недооценивать риски, связанные с использованием наркотических веществ — лишь 57 % осознает возможность негативных последствий (против 87 % в контрольной группе). Только 45 % понимают (против 79 % в контрольной группе), что употреблять наркотики значит нарушать общественную норму.

Мотивы, влияющие на готовность принять тот или иной вид наркотика, связаны с прошлым опытом молодых людей и осознанием опасности от наркопотребления. Вследствие низкого порога осознания опасности наиболее приемлемым видом наркотика для молодежи считается каннабис, наименее приемлемым — опиаты и кокаин (2-е исследование, см.

рис. 3). Доля молодежи, разделяющая данную точку зрения, возрастает в зависимости от наличия наркотического опыта. Участники фокус-групп также отнесли каннабис и галлюциногены к разряду наркотиков, от которых вред человеку минимален.

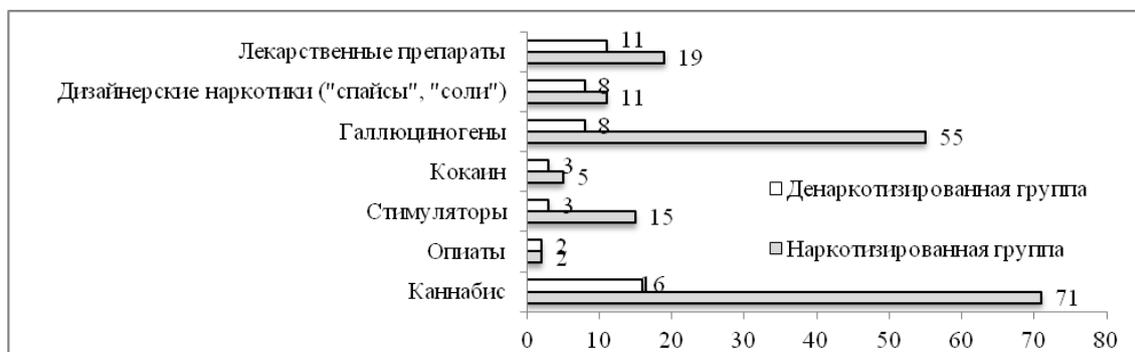

Рис. 3. Оценки групп молодежи с низким порогом наркоопасности, % от соответствующей подвыборки

Несмотря на то что 48 % наркотизированной группы пробовали «спайсы» и «соли», большинство из них осознают опасность формирования наркомании от использования этих веществ.

Рассмотрим ценностные ориентации молодежи в связи с наличием опыта наркопотребления (см.

рис. 4). Часто в обществе полагают, что основным фактором, препятствующим наркотизации, является чувство ответственности за здоровье и наличие позитивных ценностей (любовь, семья, работа и т.д.), которые формируют модель поведения с отрицательной установкой на наркотики.

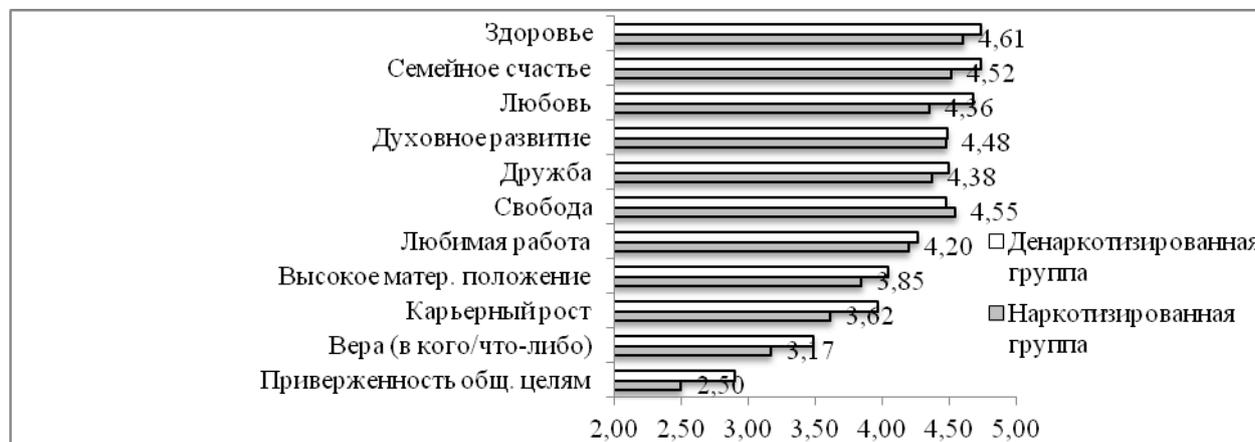

Рис. 4. Поддержка ценностей среди молодежи (среднее значение)

Рейтинг ценностных ориентаций построен на основе оценки молодежью предложенного перечня: каждой ценности присваивался ранг значимости от 1 (ценность совершенно не значима) до 5 (ценность максимально значима). Итоговый показатель важности ценностей рассчитывался как среднее значение по выборке.

На первый взгляд эти результаты противоречат общепринятой точке зрения. Обе группы одинаково высоко оценивают здоровье, семейное счастье, лю-

бовь, духовное развитие, дружбу, любимую работу и свободу — средний балл выше 4,00. Однако в ценностной иерархии наркотизированной группы поднимается ценность свободы и снижается ценность приверженности социальным целям. Можно предположить, что отчасти факторами риска развития наркотизации в молодежной среде можно считать приоритет свободы и отстранение от социальных норм, но эти факторы не играют критически значимую роль.

Гораздо более значимо влияние социального окружения индивида: если в ближайшем кругу относятся терпимо или одобряют употребление наркотиков, то велика вероятность формирования положительной установки на экспериментирование с нар-

котиками у молодого человека (см. рис. 5). Благоприятное социальное окружение — это ключевое условие, влияющее на отрицательную установку по отношению к наркотикам.

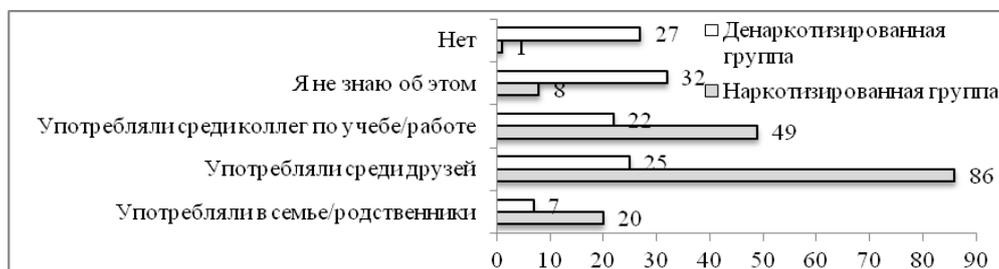

Рис. 5. Наличие наркопотребителей в социальном окружении молодежи, %

Какими еще мотивами обусловлено принятие решения об употреблении наркотиков? Ответ на этот вопрос позволяет определить компоненты социальных установок в их связи с наркотическим опытом (табл.).

В наркотизированной группе молодежи 63 % выразили положительное отношение к наркопотреблению: человек имеет право использовать наркотики (71 %); можно контролировать процесс употребления (50 %); наркотики можно разделить по их фармакологии (72 %) и степени вредоносности (59 %). Наркотизм снижает порог критичности: молодые люди считают, что использование наркотиков зависит от жизненной ситуации, настроения, любопытства и т.д.

Денаркотизированная (контрольная) группа молодежи демонстрирует высокую степень приверженности социальным нормам (потребление наркотиков противоречит социальным нормам нашего общества — 81 % против 45 % в наркотизированной группе; потребляя наркотики, многим рискуешь — 87 % против 58 % в наркотизированной группе). Однако социальная установка трети опрошенных в контрольной группе сопровождается эмоциональным конфликтом, что проявляется в оправдании опыта наркопотребления — «все зависит от ситуации и настроения», «неудовлетворенность работой может привести человека к наркотикам» и т.д.

Итак, мотивы, которые связаны с жизненными ситуациями, сопровождающимися негативными эмоциональными переживаниями, играют ключевую роль в формировании положительной социальной установки молодежи по отношению к употреблению наркотиков.

Далее мы описали факторную структуру проблематики (положительные ответы на вопрос «Пробовали ли Вы наркотики») в вербальном поле параметров (по итогам исследования 2 в скобках указано значение факторной компоненты, полученное по методу главных компонент с вращением по Барлетту). Про-

верка адекватности модели по критерию адекватности выборки Кайзера–Мейера–Олкина дала значение 0,771, что характеризует приемлемую степень адекватности факторного анализа к нашей выборке. Критерий сферичности Бартлетта (показатель многомерной нормальности для переменных) показал, что данные пригодны для проведения факторного анализа ($p < 0,05$).

Фактор 1 описывает легитимацию («нормализацию») наркопотребления в молодежной среде: «Человек имеет право потреблять наркотики» (0,795), «Можно избежать наркозависимости, контролируя процесс потребления» (0,731), «Наркотики — способ познать мир, раскрыть, реализовать себя» (0,727), «Есть наркотики, не представляющие вреда здоровью и развитию человека» (0,701), «Наркотики помогают снять напряжение, пережить неудачи» (0,699), «Общество без наркотиков существовать не может» (0,611), «Решение о потреблении наркотика зависит от его вида» (0,541). Объясняет 22 % суммарной дисперсии.

Факторы 2 и 3 включают в себя оценки социальных рисков и описывают институциональные обстоятельства («Неравенство возможностей для самореализации в России может повлечь за собой потребление наркотиков» (0,904), «Неуверенность молодежи в завтрашнем дне может повлечь за собой потребление наркотиков» (0,864), «Неудовлетворенность работой может привести человека к наркотикам» (0,680)) и условия социализации молодежи («Социальное окружение человека влияет на его отношение к наркотикам» (0,812), «Воспитание в семье играет значимую роль в отношении к наркотикам» (0,722)). Объясняют 14 % и 11 % суммарной дисперсии соответственно.

Факторы 4 и 5 включают в себя распространенность и доступность наркотиков и описывают социокультурные условия («Наркотики в России легко достать» (0,80), «Потребление наркотиков широко рас-

пространено в нашей стране» (0,722)), а также их популяризацию в обществе («Наркотики вызывают любопытство» (0,810), «Потреблять наркотики — это модно» (0,656)). Объясняют 9 % и 8 % суммарной

дисперсии. Вне рассмотрения (белый шум) осталось 35 % суммарной дисперсии, что свидетельствует о высокой степени точности.

Социальные установки молодежи на употребление наркотиков, %

Специальные установки	Наркотизированная группа	Денаркотизированная (контрольная) группа
Когнитивная компонента		
Решение о потреблении наркотика зависит от его вида	72	26
Есть наркотики, не представляющие вреда здоровью и развитию человека	59	9
Можно избежать наркозависимости, контролируя потребление	50	15
Аффективная (эмоциональная) компонента		
Решение о потреблении наркотика зависит от настроения и ситуации	62	34
Неуверенность в завтрашнем дне может повлечь за собой потребление наркотиков	54	39
Наркотики вызывают любопытство	53	25
Неудовлетворенность работой может привести человека к наркотикам	52	38
Неравенство возможностей для самореализации в России может повлечь за собой наркопотребление	51	38
Наркотики — это способ познать мир, раскрыть, реализовать себя	38	7
Наркотики помогают снять напряжение, пережить неудачи	36	10
Потреблять наркотики — модно	19	11
Поведенческая компонента		
Человек имеет право потреблять наркотики	71	26
Потребляя наркотики, многим рискуешь	58	87
Потребление наркотиков противоречит социальным нормам нашего общества	45	81

Выводы

Наши эмпирические исследования подтвердили, что благоприятное социальное окружение — это ключевое условие, влияющее на отрицательную установку по отношению к наркотикам.

Выявлена амбивалентность социальных установок молодежи в отношении наркотизма. Во-первых, наличие наркотического опыта оказывает существенное влияние на социальные установки по отношению к употреблению наркотиков и возможности нарушения общественных норм. Так, наркопыт снижает порог критичности по отношению к наркотикам и его последствиям, повышается так называемое «избирательное отношение к наркотикам», одновременно нарастает эффект легитимации в социальной среде. Во-вторых, опыт наркотизма формирует запрос на вседозволенность, прямо связан с осознанием эффек-

тов неравенства возможностей, самореализации, прав личности. В-третьих, осознание рисков наркопотребления не выступает блокирующим фактором, более того, соответствующее социальное окружение способствует тому, что некоторые виды наркотиков становятся в сознании практически «нормой», осознание негативных последствий наркопотребления диссонирует с фактом употребления. Для снижения этого диссонанса нарастает эффект самооправдания: есть возможность безопасного и разумного использования некоторых видов наркотиков; существуют жизненные обстоятельства, когда можно употребить; нами движет любопытство. С другой стороны, в среде молодежи, не имеющей наркотического опыта, также не сформирован антинаркотический барьер. Лояльное отношение молодежи к использованию наркотиков, традиционно воспринимаемому в российском обществе негативно, обусловлено социокультурными (до-

ступность, популярность наркотиков) и институциональными факторами (социальные риски).

Следует заключить, что «нормализация» наркопотребления среди современной молодежи благоприятствует расширению социальной базы наркотизма, а репрессивные меры борьбы с проблемой, давно прижившиеся в стране, лишь усиливают ее латентность и увеличивают потенциальный вред от употребления наркотиков. Все вышеизложенное актуализирует потребность, во-первых, в изменении институционализации репрессивных антинаркотических мер в сторону научно обоснованных социальных и здравоохранительных программ; во-вторых, в анализе мирового опыта и внедрении эффективных форм профилактики; в-третьих, в общих усилиях государства и общества в принятии мер, способных формировать благоприятную социальную среду, антинаркотические установки и максимизировать объем защитных факторов от наркотизации.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Изд-во МГУ, 1988. 429 с.
2. Брюн Е.А. Введение в антропологическую наркологию // Вопросы наркологии. 1993. № 1. С. 72–93.
3. Всемирный доклад о наркотиках. 2015. Резюме. URL: https://www.unodc.org/documents/wdr2015/WDR15_ExSum_R.pdf (дата обращения: 20.02.2016).
4. Зинберг Н.Е. Наркотик, установка, окружение / пер. Д. Шамшина. М.: СПИД Фонд «Восток – Запад», 2002. 216 с.
5. Основные показатели деятельности наркологической службы в Российской Федерации в 2013–2014 годах: стат. сб. М., 2015. URL: <http://www.nncn.ru/objects/nncn01/red.pdf> (дата обращения: 20.02.2016).
6. Allport G. Attitudes // Handbook of Social Psychology / ed. by C. Murchison. Worcester, MA: Clark Univ. Press, 1935. P. 798–844.
7. Fishbein M., Aizen I. The Prediction of Behavior from Attitudinal and Normative Variables // Journal of Experimental Social Psychology. 1970. Vol. 6. P. 466–487.
8. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. 2nd edition. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1927. Vol. 1. 1115 p.
3. Vsemirnyy doklad o narkotikakh. 2015. Rezyume. [World report on narcotics. 2015. Resume]. Available at: https://www.unodc.org/documents/wdr2015/WDR15_ExSum_R.pdf. (accessed 20.02.2016). (In Russian).
4. Zinberg N.E. *Narkotik, ustanovka, okruzhenie* [Drug, mindset, surrounding]. Moscow, SPID Fond «Vostok – Zapad» Publ., 2002, 216 p. (In Russian).
5. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti narkologicheskoy sluzhby v Rossiyskoy Federatsii v 2013–2014 godakh. statist. sb.* [Main index of narkological service in Russian Federation in 2013–2014. Statistical collection]. Moscow, 2015. Available at: <http://www.nncn.ru/objects/nncn01/red.pdf> (accessed 20.02.2016). (In Russian).
6. Allport G. Attitudes. *Handbook of Social Psychology* / ed. by C. Murchison. Worcester, MA: Clark Univ. Press, 1935, pp. 798–844. (In English).
7. Fishbein M., Aizen I. The Prediction of Behavior from Attitudinal and Normative Variables. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1970, vol. 6, pp. 466–487. (In English).
8. Thomas W., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. 2nd edition. New York: Alfred A. Knopf, 1927, vol. 1, 1115 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 31.03.2016

Получено 31.03.2016

References

1. Andreeva G.M. *Sotsialnaya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, Moscow University Publ., 1988, pp. 348–362. (In Russian).
2. Bryun E.A. [Introduction to anthropologic narkology]. *Voprosy narkologii* [Issues of narkology]. 1993. no. 1., pp. 72–93. (In Russian).

Об авторах

Нахимова Яна Николаевна

аспирант Финансово-экономического института

Тюменский государственный университет,
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6;
e-mail: power777_06@mail.ru

Ромашкина Гульнара Фатыховна

доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой математических методов,
информационных технологий и систем управления
в экономике

Тюменский государственный университет,
625003, Тюмень, ул. Володарского, 6;
e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru

About the authors

Nakhimova Yana Nikolaevna

Ph.D. Student of Institute of Finance and Economics

Tyumen State University,
6, Volodarskiy str., Tyumen, 625003, Russia;
e-mail: power777_06@mail.ru

Romashkina Gulnara Fatykhovna

Doctor of Sociology, Professor, Head
of the Department of Mathematical Methods, Infor-
mation Technologies and Management Systems
in Economics

Tyumen State University,
6, Volodarskiy str., Tyumen, 625003, Russia;
e-mail: g.f.romashkina@utmn.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Нахимова Я.Н., Ромашкина Г.Ф. Социальные установки и наркотизм в молодежной среде (на примере Тюменской области) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3(27). С. 180–187. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-180-187

Please cite this article in English as:

Nakhimova Ya. N., Romashkina G.F. Social attitudes and narcotizm among young people (on the example of Tyumen region) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 3(27). P. 180–187. doi: 10.17072/2078-7898/2016-3-180-187

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки. Кроме того, издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделении внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Желательно разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование; название части «Основной контент» не допускается);
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008. Библиографические ссылки оформляются с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3, 5, 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81], [1, с. 81–82] или [1, с. 81; 3, с. 35]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. **Английский вариант списка литературы может быть выполнен сотрудниками редколлегии на основании правильно оформленного русского варианта**, однако редколлегия обращается к авторам с просьбой по возможности готовить английский вариант списка литературы самостоятельно.

Источники в **русском варианте списка литературы** располагаются в алфавитном порядке (сначала все источники на русском, затем — на иностранных языках) в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет идентификатор DOI, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым базой данных SCOPUS, согласно рекомендациям эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevier.com/locate/elsevier/scopus-add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «—», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Bell D. *Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999, 956 p. (In Russian).

Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma [Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism]. Moscow, Mysl Publ., 1977, 190 p. (In Russian).

Orlov V.V., Vasileva T.S. *Philosophy of Economics* [Filosofiya ekonomiki]. Perm, Perm State University Publ., 2005, 264 p. (In Russian).

Шаблон для описания книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* [Название собрания сочинений или книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Leynbits G.V. *Monadologiya* [Monadology]. *Sochineniya, Tom 1* [Works, Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1982, 636 p. (In Russian).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniya. T. 13* [Works, Vol. 13]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1960, pp. 1–784. (In Russian).

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название статьи курсивом* [Название статьи на английском языке]. *Транслитерированное название журнала курсивом* [Название журнала на английском языке], год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. *Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh* [The Idea of a Knowledge-Based Society]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19. (In Russian).

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название выступления курсивом*. [Название выступления на английском языке]. *Транслитерированное название конференции курсивом* [Название конференции на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Pigrov K.S. *Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak npravstvennaya problema* [Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyu 70-letiyu professora SPbGU P.N. Khmyleva* [Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2008, pp. 109–116. (In Russian).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Транслитерированное название статьи курсивом [Название статьи на английском языке]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu [War in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award]. Available at: <http://free-voyna.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013). (In Russian).

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он указывается в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименования **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми);
- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, однако в ней следует избегать лишних вводных фраз (например: «Автор статьи рассматривает...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@vandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>)

Предоставление авторами сторонних рецензий не является обязательным (кроме аспирантов и соискателей), но приветствуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинговятся и отбираются к публикации в ближайшем выпуске. Планируется, что в 2016 году для авторов отобранных статей публикации будут бесплатными.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (необходимо предоставить скан-копию справки об обучении в аспирантуре, заверенную руководителем организации).

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2016 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1(25) — до 01 февраля	29 марта
в № 2(26) — до 01 мая	30 июня
в № 3(27) — до 01 августа	30 сентября
в № 4(28) — до 01 октября	27 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@vandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophical Sciences, 19.00.00 Psychological Sciences, 22.00.00 Sociological Sciences. Also the journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

We recommend to divide the text of your article into following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81], [1, p. 81–82] or [1, p. 81; 3, p. 35]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If the source included into the bibliography have the doi, the doi indication is mandatorily to be given in section «References». You should insert doi at the end of the reference and separate doi from pages of the reference by dot and void interval.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

For **sources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

For **sources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the source language

For example:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

If your article has **DOI**, you should insert it at the end of the reference.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name, place of work and position, academic degree, academic title, mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru** The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students), but is welcomed. All articles are exposed to «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issue. Editorial Board plans that selected articles will be published free.

There is no fee for the publication of manuscript for PhD students. PhD student have to provide scan-copy of reference signed by head of an organization.

Submission deadlines in 2016

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1(25) February 1	March 29
No 2(26) May 1	June 30
No 3(27) August 1	September 30
No 4(28) October 1	December 27

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2016
Выпуск 3 (27)

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 26.09.2016
Дата выхода в свет
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 22,4
Тираж 500 экз. Заказ

Спонсорскую помощь для издания научного журнала оказывают
ОАО «ROSSET» и ЗАО «Прогноз»
<http://www.rosset-kzms.ru> <http://www.prognoz.ru/company>

Адрес учредителя и издателя:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-68-23

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке